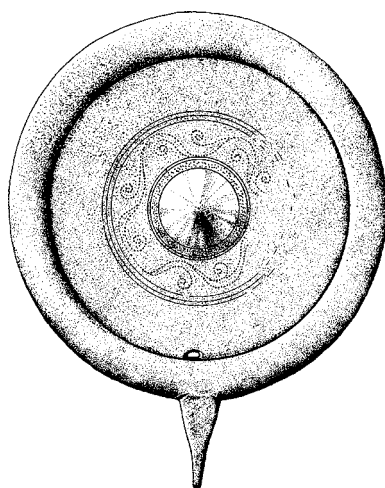

Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 16

Издательство Томского университета
Томск — Ханты-Мансийск
2018

УДК 903.2:39(P71)
ББК 634/5
X19

Рецензенты — **А.Г. Киселёв** (док. ист. наук),
Е.А. Васильев (канд. ист. наук), **М.Ф. Ершов** (канд. ист. наук)

X19 Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. **Я.А. Яковлев**. — Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2018. Вып. 16. 426 с. 300 экз.

ISBN 978-5-7511-2551-6

Шестнадцатый ежегодный сборник научных статей, издаваемый Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, как и прежде, выносит на суд заинтересованной общественности проблемы, результаты и перспективы деятельности в области выявления, изучения, сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия в указанном субъекте Федерации. В подготовке 20 публикаций приняли участие 25 авторов из 9 городов и 13 научных, научно-производственных, учебных, культурно-образовательных (музейных) и архивных организаций и учреждений России и Германии. Представлен отчёт о деятельности Госкультохраны Югры по государственной охране и государственному контролю в сфере историко-культурного наследия за 2017 г. Опубликованы научные статьи по теме сборника, сообщения с краткими результатами полевых работ 2016—2017 гг. В корпус исторических источников о г. Ханты-Мансийске вводится первый перевод на русский язык дневниковых записей Д.Г. Мессершмидта 1725 г. и малоизвестная газетная публикация 1904 г. Подборка архивных документов знакомит с методами и трагическими результатами коренной ломки традиционной обско-угорской и старожильческой русской культур в сокрушительные 1930-е гг.

Для археологов, этнографов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, работников органов охраны и использования историко-культурного наследия.

УДК 903.2:39(P71)
ББК 634/5

Редактор — **Я.А. Яковлев**
Использованы фотографии:
обложка и шмуцтитуты — **А.Н. Кондрашёв** (г. Ханты-Мансийск)
форзац — **А.А. Рудь** (г. Екатеринбург)

ISBN 978-5-7511-2551-6

© Я.А. Яковлев, 2018 (компл.)
© Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2018

Проблемы историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры

Информация о деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2017 г.

Аннотация. Информация о деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2017 г. по государственной охране объектов культурного наследия и региональному надзору за сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия. В приложении приведён список объектов культурного наследия автономного округа, на которые в период с 15.06.2017 по 08.06.2018 были нормативно установлены границы территорий и режим использования (№ 1364—1570).

Ключевые слова. Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, объекты культурного наследия, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра.

Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — Служба) осуществляет функции по государственной охране объектов культурного наследия и региональному надзору за сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия.

Цели и задачи деятельности

Стратегической целью Службы как субъекта бюджетного планирования является гарантия сохранности объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры:

- обеспечение конституционных прав граждан на доступ к культурным ценностям, сохранение культурного достояния автономного округа (реализация ст. 44 Конституции РФ п. 2 и гл. 16 Устава Ханты-Мансийского автономного округа — Югры ст. 78—79);
- создание условий для социального, национального, духовного и интеллектуального развития населения автономного округа.

Достижение стратегической цели предполагает решение следующих тактических задач:

1. Государственная охрана объектов культурного наследия федерального значения, регионального значения, выявленных объектов культурного наследия.

2. Федеральный и региональный государственный надзор за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия федерального, регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия.

1. Государственная охрана объектов культурного наследия федерального значения, регионального значения, выявленных объектов культурного наследия

Учёт выявленных объектов и объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия

Количество и структура объектов культурного наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. По данным государственного учёта на 01.01.2018, на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры находится следующее количество объектов, подлежащих государственной охране:

- 988 объектов культурного наследия федерального значения;
- 136 объектов культурного наследия регионального значения;
- 19 объектов культурного наследия местного (муниципального) значения;
- 4579 выявленных объектов культурного наследия.

Состав объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в зависимости от видовой принадлежности:

- памятники – 1102;
- ансамбли – 17;
- достопримечательные места – 42.

Количественное распределение объектов культурного наследия по районам следующее:

- Белоярский р-н: памятники – 12, ансамбли – 2, достопримечательные места – 3;
- Берёзовский р-н: памятники – 46, ансамбли – 6, достопримечательные места – 5;

- Кондинский р-н: памятники — 5, ансамбли — 0, достопримечательные места — 0;
- Нефтеюганский р-н: памятники — 221, ансамбли — 5, достопримечательные места — 5;
- Нижневартовский р-н: памятники — 3, ансамбли — 1, достопримечательные места — 2;
- Октябрьский р-н: памятники — 12, ансамбли — 1, достопримечательные места — 0;
- Сургутский р-н: памятники — 743, ансамбли — 1, достопримечательные места — 27;
- Ханты-Мансийский р-н: памятники — 60, ансамбли — 1, достопримечательные места — 0.

В плане общей видовой принадлежности наиболее широко представлены объекты и выявленные объекты археологического наследия — 5564.

Информация

об основных итогах реализации государственной политики в сфере охраны объектов культурного наследия

Государственная охрана объектов культурного наследия в отчётном периоде характеризуется следующими показателями.

В 2017 г. Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры разработано и издано 17 приказов нормативного правового характера (табл. 1).

Таблица 1

Дата приказа	№ приказа	Название нормативно-правового акта	Дата, номер регистрации в Гос. реестре нормативных правовых актов исполнительных органов государственной власти
Приказы нормативно-правового характера			
10.03.2017	1-нп	О внесении изменения в приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 24 декабря 2011 года № 4-нп «Об утверждении Административного регламента исполнения государственной функции по осуществлению регионального государственного надзора за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»	14.03.2017 № 3315
13.03.2017	2-нп	Об утверждении Положения об установлении системы оплаты труда работников АУ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия», подведомственного Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	14.03.2017 № 3316
24.04.2017	3-нп	Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, особого режима использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон	19.04.2017 № 3357
03.05.2017	4-нп	Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, особого режима использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон	04.05.2017 № 3380
03.05.2017	5-нп	Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, особого режима использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон	11.05.2017 № 3383
14.06.2017	6-нп	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Нефтеюганском районе	15.06.2017 № 3410
29.06.2017	7-нп	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском районе	04.07.2017 № 3431

Продолжение табл. 1

12.07.2017	8-нп	Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по согласованию проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения, выявленного объекта культурного наследия, расположенных на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	17.07.2017 № 3441
22.08.2017	9-нп	О внесении изменений в приложение к приказу Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 14.07.2016 № 15-нп «Об утверждении служебного распорядка Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»	25.08.2017 № 3473
29.08.2017	10-нп	Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по выдаче задания и разрешения на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения, выявленного объекта культурного наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	01.09.2017 № 3487
02.10.2017	11-нп	Об утверждении перечня и структуры показателей результативности и эффективности контрольной (надзорной) деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, порядка оценки результативности и эффективности контрольной (надзорной) деятельности и контроля за достижением утвержденных показателей, а также стимулирования в зависимости от их достижения сотрудниками Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	05.10.2017 № 3518
17.11.2017	12-нп	О внесении изменений в приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 30 октября 2012 года № 13-нп «Об утверждении границ территории, характера использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова гора»	15.11.2017 № 3566
06.12.2017	13-нп	О внесении изменений в некоторые приказы Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	08.12.2017 № 3611
11.12.2017	14-нп	О внесении изменений в приложение к приказу Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 24 декабря 2011 года № 4-нп «Об утверждении Административного регламента исполнения государственной функции по осуществлению регионального государственного надзора за состоянием, содержанием, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»	12.12.2018 № 3618

Окончание табл. 1

20.12.2017	15-нп	О внесении изменений в приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 6 июля 2012 года № 5-нп «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по выдаче паспорта объекта культурного наследия, зарегистрированного в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, собственнику объекта культурного наследия»	26.12.2017 № 3685
26.12.2017	16-нп	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском районе	27.12.2017 № 3703
28.12.2017	17-нп	О внесении изменений в приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13 марта 2017 года № 2-нп «Об утверждении Положения об установлении системы оплаты труда работников АУ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия», подведомственного Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»	29.12.2017 № 3711

В 2017 г. согласовано 10 актов выбора земель лесного фонда, 194 согласования на производство земляных работ на территории МО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Городской округ город Ханты-Мансийск».

Выдано 4365 заключений о наличии/отсутствии на территории земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, объектов культурного наследия, выявленных объектов и объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия.

Рассмотрены и согласованы проекты внесения изменений в схемы территориального планирования Кондинского, Сургутского, Ханты-Мансийского р-нов. Направлена информация об объектах культурного наследия, расположенных на территории Белоярского р-на.

Рассмотрены и согласованы проекты внесения изменений в генеральные планы населённых пунктов ХМАО – Югры: Салым, Кышик, Кедровый, Елизарово, Солнечный, Сингапай, Фёдоровский, Луговской, Угут, Урай.

Рассмотрены и согласованы проекты внесения изменений в правила землепользования и застройки населённых пунктов ХМАО – Югры: Салым, Кышик, Кедровый, Елизарово, Сытомино, Белый Яр, Лямина, Локосово, Сингапай, Фёдоровский, Банный и Юган, Тундрино, Лямино.

Выдано 1 разрешение на проведение работ по сохранению (облицовка печи изразцами) объекта культурного наследия регионального значения: дом купца Добровольского К.И. (1876 г.) в пгт. Берёзово.

2. Федеральный и региональный государственный надзор за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия федерального, регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия

В целях *государственного надзора* за полнотой и качеством осуществления органами местного самоуправления полномочий по государственной охране, сохранению и использованию объектов культурного наследия местного (муниципального) значения и проверки соблюдения органами местного самоуправления требований, установленных действующими законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в области охраны объектов культурного наследия, окружной Службой государственной охраны объектов культурного наследия в 2017 г. были проведены плановые проверки администраций муниципальных образований Белоярского и Сургутского р-в ХМАО — Югры. Их проведение было согласовано окружной прокуратурой.

Задачами проверок являлись:

- надзор за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия местного (муниципального) значения (далее — надзор за полномочиями);
- выявление и пресечение нарушений обязательных требований, совершённых органами местного самоуправления при осуществлении полномочий.

В ходе проверки были выявлены основания для выдачи предписаний в части ненадлежащего исполнения возложенных полномочий и нарушения обязательных требований.

Согласно приказу Министерства культуры Российской Федерации от 20 апреля 2016 года № 876 «Об утверждении значения целевого показателя эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по осуществлению переданных им полномочий Российской Федерации в области сохранения,

использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия», Службой целевой показатель выполнен. Количество объектов культурного наследия федерального значения, в отношении которых были осуществлены плановые мероприятия по контролю их состояния, в общем числе объектов культурного наследия федерального значения составляет 198 объектов. Общее количество объектов — 988. Выполнение — 20,04 %.

В рамках *регионального государственного надзора* в области охраны объектов культурного наследия проведены плановые мероприятия по контролю за состоянием и систематическое наблюдение в отношении 295 объектов культурного наследия, из них:

- регионального значения — 2,
- местного (муниципального) значения — 2,
- выявленные объекты культурного наследия — 291 (ил. 1).

Составлены акты технического состояния.

После ремонтно-реставрационных работ, которые проводились с 2013 г., осуществлена приёмка объекта архитектуры муниципального значения «Дом П.А. Кайдалова» (из ансамбля «Усадьба П.А. Кайдалова в составе Дом П.А. Кайдалова, амбар») в с. Ларьяке Нижневартовского р-на (ил. 2).

При проведении плановой выездной проверки администрации Сургутского р-на были выявлены признаки правонарушения в отношении объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова Гора» (ил. 3). Администрацией городского поселения Барсово принято решение о предоставлении земельного участка на территории объекта культурного наследия регионального значения достопримечательное место «Барсова Гора» в границах зоны А1 — заповедной (постановление администрации г.п. Барсово от 01.07.2015 № 145).

Постановлением администрации г.п. Барсово № 145 была утверждена схема расположения земельного участка на кадастровом плане территории, расположенного по адресу: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Сургутский р-н, г.п. Барсово, пгт. Барсово, для предоставления дачному некоммерческому товариществу «Барсовское» (далее — ДНТ «Барсовское») с видом разрешённого использования: садоводство.

В целях дальнейшего использования земельного участка между администрацией г.п. Барсово и ДНТ «Барсовское» был заключён договор безвозмездного пользования земельным участком от 22.06.2017.

А

Б

Ил. 1. Городище Стариков Мыс в ходе проведения мероприятия по контролю за состоянием объекта культурного наследия: А — осмотр территории; снято с юго-запада; фото: Д.М. Шакиров. Б — информационный знак сразу после установки; фото: М.И. Усольцев; 03.10.2017

А

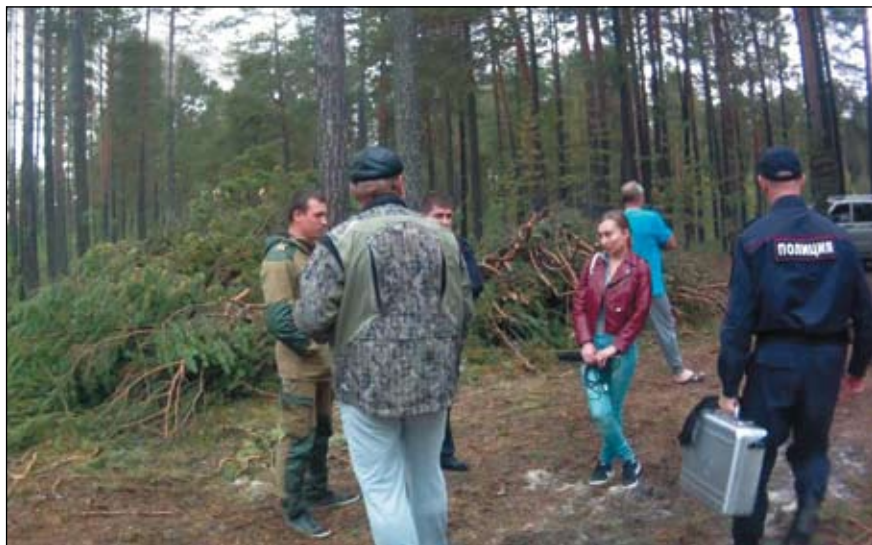
Б

Ил. 2. Усадьба П.А. Кайдалова в составе: Дом П.А. Кайдалова, амбар (Дом П.А. Кайдалова). Общий вид: А — снято с северо-запада; Б — снято с юго-запада, 03.08.2017. Фото: А.Н. Сабаров

На основании указанных решений и договорных обязательств с 27.08.2017 ДНТ «Барсовское» приступило к освоению земельного участка с кадастровым номером 86:03:0051607:275. В границах указанного участка была осуществлена рубка лесных насаждений, что подтверждается актом осмотра объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова Гора» от 27.08.2017, подготовленного сотрудниками Госкультахраны Югры.

По результатам мероприятий по контролю за состоянием объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова Гора» председателю ДНТ «Барсовское» было вручено предписание Госкультахраны Югры от 27.08.2017 № 8 о приостановлении изыскательских, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, работ по использованию лесов и иных работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия, включённого в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации, нарушить их целостность и сохранность.

Ил. 3. Оперативные действия сотрудников Госкультахраны Югры с привлечением полиции и телевидения при обнаружении хозяйственной деятельности (вырубки леса) на территории объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова Гора». 27.08.2017. Скриншот из записи с видеорегистратора

Однако же в нарушение законных требований 28.08.2017 была продолжена хозяйственная деятельность, связанная с освоением земельного участка, что подтверждается протоколом осмотра места происшествия от указанного числа, составленным сотрудником отдела полиции № 3 ОМВД России по Сургутскому р-ну.

Работы приостановлены после вмешательства правоохранительных органов на основании сообщения Госкультахраны Югры.

В рамках дела № А75-13910/2017 Арбитражным судом ХМАО — Югры приняты обеспечительные меры в виде запрета ответчику (ДНТ «Барсовское») и другим лицам совершать учётные и регистрационные действия с земельным участком с кадастровым номером 86:03:0051607:275 до вступления в силу судебного акта по настоящему делу и в виде возложения на ответчика (ДНТ «Барсовское») обязанности по запрету вырубki лесных насаждений, а также по запрету предоставления земельных участков, находящихся в границах земельного участка с кадастровым номером 86:03:0051607:275, иным лицам, в целях предотвращения порчи и ухудшения состояния спорного имущества.

По указанным фактам нарушений законодательства в отношении администрации г.п. Барсово и его должностного лица, ДНТ «Барсовское» и его должностного лица были возбуждены дела об административных правонарушениях по ч. 2 ст. 7.13 КоАП РФ и ст. 7.14.2 КоАП РФ.

Материалы по всем возбуждённым административным делам направлены для рассмотрения в Сургутский районный суд. На настоящий момент материалы, направленные в суд, рассматриваются, решение не принято.

В отношении муниципального предприятия «Водоканал» МО «Город Ханты-Мансийск» был составлен протокол об административных правонарушениях по ч. 3 ст. 7.13 «Нарушение требований сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, их территорий либо несоблюдение ограничений, установленных в границах их зон охраны» КоАП Российской Федерации. Указанные требования были нарушены на территории выявленного объекта культурного (археологического) наследия «поселение Самаровский Ям». Постановлением судьи Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры № 5-405/2017 от 10.04.2017 юридическое лицо привлечено к административной ответственности (административный штраф 100000 руб.).

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 10.02.2017 № 166 «Об утверждении Правил составления и направления предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований, подачи юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем возражений на такое предостережение и их рассмотрения, уведомления об исполнении такого предостережения», Службой выданы 8 предостережений о недопустимости нарушения обязательных требований. В ответ на предостережения поступила информация о соблюдении обязательных требований. Возражения на выданные предостережения не поступали.

В целях совершенствования организации работы по исполнению государственной функции по осуществлению государственного надзора за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре Службой принят приказ «Об утверждении Перечня правовых актов и их отдельных частей, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении регионального государственного надзора за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия». Перечень размещен на сайте Службы в разделе «Контрольно-надзорная деятельность».

В соответствии с основными направлениями разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности, утверждёнными распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.05.2016 № 934-р, постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 07.09.2017 № 332-п «О методике оценки результативности и эффективности контрольной (надзорной) деятельности исполнительных органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Службой утверждены:

- «Перечень и структура показателей результативности и эффективности контрольной (надзорной) деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры»;
- «Порядок оценки результативности и эффективности контрольной (надзорной) деятельности и контроля за достижением утверждённых показателей, а также стимулирования в зависимости от их достижения сотрудниками Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры».

Реализация мероприятий государственных программ

Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры является соисполнителем двух государственных программ Ханты-Мансийского автономного округа — Югры:

- «Развитие культуры и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2016—2020 годы»;
- «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2016—2020 годы».

Бюджетные ассигнования Службы на 2017 г. утверждены законом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 17.11.2016 № 99-оз «О бюджете Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» в сумме 69407,2 тыс. руб., в том числе:

1. Государственная программа автономного округа «Развитие культуры и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2016—2020 годы» — 68809,7 тыс. руб.:

- содержание Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры — 22263,1 тыс. руб.;
- субсидия АУ Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Центр охраны культурного наследия» — 7272,2 тыс. руб.;
- осуществление переданных органам государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с п. 1 ст. 9.1. Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» полномочий Российской Федерации в отношении объектов культурного наследия в рамках непрограммного направления деятельности «Обеспечение деятельности государственных органов автономного округа» за счёт средств федерального бюджета — 727,9 тыс. руб.;
- реализация мероприятий по государственной охране объектов культурного наследия — 38546,5 тыс. руб.;

2. Государственная программа автономного округа «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2016—2020 годы» 597,5 тыс. руб.

Уточнённый план Службы по состоянию на 01.01.2018 составляет 68541,6 тыс. руб., в том числе:

— Государственная программа автономного округа «Развитие культуры и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2016—2020 годы» — 67944,1 тыс. руб.;

— Государственная программа автономного округа «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2016—2020 годы» — 597,5 тыс. руб.

В рамках государственной программы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Развитие культуры и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2016—2020 годы», подпрограммы 1 «Обеспечение прав граждан на доступ к культурным ценностям и информации», мероприятия 1.3 «Сохранение, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия» по состоянию на 01.01.2018 в соответствии с планом-графиком закупок проведены конкурентные процедуры (открытый конкурс, запрос котировок, электронный аукцион) определения поставщика (подрядчика, исполнителя):

— на выполнение НИР по теме «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Нижневартовском р-не ХМАО — Югры»;

— на выполнение НИР по теме «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Советском р-не ХМАО — Югры»;

— на выполнение НИР по теме «Обследование состояния объекта, описание предмета охраны и установление границ территории объектов культурного наследия регионального значения, представляющих ценность с точки зрения этнологии, расположенных в Октябрьском р-не ХМАО — Югры»;

— на выполнение НИР по теме «Проведение работ по обследованию состояния и установлению границ территории выявленного объекта культурного наследия (объекта архитектуры)»;

— на выполнение работ по разработке проекта зон охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации регионального значения, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон;

— на оказание услуг по проведению государственной историко-культурной экспертизы проектов зон охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры;

— на выполнение работ по выпуску ежегодного сборника научных статей Госкультотхрны Югры «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого» (вып. 15).

По итогам проведённых закупок заключены государственные контракты. Исполнителями представлены результаты работ, услуг. Заказ-

чиком произведена оплата за выполненные работы, оказанные услуги в соответствии с условиями государственных контрактов.

Кассовое исполнение по государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Развитие культуры и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2016—2020 годы» по состоянию на 01.01.2018 составило 67712,8 тыс. руб., или 99,7 % к уточнённому плану.

В рамках государственной программы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2016—2020 годы», подпрограммы 2 «Содействие развитию традиционной культуры, фольклора и национальных ремёсел, повышение уровня жизни и образования коренных малочисленных народов» мероприятия 2.5 «Организация, проведение мероприятий, направленных на развитие традиционной культуры, фольклора, национального спорта и финно-угорских связей, сохранение культурного наследия коренных малочисленных народов, и участие в них» по состоянию на 01.01.2018 проведён открытый конкурс на выполнение НИР по теме «Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Яун-ики Мых».

Исполнение контракта предусмотрено в два этапа:

— 1-й этап (2017 г.) — предварительные работы. Срок сдачи работ исполнителем — 10.11.2017.

— 2-й этап (2018 г.) — проектные работы. Срок сдачи работ исполнителем — 23.11.2018.

Исполнителем представлены результаты работ по 1-му этапу. Заказчиком произведена оплата за выполненные работы в соответствии с условиями государственных контрактов.

Кассовое исполнение по государственной программе ХМАО — Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2016—2020 годы» составило 597,5 тыс. руб., или 100% к уточнённому плану.

Khanty-Mansiysk-Yugra region State office of cultural heritage sits preservation in 2017

Abstract. Intelligence on the activities of Khanty-Mansiysk-Yugra region State office of cultural heritage sits preservation in 2017 in the field State protection

of cultural heritage sites and regional supervision of the conservation, using, popularization and state protection of cultural heritage sites. The appendix lists the cultural heritage objects of the of the Autonomous region, for which the territories boundaries and the regimen of employment normatively established between June 15, 2017 & June 8, 2018 (№1364—1570).

Key words. Khanty-Mansiysk-Yugra region State office of cultural heritage sits preservation, objects of cultural heritage, Khanty-Mansi Autonomous region-Yugra.

E-mail: Nasledie@admhmao.ru

Список объектов культурного наследия ХМАО – Югры,
границы территорий и режим использования которых установлены нормативно-правовыми актами
(продолжение).

На 8 июня 2018 г.¹

№	Название объекта культурного наследия	№ и дата	Приказ	
			Название	Первая публикация
1	2	3	4	5
1364	Мотильник Киняминский I	7-нп от 29.06.2017	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры от 10.07.2017. (ugra-news.ru - официальное сетевое СМИ по публикации нормативно-правовых актов ХМАО-Югры)
1365	Мотильник Киняминский II			
1366	Городище Мохтик I/1			
1367	Городище Мохтик I/2			
1368	Городище Мохтик I/3			
1369	Городище Мохтик I/4			
1370	Городище Мохтик I/5			
1371	Городище Мохтик I/6			
1372	Городище Мохтик I/7			
1373	Городище Мохтик I/8			
1374	Городище Мохтик I/9			
1375	Городище Мохтик I/10			
1376	Городище Мохтик I/11			
1377	Городище Мохтик II/1			
1378	Городище Мохтик II/2			
1379	Городище Мохтик II/3			
1380	Городище Мохтик II/4			
1381	Городище Мохтик III/4			
1382	Поселение Мохтик III/1			
1383	Поселение Мохтик III/2			
1384	Поселение Мохтик III/3			

¹ Предыдущие части списка опубликованы: № 1–326 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – Вып. 11. – С. 4–16; № 327–660 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – Вып. 12. – С. 19–29; № 661–758 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – Вып. 13. – С. 18–21; № 759–1047 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – Вып. 14. – С. 20–29; № 1048–1363 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – Вып. 15. – С. 23–32. Нормативно-правовые акты Государственной охраны Югры доступны также на её сайте: www.pasledie.admhmao.ru в разделе «Документы/ Приказы Государственной охраны Югры».

1	2	3	4	5
1385	Поселение Быстрый Кульёган 11	7-нп от 29.06.2017	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры от 10.07.2017. (ugra-news.ru - официальное сетевое СМИ по публикации нормативно-правовых актов ХМАО-Югры)
1386	Поселение Быстрый Кульёган 32			
1387	Селище Быстрый Кульёган 33			
1388	Селище Быстрый Кульёган 34			
1389	Селище Быстрый Кульёган 49			
1390	Селище Быстрый Кульёган 50			
1391	Городище Быстрый Кульёган 96			
1392	Селище Быстрый Кульёган 97			
1393	Селище Егом 1			
1394	Селище Егом 2			
1395	Селище Егом 5			
1396	Городище Егом 4			
1397	Городище Путчи-Урий 1			
1398	Городище Путчи-Урий II			
1399	Городище Путчи-Урий III			
1400	Селище Путчи-Урий 1			
1401	Селище Путчи-Урий 2			
1402	Селище Путчи-Урий 3			
1403	Селище Путчи-Урий 4			
1404	Селище Егоркин-Урий 1			
1405	Селище Егоркин-Урий 2			
1406	Селище Егоркин-Урий 3			
1407	Селище Егоркин-Урий 4			
1408	Селище Егоркин-Урий 5			
1409	Городище Егоркин-Урий I			
1410	Городище Егоркин-Урий II			
1411	Городище Егоркин-Урий III			
1412	Городище Ермаково I			
1413	Городище Ермаково II			
1414	Могильник Ермаково II			
1415	Городище Ермаково III			
1416	Городище Ермаково IV			
1417	Городище Ермаково V			
1418	Городище Ермаково VI			
1419	Городище Ермаково VII			
1420	Городище Ермаково VIII			
1421	Городище Ермаково IX			
1422	Городище Ермаково X			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1423	Городище Ермаково XI	7-нп от 29.06.2017	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры от 10.07.2017. (ugra-news.ru - официальное сетевое СМИ по публикации нормативно-правовых актов ХМАО-Югры)
1424	Городище Ермаково XII			
1425	Городище Ермаково XIII			
1426	Городище Ермаково XIV			
1427	Городище Ермаково XV			
1428	Городище Ермаково XVI			
1429	Городище Ермаково XVII			
1430	Городище Ермаково XVIII			
1431	Городище Ермаково XIX			
1432	Городище Ермаково XX			
1433	Селище Ермаково 2			
1434	Селище Ермаково 3			
1435	Селище Ермаково 4			
1436	Селище Ермаково 5			
1437	Селище Ермаково 6			
1438	Селище Ермаково 8			
1439	Селище Ермаково 9			
1440	Селище Ермаково 10			
1441	Селище Ермаково 11			
1442	Селище Ермаково 12			
1443	Селище Ермаково 14			
1444	Селище Ермаково 15			
1445	Селище Ермаково 16			
1446	Селище Ермаково 17			
1447	Селище Ермаково 18			
1448	Селище Ермаково 19			
1449	Селище Ермаково 20			
1450	Селище Ермаково 21			
1451	Селище Ермаково 22			
1452	Селище Ермаково 23			
1453	Селище Ермаково 24			
1454	Селище Ермаково 27			
1455	Селище Ермаково 28			
1456	Селище Ермаково 29			
1457	Селище Ермаково 32			
1458	Селище Ермаково 35			
1459	Селище Ермаково 36			
1460	Селище Ермаково XI A			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1461	Селище Барсова Гора II/12	7-нп от 29.06.2017	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры от 10.07.2017. (ugra-news.ru - официальное сетевое СМИ по публикации нормативно- правовых актов ХМАО- Югры)
1462	Селище Барсова Гора II/13			
1463	Селище Барсова Гора II/15			
1464	Селище Барсова Гора II/19			
1465	Селище Барсова Гора II/20			
1466	Селище Барсова Гора II/21			
1467	Селище Барсова Гора II/25			
1468	Селище Барсова Гора IV/10.			
1469	Городище Барсов Городок I/3, 3а	16-нп от 26.12.2017	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры от 28.12.2017. (ugra-news. ru - официальное сете- вое СМИ по публикации нормативно-правовых актов ХМАО–Югры)
1470	Городище Барсов Городок I/4			
1471	Городище Барсов Городок I/5			
1472	Городище Барсов Городок I/6			
1473	Городище Барсов Городок I/7			
1474	Городище Барсов Городок I/8			
1475	Городище Барсов Городок I/10			
1476	Городище Барсов Городок I/11			
1477	Городище Барсов Городок I/12			
1478	Городище Барсов Городок I/13			
1479	Городище Барсов Городок I/14			
1480	Городище Барсов Городок I/15			
1481	Городище Барсов Городок I/16			
1482	Городище Барсов Городок I/17			
1483	Городище Барсов Городок I/18			
1484	Городище Барсов Городок I/19			
1485	Городище Барсов Городок I/20			
1486	Городище Барсов Городок I/21			
1487	Городище Барсов Городок I/30			
1488	Городище Барсов Городок I/31			
1489	Городище Барсов Городок I/32			
1490	Городище Барсов Городок I/33			
1491	Городище Барсов Городок II/15			
1492	Городище Барсов Городок III/6			
1493	Городище Барсов Городок III/7			
1494	Городище Барсов Городок IV/1			
1495	Стоянка Барсова Гора I/3а			
1496	Селище Барсова Гора I/36, в			
1497	Селище Барсова Гора I/4			
1498	Стоянка Барсова Гора I/5а			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1499	Селище Барсова Гора I/10	16-нп от 26.12.2017	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры от 28.12.2017. (ugra-news. ru - официальное сетег- ве СМИ по публикации нормативно-правовых актов ХМАО–Югры)
1500	Селище Барсова Гора I/13			
1501	Селище Барсова Гора I/14			
1502	Селище Барсова Гора I/15			
1503	Селище Барсова Гора I/16			
1504	Селище Барсова Гора I/17			
1505	Селище Барсова Гора I/18			
1506	Селище Барсова Гора I/19			
1507	Селище Барсова Гора I/20			
1508	Селище Барсова Гора I/21			
1509	Селище Барсова Гора I/23			
1510	Селище Барсова Гора I/24			
1511	стоянка Барсова Гора I/31			
1512	Селище Барсова Гора I/32			
1513	Селище Барсова Гора I/33			
1514	Селище Барсова Гора I/34			
1515	Селище Барсова Гора I/36			
1516	Селище Барсова Гора I/40			
1517	Селище Барсова Гора I/44			
1518	Селище Барсова Гора I/45			
1519	Селище Барсова Гора I/46			
1520	Селище Барсова Гора I/57			
1521	Селище Барсова Гора I/58			
1522	Селище Барсова Гора I/59			
1523	Селище Барсова Гора I/60			
1524	Селище Барсова Гора I/61			
1525	Селище Барсова Гора I/62			
1526	Поселение Барсова Гора II/8			
1527	Поселение Барсова Гора II/9			
1528	Поселение Барсова Гора II/38			
1529	Селище Барсова Гора III/30			
1530	Селище Барсова Гора III/34			
1531	Селище Барсова Гора III/36			
1532	Селище Барсова Гора III/63			
1533	Селище Барсова Гора III/66			
1534	Селище Барсова Гора III/67			
1535	Селище Барсова Гора III/68			
1536	Селище Барсова Гора III/69			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1537	Селище Барсова Гора III/70	16-нр от 26.12.2017	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры от 28.12.2017. (ugra-news.ru - официальное сетевое СМИ по публикации нормативно-правовых актов ХМАО–Югры)
1538	Селище Барсова Гора III/71			
1539	Селище Барсова Гора III/73			
1540	Селище Барсова Гора III/74			
1541	Селище Барсова Гора III/75			
1542	Селище Барсова Гора IV/1			
1543	Селище Барсова Гора IV/5			
1544	Селище Барсова Гора IV/8			
1545	Городище Барсов Городок II/13			
1546	Городище Барсов Городок II/16			
1547	Селище Барсова Гора II/16			
1548	Стоянка Барсова Гора II/16а			
1549	Селище Барсова Гора IV/26			
1550	Селище Барсова Гора IV/28			
1551	Селище Барсова Гора IV/29			
1552	Могильник Барсовский I			
1553	Могильник Барсовский II			
1554	Могильник Барсовский III			
1555	Могильник Барсовский V			
1556	Могильник Барсовский VII			
1557	Могильник Барсовский VIII			
1558	Городище Барцева I			
1559	Селище Барцева I			
1560	Селище Барцева III			
1561	Селище Барцева XI			
1562	Селище Барсова Гора II/37			
1563	Селище Барсова Гора II/40			
1564	Селище Барсова Гора II/41			
1565	Селище Барсова Гора II/42			
1566	Селище Барсова Гора IV/27			
1567	Селище Калининское II			
1568	Селище Калининское III			

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
1569	Здание первой радиотелеграфной и электрической станции в Самарово	2-нп от 26.02.2018	О включении выявленного объекта культурного наследия «Здание первой радиотелеграфной и электрической станции в Самарово» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждения границ территории и описания особенностей выявленного объекта культурного наследия, являющихся основаниями для включения его в реестр (предмета охраны)	Новости Югры от 05.03.2018. (ugra-news.ru - официальное сетевое СМИ по публикации нормативно-правовых актов ХМАО–Югры)
1570	Достопримечательное место «Согом»	4-нп от 30.03.2018	О включении выявленного объекта культурного наследия достопримечательного места «Согом» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждения границ территории, описания особенностей выявленного объекта культурного наследия, являющихся основаниями для включения его в реестр (предмета охраны), и требований к осуществлению деятельности в границах территории	Новости Югры от 10.04.2018. (ugra-news.ru - официальное сетевое СМИ по публикации нормативно-правовых актов ХМАО–Югры)

Составил: Д.М. Шакиров

О регламентации проведения археологических раскопок на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

(«Правила проведения археологических раскопок на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»)

К.Г. Карачаров

г. Екатеринбург

Индивидуальный предприниматель

Аннотация. В работе рассматривается кризисная ситуация в российской археологии, связанная с проведением археологических полевых исследований — археологических раскопок. Высказывается предложение разрабатывать отраслевые регламенты на основе корпоративных саморегулирующих инструктивных документов и правил. Статья знакомит с Правилами проведения археологических раскопок на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Этот документ был разработан и принят для добровольного применения членами неформального объединения Ассоциация «Северная археология».

Ключевые слова. Археологические раскопки, регламентация, научное регулирование, отраслевые стандарты, сохранение объектов археологического наследия, информация, методика, научный подход, раскопки условными горизонтальными пластами.

Об актуальности создания отраслевых стандартов в области археологических исследований (в особенности, полевых) не раз писалось и говорилось. Российская академия наук на которую законодательством возложена функция научной регламентации полевых археологических исследований¹, заняла позицию невмешательства и упорно остаётся на ней. Во многом это происходит благодаря сопротивлению введения какого-либо научного регулирования археологических полевых работ со стороны сообщества археологов, называющих себя «профессио-

нальными археологами». Боязнь регламентации может прикрываться с их стороны риторикой о «свободе творчества», о «презумпции несправедливости регламентации», о том, что выполнение регламентов потребует неоправданно высоких затрат и т. п. Но фактически всё объясняется простым нежеланием признать свою некомпетентность в каких-либо вопросах, развиваться и перестраивать свою работу под общие требования и, в конечном итоге, применять научный подход, обуславливающий, в том числе, доступность результатов работ для стороннего анализа и критики.

Предвижу возражения по поводу того, что существует «Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации», очередная редакция которого увидела свет во время подготовки настоящей публикации (утверждено Постановлением БОИФН РАН от 20.06.2018 № 32)². Однако оно, как и предыдущие редакции, не призвано «научно регламентировать» археологические полевые работы. Безымянные авторы этого документа в пояснительной записке так и написали: *«Представленное Положение вносит уточнения в основные понятия и приводит в соответствие с действующим законодательством общие положения, относящиеся к порядку выдачи разрешений (открытых листов), проведению работ, ответственности держателя разрешения (открытого листа) и организации, в которой он работает»*. О «научной регламентации» ни одного слова!!! То есть в стремлении взять на себя функции исполнительной власти РАН напрочь забыла о возложенных на неё законом функциях.

Регламентация в простейшем виде — это совокупность норм, правил, стандартов и предписанных процедур, ограничивающих и определяющих различные формы деятельности.

По Э. Дюркгейму, существует четыре свойства или проблемы, которые определяют регламентацию:

- а) непротиворечивость (скоординированность);
- б) свобода действий в рамках регламентации;
- в) совместимость самоорганизации и регламентации;
- г) справедливость регламентации.

В любой регламентации противостоят две тенденции: недостаточная регламентация и излишняя регламентация. Первая приводит к хаосу, а вторая — к стагнации.

В идеале регламентация должна рождаться из самоорганизации и саморегулирования, она должна устанавливать лишь общие прин-

ципы и требования, давая высокую степень свободы. Например, нельзя устанавливать требование проводить только «тахеометрическую съёмку» объекта археологического наследия, но можно установить требования к полноте, точности, детальности и условным обозначениям топографической съёмки.

Примером восхождения корпоративных (саморегулирующих) нормативных документов на более высокий уровень стала Инструкция по составлению отчёта об археологических исследованиях, в настоящее время применяемая, по крайней мере, в двух субъектах Российской Федерации: в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах³. В качестве менее удачного примера можно привести слепой перенос в рекомендованную Минкультуры РФ «Методику определения границ территорий объектов археологического наследия»⁴ положений безнадежно устаревших вариантов корпоративных инструкций ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие» и Ассоциации «Северная археология». Однако в целом эту тенденцию можно считать положительной.

Актуальность регламентации археологических раскопок

Согласно действующему законодательству, археологические раскопки — это проведение на поверхности земли, в земле или под водой научных исследований объектов археологического наследия посредством земляных и связанных с ними работ, в том числе с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопов, в целях изучения и сохранения объектов археологического наследия⁵.

Археологические раскопки — это самый губительный способ исследования археологического памятника, они приводят к безвозвратной утрате исследуемого памятника или его части. В этой связи ответственность археолога, проводящего раскопочные работы, должна быть высочайшей.

Еще в начале прошлого века известный российский археолог В.А. Гордцов в своем «Руководстве для археологических раскопок» писал, что эти исследования *«позволительны лицам, получившим серьёзную научную подготовку как в теоретическом знании археологии, так и в знании практических правил производства раскопок», «раскопки археологических памятников, произведённые лицами, не обладающими достаточными знаниями, являются, в большинстве случаев, вредными для науки и поэтому недопустимыми»*⁶.

Однако и на сегодняшний день внятных и обоснованных общих «практических правил производства раскопок» не выработано, не

А

Б

Ил. 1. Селище Нёх-Урий 3.4. Раскопки условными горизонтальными пластами без бровок, участками в шахматном порядке. 2017 г. Фото: К.Г. Карачаров

Ил. 2. Селище Нёх-Урий 3.4. Снятие грунта тонкими горизонтальными срезами. 2017 г. Фото: Е.Н. Данилова

Ил. 3. Селище Нёх-Урий 3.4. Зачистка на условном уровне. 2017 г. Фото: Е.Н. Данилова

определена и «достаточность знаний». Я не беру на себя смелость оценить уровень теоретических знаний современных российских археологов, но катастрофическая нехватка практических (прикладных) знаний налицо.

В настоящей работе представляется нормативный документ, который устанавливает правила проведения раскопочных работ группы уральских археологов, входящих в неформальное объединение Ассоциация «Северная археология» (АСА)⁷.

Этот документ открыт для критики. Мы надеемся получить конструктивные замечания и предложения по его совершенствованию.

Некоторые пояснения

по поводу выбора основной методики археологических раскопок

У многих действующих полевых археологов нет понимания того, что цель раскопок, определённая в том числе федеральным законом, не только изучение, но и сохранение объектов археологического наследия. То есть исследователи не ставят перед собой цели создания источника научной информации (эмпирических знаний) об объекте исследования. Обычно излагается лишь собственное мнение исследователя об «изученном» им памятнике. При этом состав и форма представления материалов в отчёте, называемом «научным», крайне ограничивают возможность верификации изложенного или полностью её исключают. Не случайно многие археологи очень не любят показывать коллегам свои отчёты о полевых исследованиях, обычно ссылаясь на то, что те свободно, практически в любое удобное для них время могут ознакомиться с ними в Архиве ИА РАН.

Нередко применяемая такими исследователями методика раскопок не обеспечивает возможности перепроверки, а также возможности объективных наблюдений и фиксаций, основывается лишь на субъективном восприятии конкретного исследователя или даже рабочего-землекопа. Ярким примером являются раскопки «на выборку заполнений» и «по литологическим/стратиграфическим слоям». Сторонники этих методов основываются на трансцендентальном, то есть изначально присущем их рассудку подходе. Они изначально определяют априорные рамки и условия возможного опыта. Например, наклон и форму стенок «жилищных впадин», гомогенность заполнений и т. п. Конечно, и рабочие-землекопы, исполняющие эти замыслы, вносят свой неповторимый индивидуальный вклад в конечный результат, представляемый в «научном» отчёте.

Критике методов археологических исследований «на выборку за-полнений» и «по литологическим/стратиграфическим слоям» можно посвятить отдельный труд. Однако, не являясь их приверженцем, я боюсь упустить имеющиеся в них рациональные зерна и «уйти в полное отрицание». Было бы неплохо, чтобы апологеты упомянутых методов представили их «во всей красе» широкой научной публике, обосновав их объективность и достоверность.

В предлагаемом вниманию документе в качестве основного обозначен метод раскопок условными горизонтальными пластами⁸. На сегодняшний день, исходя из нашего опыта работ на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, — это единственный известный нам метод, обеспечивающий создание в процессе археологических раскопок достоверного источника научной информации об объекте исследования.

Археологическая томография

Раскопки «по пластам» с фиксацией горизонтальных стратиграфических сечений с заданным интервалом не являются новым или оригинальным методом. Например, он в качестве основного метода раскопок поселений приведён в учебном пособии Д.А. Авдусина «Полевая археология СССР», в нем он назван «Раскопки по пластам»⁹.

Ил. 4. Селище Нёх-Урий 3.4. Промывка грунта на ситах. 2017 г. Фото: Е.Н. Данилова

В инструктивных материалах Института археологии АН СССР, изданных в 1980-х гг. под общей редакцией Д.Б. Шелова, раскопки «горизонтальными пластами» определяются как основной метод для раскопок и мезолитических и неолитических стоянок¹⁰, и античных городов¹¹, и однослойных античных сельских поселений¹², и памятников железного века лесной полосы европейской части СССР¹³, и грунтовых могильников¹⁴.

При этом большинство авторов этих инструкций отмечают, что, в отличие от раскопок горизонтальными пластами, такие методы, как, например, выборка по стратиграфическим слоям, являются хотя и заманчивыми, но очень ненадежными. Стратиграфический слой (пласт), хотя и определяется как слой грунта, относительно однородный по структуре, составу и происхождению (генезису), однако на практике единый по происхождению слой по простиранию часто меняет свой литологический облик (тип)¹⁵. Например, в центре ямы однородное по происхождению заполнение может быть выщелочено. При этом границы между слоями редко бывают резкими и ровными. Кроме того, толщина слоёв по простиранию (в горизонтальном направлении) не постоянна.

Метод раскопок условными горизонтальными пластами можно сравнить с томографией. Томография (др.-греч. *τομή* — сечение) — получение послойного изображения внутренней структуры объекта.

Широко известно применение томографии в дефектоскопии и медицине. Её принципы лежат в основе получения информации о параметрах внутренней структуры как микро-, так и макрообъектов, в том числе и человеческого организма.

Проводя аналогию с медициной, археологические раскопки с фиксацией сечений по условным горизонтам, можно сравнить с анатомической томографией (биотомией), основоположником которой был известный российский хирург Н. И. Пирогов. Для создания первого в мире анатомического атласа Н. И. Пирогов распиливал тонкими слоями замороженные трупы, получая объективные данные о внутреннем строении человека. Так было положено начало топографической анатомии, методы которой, в том числе, позволили создать достоверные объёмные модели внутреннего строения человеческого организма. Методика Н. И. Пирогова стала основой всего последующего развития оперативной хирургии.

Благодаря методам вычислительной томографии по проекционным данным (послойным сечениям) объект и его внутренняя структура реконструируются в объёме.

Ил. 5. Селище Нёх-Урий 3.4. Применение методов полевой консервации при извлечении находок плохой сохранности («метод мокрого монолита»). 2017 г.
Фото: Е.Н. Данилова

Похожая задача стоит и перед археологами — собрать, систематизировать и сохранить данные¹⁶, которые позволят реконструировать в объёме изученные раскопками культурные напластования и археологические сооружения, а также соотнести с ними найденные археологические предметы. Больше всего для решения этой задачи подходят именно сечения по условным (с заданным шагом) горизонтам.

Объективность этого метода обеспечивается следующим:

а. Рабочему-землекопу не нужно иметь высокой квалификации, позволяющей разбираться в тонкостях археологической стратиграфии. Его основная задача состоит в том, чтобы «выдерживать горизонт» и фиксировать археологические предметы в месте их залегания. Нет даже большой необходимости абсолютно правильно определять слой залегания предмета; если определены его координаты в плане и уровень залегания, то это легко сделать по материалам сечений.

б. Фиксация сечений производится независимо от сиюминутного понимания и желания исследователя, она производится в обязательном порядке с заданным интервалом, начиная с самого верхнего уровня до слоёв, не затронутых человеческой деятельностью. «Заданность» интервала не обозначает, что исследователь, желая повысить детализацию фиксаций, не может фиксировать дополнительные или вспомогательные сечения на произвольном уровне.

в. С появлением цифровой фотографии фиксация сечений производится фотографическим методом, точнее фотограмметрическим, с получением ортогональных фотографических проекций сечений. Это позволяет не только повысить объективность фиксации, но и даёт возможность повторять наблюдения и измерения уже после раскопок.

ПРАВИЛА

ПРОВЕДЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Настоящие правила выработаны в соответствии с действующим законодательством и нормативно-правовыми актами Российской Федерации, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и положениями нормативных документов Российской академии наук, касающихся научной регламентации археологических полевых работ, в целях обеспечения государственной гарантии сохранности объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации, реализации прав народов и иных этнических общностей на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры.

Применение положений настоящего документа на добровольной основе призвано обеспечить соблюдение требований действующего законодательства и реализацию конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры¹⁷, а также обеспечить научный подход к проводимым археологическим исследованиям.

1. Общие положения

- 1.1. Археологические раскопки — проведение на поверхности земли, в земле или под водой научных исследований объектов археологического наследия посредством земляных и связанных с ними работ, в том числе с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопок, в целях изучения и сохранения объектов археологического наследия¹⁸.
- 1.2. Любые археологические раскопки являются спасательными археологическими полевыми работами, так как не позволяют обеспечить физическую сохранность изучаемого объекта археологического наследия¹⁹.
- 1.3. Цель археологических раскопок — изучение и сохранение объектов археологического наследия²⁰, сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры.
- 1.4. Предметом охраны объекта археологического наследия после археологических раскопок становится информация о нём (информация о зарождении и развитии культуры), представленная в полевых материалах и научном отчёте (отчёте о НИР), а также коллекция артефактов, антропологические, палеозоологические и палеоботанические материалы, образцы для датирования и других анализов.
- 1.5. Требования к информации об объекте археологического наследия как объекте научного познания:
 - Объективность — исключение или сведение к минимуму влияния субъекта познания на объект познания, что обеспечивается применением соответствующих методик, приборов и т. п.
 - Полнота — обеспечение максимально полного представления объекта познания. В том числе сбор и описание данных и фактов²¹, которые не поддаются на момент проведения работ интерпретации и/или анализу.
 - Точность — качество информации, характеризующее точностными требованиями к выполняемым археологическим полевым и камеральным работам.
 - Достоверность — качество информации, характеризующее её полнотой и необходимой точностью.
 - Проверяемость (верифицируемость) — возможность проверки правильности и оценки точности проведённых наблюдений и измерений, а также сделанных на их основе выводов.
 - Повторяемость — возможность повторного проведения наблюдений и измерений.
 - Избыточность — избыточность в наблюдениях и измерениях позволяет

Ил. 6. Селище Нёх-Урий 3.4. Расчистка предмета перед извлечением из грунта. 2017 г. Фото: Е.Н. Данилова

Ил. 7. Селище Нёх-Урий 3.4. Контроль уровня при снятии условного пласта. 2017 г. Фото: Е.Н. Данилова

Ил. 8. Селище Нёх-Урий 3.4. Фотографирование участка на условном горизонте с целью создания ортогональной фотографической проекции сечения/разреза. 2017 г. Фото: Е.Н. Данилова

избегать грубых ошибок, производить оценку точности, компенсировать потери части данных, в перспективе позволяет применять иные или новые методы обработки данных. Этот же принцип лежит в основе подхода к сбору артефактов и образцов для анализов.

— Совместимость — возможность совмещения данных, полученных с разных участков, территорий, объектов археологического наследия и т. п., как по содержанию, так и по форме представления.

— Сопоставимость — возможность сравнивать с необходимой достоверностью данные, получаемые в разное время, разными исследователями при применении различающихся методов и инструментов.

2. Полевая документация и отчёт об археологических раскопках

2.1. Полевая документация и отчёт о научно-исследовательской работе, наряду с археологическими предметами (артефактами, биологическими материалами, пробами для различных анализов и т. п.), являются основной формой сохранения **научного** знания об объекте археологического наследия после исследования его раскопками.

2.2. Полевая документация представляет собой фиксацию наблюдений и измерений, проводимых в процессе археологических полевых работ, в графической, текстовой, электронно-цифровой, фотографической формах, в форме аудио- и видеозаписей.

2.3. Формы полевой документации, структура её хранения должны обеспечивать поиск и сопоставление различных видов документов. Она должна быть упорядочена и иметь описание, которая включается в состав приложений к отчёту. Полнота данных в полевой документации должна обеспечивать составление научного отчёта (отчёта о НИР).

2.4. Научный отчёт об археологических полевых работах представляет собой отчёт о научно-исследовательской работе и является основным информационным продуктом, документом, представляющим изученный раскопками объект археологического наследия или его части, включающим обработанные и систематизированные факты, отражающие результаты завершённых работ или этапа работ, имеющего самостоятельное финансирование.

2.5. Общими требованиями к отчёту являются полнота представляемых данных, объективность, чёткость, краткость и точность формулировок, исключающих возможность неоднозначного толкования, конкретность изложения результатов работ и обоснованность выводов и рекомендаций.

2.6. Отчёт об археологических раскопках в обязательном порядке должен включать в себя следующие материалы:

2.6.1. Данные о местоположении объекта археологических исследований, в том числе и картографические материалы.

2.6.2. Ссылку на план/проект/обоснование работ или заменяющий их документ с представлением основных положений документа (причины, место, объём работ, координаты характерных точек планируемого раскопа и т. д.).

2.6.3. Подробное описание методики работ с оценкой точности и достоверности полученных данных. При необходимости в состав приложений включается технический отчёт.

2.6.4. Информация о соответствии применённой методики проекту/плану с подробным обоснованием отклонений от проекта или плана работ и/или от установленных методик и норм. Каждое отклонение должно быть согласовано в рамках проведения авторского надзора.

2.6.5. Актуальный топографический план объекта археологического наследия (памятника), на котором проводятся работы, с нанесённым раскопом, в масштабе 1:500 или крупнее (1:200; 1:100).

2.6.6. Допускается приводить топографический план памятника и в более мелких масштабах — 1:1000 или 1:2000. В этом случае дается дополнительный план на часть памятника, где был заложен раскоп, в масштабе 1:500 или крупнее (1:200; 1:100).

2.6.7. Данные о геодезическом обеспечении работ, в том числе координаты геодезических пунктов опорной сети, характерных точек границ раскопов, шурфов, зачисток, границ объектов археологического наследия и т. п.

2.6.8. Графические (дешифрированные) планы и профили раскопа.

Ил. 9. Селище Нёх-Урий 3.4. Определение координат опорных точек, используемых для исправления искажений фотоснимков при создании ортогональных фотографических проекций. 2017 г. Фото: Е.Н. Данилова

2.6.9. Материалы фотофиксации — ортогональные фотографические проекции разрезов; общие виды и детали объекта археологического наследия и раскапываемого участка; общие фотографии процесса работ, характеризующие методику.

2.6.10. Данные о естественной стратиграфии.

2.6.11. Данные о стратиграфии и положении культурных слоёв, раскопанных археологических сооружениях.

2.6.12. Описания всех раскопанных объектов и культурных напластований, их взаимного положения.

2.6.13. Систематизированное описание всех категорий и типов находок.

2.6.14. Масштабные фотографии/рисунки всех категорий и типов находок.

2.6.15. Полные полевые (коллекционные) описи артефактов (в том числе несохранившихся), антропологического, палеозоологического материала, почвенных и дендрохронологических образцов, образцов для химического, радиоуглеродного и других анализов с указанием их точного места залегания.

2.6.16. Оригинал или копию открытого листа.

2.6.17. Оригинал или копию технического задания или документа, его заменяющего.

2.6.18. Оригинал или копию справки/акта о передаче коллекций и полевых материалов на постоянное или временное хранение.

3. Технические требования к научным исследованиям объектов археологического наследия посредством земляных и связанных с ними работ

3.1. Топографический план объекта археологического наследия.

3.1.1. Топографический план объекта археологического наследия выполняется в соответствии с действующими требованиями по созданию топографических планов общего назначения и требованиями к специальной части топографических планов объектов археологического наследия.

3.1.2. Топографический план раскапываемого памятника выполняется в масштабе 1:500 и/или крупнее. В особых случаях допускается выполнение топографического плана в масштабе 1:1000 или 1:2000. При этом на участок памятника, где проводятся раскопки, должен быть составлен план масштаба 1:500 с соответствующей точностью и детальностью.

3.1.3. Для передачи особенностей рельефа или конструктивных особенностей выраженных в рельефе археологических сооружений на соответствующие участки археологического памятника или отдельные объекты могут быть выполнены топографические планы в масштабе 1:200 или 1:100.

3.1.4. На изучаемый раскопками объект археологического наследия должен быть составлен инструментальный топографический план в следующих случаях:

- если инструментальный план отсутствует;
- если на памятнике отсутствует опорная геодезическая сеть, а съёмочная сеть не сохранилась;
- топографический план должен быть уточнен, если с момента последней съёмки/уточнения изменилась ситуация или прошло более 5 лет.

3.1.5. Топографический план объекта археологического наследия должен быть представлен в научном отчёте. На нём должен быть нанесён раскоп. Координаты характерных точек границы раскопа должны быть даны в каталоге/таблице, входящем(ей) в состав научного отчёта.

3.1.6. На топографическом плане в обязательном порядке показываются опорная и съёмочная геодезические сети. Координаты пунктов сетей представляются в отчёте в виде каталогов/таблиц. Координаты пунктов опорной сети должны быть представлены как в системе координат топографического плана, так и в условной системе координат раскопа/раскопов.

3.1.7. Пункты опорной геодезической сети должны обеспечивать быстрое и надёжное восстановление/разбивку съёмочной сети в районе раскопа. При этом их должно быть закреплено не менее 3 (рекомендуется не менее 4). Расстояние между смежными пунктами должно быть в пределах от 20 (рекомендуется от 40 м) до 350 м. Закрепление производится долговременными знаками, закрепление деревянными знаками не допускается.

3.1.8. Опорная геодезическая сеть должна быть разбита в непосредственной близости от участка, на котором планируется проведение раскопок. Погрешность в определении взаимного положения смежных пунктов опорной геодезической сети раскопа не должна превышать 0,02 м.

3.1.9. На пункты опорной геодезической сети составляются карточки закладки пунктов опорной геодезической сети, которые представляются в приложении к отчёту.

3.2. Система координат раскопа.

3.2.1. Раскопы проектируются, ориентируются и разбиваются в соответствии с формой и ориентировкой раскапываемого объекта, особенностей рельефа или в соответствии с формой участка, испрашиваемого для хозяйственного освоения.

3.2.2. Граница раскопа между характерными (поворотными) точками должна проходить по прямой. За исключением случаев, когда граница раскапываемого участка совмещена с линией обрыва, осыпи, скального выхода и т. п. При проектировании раскопа следует стремиться к сокращению количества углов, диагоналей, излишней зубчатости.

3.2.3. Как правило, раскопы имеют собственную условную систему плановых координат, соответствующую их форме и ориентировке. Для раскопов предпочтительнее использовать систему высот топографического плана.

3.2.4. В пределах одного памятника на разных раскопах возможно использование разных условных плановых систем. При этом следует придерживаться единой системы высот.

3.2.5. Координаты опорных точек с долговременными знаками закрепления (пунктов опорной геодезической сети) должны быть определены в условной системе координат каждого раскопа, что позволит осуществлять переход из одной системы координат в другую.

3.2.6. Вынос в натуру раскопа осуществляется по координатам характерных точек его границ, приведённых в плане проведения спасательных археологических полевых работ.

3.3. Нивелировка.

3.3.1. В отчёте должен быть представлен нивелировочный план раскопа в том же масштабе, что и общие чертежи горизонтальных и вертикальных разрезов.

3.3.2. Нивелировочный план должен в полной мере передавать рельеф раскапываемого участка, на нём должны быть отражены все археологические сооружения, выраженные в рельефе.

3.3.3. Плотность пикетов должна быть не ниже чем 9 на 1 кв. м при равномерном распределении (с шагом около 0,5 м). Для передачи всех особенностей рельефа в обязательном порядке пикетные точки должны быть определены по всем линиям, характеризующим перегибы поверхности (бровкам, гребням, вершинам, подножиям, тальвегам и т. п.), включая их окончания. Некоторое упрощение допускается только на участках с современными нарушениями поверхности, если иное не оговорено в задании или научно-технической документации.

3.3.4. Высота сечения горизонталями должна обеспечивать передачу всех особенностей рельефа и не должна превышать 0,2 м. Рекомендуемое сечение основными горизонталями — 0,1 м. Для передачи характерных черт следует применять дополнительные горизонтали (полугоризонтали) и вспомогательные горизонтали (сечение на произвольном уровне).

3.3.5. Горизонтали вычерчиваются линиями коричневого цвета, направления склонов показываются бергштрихами.

3.3.6. На нивелировочном плане должны быть показаны пикеты, высота которых была определена. При разгрузке (генерализации) пикетов на нивелировочном плане их плотность не должна быть ниже, чем указанная в п. 3.3.3.

3.3.7. При раскопках условными горизонтами нивелировочный план может составляться по планам уровней фиксации, то есть определением фактических высот линий, соответствующих внешнему краю горизонтальных разрезов. В этом случае пикеты могут определяться и проставляться только на вершинах/гребнях положительных форм рельефа и на дне/тальвегах отрицательных форм рельефа.

3.4. Земляные работы.

3.4.1. Земляные работы проводятся методом археологических раскопок. Раскопки культурных слоёв, в том числе деформированных, изрытых или переотложенных, должны вестись ручным способом с использованием

лопат, совков, мастерков, шпателей, ножей, кистей и иного ручного инструмента.

3.4.2. В исключительных случаях земляные работы могут проводиться методами археологических наблюдений с использованием землеройной техники. Например, землеройная техника может применяться:

а) для снятия стерильных техногенных отсыпок или естественных наносов (например, эоловых наносов или аллювиальных отложений) до уровня, не затрагивающего подошву отсыпки или наноса (при снятии естественных наносов и отложений производится фиксация горизонтальных разрезов с частотой не реже, чем через каждые 0,2 м);

б) на участках, непосредственно связанных с объектом археологического наследия (памятником), в том числе исторически и/или функционально, но не захватывающих территорию, непосредственно занятую данным или иным объектом археологического наследия, то есть на участках, на которых в ходе их археологического полевого обследования признаки культурного слоя и археологические сооружения не выявлены²².

Все случаи применения методов археологических наблюдений должны быть обоснованы в Проектной документации и согласованы с органом исполнительной власти субъекта РФ, осуществляющим функции в области охраны объектов культурного наследия

3.4.3. Применяемые при археологических раскопках методы должны обеспечивать фиксацию всех археологических сооружений и слоёв, включая свод и подошву. При этом должна быть обеспечена объективность и проверяемость проведённых наблюдений.

3.4.4. На территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры основным методом ведения археологических раскопок являются раскопки условными горизонтами. Даже выборка заполнения археологических сооружений должна вестись условными горизонтами с фиксацией каждого горизонтального разреза на условном уровне (табл. 1).

3.4.5. Раскопки должны проводиться горизонтальными зачистками со срезанием/снятием земельных пластов толщиной не более 0,5—1,0 см и единовременным перепадом высот на понижаемом участке не более 2 см, обеспечивая тем самым возможность фиксации горизонтального разреза на промежуточном/дополнительном уровне, в случае резкого изменения стратиграфической ситуации.

3.4.6. Средняя погрешность выведения под фиксацию горизонтальных и вертикальных разрезов не должна превышать 0,01 м, максимальная — не более 0,02 м.

3.4.7. Предварительное снятие дёрна (верхний слой почвы, густо заросший травянистыми растениями и скреплённый переплетением их корней) допускается только на памятниках, поросших луговой или степной растительностью, где корневая система в слое дёрна не позволяет вести работы горизонтальными срезами. В остальных случаях допускается только очистка

поверхности от напочвенного покрова (кустарничковые, мхи, лишайниковые, трава, мелкотравье, опад и т. п.).

3.4.8. При раскопках фиксация горизонтальных разрезов должна вестись с самых верхних уровней (не ниже 0,1 м от самой высокой точки поверхности в пределах раскопа/участка), с шагом не более значений, приведённых в табл. 1.

Таблица 1

Высота шага условных уровней горизонтальных сечений (разрезов)

Условия	Высота горизонтальных сечений
На наклонных участках с уклоном более 30°	Не более 0,20 м
На горизонтальных участках с однородным культурным слоем и простой стратиграфией	Не более 0,10 м
На участках со сложной стратиграфией, включая придонную часть археологических сооружений: построек, хозяйственных и могильных ям и т. д.	Не более 0,05 м
Объекты особой сложности, остатки сложных конструкций, горизонтальные слои и прослойки мощностью до 0,05 м	Сечение должно максимально отражать форму объекта; может выполняться на произвольном уровне, но не реже чем через 0,025 м

3.4.9. В некоторых случаях допускаются раскопки методом выборки заполнения археологических сооружений. Например, при расчистке погребальных камер, придонной части ям и котлованов сооружений с сохранившимися конструкциями, скоплений костей или предметов и т. п.

3.4.9.1. При раскопках методом выборки заполнения объективность фиксации обеспечивается применением фотограмметрических методов, позволяющих создать объёмную фотограмметрическую модель и представить её в части научного отчёта (на бумажном носителе) в виде ортогональных и аксонометрических фотографических проекций, а рельеф расчищенной поверхности представить изогипсами (горизонталями) с заданной высотой сечения (табл. 1).

3.4.9.2. Особое внимание при выборке должно уделяться объективной фиксации слоёв, составляющих предполагаемое заполнение, что может быть обеспечено выборкой по контурам условными горизонтами с фотограмметрической фиксацией горизонтальных сечений с заданными интервалами (табл. 1).

3.4.9.3. После фиксации расчищенного объекта и изъятия находок объект должен быть «докопан» условными горизонтами вместе со всем раскапываемым участком, на котором он находится. Фиксация горизонтальных разрезов «докапываемого» объекта должна быть не реже, чем через 0,05 м, а в придонной части — не реже, чем через 0,025 м. Это позволяет уточнить контуры объекта, оценить качество и достоверность раскопок методом выборки заполнения. Часто фиксация горизонтального разреза на уровне материка или нижележащих слоёв под дном объекта позволяет получить дополнительные сведения об объекте, например, по

гнилостному промоканию определить первоначальное положение тела в разграбленном погребении.

3.5. Фиксации при проведении раскопок.

3.5.1. При проведении раскопок основными объектами фиксации являются стратиграфия (размеры, форма и взаимное расположение культурных слоёв относительно друг друга и связанных с ними природных — почвенных и геологических — слоёв), а также остатки сооружений, конструкций и иные, связанные с человеческой деятельностью объекты и предметы.

3.5.2. Фиксация на раскопе должна вестись методами, обеспечивающими условия, изложенные в п. 1.5.

3.5.3. Из известных методов объективной фиксации, которые потенциально могут быть применены при проведении раскопок, можно отметить следующие:

- фотограмметрические методы;
- методы получения и обработки информации о положении и форме объектов с помощью активных оптических систем (LIDAR);
- радиолокация — получение информации о положении в пространстве и определение свойств различных объектов с помощью радиоволн (например, с применением почвенных радаров);
- электрогеофизические методы;
- сейсмолокация.

3.5.4. Из всех перечисленных методов наиболее применимыми для фиксации на раскопе являются **фотограмметрические** (по одиночным фотографическим снимкам и/или стереопарам)²³. При относительно невысокой стоимости необходимого оборудования и простоте технологического процесса они обеспечивают:

- а) высокую точность;
- б) объективность и достоверность информации, за счет её получения фотографическим путём и высокой степени автоматизации процесса обработки, что сводит к минимуму субъективное влияние;
- в) получение в короткий срок информации как обо всём объекте, так и об отдельных его частях и деталях;
- г) высокую производительность, поскольку измеряются не сами объекты, а их изображения, и это позволяет автоматизировать процессы измерений по снимкам с последующей обработкой на компьютере;
- д) возможность оценки правильности наблюдений и точности измерений;
- е) возможность повторения наблюдений и измерений в случае получения спорных результатов или, при необходимости, увеличение детализации.

3.5.4.1. Фотограмметрическими методами выполняются:

- ортогональные фотографические проекции вертикальных и горизонтальных разрезов, выполняемых по одиночному фотоснимку или стереопаре;
- цифровые объёмные модели по двум и более снимкам.

Эти методы применяются как самостоятельно или совместно, так и в сочетании с другими методами археологической фиксации.

3.5.4.2. Информация, представленная на фотограмметрических снимках, в обязательном порядке должна дополняться описаниями, схемами, аннотированными кроками и/или абрисами. Семантическая информация может быть дополнена образцами (например, информация о литологическом типе стратиграфического слоя может быть дополнена образцами грунта).

3.5.5. Сравнимы по информативности, точности и объективности с фотограмметрическими методами технология LIDAR, частным случаем которой является лазерное сканирование, при условии наложения на полученную модель (плоскую или объёмную) фотографического изображения (определения цвета точек плотного облака по фотоснимку). Основные недостатки, которые не позволяют широко использовать эту технологию:

- а) высокая стоимость оборудования для производства полевых работ;
- б) относительно низкая скорость получения данных;
- в) необходимость больших вычислительных мощностей для обработки данных.

3.5.6. Фиксации на раскопе могут выполняться и другими объективными методами, если точность и содержание получаемых данных аналогичны либо точнее и полнее данных, получаемых фотограмметрическими методами. При этом получаемые данные должны соответствовать требованиям к научному знанию об объекте археологического наследия.

3.5.7. Чертежи (планы и разрезы раскопов, стратиграфические профили, планы и профили курганов, планы и разрезы погребений и иные чертежи), выполняемые непосредственно на месте проведения работ с натуры, могут рассматриваться лишь как дополнение к фотограмметрическим или иным объективным фиксациям, которое отражает мнение чертёжника, исследователя или группы лиц, принимавших участие в интерпретации увиденного.

3.6. Планы и профили.

3.6.1. На чертежах (графических изображениях) планов археологического раскопа независимо от применяемой методики земляных работ и методов фиксации все котлованы и насыпи археологических сооружений, особенности археологических (культурных) напластований передаются изогипсами (линиями, состоящими из точек с одинаковой высотой) или дешифровкой ортогональных проекций горизонтальных сечений (разрезов).

3.6.2. Высота сечения должна обеспечивать передачу особенностей раскапываемых объектов и культурных напластований, включая их свод и подошву, при этом не превышать значений, указанных в табл. 1.

3.6.3. Для передачи характерных черт следует применять дополнительные горизонтальные сечения (на половине высоты основных сечений) и вспомогательные сечения (сечение на произвольном уровне).

3.6.4. Горизонтальные сечения могут представляться как на отдельных планах горизонтов, так и на совмещённых планах.

- 3.6.5. Вертикальные разрезы (профили) выполняются в натуре с частотой не реже, чем через 12 м. В обязательном порядке они должны рассекать все выраженные в рельефе объекты (остатки сооружений, построек, насыпи, ямы и т. п.).
- 3.6.6. Кроме того, следует выполнять вертикальные разрезы всех выявляемых в процессе раскопок ям, очагов и иных сооружений.
- 3.6.7. В исключительных случаях допускается строить вертикальные разрезы по фиксациям горизонтальных разрезов или по объёмным моделям этих объектов (в том числе цифровым).
- 3.6.8. Семантическая составляющая раскопанных сооружений и культурных напластований передаётся на планах и профилях с помощью условных обозначений, штриховок (заливок), экспликаций, пояснений или их сочетании.
- 3.7. Точность и масштабы графических и фотографических материалов.
- 3.7.1. Масштаб графических и фотографических материалов должен обеспечивать передачу всех характерных деталей археологического памятника, раскапываемых объектов, культурных напластований, предметов и т. п.
- 3.7.2. Масштабы выполняемых графических изображений, картографических и топографических материалов, ортогональных фотографических проекций горизонтальных и вертикальных разрезов, объёмных моделей, рисунков и фотографий предметов должны соответствовать ГОСТ 2.302-68²⁴:
- масштабы уменьшения — 1:2; 1:2,5; 1:4; 1:5; 1:10; 1:15; 1:20; 1:25; 1:40; 1:50; 1:75; 1:100; 1:200; 1:400; 1:500; 1:800; 1:1000; 1:2000; 1:5000; 1:10000; 1:25000; 1:50000;
 - натуральная величина — 1:1;
 - масштабы увеличения — 2:1; 2,5:1; 4:1; 5:1; 10:1; 20:1; 40:1; 50:1; 100:1; 100n:1 (n — целое число).
- 3.7.3. На фотографических проекциях должны отчетливо различаться детали, размеры которых должны соответствовать заданному масштабу. То есть на ортогональных проекциях в масштабе выполнения/представления размер отчетливо различимых деталей не должен превышать значения, различного невооруженным глазом, — 0,1-0,3 мм, а размер пикселя не должен превышать 0,05 мм.
- 3.7.4. Погрешность определения положения опорных точек, используемых для исправления искажений фотоснимков, не должна превышать 0,02 м по отношению к ближайшим пунктам съемочной сети раскопа.
- 3.7.5. Общие ортогональные фотографические проекции и графические чертежи горизонтальных и вертикальных разрезов раскопа в компьютерных программах выполняются с точностью и детальностью не ниже принятой для масштаба 1:20. Для сложных сооружений, в том числе погребений, точность и детальность должны соответствовать масштабу не мельче 1:5.
- 3.7.6. На бумажном носителе общие чертежи и ортогональные фотографические проекции разрезов представляются в масштабе не мельче чем

1:50, сложные сооружения и конструкции — в масштабе не мельче чем 1:20, погребения — в масштабе не мельче чем 1:10.

3.7.7. Точность определения положения контуров по отношению к ближайшим точкам съёмочной сети должна соответствовать требованиям для планов масштаба 1:50 (1:40), а детальность вычерчиваемых планов и профилей должна быть не ниже 0,0005 м в масштабе чертежа (табл. 2).

Таблица 2

Требования к точности и детальности чертежей

Масштаб	Точность определения положения контуров по отношению к ближайшим точкам съёмочной сети	Минимальный размер отображаемых на чертеже значимых деталей и элементов	Допустимая ошибка взаимного положения смежных элементов
1:50 (1:40)	0,025 м	Не более 0,025 (0,020) м	Не более 0,0130 (0,0100) м
1:20	0,020 м	Не более 0,010 м	Не более 0,0050 м
1:10	0,020 м	Не более 0,005 м	Не более 0,0025 м

3.8. Извлечение и фиксация находок.

3.8.1. Все находки, полученные в результате раскопок, должны быть взяты для музейного хранения, частичное изъятие находок и оставление материалов на месте раскопа не допускается.

3.8.2. Извлечение находок, в том числе и с кажущейся хорошей сохранностью, должно производиться с осторожностью, с применением соответствующих рекомендаций и методов полевой консервации.

3.8.3. Все находки должны быть внесены в коллекционную опись. У всех находок должны быть определены координаты, включая уровень, определённый слой и объект залегания. Находки, найденные при переборке/просеивании/промывке грунта, включаются в коллекционную опись с указанием слоя и места, из которого промывался грунт. Предметы, найденные в отвалах, также включаются в полевую коллекционную опись с соответствующим пояснением.

3.8.4. Находки плохой сохранности, которые не удалось извлечь из грунта и законсервировать, также в обязательном порядке вносятся в полевую коллекционную опись с соответствующим пояснением.

3.8.5. В обязательном порядке полевая коллекционная опись должна содержать следующую информацию:

- номер по описи;
- наименование предмета;
- координаты залегания;
- слой залегания;
- объект залегания²⁵.

3.8.6. В опись могут быть включены следующие поля:

- описание предмета;
- сохранность;

- размеры;
- вес (обязательно для изделий из драгоценных металлов);
- датировка;
- культурная принадлежность;
- данные о принадлежности фрагмента или части к какому-то предмету (например, принадлежность фрагментов к одному сосуду).

3.9. Фотофиксация.

3.9.1. Фотофиксация на раскопе является наиболее объективным способом фиксации наблюдений. Она сводит к минимуму субъективизм наблюдений; обеспечивает полноту представления наблюдаемого объекта; даёт возможность получить в короткий срок информацию как обо всём наблюдаемом объекте, так и о его частях, проверить и оценить точность и правильность полученных результатов; позволяет повторно провести наблюдения.

3.9.2. Фотофиксация должна отражать основные этапы работ, внешний вид памятника, методику проведения работ, раскопанные культурные напластования, археологические объекты и их детали.

3.9.3. При применении фотограмметрических методов способы фотофиксации на раскопе должны обеспечивать построение ортофотопланов вертикальных и горизонтальных разрезов или/и объёмных моделей раскопанных объектов и культурных напластований.

3.9.4. Ортогональные фотографические проекции и объёмные модели могут представляться в приложениях к отчёту на электронных носителях. При этом ключевые ортогональные и аксонометрические фотографические проекции должны быть представлены/продублированы в иллюстрациях на бумажном носителе.

3.10 Правила измерений.

3.10.1. Средние ошибки в положении на планах и профилях точек и контуров с чёткими очертаниями относительно ближайших точек съёмочного обоснования в масштабе чертежа не должны превышать 0,5 мм, а максимальные ошибки — 0,7 мм.

3.10.2. В случаях создания чертежей укрупнённого масштаба на отдельные объекты (погребения, очаги, ямы и т. п.), где указанная выше графическая точность не требуется, они могут создаваться с точностью графических материалов смежного более мелкого масштаба (например, планы погребений масштаба 1:10 могут быть созданы с точностью планов масштаба 1:20, а планы масштаба 1:20 — с точностью планов масштаба 1:40 или 1:50 и т.д.). Методика создания таких материалов оговаривается в соответствующем разделе отчёта о НИР, а на чертежах обязательно указывается их точность.

3.10.3. Измерения на раскопе производят с точностью до миллиметров. Для представления в отчёте о НИР результаты этих измерений можно округлять до сантиметров.

3.10.4. При округлении значений измерений не допускается последовательное округление, округление следует производить сразу до нужного

количества знаков. Округление производится к ближайшему целому если $N+1$ знак больше или меньше 5. В случае, когда $(N+1)$ -й знак равен 5, а последующие знаки равны нулю — к большему или использовать правило Гауссова округления («половины — до ближайшего чётного», при последовательных измерениях применение этого правила предпочтительно).

3.11. Консервация раскопов.

3.11.1. После проведения раскопок все раскрытия должны быть законсервированы.

3.11.2. Консервация должна исключить разрушение сохраняемой части памятника естественными факторами — эрозия почвы, выветривание, осадки, оттаивание многолетней мерзлоты, паводковые воды и т. п.

3.11.3. Угол откоса насыпи присыпанного борта раскопа не должен быть более 15° .

3.11.4. За пределами раскопа не должны оставаться отвалы грунта.

3.11.5. В пределах законсервированного раскопа рельеф не должен резко отличаться от окружающей местности. В его пределах не должно оставаться бугров и ям, которые могут создавать угрозу для животных и человека.

3.11.6. В задании на проведение археологических раскопок может быть предусмотрено восстановление/реставрация рельефа, в том числе и археологических объектов, выраженных в рельефе, и специальные мероприятия по восстановлению растительности.

3.11.7. Для консервации допускается применение техники: экскаваторов, бульдозеров, скреперов и т. п. При этом следует принять меры по исключению повреждения сохраняемой части объекта археологического наследия при проведении работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Ст. 45.1, п. 10.

² Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации (утверждено постановлением БОИФН АН от 20.06.2018 № 32) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.archaeolog.ru/media/2018/Polozhenie_05-06-18.doc (дата обращения 01.07.2018).

³ Инструкция по составлению отчёта об археологических исследованиях / Утв. приказом Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 18.05.2015 № 27-ПП // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/f8f/instruktsiya_otchet_nir.docx (дата обращения 01.07.2018); То же с изменениями от 02.11.2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/doc-135893684_458549123 (дата обращения 01.07.2018).

⁴ Письмо Минкультуры РФ от 27.01.2012 N 12-01-39/05-АБ «О Методике определения границы территории объекта археологического наследия»

⁵ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ... Ст. 45.1, п. 7, пп. 2.

⁶ Городцов В.А. Руководство для археологических раскопок. — М.: Изд. Императорского Московского археологического ин-та им. императора Николая II, 1914. — С. 5.

⁷ Неформальное объединение Ассоциация «Северная археология» было создано в 1998 г. по инициативе В.А. Арефьева и К.Г. Карачарова с целью саморегулирования деятельности в области археологических исследований — создания корпоративных этических норм, правил проведения работ, общих методологических подходов, методик и рекомендаций, а также для корпоративного контроля за их соблюдением.

⁸ Условный пласт — это слой земли/грунта между смежными условными горизонтами. Условный горизонт — это плоскость, горизонтально секущая почвенные слои через заданную высоту, обычно через 5 или 10 см.

⁹ Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. — М.: Высшая школа, 1972. — С. 182—186; Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. — 2-е изд., перераб., доп. — М.: Высшая школа, 1980. — С. 178—182.

¹⁰ Кольцов Л.В. Разведки и раскопки мезолитических и неолитических стоянок // Методика полевых археологических исследований. — М.: Наука, 1983. — С. 6—9.

¹¹ Алексеева Е.М. Раскопки античного города // Методика полевых археологических исследований. — Л.: Наука, 1989. — С. 9.

¹² Щеглов А.Н. Разведки и раскопки античных сельских поселений и аграрных систем // Методика полевых археологических исследований. — М.: Наука, 1983. — С. 27—28.

¹³ Розенфельдт Р.Л. Разведки и раскопки памятников железного века в лесной полосе европейской части СССР // Методика полевых археологических исследований. — М.: Наука, 1983. — С. 35.

¹⁴ Краснов Ю.А. Раскопки грунтовых могильников // Методика полевых археологических исследований. — Л.: Наука, 1989. — С. 35.

¹⁵ Литологический тип (литотип) — тип породы/грунта, идентифицируемый по набору литологических признаков (состав, структура, генезис).

¹⁶ Данные — зарегистрированная информация, представление фактов, понятий или инструкций в форме, приемлемой для общения, поддающихся многократной интерпретации или обработке человеком, или с помощью автоматических средств.

¹⁷ Конституция Российской Федерации. Ст. 44, п. 3.

¹⁸ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ... Ст. 45.1, п. 7., пп. 2.

¹⁹ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ... Ст. 40, п. 2.

²⁰ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ... Ст. 45.1, п. 7, пп. 2.

²¹ Факт — термин, в широком смысле выступает как синоним истины; событие или результат; реальное, а не вымышленное; конкретное и единичное в противоположность абстрактному и общему. Истинное событие, происшествие, явление, то, что действительно было, имело место. Как форма эмпирического знания факт противопоставляется теории или гипотезе.

²² Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ... Ст. 3.1, п. 1.

²³ Инструкция по фотограмметрическим работам при создании цифровых топографических карт и планов (Москва, ЦНИИГАиК, 2002) утверждена Федеральной службой геодезии и картографии России; Пособие по созданию ортогональных фотографических проекций стратиграфических разрезов объектов археологического наследия по одиночным фотографическим снимкам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/doc-135893684_440271453 (дата обращения 01.07.2018).

²⁴ ГОСТ 2.302-68 — Единая система конструкторской документации. Масштабы.

²⁵ Приказ Минкультуры РФ от 08.12.2009 № 842 «Об утверждении Единых правил организации формирования, учёта, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации».

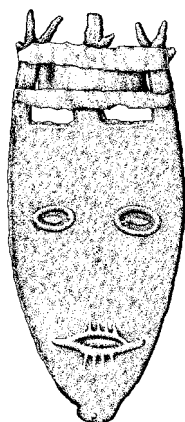
K. Karacharov

**On Regulating Archaeological Excavations in the Territory
of Khanty-Mansi Autonomous District**

Abstract. The paper gives an analysis of the crisis situation in Russian archeology, which connected with archaeological field research — archaeological excavations. It is proposed to develop regulations in archaeological branch on the basis of corporate self-regulatory guidance documents and rules. The article introduces the text of corporate Archaeological Excavation Rules in the Khanty-Mansi Autonomous District. This document was elaborated and adopted for the voluntary use among members of informal association «Northern Archeology Association».

Key words. Archaeological excavations, regulation, scientific regulation, branch standards, preservation of archaeological heritage sites, information, methodology, scientific approach, excavation of conditional horizontal layers.

E-mail: mail@karacharov.ru

Сохранение культовых объектов восточных хантов: предмет охраны, границы территории объекта (по материалам Сургутского Приобья)

А.А. Рудь

г. Сургут

МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора»

Аннотация. Восточные ханты на протяжении XX в. сохраняли устойчивые черты традиционной культуры таёжных оленеводов, рыбаков и охотников. Одним из важнейших её оснований как в прошлом, так и в настоящем выступала традиционная религия, включающая анимистические и тотемистические представления. У восточных хантов, как правило, места поклонения традиционным божествам и духам в окружающем природном пространстве локализованы в виде культовых объектов (святилищ, сакральных ландшафтов). В таких местах коренные жители совершают традиционные религиозные ритуалы. В некоторых случаях, помимо собственно природных ландшафтов, культовые объекты могут включать небольшие деревянные постройки, в которых хранятся изображения божеств и духов, а также приношения им. Факторами, оказывающими влияние на функционирование культовых объектов восточных хантов, в течение последних 50 лет, являются: промышленное освоение территории Сургутского Приобья, урбанизация, изменение демографической ситуации, технологическая и информационная революция, миссионерская деятельность неопротестантских церквей. В последней четверти XX в. практически все территории проживания восточных хантов в той или иной степени подверглись промышленному освоению. Начиная с этого времени проблемы сохранения святилищ как неотъемлемой части традиционной культуры хантов приобрели особую актуальность. В работе рассмотрены основные этапы государственной политики в деле охраны культовых объектов восточных хантов с 1970-х гг. до настоящего времени. Представлена авторская точка зрения на дискуссионные вопросы предмета охраны и границ территории культовых объектов восточных хантов на основании материалов, собранных с 1997 г. на р. Агане, Тромъегане, Пиме, Лямине, Большом Югане и Малом Югане.

Ключевые слова. Сургутское Приобье, восточные ханты, культовые объекты, сохранение материального культурного наследия.

Государственная охрана культовых объектов восточных хантов в период с 1970-х гг. до настоящего времени

В 1970-х гг. примеров целенаправленной охраны культовых объектов восточных хантов не известно. Масштабное развитие инфраструктуры поисков и добычи углеводородного сырья стало представлять реальную угрозу сакральным ландшафтам. Имели место случаи постановки геодезических пунктов триангуляции на сакральных ландшафтах, приуроченных к доминирующим высотам¹. Действовавший в 1970—1980-х гг. Закон СССР от 29.10.1976 № 4692-IX «Об охране и использовании памятников истории и культуры» не содержал указаний на сохранение святилищ традиционных культур. Хотя отдельные статьи закона могли быть применимы и к культовым объектам. Так, в ст. 5 «Виды памятников истории и культуры» содержалась категория «памятники истории», включавшая *«памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народа ...с развитием... культуры и быта народов»*².

В то же время в связи с появлением процедуры археологических исследований на территориях, отводимых под промышленное освоение, отдельные культовые объекты восточных хантов попали под государственную охрану в качестве верхних горизонтов культурного слоя археологических памятников. Среди них:

- городище Святое в бассейне р. Тромъеган (находится в границах святилища *Кор Воч Эвэт*)³,
- городище Ермаково I на р. Тромъеган (приурочено к святилищу *Эвыт* или *Шаман-гора*)⁴,
- городища Барсов Городок I/4 и Барсов Городок I/7⁵ на территории археологического урочища Барсова Гора (почитаемого природного ландшафта, известного у восточных хантов под именем *Лукут Эвэт*)⁶.

Некоторые значимые сакральные ландшафты, не содержащие объектов археологии, не попали под государственную охрану и были оставлены хантами по причине промышленного освоения рядом с ними⁷. Отметим, что у коренных жителей сохранился сакральный статус этих территорий.

Фактическое становление государственной охраны культовых объектов в ХМАО — Югре произошло на рубеже 1980—1990-х гг. Политические и социальные изменения кон. 1980-хх гг. породили всплеск интереса к культуре и религии коренного населения Западной Сибири. Тогда же вместе с распадом СССР разрушилась и правовая база Со-

ветского государства. На замену пришли новые социальные отношения, ценностные ориентиры, выстраивалось новое законодательство. В это время в сфере охраны объектов культурного наследия вышло Постановление Верховного Совета РСФСР от 25.12.1990 № 447-1 «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР». В условиях социальной и политической нестабильности данным постановлением подтверждалось, что *«культурное и природное наследие является национальным богатством всех народов, проживающих в РСФСР»*. В связи с неопределённым положением историко-культурного и природного наследия постановление предписывало:

«3. ...До принятия нового законодательства об охране и использовании комплекса историко-культурного и природного наследия...

...приостановить, при отсутствии положительного заключения соответствующей государственной экспертизы, отвод земель, строительные, мелиоративные, дорожные, горнодобывающие и другие работы в пределах охраняемых, а также находящихся в стадии проектирования и вновь выявленных уникальных природных и историко-культурных территорий, объектов с зонами их охраны».

«5. Местным Советам народных депутатов:

...предусмотреть приоритетное право использования культовых и других зданий по их первоначальному назначению с одновременным отводом земель и строений, необходимых для выполнения их функций, за соответствующими религиозными, национально-культурными объединениями...»⁸.

Таким образом, полномочия в сохранении культовых объектов были переданы региональным исполнительным властям. Одной из задач охраны культовых объектов в автономном округе стали их выявление, натурное обследование и учёт. В 1990-х гг. эта работа проводилась научно-исследовательскими организациями по заказу Комитета по делам малочисленных народов ХМАО и Службы главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия окружного Департамента культуры и искусства⁹.

С кон. 1990-х гг. порядок учёта культовых объектов включал:

1. Выявление культовых объектов (в процессе опросов информантов, работ с архивными и письменными источниками, при обследовании земельных участков, отводимых под промышленное освоение).

2. Натурное обследование культовых объектов с целью определения его научной и культурной ценности, предмета охраны и границ.

3. Подготовка учётной документации и внесение культовых объектов в региональный «Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность ХМАО — Югры» (далее — Список. — А.Р.)¹⁰.

Упомянутый Список велся в соответствии с п. 18 «Положения об охране и использовании памятников истории и культуры», утверждённого Постановлением Совета Министров СССР № 865 от 16.09.1982¹¹, а также п. 1, 6 и 8 ст. 18, п. 1 ст. 63 Федерального закона № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ»¹².

Только что указанный федеральный закон с момента вступления в силу является основным нормативно-правовым актом, регламентирующим сохранение, использование и государственную охрану объектов культурного наследия. И большинство святынь коренных жителей ХМАО — Югры изначально подпадало под его юрисдикцию в качестве «объектов культурного наследия». Ст. 3 гласит: *«К объектам культурного наследия народов РФ... относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры»* (выделено нами. — А.Р.).

Согласно этой же статьи федерального закона объекты культурного наследия подразделяются на виды: памятники, ансамбли, достопримечательные места. Видовая принадлежность культовых объектов коренных жителей ХМАО — Югры более всего соотносится с определением «достопримечательного места»: *«Достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места традиционного бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на терри-*

тории РФ, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов; места захоронений жертв массовых репрессий; религиозно-исторические места» (в ред. Федерального закона от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ) (выделено нами. — А.Р.).

В 2005 г. в результате накопленного опыта в сфере сохранения культовых объектов коренных жителей автономного округа был принят закон ХМАО — Югры № 92-ОЗ от 08.11.2005 «О святынях коренных малочисленных народов в ХМАО — Югре». В региональном законе для обозначения культовых объектов используется термин «святыня». Закон предполагает признание их в качестве «выявленных объектов культурного наследия автономного округа»:

«Ст. 3. Понятие святыни коренных малочисленных народов.

Под святыней коренных малочисленных народов... понимается элемент природного ландшафта, считающийся священным местом в силу его значимости для религии и для отправления религиозных обрядов данных народов. При этом святыня коренных малочисленных народов... должно быть признано выявленным объектом культурного наследия автономного округа или включённым в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ...»¹³.

Несмотря на недоработанность указанного закона в части соответствия некоторых святынь нормативно-правовому термину «объект культурного наследия», на региональном уровне он послужил дополнительным юридическим инструментом для сохранения культовых объектов.

Внесение культовых объектов в региональный список и получение ими статуса «выявленного объекта культурного наследия» округа позволили органам государственной охраны объектов культурного наследия ограничивать деятельность хозяйствующих субъектов на территориях святынь и в непосредственной близости от них. По сложившемуся в ХМАО — Югре порядку взаимодействия органов государственной охраны объектов культурного наследия и промышленных компаний рассмотрение большей части землеотводов на несколько лет предваряло начало фактического строительства. Это позволяло ещё на стадии проектирования изменить проект или минимизировать его негативные воздействия на культовые объекты.

В случаях, когда аппетиты промышленных компаний по освоению новых территорий вступали в конфликт с интересами коренных жителей, первые вынуждены были инициировать работы по созданию проектов охранных зон святыщ и сакральных ландшафтов¹⁴. Работы осуществлялись организациями, специализировавшимися в сфере сохранения культурного наследия и руководствовавшимися «Положением о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ» № 315 от 26.04.2008. В разрабатываемых проектах определялись границы самих культовых объектов, а также охранные зоны: зона регулируемой застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта. В этих зонах хозяйственная деятельность имела различные ограничения. Возможность выделения зон охраны была предусмотрена ст. 2 указанного положения: *«На сопряжённой с объектом культурного наследия территории может быть установлена одна или несколько зон охраны: охранный зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта»*¹⁵.

Процедура утверждения границ зон охраны объектов культурного наследия осуществлялась на основании п. 1 ст. 13 регионального закона № 64-ОЗ от 29.06.2006 «О сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре».

Отметим, что единой методики в определении границ культовых объектов и их зон охраны не сложилось. Каждый коллектив разработчиков имел разные подходы к определению «территории объекта культурного наследия», «охранной зоны», «зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности», «зоны охраняемого природного ландшафта». В отдельных случаях это приводило к спорным ситуациям. Одна из них произошла в 2011 г. между двумя коллективами разработчиков, когда ОАО «Сургутнефтегаз», не удовлетворившись результатами зонирования достопримечательного места «Священное озеро Имлор» в бассейне р. Тромъеган, заказало новый проект у другого коллектива и добилось пересмотра границ комплекса культовых объектов в нужную для себя сторону¹⁶.

В конце первого десятилетия XXI в. в сфере сохранения культовых объектов ХМАО — Югры произошли изменения, вызванные переменами в федеральном законодательстве. В 2009 г. Постановлением Правительства РФ № 569 от 15.07.2009 было утверждено «Положение о государственной историко-культурной экспертизе»¹⁷. Этот

документ, как и последние редакции Федерального закона № 73-ФЗ от 25.06.2002 г., чётко регламентируют порядок постановки объектов культурного наследия на государственную охрану через проведение государственной историко-культурной экспертизы.

В нач. 2010-х гг. в связи с приведением охраны и учёта объектов культурного наследия ХМАО — Югры в соответствие с федеральным законодательством культовые объекты коренных жителей, не прошедшие процедуру государственной историко-культурной экспертизы, были включены в «Перечень объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия ХМАО — Югры»¹⁸. Исключением стали святилища, вошедшие в «Государственный список недвижимых памятников истории и культуры значения ХМАО» на основании Постановления губернатора округа от 04.03.1997 № 89¹⁹. Они с момента внесения в указанный список в качестве выявленных объектов культурного наследия были приняты под государственную охрану как объекты культурного наследия окружного значения. На сегодняшний день, в соответствии с действующими нормативно-правовыми документами, работа по постановке культовых объектов под государственную охрану построена на выявлении у них признаков объекта культурного наследия, определения предмета охраны и установления границ. Эта процедура распространяется и на культовые объекты, попавшие в «Перечень объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия ХМАО — Югры».

Помимо перечисленных выше нормативно-правовых актов, возможности сохранения культовых объектов содержатся и в других федеральных законах. В Законе РФ № 82-ФЗ от 30.04.1999 «О гарантии прав коренных малочисленных народов РФ» п. 5 ст. 10 «Права лиц, относящихся к малочисленным народам, на сохранение и развитие своей самобытной культуры» указано: *«Лица, относящиеся к малочисленным народам, объединения малочисленных народов в целях сохранения и развития своей самобытной культуры и в соответствии с законодательством РФ вправе...5) соблюдать свои традиции и совершать религиозные обряды... содержать и охранять культовые места»*²⁰.

К культовым объектам, включающим акватории водоёмов, применимы нормы «Водного кодекса» РФ № 74-ФЗ от 03.06.2006 г.:

«Ст. 66. Особо охраняемые водные объекты.

1. Водные объекты или их части, имеющие особое природоохрannое, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздо-

ровительное значение, могут быть признаны особо охраняемыми водными объектами.

2. Статус, режим особой охраны и границы территорий, в пределах которых расположены водные объекты, указанные в части 1 настоящей статьи, устанавливаются в соответствии с законодательством об особо охраняемых природных территориях и законодательством РФ об объектах культурного наследия»²¹.

Ещё одним инструментом сохранения сакральных ландшафтов в ХМАО — Югре является практика согласования коренными жителями землеотводов, находящихся в пределах их территорий традиционного природопользования. До сер. 1980-х гг. согласование размещения промышленных объектов с коренными жителями практически не проводилось. Поэтому в начальный период промышленного освоения среди восточных хантов была распространена практика сокрытия месторасположения культовых объектов²². Во время перестройки появились первые региональные законодательные акты, позволявшие коренным жителям сохранить традиционную среду проживания и культуру, в том числе сакральные ландшафты²³. Э. Вигет и О.Э. Балалаева указывают, что «*принятие этих законов привело в движение юридический процесс официального определения границ семейных охотничьих территорий (родовых угодий) и выдачи правительственных актов, подтверждающих, что право пользования этими землями принадлежит семьям, живущим на них*»²⁴.

Сложившаяся в 1990-х гг. в ХМАО — Югре система родовых угодий (позднее — территорий традиционного природопользования) закрепила за коренными жителями право и возможность согласования строительства промышленных объектов на этих землях. Однако эта мера, направленная на сохранение традиционной культуры коренных жителей, в отношении культовых объектов имеет недостатки. В настоящее время среди восточных хантов наблюдаются противоречивые позиции в вопросах согласования землеотводов в границах сакральных ландшафтов. В оценке значимости культового объекта и его дальнейшей судьбы информанты руководствуются не только принципом безусловного сохранения. Современные социальные отношения, ценностные ориентиры, материальные компенсации со стороны недропользователей, переход части хантов в неопротестантское вероисповедание приводят к ослаблению традиций, безразличию к судьбе своих святынь, а в отдельных случаях — к пересмотру их сакрального статуса и согласованию размещения промышленных объектов в их границах²⁵.

Общественные обсуждения проектов достопримечательных мест

Начиная с 2012 г. культовые объекты, прошедшие государственную историко-культурную экспертизу, начинают получать правовой статус объектов культурного наследия в качестве достопримечательных мест. Согласно сложившемуся в ХМАО — Югре порядку, в случаях, затрагивающих значимые святыни коренных жителей и интересы недропользователей, до утверждения их статуса в качестве объекта культурного наследия дополнительно проходит процедура общественных обсуждений проекта. На них присутствуют разработчики, коренные жители, представители окружной Службы государственной охраны объектов культурного наследия, работники заинтересованных промышленных компаний, общественность, средства массовой информации. Почти всегда обсуждения проходят в виде острых дискуссий, затрагивающих проблемы:

- фактического соблюдения ограничений землепользования и природопользования в границах территории культового объекта (как промышленными компаниями, так и частными лицами);
- возможности пересмотра границ культового объекта (как в сторону их уменьшения, так и в сторону увеличения);
- несанкционированного посещения культового объекта людьми с целью разграбления или осквернения;
- научных исследований на территории культового объекта (в том числе археологических исследований, геодезических работ);
- открытой публикации фотографий сакральных предметов и участков, сведений о месторасположении культового объекта.

Не последнюю роль в общественных обсуждениях играют культурные посредники — представители коренных малочисленных народов, как правило, имеющие высшее образование, авторитет среди местного населения и опыт общения с представителями власти и промышленности²⁶. Одной из важных ролей таких людей является «перевод» нормативно-правового языка в понятную коренным жителям форму, а также обратный перевод и формулировка замечаний, адресованных авторам-разработчикам проекта, представителям власти, промышленности и общественности.

Отметим, что некоторые из поднимаемых проблем, а также разногласий между сторонами общественных обсуждений невозможно решить на законодательном уровне, потому что они лежат в плоскости этики, а отдельные радикальные предложения по охране святынь противоречат законодательству РФ.

Проблема определения границ культовых объектов и их возраста

В настоящее время существует большой спектр мнений (коренных жителей, научного сообщества, представителей промышленности, общественности) по поводу того, что должно являться критерием границ культового объекта. Большинство восточных хантов определяет границы культового объекта по рубежу уникальных ландшафтов, которые наряду с объектами археологического наследия часто воспринимаются местами проживания божеств и духов. Уникальные ландшафты граничат с обычными, которые воспринимаются информантами как *«места охоты и рыбалки божества»* или других хозяйственных нужд религиозных персонажей — *«место, где пасёт оленей»*²⁷, *«озерко — прорубь, где берёт воду на котёл»*²⁸. Эти критерии границ святилищ связаны с фольклорными сюжетами, коллективными представлениями о деятельности божеств и духов, а иногда — с сакрализацией ландшафта отдельным человеком. Рубежи таких ландшафтов, по мнению большинства информантов, и являются границами культового объекта. Критерием границ могут служить представления о территориях, на которых действуют традиционные запреты на постоянное проживание и отдельные виды хозяйственной деятельности (рубка леса для строительства, охота, сбор дикоросов, рыбалка)²⁹.

Ещё один вариант представлений восточных хантов о границах сакральных ландшафтов изложен Э. Вигетом и О.Э. Балалаевой: *«Одно священное место может иметь несколько различных географических названий и очень большую площадь — такую как весь бассейн реки, который полностью может быть идентифицирован как священный»*³⁰. Особенностью таких сакральных ландшафтов может быть отсутствие специального места для проведения традиционных ритуалов, что компенсируется возможностью делать приношения в любом месте почитаемой территории.

В ходе опросов информантов о границах культового объекта можно получить сильно различающиеся результаты. В случае если определение границ не требует коллективного обсуждения, то каждый человек может поделиться своим видением этих рубежей. Большую роль в определении границ может играть масштаб и подробность картматериалов (отражение микроландшафтов, наличие или отсутствие современной инфраструктуры). При натурном обследовании святилища вместе с информантами причиной неоднозначных оценок его границ могут являться труднодоступность, большая площадь объекта.

В ходе определения границ территории культовых объектов автор исследования руководствовался двумя критериями. Первым является площадь распространения визуально фиксируемых материальных проявлений ритуальной деятельности. Эта площадь, по нашему мнению, маркирует границу ритуальной зоны. Вторым критерием является площадь почитаемого природного ландшафта, который в большинстве случаев имеет естественные рубежи. Именно этот критерий может рассматриваться в качестве границы объекта культурного наследия. Однако указанные принципы не всегда универсальны. В ходе полевых исследований было зафиксировано, что в некоторых местах восточные ханты делают приветственные приношения монет и жертвенных тканей ещё на подходе к самому сакральному ландшафту³¹. Места таких приношений обособлены в небольшие ритуальные площадки и нередко значительно удалены от основных мест проведения обрядов.

Точка зрения нефтяников и строителей часто основана на признании сохранения святилищ в границах видимых материальных проявлений культа, включая объекты архитектуры и археологии. Но в некоторых острых ситуациях существует факт наличия уже действующей промышленной инфраструктуры в границах сакральных ландшафтов. С точки зрения коренных жителей, наличие промышленных объектов на территории сакрального ландшафта оскверняет его. Также недопустимо, по мнению хантов, возведение оград по периметру культового объекта. К примеру, в ходе обсуждения режима содержания святилища *Сут Похаль* этот пункт вызвал у хантов категорическое возражение: «Зачем огораживать священное место, как же Бога можно огородить?»³². Позиция коренных жителей на размещение промышленных объектов может меняться в зависимости от близости их к наиболее важным функциональным зонам святилища (культовой постройке, ритуальной площадке). Не последнюю роль играет наличие промышленных объектов в прямой видимости от наиболее значимых функциональных зон святилищ. В свою очередь, представители промышленных компаний часто высказывают несогласие с сакральным статусом проектируемого объекта культурного наследия при отсутствии на его площади каких-либо материальных маркеров. Ещё одним аргументом противников охраны святилищ в границах сакральных ландшафтов является утверждение о тенденции уменьшения количества посетителей святилищ и регулярности визитов.

Сегодня постановка под государственную охрану культовых объектов и обоснование их границ осуществляются на основании анализа

историко-культурной ценности территории, с учётом объектов традиционной религии, археологии и природно-ландшафтных особенностей. С точки зрения большинства разработчиков наиболее правильным является сохранение объекта в границах именно почитаемого природного ландшафта, а не только ритуальных площадок. Границы территории объекта культурного наследия, определённые в ходе проектов, после прохождения государственной историко-культурной экспертизы фиксируются в земельном кадастре, что, в свою очередь, накладывает ограничения на хозяйственное использование этого земельного участка. Однако обозначенный правовой механизм имеет недостатки: в случае изменения месторасположения святилища или его составных частей (перенос культовой постройки или ритуальной площадки за границы объекта культурного наследия) встаёт вопрос о целесообразности сохранения оставленных ритуальных площадок, появляется необходимость охраны новых мест совершения религиозных обрядов.

Не всегда соответствует нормативному термину «объект культурного наследия» фактический возраст святилища. Согласно п. 12 ст. 18 не раз уже здесь упомянутого Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ, *«в реестр могут быть включены выявленные объекты культурного наследия, со времени возникновения или с даты создания которых... прошло не менее сорока лет»*. Таким образом, за рамками закона остаются культовые объекты или входящие в них ритуальные площадки, возникшие позже. При этом коренные жители, в первую очередь, проявляют заинтересованность в охране функционирующих в настоящее время культовых объектов и лишь потом в сохранении оставленных святилищ. Но, согласно правовым документам, охране должны подлежать более древние объекты (пусть и не функционирующие), а появившиеся недавно места совершения религиозных обрядов ещё имеют недостаточный возраст для признания их в качестве объекта культурного наследия.

Предмет охраны на культовых объектах³³

Актуальной проблемой является обоснование предмета охраны культовых объектов. Исторически сложилось, что у истоков охраны культовых объектов коренных жителей в ХМАО — Югре стояли специалисты археологического профиля. Поэтому формирование методики обоснования предмета охраны происходило под влиянием археологической методологии. В отличие от объектов археологического наследия, на которых культурный слой сформировался в древности, на

большинстве святилищ ещё только происходит его накопление. В связи с этим вопрос, что может являться предметом охраны на действующих культовых объектах, остаётся дискуссионным. Нижеизложенные выводы базируются на материалах исследований, проведённых в рамках проектов зон охраны святилищ «Сут Похэль» (бассейн р. Тромъеган)³⁴, «Йимынг (Шикъ) ёхом» (бассейн р. Лямин)³⁵; обоснования достопримечательных мест «Священное озеро Имлор»³⁶, «Эвыт-ики (Шаман гора)»³⁷, «Кор Воч Эвэт», «Яун той Кот Мых», «Тлятты яун ури», «Йымынг рэп-Йымынг соим», «Овыр Кол», «Лунк яун той», «Кат яун кут Кот Мых», «Вокры рэп» (бассейн р. Тромъеган), «Вать яун Кот Мых» (бассейн р. Аган), «Ляминская Священная гора» и «Йим Воч Ими» (бассейн р. Лямин)³⁸.

При анализе материалов, собранных в результате натурного обследования святилищ восточных хантов, был выделен ряд категорий материальных объектов/предметов, которые рассматриваются автором в качестве предмета охраны.

1. Объекты археологического наследия

В представлениях коренных жителей они являются «домом», «крепостью» божеств и духов. Культурный слой объектов археологического наследия вместе с артефактами является предметом охраны, согласно действующему законодательству. При отсутствии видимых в рельефе объектов археологии на культовых объектах могут фиксироваться древняя керамика, оружие, украшения, остеологические остатки.

2. Объекты архитектуры и их содержимое

Объекты архитектуры представлены традиционными приподнятыми над землей строениями (*лабаз*) либо наземными постройками (*кум, ватль*).

Внутри культовых построек содержатся:

- изображения божеств и духов (деревянные, металлические, из ткани и других материалов);
- коробки, берестяные ёмкости, деревянная, металлическая и керамическая посуда, используемые для хранения жертвенных прикладов, а также в качестве посуды для подношений;
- жертвенные приклады в виде тканей, шкур животных, денег (монет и банкнот), бисерных украшений, бус, стрел, луков и пр.;
- посуда и средства для окуливания жертвенных прикладов и «умывания» изображений божеств (медвежий жир, кожа с пениса оленя, чага, пихтовая кора).

Во время ритуалов под лабаз (или рядом с ним) кладут монеты и банкноты, помещают кости жертвенных животных, бутылки из-под алкоголя. Когда постройку выводят из ритуальной практики, под ней (или около) могут оставлять и ставшие ненужными изображения божеств. Согласно традиционным представлениям, упавшие с культового лабаза или испорченные (поврежденные) банкноты и другие мелкие вещи воспринимаются как «*ненужные божествам*». Их также выводят из религиозной практики — либо сжигают на костре, либо бросают под лабаз³⁹.

3. Костровища, приклады и другие предметы культа вне объектов архитектуры

На территории ритуальных площадок предметом охраны могут служить: места костровищ, приношения денег, приношения в виде котлов и вёдер, выведенные из религиозной практики хранилища сакральных предметов, выведенные из религиозной практики бубны, черепа и кости жертвенных животных, деревянные и металлические изображения божеств, оружие и стрелы, изделия из бисера и другие предметы.

3.1. Ритуальные костровища⁴⁰

С учётом традиционных представлений восточных хантов об очищающей роли огня с костром связаны многочисленные ритуалы — как дома, так и на святилищах. По этой причине место расположения костровища можно рассматривать как маркер центра ритуальной площадки. В процессе религиозных церемоний в костровище жертвуют деньги (монеты и банкноты), халат из красной ткани для божества *Най Ими* (Огня Хозяйки). В границах сакральных ландшафтов костровища могут располагаться:

- у подножия визуально выраженных повышений рельефа,
- на границах микрорельефов,
- около культовых объектов архитектуры.

Наблюдается привязка костровищ к водоёмам: зимой они часто расположены на льду водоёмов, летом приурочены к пойме или берегам.

3.2. Приношения денег (монет и банкнот)⁴¹

Наряду с приношением денег божествам внутри культовых объектов архитектуры и в ритуальные костровища у восточных хантов широко распространено завязывание монет в углы жертвенных тканей. Такие приклады затем вывешивают на деревья, оставляют на земле или опускают в воду — в зависимости от стихии, божеству которой они адресованы. Также широко распространён ритуал отдарка (пожертво-

вания тканей, монет и банкнот) в место, откуда был взят скол дерева для изготовления изображения божества. В таких случаях отдарок оставляют в месте скола или рядом на земле.

3.3. Приклады в виде котлов и вёдер⁴²

Пожертвования в виде котлов, вёдер (изредка другой металлической посуды) делают для божества *Мых Ими* («Земли Хозяйка»). Исходя из представлений хантов, по которым фигура *Мых Ими* является персонажем Нижнего мира, котлы оставляют на поверхности земли.

3.4. Выведенные из религиозной практики хранилища сакральных предметов

Чаще всего хранилищами домашних сакральных предметов служат сундуки, чемоданы, священные нарты. В некоторых случаях (по завещанию хозяина либо по знаку божеств и духов) эти предметы уносят на священное место. Несмотря на неоднократную фиксацию выведенных из культовой практики сундуков, чемоданов и священных нарт, их общее количество мало.

3.5. Выведенные из религиозной практики бубны⁴³

Выведенные из религиозной практики бубны вывешивают на деревья, чаще всего на берёзу или кедр. Однако со временем они ветшают и падают на землю. Как и в случае с выведенными из религиозной практики хранилищами сакральных предметов, общее число бубнов на святилищах незначительно.

3.6. Черепа и кости жертвенных животных⁴⁴

Приношение божествам жертвенных животных (олень, лошадь, корова, овца, петух) до сих пор широко распространено во время традиционных обрядов восточных хантов. Шкуры и головы жертвенных животных вывешивают в качестве прикладов на деревьях (в этом случае животных жертвуют для божеств Верхнего мира) или помещают на земле (для божеств Нижнего мира). Так же, как и в случае с бубнами, со временем шкуры и черепа жертвенных животных ветшают и падают на землю.

3.7. Металлические культовые изображения⁴⁵

К ним отнесены фиксируемые на святилищах металлические детали выведенных из ритуальной практики изображений божеств. Также в эту категорию вошли жертвования в виде жестяных «изображений» божества *Кынь Ики* (*Пыхты Ики*, *Атым Ики*), приносящего болезни и смерти. Большинство информантов называет их «кольчугами», «бронезилетами» или «саками»⁴⁶. Такое определение указывает на то, что речь идёт не об изображениях самого божества, а о прикладах

для него. В соответствии с принадлежностью *Кынь Ики* к фигурам Нижнего мира их помещают на поверхности земли.

3.8. Оружие, стрелы

В границах ритуальных площадок фиксируются приношения холодного оружия, луков и стрел (как с боевыми наконечниками, так и стилизованными). Чаще всего эти предметы находятся внутри культовых сооружений. Известны случаи нахождения стрел вне построек, но в границах ритуальных площадок.

4. Почитаемые элементы природного ландшафта

Почитаемые элементы природного ландшафта являются самой дискуссионной составляющей в предложенном перечне. Как уже указывалось выше, в представлениях восточных хантов, сакральный статус имеет не только ритуальная площадка (место совершения религиозных обрядов), включающая материальные маркеры обрядовой деятельности, объекты археологического наследия, архитектуры, но и природные ландшафты, значительно превышающие площадь самой ритуальной площадки (ил. 1).

Ил. 1. Ляминская Священная гора — главное святилище хантов и лесных ненцев на р. Лямин — является почитаемым природным ландшафтом. Сентябрь 2009 г. Снято с юго-запада. Фото: А.А. Рудь

5. Водные объекты

Сведения о пожертвованиях «сургутских остяков» в воду для Обского Старика *As Iki* на рубеже XIX–XX вв. имеются в работе К.Ф. Карьялайнена⁴⁷. Наиболее показательным является описание им случая приношения Обскому Старiku в д. Чингин на притоке р. Демьянки: «Жертвоприношение проводят на льду озера, где устанавливают искусственное дерево... Жеребёнок и завёрнутый в платок петух опускаются неповреждёнными в прорубь, у большого быка опускают только внутренности, а у маленького — и шкуру. Состоится также угощение пищей и вином, на упомянутое дерево вывешивают платки. Весной в ледоход принято делать только угощение пищей: варят большую чашку каши, кладут туда лосиного сала, затем готовят брагу и берут семь кусков хлеба — все это выставляют на берегу озера...»⁴⁸.

Сегодня в одних случаях можно говорить о водоёмах, которые имеют сакральный статус и, по представлениям информантов, являются «местом жительства божеств»⁴⁹. Нередко в такие водоёмы жертвуют монеты, дробь, патроны, ткань, сигареты. В других случаях в

Ил. 2. Святилище *Сави выт рэп* («Яр, Где Берут Глину»). Коллективное жертвоприношение (мыр) тромьеганских хантов. Главное костровище и ритуальная площадка расположены на льду р. Тромьеган. Февраль 2010 г. Снято с северо-запада. Фото: А.А. Рудь

границы сакральных ландшафтов входят участки озёр, рек, стариц, ручьёв. Как правило, такие участки водоёмов вместе с акваторией и берегами являются местами проведения обрядов. В зимнее время часть ритуалов происходит именно на льду таких водоёмов или в поймах (ил. 2). При этом на площади водоёма и его берегов могут накапливаться значительные материальные проявления — монеты, костровища, ткани, черепа, кости и шкуры жертвенных животных. С наступлением тёплого времени года материальные следы обрядовой деятельности попадают на дно водоёма, разносятся течением, заиливаются во время весенних половодий, образуя культурный слой (ил. 3).

Ил. 3. Святилище *Овыр Кол* («Высокая Ель») тромьеганских хантов. Упавший с дерева и заиленный приклад головы жертвенного оленя в затопляемой весенним половодьем пойме р. Тромьеган. Сентябрь 2014 г. Снято с северо-запада. Фото: А.А. Рудь

Помимо перечисленных выше категорий материальных объектов и движимых предметов, в границах святилищ фиксируются приклады жертвенных тканей, адресованные божествам. Такие приношения расположены как на деревьях, так и на земле. Как уже было указано выше, с территории некоторых святилищ ханты берут скол дерева для изготовления изображений божеств. Деревья со следами таких сколов расположены преимущественно в границах почитаемого природного ландшафта⁵⁰.

Вопрос о включении в категорию предметов, подлежащих обязательному сохранению, изделий из недолговечного материала — таких как жертвенные ткани, деревянные культовые изображения, бубны, сундуки, нарты и пр. — остаётся открытым. В случае лесного пожара все эти предметы будут (и были) уничтожены огнём. Однако в ходе опросов коренные жители выражали негативное отношение к их сбору и музеефикации⁵¹. Также сомнительно включение в категорию предмета охраны бутылок из-под алкоголя. Однако они служат дополнительным маркером ритуальной площадки, а также датирующим материалом.

Заключение

Становление государственной охраны культовых объектов коренных жителей ХМАО — Югры произошло на рубеже 1980—1990-х гг. во времена перестройки. Актуальность сохранения сакральных ландшафтов хантов, манси, лесных ненцев, коми-зырян была связана с изменением ценностных ориентиров общества, признанием самобытности культуры коренного населения Западной Сибири и правом их религиозного самоопределения, с одной стороны, а также сохранением культурного наследия в связи с форсированным промышленным освоением — с другой. Тогда же в связи с наделением коренных жителей ХМАО — Югры полномочиями согласования землеотводов на территориях своих родовых угодий у них появилась возможность влиять на судьбу своих святилищ. С сер. 1990-х гг. стали проводиться работы по выявлению и учёту культовых объектов. В нач. 2000-х гг. были приняты федеральные и региональные законы, направленные на сохранение сакральных ландшафтов коренного населения. Тогда же в автономном округе на практике начал работать механизм согласования земель под промышленное освоение, предполагающий историко-культурные исследования. В результате этого стали появляться первые проекты зон охраны культовых объектов. В 2009 г. с вступлением в силу положения о государственной историко-культурной экспертизе

механизм сохранения культовых объектов усложнился. Несмотря на это, сегодня в ХМАО — Югре полностью разработана и апробирована на практике методика обоснования святилищ в качестве объектов культурного наследия (достопримечательных мест) — от момента их выявления до включения в государственный реестр.

Разработка проблематики предмета охраны и границ территории культовых объектов должна быть продолжена. Автор признаёт, что практически каждое святилище, даже в пределах Сургутского Приобья, имеет свои особенности, и предложенные критерии не могут быть универсальными. Однако подготовленные разработки могут быть использованы в других регионах с учётом местной этнокультурной специфики.

Процедура общественных обсуждений, существующая в ХМАО — Югре, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным моментам можно отнести ознакомление всех заинтересованных сторон с проектом и выявление его слабых мест и недоработок. Однако конфронтация сторон часто выходит за рамки обсуждения проекта, что в конечном итоге мешает его конструктивной критике. Однако необходимость сохранения сакральных ландшафтов в том или ином виде признаётся всеми участниками общественных обсуждений.

В связи с положительным опытом сохранения сакральных ландшафтов у восточных хантов наблюдается переход от стратегии сокрытия культовых объектов к взаимодействию с государственными органами охраны культурного наследия, научными организациями и исследователями. С другой стороны, фиксируются примеры безразличия коренных жителей к судьбе своих святилищ. Причинами этого являются переориентация восточных хантов на ценности современного общества, недопонимание роли и значимости традиций, переход в другие религии. Отметим, что сохранение культовых объектов в границах почитаемых природных ландшафтов, даже при потере ими религиозной и духовной значимости среди коренного населения, можно рассматривать как экологический и историко-культурный ресурс для будущих поколений Западной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сакральный ландшафт *Пэльтэн йавэн той имэн пай* («Реки с перевесом вершины священный остров») в верховье р. Почекуйки (Рудь А.А. ПМА. Тромъеган. Июнь 2002 г.; декабрь 2004 г.)

² Закон СССР от 29.10.1976 № 4692-IX «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.lawru.info/base18/part5/d18ru5281.htm>.

³ Нифонтов А.А. Разведка в районе д. Ермаково в Сургутском районе Тюменской области. — Свердловск, 1977. — АКА УрГУ (г. Екатеринбург). Ф. 1. Д. 328Б; Морозов В.М., Ведмидь Г.П., Бакалдин М.Н. Историко-культурный комплекс «Святое» // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 113—123.

⁴ Викторов В.П., Смирнов Н.Г. Разведки в Сургутском районе Тюменской области // Археологические открытия 1973 года. — М.: Наука, 1974. — С. 188—189; Морозов В.М., Пархимович С.Г. О культурной и этнической принадлежности поселений бассейна р. Тромъеган // Вопросы археологии Урала. — Вып. 17: Древние поселения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: УрГУ, 1984. — С. 145—159; Морозов В.М. О соотношении археологического и этнографического комплексов городища Ермаково I // Модель в культурологии Сибири и Севера. — Екатеринбург: УРО РАН, 1992. — С. 37—50.

⁵ Древний город на Оби: История Сургута. — Екатеринбург: Тезис, 1994. — С. 19; Шатунов Н.В. К вопросу о месте Барсовой горы в культуре ханты // Обские угры. Мат-лы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (12—16.12.1999 г., Тобольск)». — Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. — С. 212—215; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. — С. 163—164.

⁶ Ведмидь Г.П. Святилище Лук Эвэт Ики на Барсовой горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 262—266.

⁷ Вигет Э. Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). — Изд. 2-е, испр. и доп. — Екатеринбург: Тезис, 2002. — С. 183; Кардаш О.В. Отчёт о НИР: Выявление и обследование культовых объектов в Сургутском районе Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа летом 1995 г. — Екатеринбург, 1996. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 88. С. 18.

⁸ Постановление Верховного Совета РСФСР от 25.12.1990 № 447-1 «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.lawmix.ru/docs_ccsr/585.

⁹ С 1999 до 2008 г. — Служба главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия Департамента культуры и искусства ХМАО, с 2008 г. — Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры.

¹⁰ Список выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или культурную ценность ХМАО — Югры от 26.06.2002 № 348/01-14; Список выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или культурную ценность ХМАО — Югры от 14.05.2004 № 137/01-12; Список

выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или культурную ценность ХМАО — Югры от 28.12.2006 № 378/01-12; Список выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или культурную ценность ХМАО — Югры» от 28.01.2009 № 10-ПП; И др. // Архив Госкультахрани Югры (г. Ханты-Мансийск). — Ф.-б/н, Оп. 1. Д. 04-02.

¹¹ Положение об охране и использовании памятников истории и культуры, утверждённое Постановлением Совета Министров СССР № 865 от 16.09.1982 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9014069>.

¹² Закон РФ № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/12127232>.

¹³ Закон ХМАО — Югры № 92-ОЗ от 08.11.2005 «О святынях коренных малочисленных народов в ХМАО — Югре» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/991017577>.

¹⁴ Ведмидь Г.П., Визгалов Г.П., Химичев В.Н. Проект зон охраны памятников истории и культуры на землях историко-культурного назначения «Зимние Совкунины». Кн. 1 (пояснительная записка). — Нефтеюганск, 2001. — Архив АУ ХМАО — Югры «ЦОКН» (г. Ханты-Мансийск). Ф. Р-1. Инв. № 5636. Д. 1040; Ведмидь Г.П., Рудь А.А. Проект зон охраны святыща ханты Сут Похэль на Верхне-Надымском месторождении нефти в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2006. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 371; Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Шатунов Н.В. Проект зон охраны комплекса объектов историко-культурного наследия в южной части Тевлино-Рускинского месторождения в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2007. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 406; Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Усова Л.И. Проект зон охраны комплекса объектов культурного наследия «Священное озеро Имлор» в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2010. — Т. I—III. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 487 (т. I), 488 (т. II), 489 (т. III); Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Тюрин В.Н. Проект зон охраны территории святыща ханты Ымынг (Шикъ) ёхом в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2010. — Т. I—II. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 491 (т. I), 492 (т. II). (Прим. авт.). См. в этом сборнике: Ведмидь Г.П. Юрты Совкунины — начало охранного проектирования исторических территорий в Югре. (Прим. ред.)

¹⁵ Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ» № 315 от 26.04.2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/5013>.

¹⁶ Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Усова Л.И. Проект обоснования границ и характера использования достопримечательного места «Священное озеро Имлор» на Фёдоровском месторождении нефти в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2010. — Т. I—III. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Д. Оп. 1. Д. 518 (т. I), 519 (т. II), 520 (т. III); Липс С.А. Проект обоснования границ и характера использования достопримечательного места «Священное озеро Имлор». — Нефтеюганск, 2012. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 541.

¹⁷ Постановление Правительства РФ № 569 от 15.07.2009 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/195985>.

¹⁸ Приказ Госкультахрани Югры от 15.02.2013 № 14-ПП «Перечень объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия ХМАО — Югры» // Архив Госкультахрани Югры (г. Ханты-Мансийск). — Ф.-б/н. Оп. 1. Д. 04-02.

¹⁹ Постановление губернатора Ханты-Мансийского автономного округа от 04.03.1997 № 89 «Государственный список недвижимых памятников истории и культуры значения ХМАО» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/991000518>.

²⁰ Закон РФ № 82-ФЗ от 30.04.1999 «О гарантии прав коренных малочисленных народов РФ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/180406/>.

²¹ Водный кодекс РФ № 74-ФЗ от 03.06.2006 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901982862>.

²² Рудь А.А. ПМА. Пим. Февраль 2003 г.; Тромъеган. Февраль — март 2003 г.

²³ Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе, утверждённое Советом народных депутатов ХМАО 07.02.1992.

²⁴ Вигет Э., Балалаева О. Нефть, маргинализация и восточные ханты // Сибирские исторические исследования. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. — № 4. — С. 44.

²⁵ Рудь А.А. Этнографические исследования в рамках проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им Лор // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 379; Рудь А.А. Об этнографических исследованиях в Сургутском районе ХМАО — Югры и на сопредельной территории в 2007—2010 гг. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 136—144.

²⁶ О термине «культурные посредники» подробнее: Stammer, Florian. The Obshchina Movement in Yamal: Defending Territories to Build Identities? // Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Edited by Erich Kasten. — Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005. — P. 109—134.

²⁷ Рудь А.А. ПМА. Лямин. Июль 2003 г.

²⁸ Рудь А.А. ПМА. Большой Юган. Март 2007 г.

²⁹ Рудь А.А. ПМА. Большой Юган. Март 2004 г.; Лямин. Июль 2003 г.

³⁰ Sacred Sites in a Russian Context / The Conservation Value of sacred sites of Indigenous Peoples of the Arctic: A Case Study in Northern Russia. Report on the state of sacred sites and sanctuaries // Conservation of Arctic Flora and Fauna (CAFF). — Technical Report. — № 11. 2004. — Chapter 3. — P. 2.

³¹ Рудь А.А. ПМА. Большой Юган. Март 2007 г.; Тромъеган. Сентябрь 2010 г., март 2014 г.

³² Рудь А.А., Шатунов Н.В. Об этнографических экспедициях центра «Барсова Гора» в 2004—2006 гг. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2007. — Вып. 4. — С. 114—115.

³³ В основу раздела легли материалы доклада автора на IV Северном археологическом конгрессе (г. Ханты-Мансийск, 19—23 октября 2015 г.): Рудь А.А. Культовые объекты восточных хантов: предмет охраны, границы территории объекта (по материалам Сургутского Приобья).

³⁴ Ведмидь Г.П., Рудь А.А. Проект зон охраны святылища ханты Сут Похэль на Верхне-Надымском месторождении нефти в Сургутском районе ХМАО — Югры (пояснительная записка). — Сургут, 2006. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп.1. Д. 371.

³⁵ Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Тюрин В.Н. Проект зон охраны территории святылища ханты Ымынг (Шикъ) ёхом в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2010. — Т. I—II. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп.1. Д. 491 (т. I), 492 (т. II).

³⁶ Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Усова Л.И. Проект обоснования границ и характера

использования достопримечательного места «Священное озеро Имлор»...

³⁷ Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Тюрин В.Н. Отчёт о НИР: Разработка научно-проектной документации по обоснованию достопримечательного места «Эвыт-ики (Шаман гора)» в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2015. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 641.

³⁸ Рудь А.А. Отчёт о НИР: Обследование состояния объекта, описание предмета охраны и установление границ территории объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, представляющих ценность с точки зрения этнологии, расположенных в Сургутском районе ХМАО — Югры: в 2 кн. — Сургут, 2014. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 574, 575.

³⁹ Рудь А.А. ПМА. Малый Юган. Март 2004 г.

⁴⁰ Рудь А.А. Материалы по фольклору тромьеганских хантов: связь мифологии с сакральными ландшафтами // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. — Вып. 12. — С. 117. Ил. 1.

⁴¹ Рудь А.А. Материалы по фольклору тромьеганских хантов... — С. 117. Ил. 2.

⁴² Рудь А.А. Материалы по фольклору тромьеганских хантов... — С. 119. Ил. 3.

⁴³ Рудь А.А. Этнографические исследования в рамках проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им Лор... — С. 373. Ил. 10.

⁴⁴ Рудь А.А. Материалы по фольклору тромьеганских хантов... — С. 120. Ил. 4.

⁴⁵ Рудь А.А. Этнографические исследования в рамках проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им Лор... — С. 373. Ил. 9; Рудь А.А. Материалы по фольклору тромьеганских хантов... — С. 120. Ил. 5.

⁴⁶ Сак (ед. число) — один из вариантов верхней зимней одежды.

⁴⁷ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов: в 3 т. / пер. и публ. Н.В. Лукиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. — Т. II. — С. 147—150.

⁴⁸ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов... — Т. II. — С. 149.

⁴⁹ Рудь А.А. ПМА. Тромьеган. Июль 2004 г.

⁵⁰ Рудь А.А. Этнографические исследования в рамках проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им Лор... — С. 373. Ил. 8.

⁵¹ Рудь А.А. ПМА. Д. Русскинская. Апрель 2016 г. Общественные обсуждения проекта достопримечательного места «Эвыт-ики (Шаман гора)».

A.A. Rud'

Conservation of sacred sites of eastern khanty: subject of protection, the boundaries of the object area (on materials Surgut Ob region)

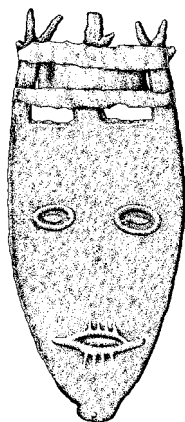
Abstract. During the twentieth century, the Eastern Khanty preserved stable features of the traditional culture of taiga reindeer herders, fishermen and hunters. One of its most important reasons, both in the past and in the present, was the traditional religion, which included animistic and totemic beliefs. Places of worship of traditional deities and spirits of the Eastern Khanty are localized in the surrounding natural space in the form of sacred sites (sanctuaries, sacred landscapes). Indigenous people perform traditional religious rituals in

such places. In some cases, sacred sites may include small wooden buildings, in which images of deities and spirits are stored, as well as offerings for them. Industrial development of the territory of the Surgut Ob region, urbanization, changing demographic situation, technological and information revolution, missionary activities of the neo-Protestant churches are factors that influence the functioning of the sacred sites of the Eastern Khanty during the last 50 years. In the last quarter of the 20th century, the majority of the territory of the Eastern Khanty was subjected to industrial development in varying degrees. Since that time, the problems of preserving the sanctuaries and sacred landscapes as an essential part of the traditional Eastern Khanty culture have acquired special urgency. The study includes an overview of the main stages of state policy in the protection of the sacred sites of the Eastern Khanty from the 1970s. until now. The author's point of view on the discussion issues of the subject of protection and the boundaries of the territory of the sacred sites of the Eastern Khanty is presented on the basis of materials collected on the rivers Agan, Tromjegan, Pim, Lyamin, Big and Small Yugan in period 1997-2017.

Key words. Surgut Ob region, Eastern Khanty, sacred sites, preservation of material cultural heritage.

E-mail: raa@bk.ru

Юрты Совкунины — начало охранного проектирования исторических территорий в Югре

Г.П. Ведмидь

г. Сургут

Аннотация. В статье представлены результаты первого в ХМАО — Югре проекта зон охраны объектов культурного наследия, который был разработан в 2001 г. и заложил основы этой деятельности в регионе. Изложен ряд факторов обоснования архитектурно-планировочного подхода к охранному зонированию, высказана идея эколого-ландшафтной организации территорий нефтепромыслового освоения, дан принцип обоснования границ по природным особенностям в среднем течении Малого Салыма, составлен режим содержания территорий охранных зон.

Ключевые слова. Сургутское Приобье, Нефтеюганский район, река Малый Салым, НГДУ «Правдинскнефть», Приразломное месторождение, Совкунины Зимние, Совкунины Летние, река Камчинская, река Ай-Ега, археологическое наследие, святилище Ай-Ега, проект зон охраны.

Архитектурно-планировочный подход к сохранению объектов культурного наследия сложился в ХМАО — Югре в течение двух минувших десятилетий. Он предполагает комплексную оценку территории, организуя планируемый участок местности согласно этнокультурному, археологическому, ландшафтному, техногенному, экологическому, градостроительному, эстетическому, рекреационному и другим факторам, в каждом из которых всесторонне отражена региональная специфика объектов наследия. Она включает, как минимум, три аспекта:

- визуально наблюдаемые археологизированные остатки сооружений;
- обрядовые площадки коренного населения, приуроченные к древним поселениям и сопредельным с ними суходольным участкам;
- элементы ландшафта, чаще всего доминирующие в рельефе возвышенности либо акватории рек и озёр.

В качестве примеров можно привести такие объекты, как святилища *Лук Эвэт Ики* на Барсовой горе и *Эвэт Ики* в урочище Шаман-

Гора (Сургутский р-н), священные озёра *Имлор* (Сургутский р-н) и *Нумто* (Белоярский р-н), а также другие участки местности, запро-ектированные специалистами. Их опыт составления научно-проектной документации освещён в ряде публикаций¹.

«Проект зон охраны памятников истории и культуры на землях историко-культурного назначения Зимние (Летние) Совкунины в Нефтеюганском районе» — один из первых в ХМАО — Югре. Он был разработан в 2001 г. МУ «Центр историко-культурного наследия Нефтеюганского района» по заявке НГДУ «Правдинскнефть»². Градостроительные требования определялись архитектурно-планировочным заданием Комитета по архитектуре и градостроительству Нефтеюганского р-на.

Планируемый участок местности площадью свыше 80 кв. км расположен в 20 км юго-западнее п. Лемпино на Приразломном месторождении нефти в бассейне р. Малого Салыма, впадающего слева в обской приток р. Большой Салым (ил. 1, 2). К началу проектно-исследовательских работ урочище уже обладало статусом земель историко-культурного назначения с временно установленными границами, присвоенным районным Малым советом народных депутатов в 1993 г.

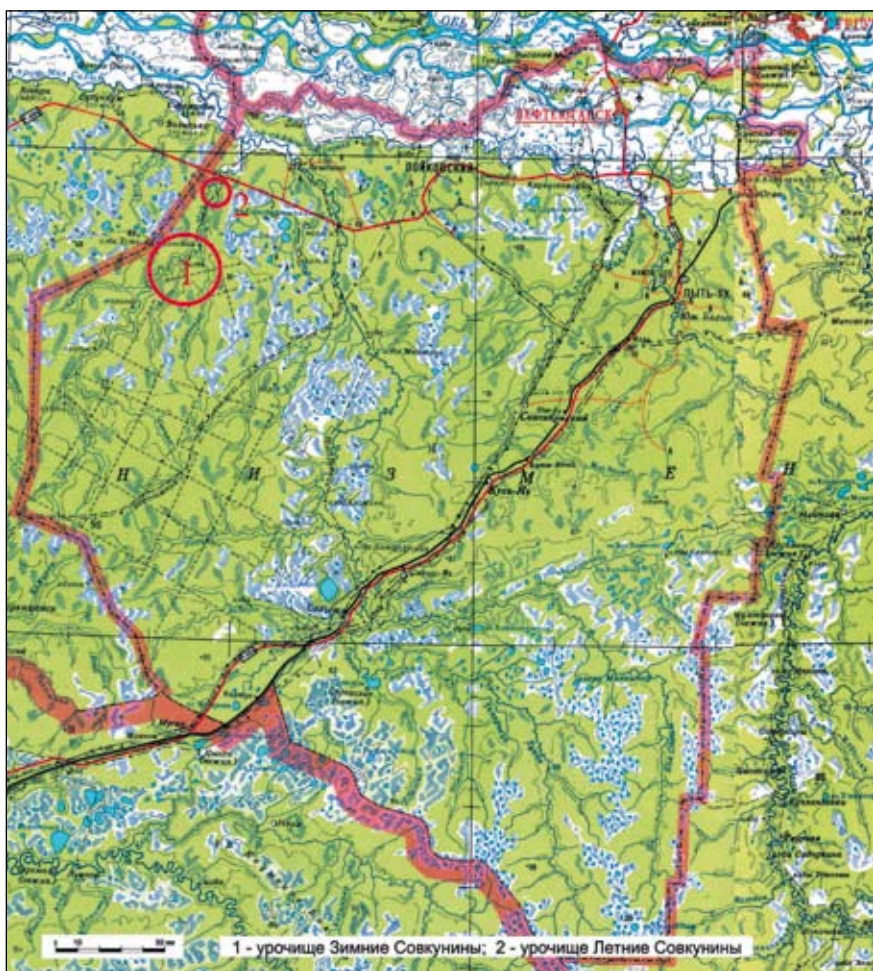
Сохранение историко-культурного наследия в урочищах Зимние Совкунины и Летние Совкунины, подготовка планировочных ограничений, регламентирующих природопреобразующую деятельность нефтепромыслового освоения территории Приразломного месторождения составили главную цель проектно-планировочных изысканий. Основные задачи, которые предстояло решать, были связаны с:

- проведением камеральных и натурных исследований на планируемой территории;
- выявлением недвижимых объектов культурного наследия;
- выявлением объектов индустриальной и гражданской застройки;
- определением проектом оптимальных границ зон охраны объектов культурного наследия;
- установлением режимов их содержания и использования.

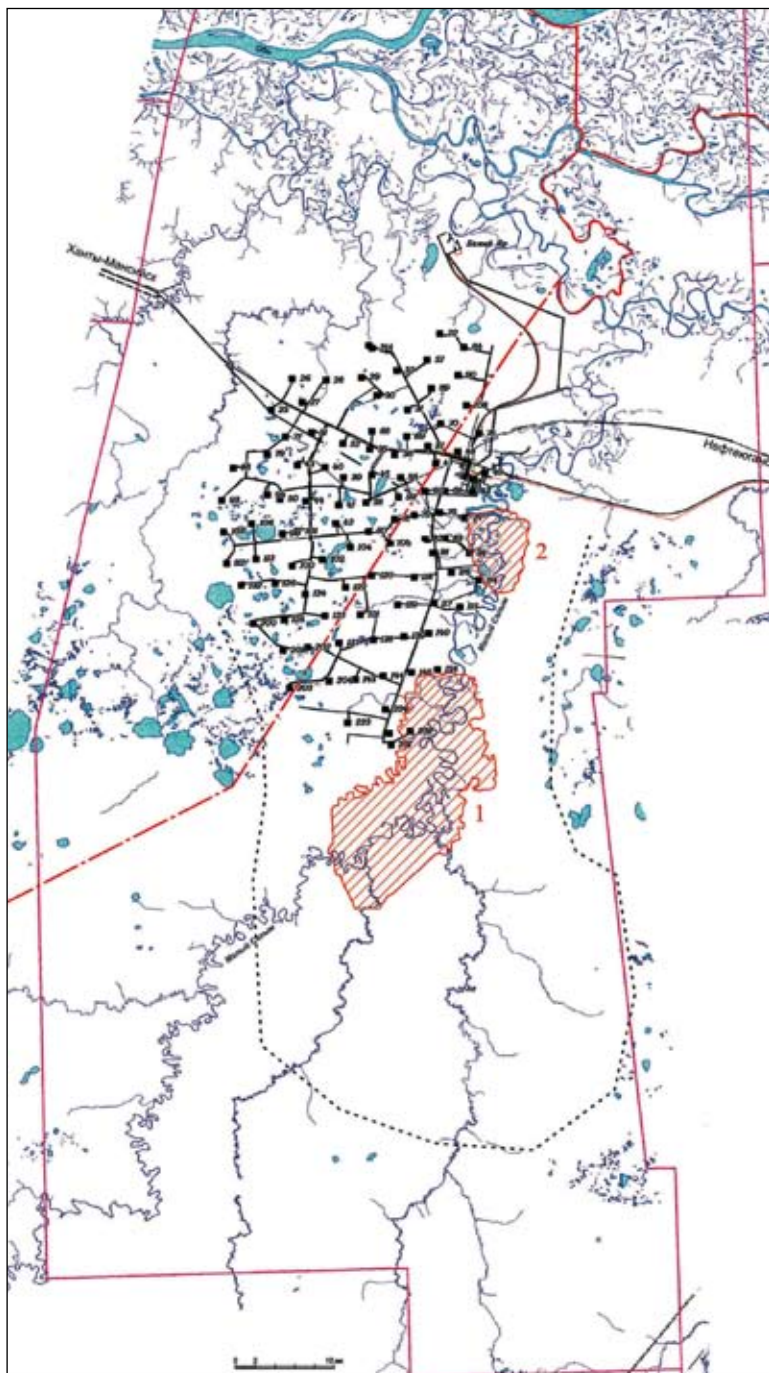
Уже на этапе сбора исходных данных перед авторским коллективом довольно остро встала проблема выбора методики и методологии выполнения проектных работ. Помимо вопросов, вытекающих из вышеуказанной региональной специфики, мы столкнулись с отсутствием официально закреплённой и апробированной на практике нормативно-правовой и инструктивной базы в отношении археологического наследия. Фактически весь имевшийся корпус законодательных и подзаконных актов был ориентирован на архитектурное наследие, находящееся

в городской урбанизированной среде. Характер её планирования кардинально отличается от природных территорий, преобладающих в регионе Среднего Приобья.

В ходе выполнения предпроектного этапа современную хозяйственную деятельность приходилось анализировать во всех ракурсах. Требовался учёт как организации нефтедобычи, представляющей основной вид промышленной эксплуатации природных ресурсов, так и условий обеспечения традиционной жизнедеятельности коренного малочисленного населения. Самые разные формы охотничьего и рыболовного про-

Ил. 1. Ситуационный план расположения планируемой территории

мыслов, сбор дикоросов ориентированы в основном для нужд личного потребления, хотя зачастую имеют и товарный характер.

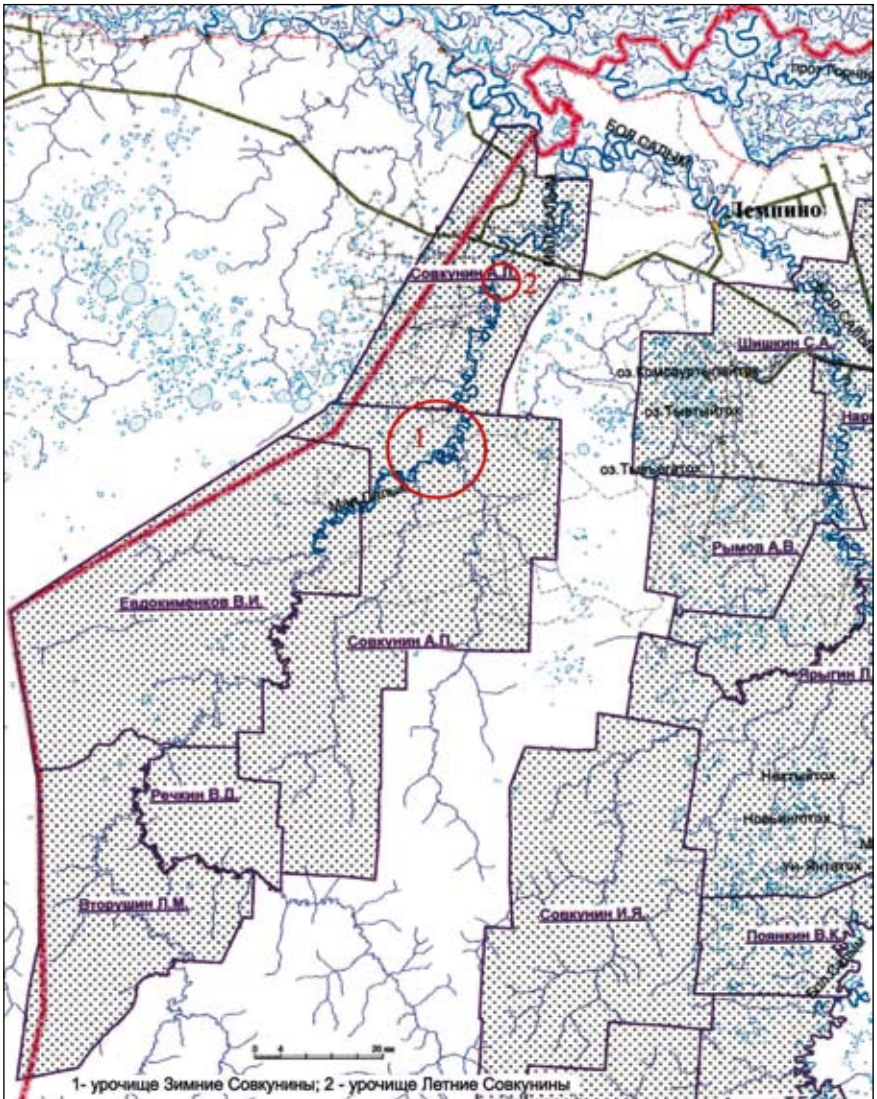
В 1970–80-е гг. Малый Салым с питающими его притоками относился к промысловой зоне Сытоминского рыбзачастка Сургутского рыбзавода. Начиная с 1992 г. данная территория вошла в состав промысловых угодий МП «Лемпинское», работниками которого велась охота на пушного зверя и лося. В ходе интегрирования на территории ХМАО в 1992–1993 гг. системы родовых угодий охотничий промысел на территории урочища осуществлялся А.П. Совкуниным, а с 1993 г. родовые угодья были переданы В. П. Костиной.

Ко времени начала наших работ планируемый участок местности на севере и юге соответственно занимали родовые угодья А.П. и А.Л. Совкуниных, к которым с запада примыкали угодья В.И. Евдокименкова. В свою очередь, водный путь Малого Салыма выступал своеобразной осью, к которой с обеих сторон примыкали территории традиционного природопользования (ил. 3). Графический анализ техногенного воздействия на родовые угодья Совкуниных (ил. 4) неоспоримо показывал, что реализация «Проекта обустройства Приразломного месторождения на полное развитие» выльется во всеобъемлющий охват местности сетью нефтепромысловых площадок и коммуникаций. В этой связи возникла необходимость в детальном анализе взаимодействия хозяйствующих субъектов и местного населения с последующей выработкой рекомендаций, регулирующих оптимальный характер их дальнейших отношений.

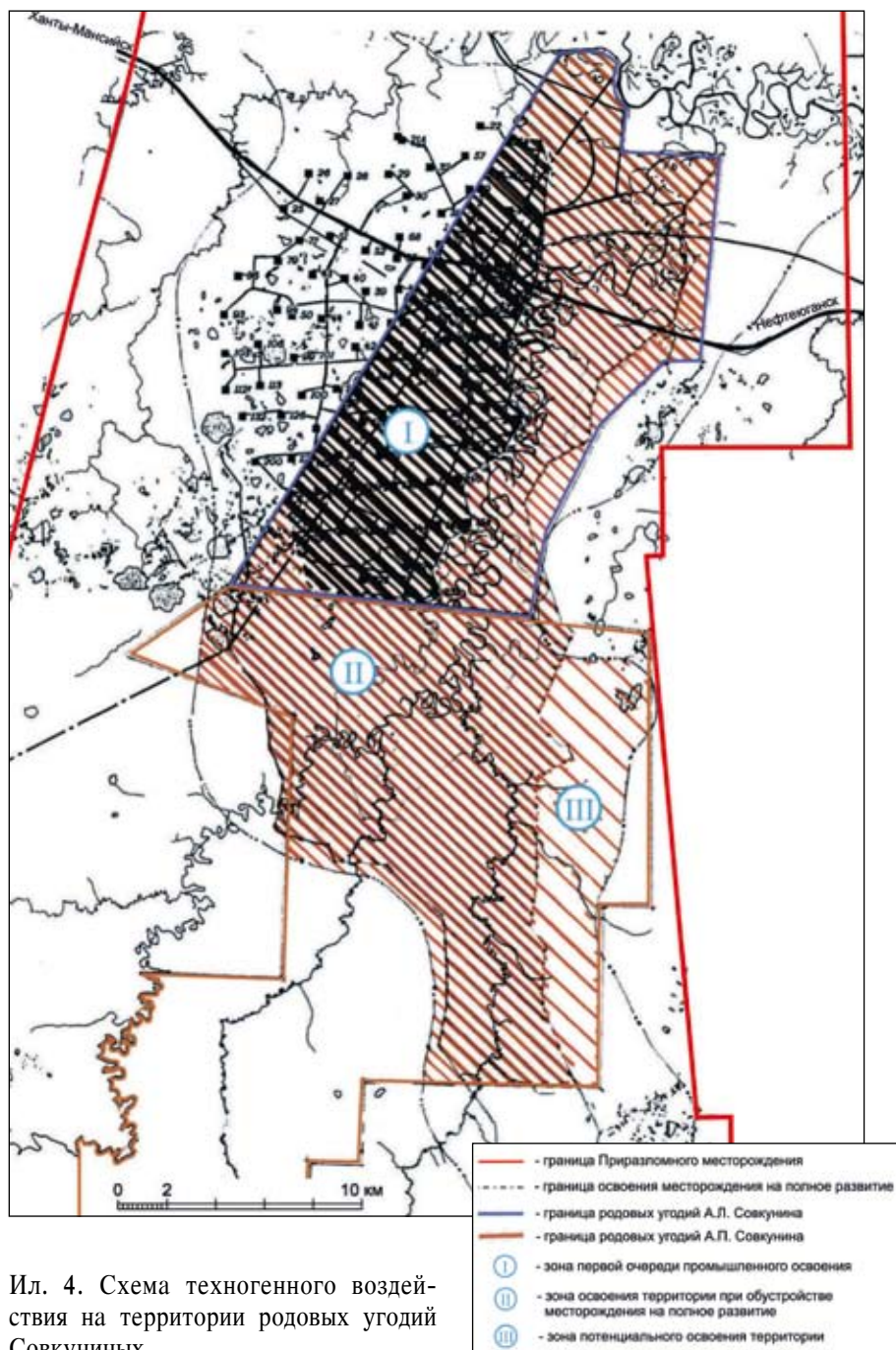
Начало археологических исследований было обусловлено интенсивным нефтепромысловым освоением Приразломного месторождения. При обустройстве его обширных территорий именно в юго-восточном направлении возникла реальная угроза археологическим и этнокультурным объектам, находящимся как в окрестностях поселения Летние Совкунины, так и в устье р. Камчинской близ бывших юртов Зимних Совкуниных. По этой причине в 1991–1992 гг. было организовано разведочное обследование бассейна Малого Салыма выявившее на р. Камчинской 14 историко-культурных объектов³, комплексная оценка которых составила один из главных разделов проекта планировки зон охраны.

Ил. 2. Схема расположения планируемых участков территории в структуре Приразломного месторождения

Ил. 3. Схема границ родовых угодий по р. Малому Салыму и Большому Салыму

Ил. 4. Схема техногенного воздействия на территории родовых угодий Совкуниных

Поселение Зимние Совкунины площадью менее 14 тыс. кв. м представляет собой остатки одноимённых хантыйских юртов. Занимая обширную поляну в хвойном лесу, оно располагается в правобережье р. Малого Салыма, в 100 м ниже устья впадающей в него справа р. Ай-Ега и отстоит на 30,5 км к ЮВ от п. Лемпино. Высота береговой террасы, вблизи которой расположены две жилые и две хозяйственные постройки, составляет ок. 4 м (ил. 5).

Поселение Летние Совкунины, которое действовало с 1930—1940-х по нач. 1970-х гг., находится на правом берегу р. Малого Салыма, в 4 км южнее моста, в 17,5 км юго-западнее п. Лемпино и являлось одновременным сезонным аналогом Совкуниных Зимних. Обладает схожими характеристиками, однако при сохранившейся хорошей визуальной выраженности поляны остатки строений не сохранились. С этим населённым пунктом связан и погребальный объект — могильник юртов Летних Совкуниных. Он представляет собой традиционное хантыйское кладбище площадью до 500 кв. м с 31 захоронением и надмогильными сооружениями.

В число археологических памятников, обнаруженных в правобережье Малого Салыма, вошли:

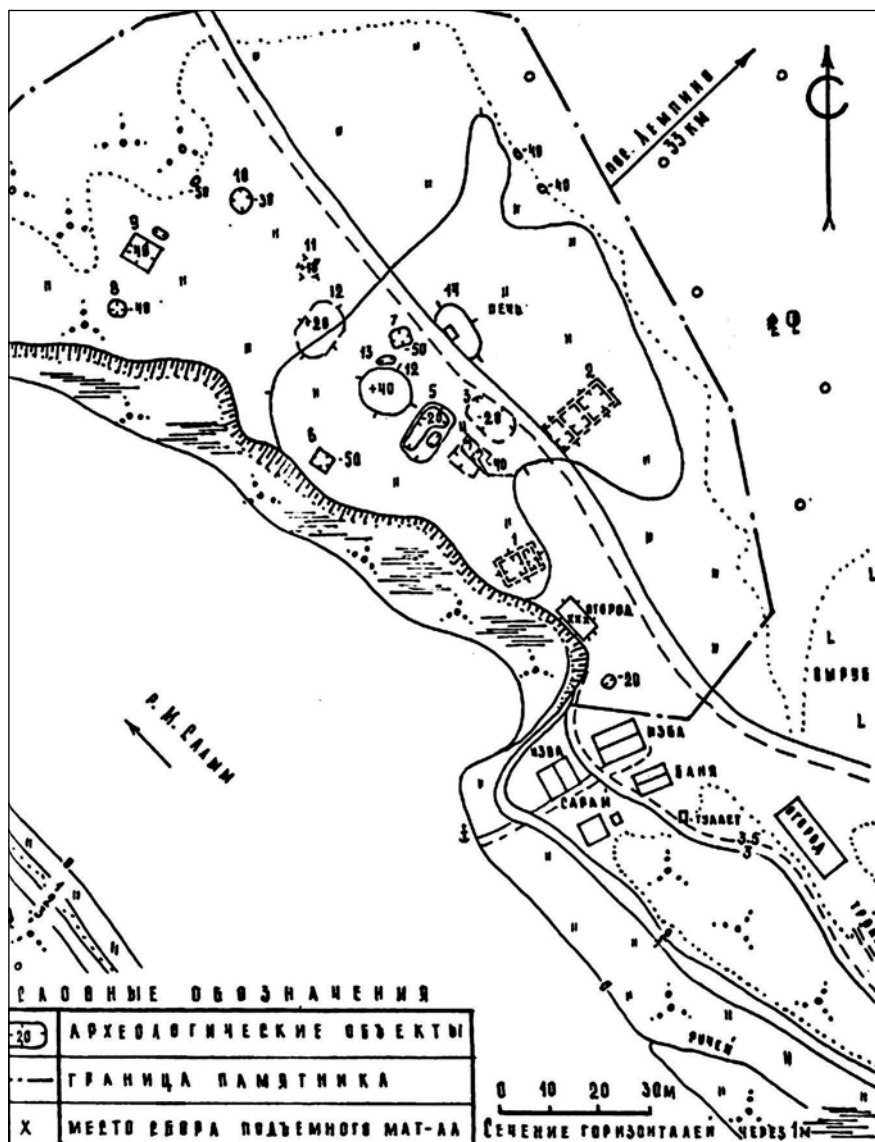
- поселение Ынэ (кон. I тыс. до н. э., нач. I тыс. н. э.);
- поселение Усть-Камчинское 1 (Средневековье);
- поселение Усть-Камчинское 2 (IV—VI вв.);
- поселение Усть-Камчинские 3 (Новое время: XVI—XVIII вв.);
- поселение Усть-Камчинские 4 (Новое время: XVI—XVIII вв.);
- группа ям-ловушек Усть-Камчинское 5 (Новое время: XVI—XVIII вв.);
- поселение Юрты Зимние Совкунины (VIII—IX и XVIII—XX вв.);
- могильник Юрт Зимних Совкуниных (XVIII—XX вв.).

Наиболее крупный по площади участок размерами 60х140 м, занятый городищем и поселением Вошин-Мыттын (XI—XIV вв.), приурочен к правому устьевому мысу протоки (ил. 6). Комплекс представлен подквадратной цитаделью размерами 30х35 м, состоящей из остатков трёх жилищ, окружённых валом шириной 4,5 м, высотой до 0,8 м и рвом шириной 5,0 м, глубиной 0,5 м.

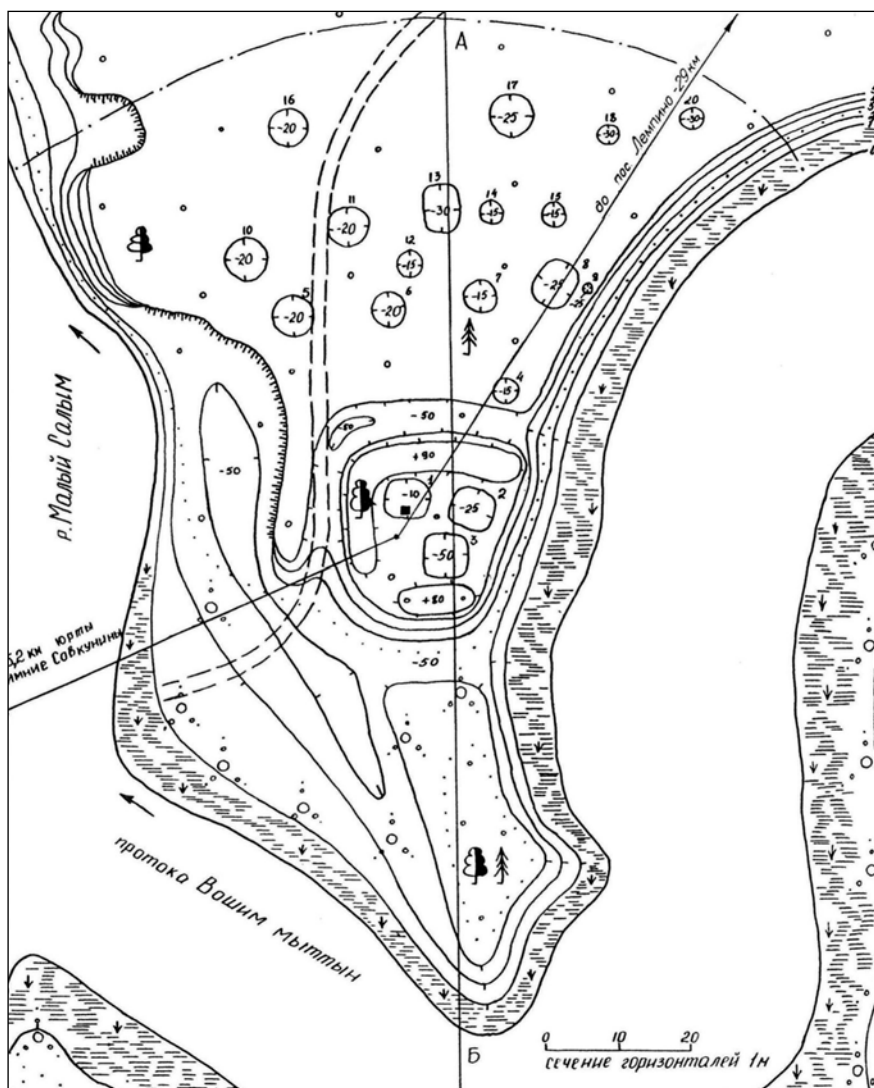
Наряду с археологическим наследием на рассматриваемой местности были выявлены топонимы и святы места коренного населения:

- Устье Ай-Ега,
- Мыс невест (XVIII—XX вв.),
- Мыс Плодородия (XVIII—XX вв.),
- Ним-Погут-Мыттын (XVIII в.) (ил.7).

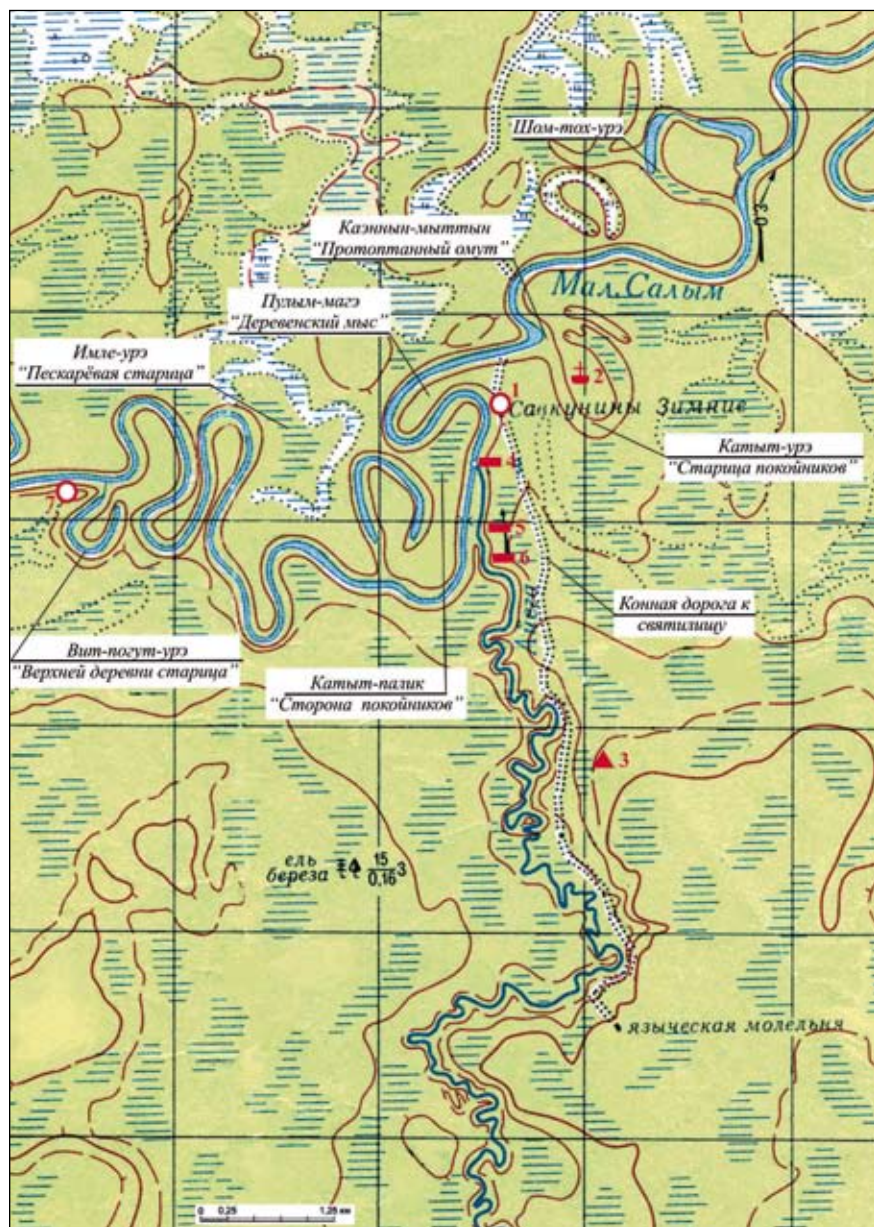
Наиболее значимым среди них является святилище Ай-Ега бывших юртов Совкуниных Зимних⁴. Оно занимает участок поляны площадью

Ил. 5. Поселение (юрты) Зимние Совкунины. 1994 г. Глазомерная съёмка: К.Г. Карачаров

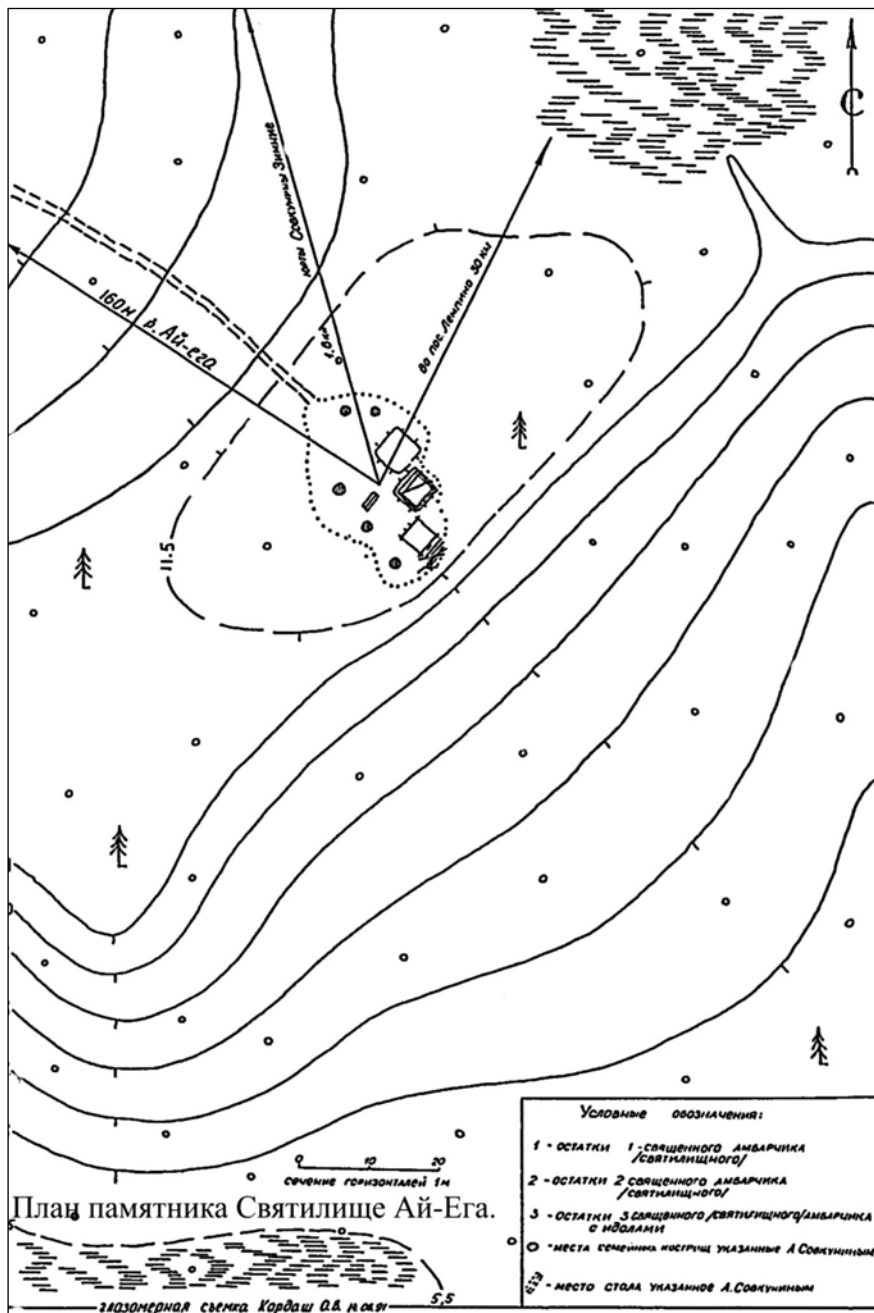

Ил. 6. Городище и поселение Вошим-Мыттын. 1991 г. Глазомерная съёмка:
О.В. Кардаш

- 1 - поселение Зимние Совкунины; 2 - могильник юрт Зимние Совкунины; 3 - святилище Ай-Ега;
4 - святое место устье р. Ай-Ега; 5 - святое место Мыс Плодородия; 6 - святое место Мыс Невест;
7 - поселение Вит-Погут

Ил. 7. Расположение объектов культурного наследия и сакральных топонимов в урочище Зимние Совкунины

Ил. 8. Святоище Ай-Ега. 1991 г. Глазомерная съёмка: О.В. Кардаш

Ил. 9. Святилище Ай-Ега. Священный амбар в момент выявления. 1991 г.
Фото: О.В. Кардаш

ок. 450 кв. м на правобережье р. Ай-Ега в 1,5 км выше её устья. Объект представлен остатками трёх культовых амбаров различной степени сохранности (ил. 8). В одном из них, находившемся к моменту выявления в полуразрушенном состоянии, обнаружены атрибуты ритуального назначения (ил. 9).

Начало функционирования святилища Ай-Ега относится, вероятней всего, ко времени возникновения юртов Совкуниных Зимних, а прекращение обрядовой практики связано с его осквернением рабочими нефтепромысла в 1968 г. В тыльной юго-восточной части культового амбара находились деревянные изваяния «вотчинников» (*юх-тонхи*). Их высота составляет 0,5–2,8 м, диаметр — 0,4 м. Глаза и рот, как правило, инкрустированы тонкими железными пластинами:

- *Ай-ега ики* (Маленькой речки старик) — «вотчинник» р. Малого Салыма и покровитель рода Совкуниных;
- *Сотым-тэ-ики* (Салымский старик) — покровитель р. Большого Салыма;
- *Сав-ях-ики* (Сав-яхи старик) — покровитель бассейна р. Сав-ях;
- *Ас-ики* (Обской старик) — «вотчинник» р. Оби;
- *Ас-ими* (Обская женщина) — жена *Ас-Ики*;
- *Вонт-кар-ими* (Лесная женщина) — покровительница леса и хранительница священного амбара, внутри которого и размещались деревянные изваяния.

Здесь же были обнаружены приклады-подношения в виде 150 стрел, одиночные наконечники и древки разной степени сохранности. В течение 1993—1996 гг. святилище было восстановлено силами екатеринбургских специалистов: реставрированы и консервированы стрелы, а также деревянные скульптуры божеств, помещённые затем во вновь возведённый святилищный амбар (ил.10).

Помимо выборочной археологической разведки, выявившей памятники с хронологией от раннего железного века до Нового времени, была выполнена камеральная оценка местности по картматериалам. Она вылилась в схему зонирования территории по перспективности нахождения историко-культурных объектов: перспективных и неперспективных зон в отношении их поиска (ил. 11). Практическим итогом этого зонирования должна была стать регламентация дальнейшего нефтепромыслового освоения при условии рекогносцировочного натурного обследования, предшествующего любой природопреобразующей деятельности.

Кроме материального культурного наследия исследователи зафиксировали и его нематериальные формы — образцы устного народного творчества (легенды, предания, поверья, былички, сказания), относящиеся к богатырскому эпосу ханты. В нём отражены подвиги героев-богатырей, в частности, походы отрядов Кодского княжества на Малый Салым, их сражения с местным князем. Эти сказания и легенды, по мнению учёных, связаны с реально происходившими событиями эпохи военной демократии и становления ранней государственности.

Разработка проекта зон охраны культурного наследия выступает, как отмечалось, комплексной задачей. Решение её связано не только с анализом объектов археологии, этнографии, но предполагает и оценку сопутствующих факторов, включая природно-ландшафтную специфику, особенности растительного и животного мира, а также состояния окружающей экосистемы в целом. Данный круг вопросов отражён в соответствующих разделах проекта.

Приразломное месторождение расположено в подзоне средней тайги. Растительность в этих краях представлена лесными, болотными и луговыми типами, почвенный покров характеризуется сочетанием подзолисто-элювиально-глееватых и торфянисто-подзолисто-элювиально-глееватых почв. Каждая из экосистем, занимая определенное место в ландшафтной структуре, выполняет природоохранную и ресурсную функции. Территория урочища Зимние Совкунины поросла в основном перестойными, зачастую сырыми лесами, в которых рас-

1.

2.

1 - общий вид с северо-запада, в центре старый полуразрушенный амбар и вновь восстановленный справа; 2- интерьер восстановленного святилища

Ил. 10. Святилище Ай-Ега. 2000 г. Фото: Г.П. Ведмидь

пространены кедр, сосна, пихта, осина, берёза, реже ель и ольха. Площадь лесов на планируемой территории урочища составляет ок. 6409 га. В целом же Приразломное месторождение отличается достаточно богатым набором ландшафтных форм и типов растительных сообществ, где присутствуют все виды угодий: лесные, болотные, пойменные и озёрно-речные⁵.

Что же касается животного мира, то в Нефтеюганском р-не он отличается большим видовым разнообразием. Обитая в условиях естественной свободы, популяции животных имеют высокое экологическое, научное и хозяйственное значение. Это:

- 60 видов млекопитающих: дикий северный олень, лось, медведь, соболь, росомаха, норка и др.;
- 248 видов птиц, в том числе занесенных в Красную книгу Российской Федерации: белый журавль (стерх), тундровый лебедь, орлан-белохвост, беркут, сапсан и др.;
- 4 вида рептилий;
- 5 видов амфибий;
- 42 вида рыб.

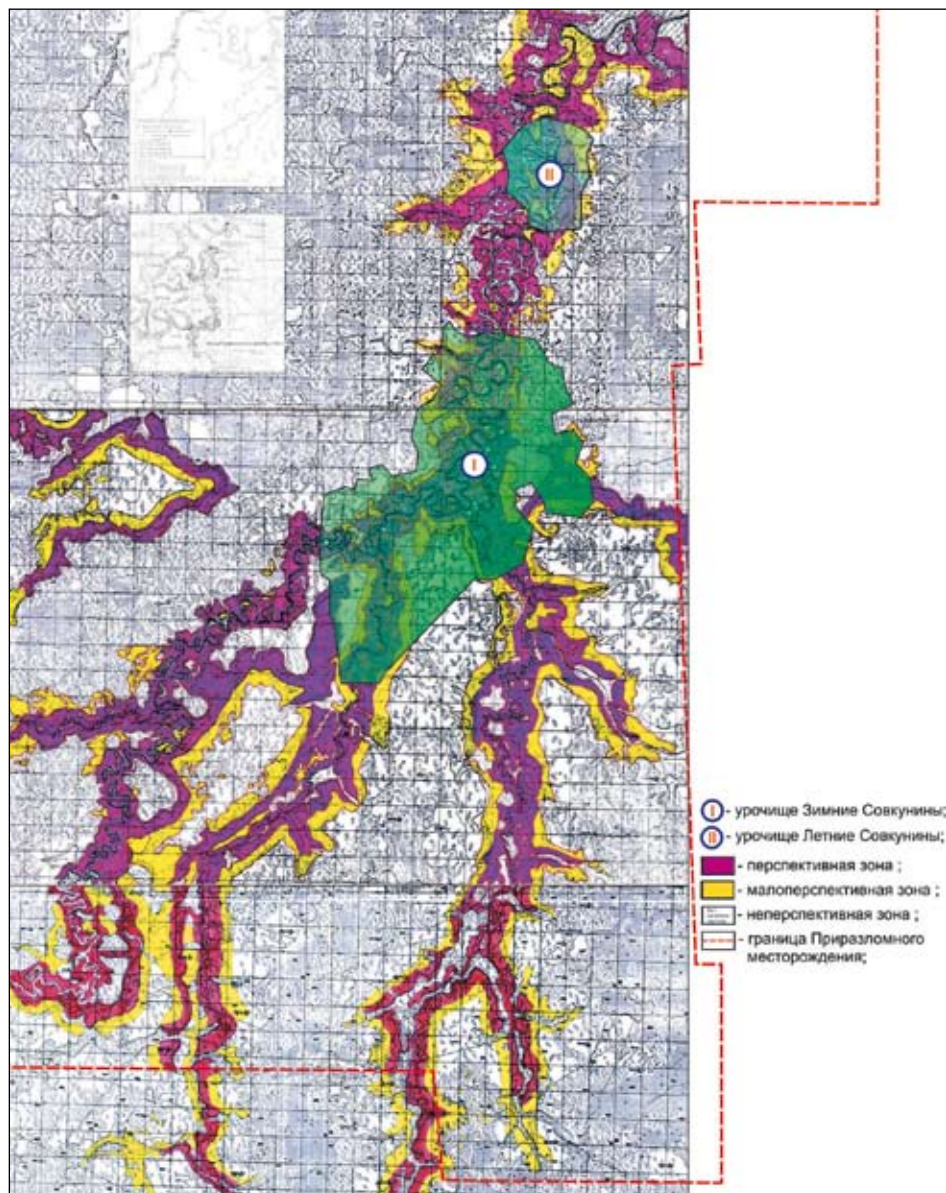
Наряду с этим Салымский край является регионом, где отмечена высокая интенсивность миграции диких животных. В качестве естественных ориентиров и миграционных коридоров служат русловые долины рек. В весенний период животные передвигаются в основном с юга на север, то есть от материковой территории, расположенной в верховьях р. Малого Салыма, Ай-Ега, Камчинской, Таутях, Савьях, в пойменную часть основной магистральной р. Оби. А в осенний период — обратно, с севера на юг, в угоды с высокими защитными свойствами и кормовыми ресурсами верховий р. Малого Салыма, Ай-Ега и Камчинской, где и находятся места традиционных зимовок диких животных. Основные пути их миграций представлены на ил. 12.

Дальнейшая разработка и ввод в эксплуатацию новых промышленных объектов в пределах южной части Приразломного месторождения могли повлечь за собой сокращение численности диких животных. Причиной этому могли стать:

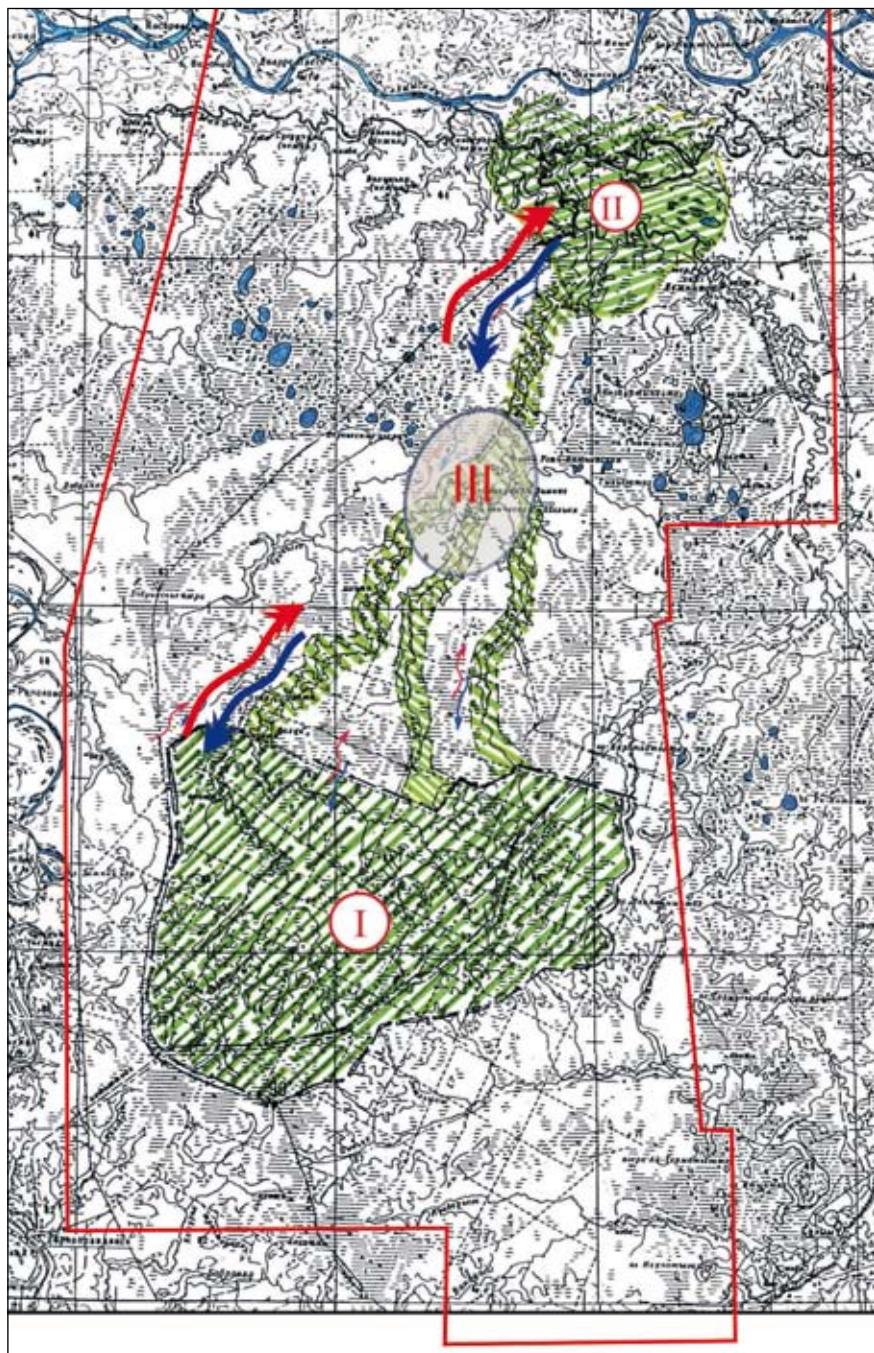
- перекрытие путей миграции вдоль р. Камчинской, Ай-Ега и Малого Салыма;
- разрушение природной среды обитания;
- высокая степень техногенного и антропогенного воздействия.

С целью предотвращения подобных негативных последствий в проекте планировки авторами были выделены коридоры путей миграции диких животных (ил.13), а также составлены предложения по их сохранению при дальнейшем обустройстве Приразломного месторождения.

Ил. 11. Схема зонирования территории по перспективности нахождения объектов культурного наследия

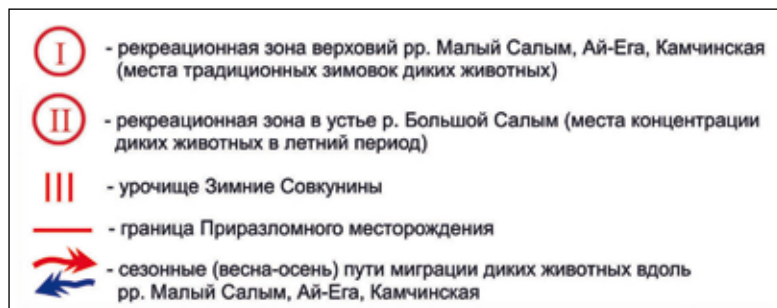

Раздел оценки экологического состояния свидетельствует о том, что экосистемы подвержены, как правило, сильным техногенным воздействиям, следствием которых являются механические нарушения, вырубка леса, нефтяные разливы. В совокупности они препятствуют надлежащему сохранению структуры экосистемы независимо от её естественных форм. Факторы неблагоприятных воздействий на окружающую природную среду обусловлены интенсивным нефтепромышленным освоением Нефтеюганского р-на в целом.

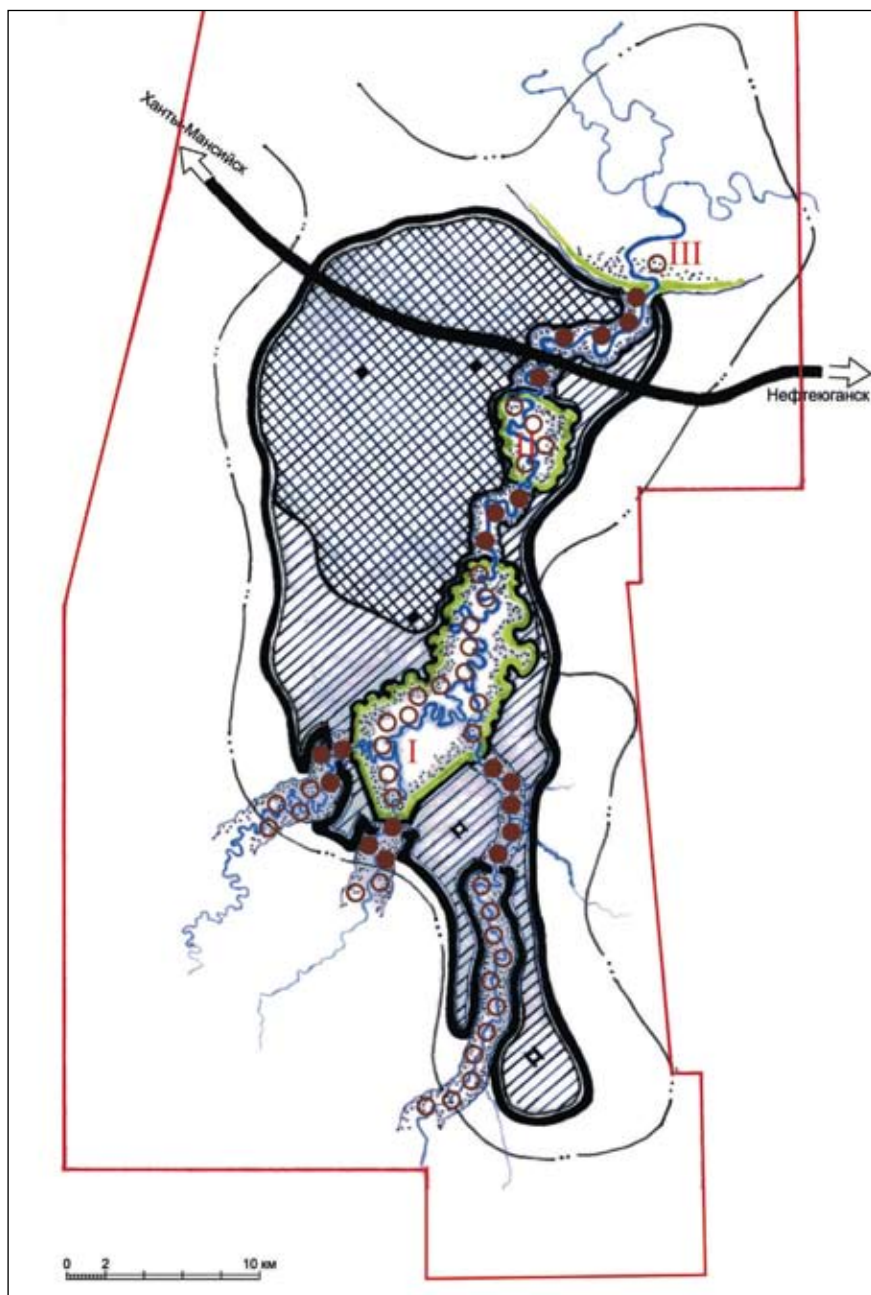
К числу техногенных источников, отрицательно влияющих на экосистемы территории Приразломного месторождения, в то время относились:

- буровые разведочные скважины, кусты нефтяных скважин, находящиеся как в пойме (р-163, 221, к-105, 114, 769), так и в пределах кедрово-мелколиственных лесов (р-129, 198, 211, к-45);
- гидронамывные карьеры, расположенные преимущественно в пойме Малого Салыма;
- линейные коммуникации — водоводы с технической водой (с вредными для растений и животных веществами), нефте— и газопроводы (с загрязняющей способностью и потому с наибольшим экологически неустойчивым характером в силу их высокой взрыво- и пожароопасности).

Наиболее явное нарушение естественного ландшафта было отмечено уже в начальный период проведения нефтеразведочных работ. На месте буровых установок и трасс перемещения оборудования, как правило, был полностью уничтожен почвенно-растительный покров. Все это стимулировало формирование урбанизированной среды, которое сопровождалось трансформирующим воздействием производственных процессов на природный ландшафт, вело к частичной или же полной деградации последнего. Эти процессы формировались такими технологическими

Ил. 12. Схема путей миграции диких животных в бассейне р. Малого Салыма

объектами, как ДНС, КНС, скважины, автодороги, полигоны утилизации отходов, шламовые амбары, трубопроводы. Ко всему прочему они являлись потенциальными источниками техногенных потоков, то есть разливов нефти и нефтепродуктов. После аварий, следствием которых является выброс нефти, реки не только засоряются, но и теряют своё промысловое значение. Например, при эксплуатации скважины № 211 был разрушен поверхностный слой на площадке поселения Усть-Камчинское 2, а после аварии в 1987 г. на буровой № 129 разведочного бурения произошёл выброс нефти в р. Камчинскую. Защитный земляной вал, устроенный вокруг места аварии, в нескольких местах был размыт, из-за чего в период весеннего паводка продукты нефтераспада достигли не только р. Камчинской, но и р. Малого Салыма, отравляя и загрязняя их русла. Акватория р. Камчинской в итоге оказалась под нефтяной плёнкой, а в 1989 г., когда нефть осела на дно, река утратила своё промысловое значение.

В 1995–1996 гг. работниками Правдинской нефтеразведочной экспедиции без согласования с районной администрацией через земли историко-культурного назначения было осуществлено перемещение бурового станка. Для этого ранее устроенная дорога на некоторых участках была расширена до 10–12 м. В 0,7 км ниже по течению от устья р. Камчинской через р. Малый Салым при обустройстве переправы для перевоза бурового станка на правом берегу был вырублен лес,

Ил. 13. Схема функционального зонирования территории Приразломного месторождения

бульдозером нарушен почвенный покров на площади около 40х100 м. Брёвна вместе с грунтом были свалены в русло водотока. В 300 м к юго-востоку от переправы перед бывшей буровой № 211 на площадке поселения Усть-Камчинского 2 при эксплуатации дороги был уничтожен участок культурного слоя.

Неотъемлемой частью разработки проекта зон охраны является раздел визуального раскрытия планируемой территории. В отличие от аналогичной задачи, выполняемой в городской среде с компактным расположением историко-культурных объектов, требовалось визуально раскрыть весьма масштабную территорию Приразломного месторождения — 5,0 км в меридиональном и 2,5 км в широтном направлениях. Для решения стоящей перед нами задачи были предприняты как пешее обследование, так и осмотр территории в ходе вертолетного облёта. После натурных работ в урочищах Зимние Совкунины и Летние Совкунины и на прилегающих участках местности сформировалось целостное представление о техническом состоянии как природного ландшафта, так и нефтепромысловых объектов первой очереди освоения Приразломного месторождения (ДНС, КНС-1; ДНС, КНС-2, ДНС-3).

Общая картина окружающей среды в границах Приразломного лицензионного участка характеризовалась наличием как природного (природно-культурного), так и урбанизированного (техногенного) ландшафтов. Анализ их контрастного сочетания существенно повлиял на характер архитектурно-планировочного решения зон охраны. Наряду с этим в среднем течении р. Малого Салыма были отмечены эстетически ценные участки природного ландшафта, первозданная сохранность которого впечатляет величием общей панорамы. Она представлена двумя территориально-ландшафтными единицами — окрестностями юртов Зимних Совкуниных на юге и окрестностями юртов Летних Совкуниных в пределах северной части планируемой территории (ил. 14).

Необходимо отметить, что техногенный тип ландшафта сформировался на фоне естественной природной среды, причиной чему стали масштабные трансформации, вызванные интенсивным нефтепромысловым освоением северного участка Приразломного месторождения: обустройством ДНС-1 и ДНС-2, КНС-1 и КНС-2, ЦПС, кустовых скважин, системы нефтесборных сетей, высоконапорных нефтепроводов, газопроводов, карьеров гидронамыва. К основным разновидностям вновь возникшей техногенной среды относятся:

- а) *линейный ландшафт* — в виде транспортных, нефте-, газо-, водо-, электрокоммуникаций и сейсмопрофилей (ил. 15—1);

1)

2)

1) - окрестности урочища Летние Совкунины
2) - окрестности урочища Зимние Совкунины

Ил. 14. Эстетически ценный природный ландшафт на Приразломном месторождении

б) *линейно-площадной (линейно-кустовой, линейно-точечный)* ландшафт представлен сочетанием буровых площадок с участками подъездных дорог к ним (ил. 15—2);

в) *карьерно-отвальный* ландшафт отличается сухоройными и гидронамывными карьерами (ил. 15—3);

г) *ландшафт компактной застройки* сформирован такими технологически значимыми узлами, как ДНС, ЦПС, КНС.

Весь перечисленный ряд факторов отрицательного воздействия ведёт, как правило, к деградации природного ландшафта.

Прогноз дальнейшей перспективы техногенных трансформаций местности выявился в ходе изучения комплекта изыскательской документации, представленной в «Проекте обустройства Приразломного месторождения на полное развитие»⁶. Анализ существующей и планируемой схемы размещения промышленных объектов подтвердил дальнейшую перспективу развития нефтепромысла с преобладанием в южном направлении.

В итоге комплексного анализа территории в основу архитектурно-планировочной организации зон охраны урочищ Зимние и Летние Совкунины легли следующие факторы:

- *историко-культурный*, предполагающий сохранение и использование объектов археологии и этнографии (в том числе деревянного зодчества);
- *социальный*, связанный с обеспечением оптимальных условий жизнедеятельности коренного населения, ведущего традиционный образ жизни;
- *природно-ландшафтный* (экологический), направленный на формирование системы рекреационных (зелёных) зон в структуре месторождения как одного из важных условий поддержания экологического равновесия в регионе, включая миграцию диких животных;
- *эстетический*, обусловленный наличием живописных ландшафтов (участков «нетронутой» природы с особыми природными свойствами как специфической эмоциональной ценностью, сохранение которых особо актуально при интенсивном формировании техногенной среды).

Применённый авторами комплексный подход к сохранению историко-культурного наследия подразумевал, что в качестве объекта охраны будут выступать не отдельные памятники, а вмещающий их ландшафт. В этой связи проектно-планировочную структуру образует пространственный каркас территории, состоящий из ряда природно-культурных формирований:

- а) природно-культурный ландшафт в окрестностях юртов Зимние Совкунины;
- б) природно-археологический ландшафт;

1) - линейный; 2) - линейно-площадной; 3) - карьерно-отвальный

Ил. 15. Типы техногенного ландшафта на Приразломном месторождении

в) природный, эстетически ценный ландшафт, рассматриваемый в качестве эталонного и типичного для бассейна р. Малого Салыма, а также природно-культурный ландшафт, обладающий эстетическими качествами, в окрестностях юртов Летние Совкунины.

г) природный ландшафт, охватывающий ценные породы лесных массивов, расположенных вдоль западной и восточной границ зоны охраны.

Культурный ландшафт среднего течения р. Малого Салыма исторически сложился как совокупность территорий, обладающих не только естественными, природными, эстетическими, рекреационными качествами, но и многогранной исторической, научной, познавательной ценностью, этнографическим своеобразием отдельных участков.

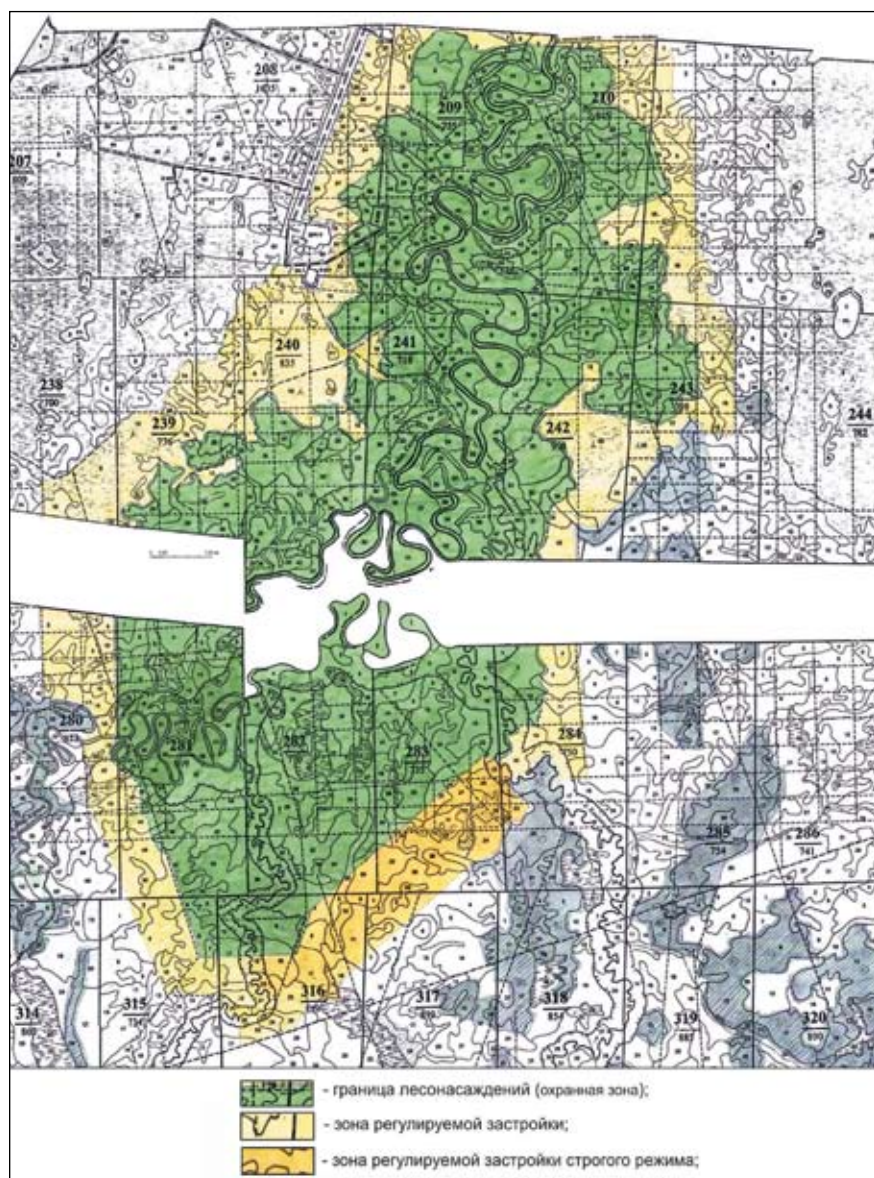
В ходе исследований была разработана научно-проектная документация в составе:

- комплексной историко-культурной, эстетической и природно-ландшафтной оценок территории, включающей характеристику состояния животного мира;
- карты-схемы расположения объектов культурного наследия на территории урочища Зимние Совкунины М 1:25000;
- ландшафтных карт-схем территории урочища Зимние Совкунины М 1:25000;
- схемы зонирования территории Приразломного месторождения по перспективности выявления объектов историко-культурного наследия М 1:50000;
- схемы визуального раскрытия планируемой территории и прилегающих участков местности;
- схемы функционального зонирования территории Приразломного месторождения на полное развитие М 1:200000;
- карт лесоустройств М 1:25000;
- схемы организации рекреационных зон в структуре месторождений НГДУ «Правдинскнефть» М 1:500000;
- архитектурно-планировочного решения территории с обоснованием границ и режима содержания зон охраны объектов историко-культурного назначения; основного и сводного чертежей границ зон охраны объектов культурного наследия на территории урочищ Зимние и Летние Совкунины М 1:25000.

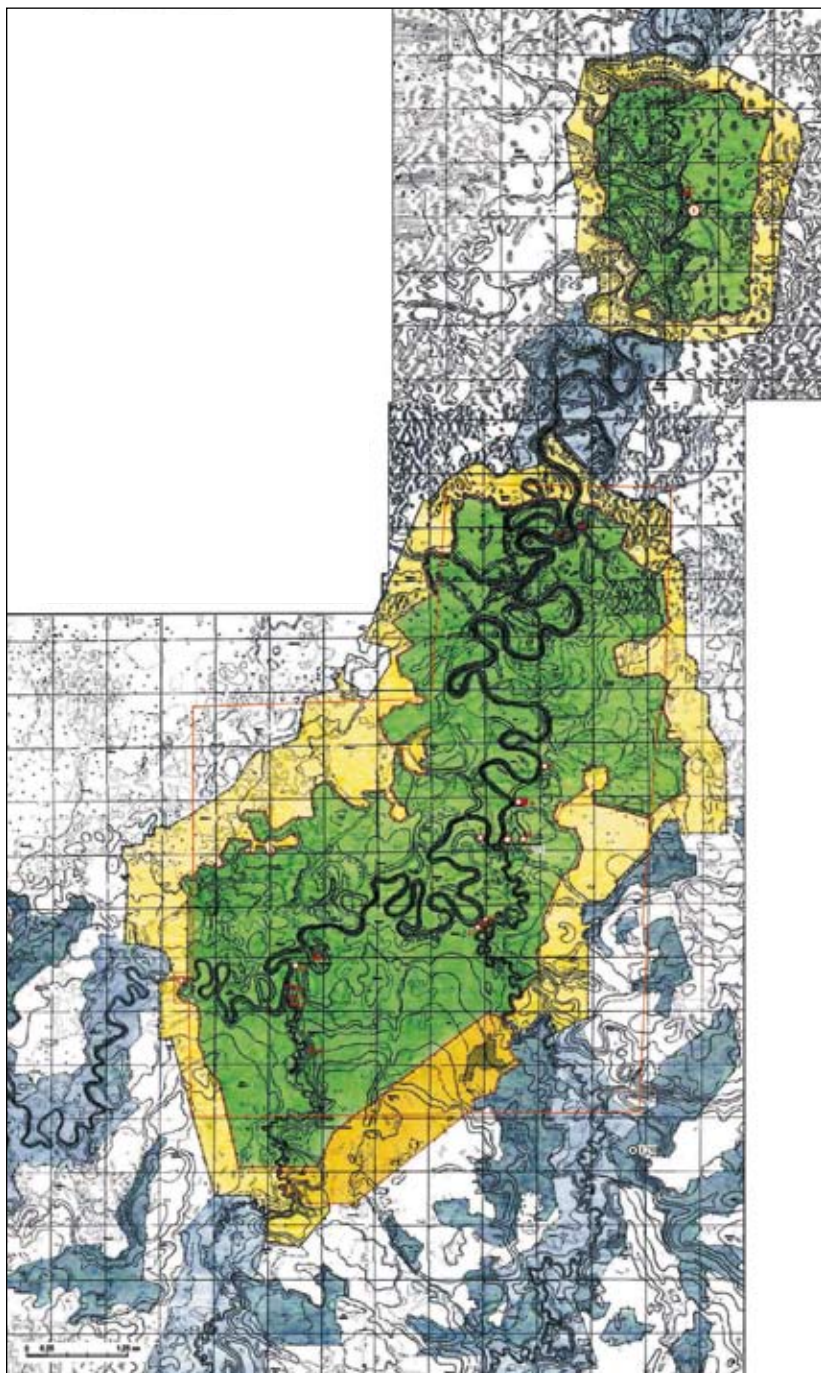
Структуру архитектурно-планировочного решения составили предусмотренные действовавшим тогда законодательством виды зон: охраны объектов культурного наследия; регулируемой застройки, регулируемой застройки строгого режима, а также охраняемого природного ландшафта.

Планировочный принцип выделения границ охранных зон во многом был определён природно-ландшафтным фактором (ил.16), в частно-

сти анализом карт лесоустройства⁷. Подобный подход к определению границ с учётом природных особенностей использовался впоследствии и в других случаях историко-культурного проектирования в ХМАО — Югре⁸.

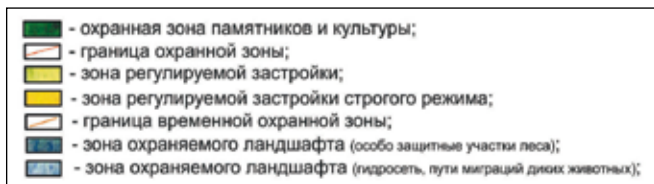

Ил. 16. Карта лесоустройства в урочище Зимние Совкунны

[illegible]

Зона охраны включает две планировочные единицы, которые на чертеже представлены южным участком (урочищем Зимние Совкунины) и северным (окрестности урочища Летние Совкунины) (ил. 17).

Ил. 17. Зоны охраны объектов культурного наследия в урочище Зимние (Летние) Совкунины

Дополнительная роль зоны охраны состоит в том, что в структуре месторождений НГДУ «Правдинскнефть» она должна обеспечивать санитарно-защитную, рекреационную, и природоохранную функции, являясь в то же время территорией сохранения традиционной среды обитания коренного малочисленного населения Севера.

Границы зоны охраны на всем их протяжении были максимально совмещены с планировочными и природными рубежами, приурочены к контурам лесонасаждений, берегам рек, оврагам и сейсмопрофилям.

Территория южного участка *зоны охраны* в пределах урочища Зимние Совкунины занимает площадь 7125 га (71,25 кв. км). Граница начинается в т. В=60°52'; L=70°51' на пересечении с р. Малым Салымом в 2 км к северу от устья р. Катъмьега. Далее она проходит в западном направлении по руслу старичной протоки и тянется вдоль впадающего в неё безымянного ручья. У его истока граница поворачивает в южном направлении, соединяясь с вершиной другого безымянного ручья — левого притока р. Катъмьега. От устья данного ручья граница направляется к западу по р. Катъмьега до устья очередного безымянного ручья — правого притока р. Катъмьега, следуя в южном направлении до самой его вершины. Отсюда участок границы стремится в юго-западном направлении, а затем поворачивает на юго-восток и, огибая ДНС-3, на расстоянии около 0,5 км соединяется с краем леса.

Юго-западная граница имеет извилистую конфигурацию и следует (в кварталах 240, 241, 239) вдоль края лесного массива, визуальнo маркирующего контур зоны охраны. Среднее расстояние от неё до русла Малого Салыма составляет 1,5–2,2 км.

Далее граница зоны охраны имеет строго южное направление, целиком соответствует стыку кварталов лесонасаждений № 280 и 281 и в т. В=60°47'; L=70°44' пересекает Малый Салым, в 2 км западнее устья р. Ай-Ега. Огибая с запада старицу Вит-погут-урэ, на самой южной её оконечности делает поворот к юго-востоку и следует почти параллельно сейсмопрофилю на удалении 70–100 м.

На расстоянии 2 км юго-восточнее Малого Салыма граница зоны охраны совпадает с коридором сейсмопрофиля и тянется к точке его поворота на юго-запад. Отсюда прямой участок границы длиной 1,5 км направлен строго к востоку и в т. В=60°45'; L=70°46' пересекает р. Ай-Ега, фиксируя тем самым южный предел зоны охраны.

Прямолинейный южный отрезок зоны охраны на расстоянии 630 м к востоку от р. Ай-Ега резко поворачивает на северо-запад и, совпадая

с сейсмопрофилем, тянется 600 м. В точке излома данного профиля делает поворот на северо-запад. Отсюда по прямой линии протяженностью 3,6 км следует в сторону р. Камчинской, которую пересекает в т. $B=60^{\circ}47'$; $L=70^{\circ}50'$, то есть в 2,2 км от места её впадения в Малый Салым. Из этой точки часть границы протяженностью 650 м следует к северу по правому берегу р. Камчинской и в итоге смыкается с сейсмопрофилем. Участок границы протяженностью 350 м проходит по сейсмопрофилю на восток, а далее резко поворачивает на север. Этот отрезок протяженностью 1,15 км имеет извилистое очертание с минимальным расстоянием до р. Камчинской 350 м и выходит на край леса в 1,2 км юго-восточнее устья р. Камчинской.

В квартале № 242 граница зоны охраны имеет криволинейные очертания, однако на местности она визуальна представлена, поскольку на северо-востоке приурочена к контуру лесного массива, к которому с востока подступает болото.

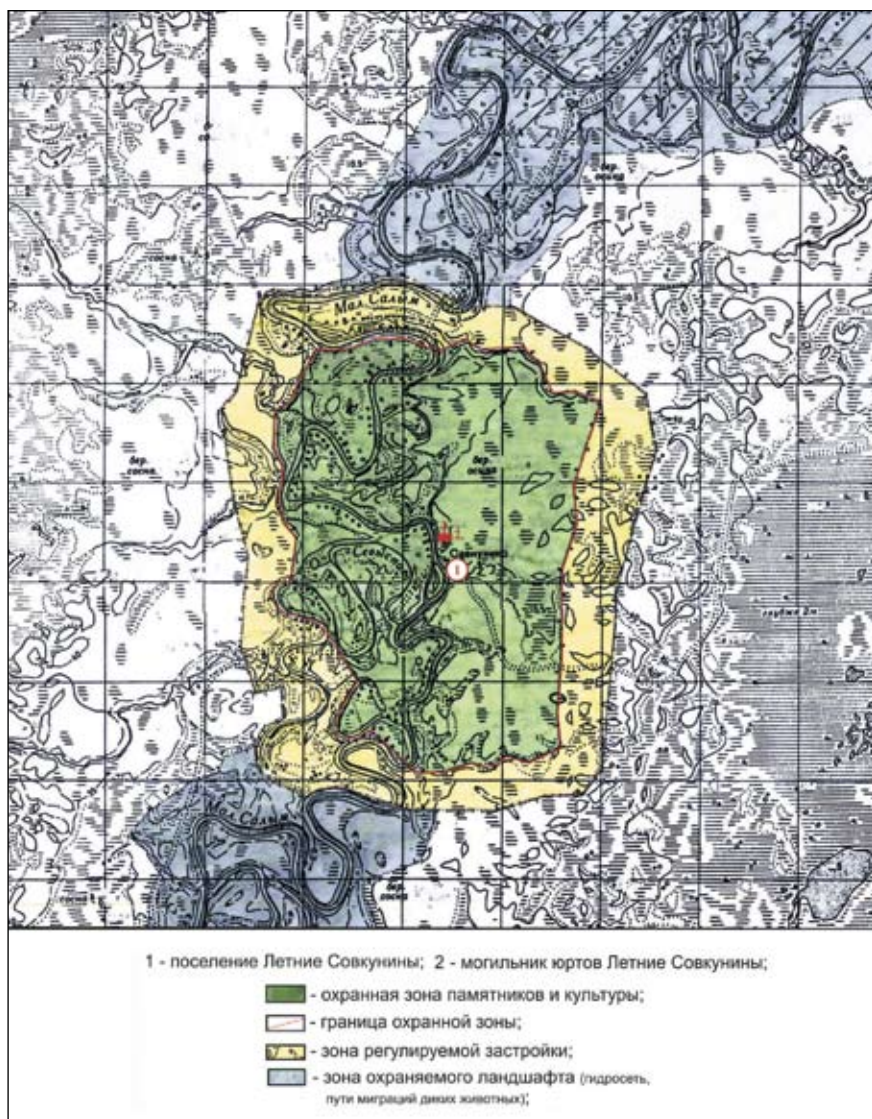
В кварталах № 243, 211, 210 граница также имеет сложную конфигурацию. Она тянется в северном направлении, охватывая особо-защитные участки (ОЗУ) леса. В квартале № 243 максимальное расстояние от границы до р. Малого Салыма составляет 2,6 км; минимальное расстояние составляет: в квартале № 242— 850 м, в квартале № 210 — 800 м, в квартале № 211— 1,6 км.

На выходе из квартала № 211 в северо-западном направлении граница стремится к вершине безымянного ручья — правого притока Малого Салыма, от которой поворачивает на северо-восток, а затем на запад, где совпадает с краем леса, к которому с востока подступает болото.

Соединяя вершину безымянного ручья, правого притока Малого Салыма, в т. $B=60^{\circ}52'$; $L=70^{\circ}51'$ пересекает эту реку в 2 км севернее устья р. Катымьга — северный участок границы охранной зоны замыкается.

Территория (северной) *зоны охраны* в урочище Летние Совкунины занимает площадь 1140 га (11,4 кв. км) (ил. 18). Южный отрезок границы в т. $B=60^{\circ}54'$; $L=70^{\circ}52'$ пересекает Малый Салым, в 1,4 км южнее места впадения в него слева р. Севыспат, имеет в северо-западном направлении S-образный меандр. Сначала на отрезке протяженностью 750 м он огибает левый берег Малого Салыма, а затем следует на 700 м к северу вдоль старицы. Через 520 м от изгиба старицы пересекает р. Севыспат, в 700 м от её устья.

Далее участок границы протяженностью 1 км проходит по левобережью р. Севыспат, через 1 км севернее — к устью безымянного ручья —

Ил. 18. Зоны охраны объектов культурного наследия в урочище Летние Совкунины

левого притока Малого Салыма. В 700 м от устья к северу граница пересекает очередной безымянный ручей — левый приток Малого Салыма — и по левому берегу этого ручья тянется до его устья.

От указанного устья в 2,7 км от бывших юртов Летних Совкуниных граница проходит в восточном направлении северный участок охранной зоны. Сначала он тянется по левому берегу Малого Салыма, который пересекает в т. $B=60^{\circ}56'$; $L=70^{\circ}53'$ и следует по противоположному берегу Малого Салыма в юго-восточном направлении до самой вершины безымянного ручья — правого притока Малого Салыма.

От вершины безымянного ручья в 2,2 км от бывших юртов Летних Совкуниных участок границы протяженностью 2,65 км пересекает в южном направлении зимник в 1,4 км от бывш. юртов Летних Совкуниных и через 0,7 км южнее выходит на край леса в 1,4 км от Малого Салыма. Следуя к западу по краю леса, к которому примыкает болото, южный участок зоны охраны замыкается в т. $B=60^{\circ}54'$; $L=70^{\circ}52'$ на пересечении с Малым Салымом в 1,4 км южнее устья р. Севыспат.

Режим содержания зоны охраны объектов культурного наследия *запрещает:*

- ведение всех видов хозяйственной деятельности, влекущих за собой природопреобразующие последствия;
- деятельность, угрожающую снижением или уничтожением экологических и эстетических качеств природных комплексов;
- проезд тяжёлой техники, ведение геологоразведочных и поисковых работ;
- устройство трасс перетаскивания промышленного оборудования как в летний, так и в зимний периоды времени;
- засорение, захламление, загрязнение территории отходами и продуктами хозяйственной деятельности;
- устройство мест отдыха и прокладку троп в местах, не согласованных с органом государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа, а также с владельцем родовых угодий;
- разведение огня вне отведённых мест;
- разрушение культурного слоя и самих историко-культурных объектов;
- нарушение, изменение ландшафта и почвенного покрова;
- сбор предметов, обладающих исторической ценностью с поверхности и проведение несанкционированных раскопок;
- осуществление научных исследований без специального разрешения органа государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа;
- рекреационную деятельность во время проведения научных исследований.

В пределах зоны охраны *разрешается*:

- ведение традиционных видов хозяйственной деятельности, исконно практикуемых коренным населением;
- посещение территории гражданами для отдыха;
- проведение научных исследований по специальному разрешению органа государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа;
- любительский лов рыбы, сбор ягод и дикоросов туристами для личного потребления.

В зоне охраны по специальным проектам *возможны*:

- выполнение работ, связанных с сохранением и благоустройством территории, формирующей исторически достоверную среду как неотъемлемого компонента внешнего окружения объектов культурного наследия;
- устройство дорожек, установка стендов и витрин, относящихся к объекту культурного наследия, а также других форм благоустройства, вызванных требованиями современного использования, но не нарушающих природный ландшафт или исторически ценную среду;
- при соблюдении правил — установление палаток, обустройство биваков (исключая участки мест расположения объектов культурного наследия), а также проезд снегоходов и плавсредств, не причиняющих ущерба природе.

Зона охраны, как и территория объектов культурного наследия, доступны для посещений. Исключение составляет святилище Ай-Ега, посещение которого доступно только для:

- лиц коренного населения как место поклонений и проведения ритуальных действий;
- экспертов по поручению органа государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа, выполняющих осмотр и обследование памятника, а также прилегающего к нему ландшафта;
- представителей органа государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа с целью проведения мероприятий по учёту памятника, определения состояния ландшафта, а также их охране и дальнейшему целевому использованию.

Доступность на территорию святилища строго регламентирована для иных лиц, которые могут посещать действующий культовый объект лишь с позволения хранителя культового места.

Зона регулируемой застройки и режим её содержания. Зона регулирования застройки — это буферная территория, непосредственно окружающая зону охраны объектов культурного наследия. Она необходима для сохранения наиболее характерного облика сложившейся природной среды, закрепляя визуально-пространственную структуру

ландшафтного комплекса, расположенного в непосредственной близости к зоне охраны объектов культурного наследия. Общая площадь территории зоны регулируемой застройки урочища Зимние Совкунины составляет 3253 га (32,53 кв. км), урочища Летние Совкунины — 803 га (8,03 кв. км).

На территории зоны регулирования застройки *разрешается*:

- производство земляных работ, а также иная природообразующая хозяйственная деятельность по согласованию с органом государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа;
- расположение кустов скважин, вокруг которых создана надежная обваловка;
- производство работ только по современной технологии, способной предотвратить аварийные разливы нефти.

В пределах зоны регулируемой застройки *запрещается*:

- неупорядоченное движение тяжёлого колёсного и гусеничного транспорта, нарушающего растительный покров и почву;
- лесовырубка для промышленных нужд на участках, непосредственно примыкающих к границе зоны охраны объектов культурного наследия;
- устройство полигонов хранения и переработки нефтесодержащих отходов;

Во избежание пожароопасных ситуаций используемая техника должна быть оснащена искрогасителями. Помимо этого, необходимо соблюдать природоохранные мероприятия в местах прокладки трубопроводов через водотоки, сохраняя их гидрологический режим, а также проводить рекультивационные работы, предохраняя берега от разрушения и уменьшая загрязнение водоемов.

Зона регулируемой застройки строгого режима общей площадью 560 га (5,6 кв. км) обусловлена наличием вблизи бывш. юртов Зимние Совкунины святилища Ай-Ега.

Граница зоны регулируемой застройки строгого режима примыкает к зоне охраны объектов культурного наследия и расположена к югу—юго-востоку от неё. Начинаясь в т. В=60°45'; L=70°46' на пересечении с р. Ай-Ега, граница зоны регулируемой застройки проходит 0,7 км к югу по правому берегу р. Ай-Ега и резко поворачивает на восток. Прямой отрезок границы длиной 1 км к востоку входит на край леса и, огибая с юга его небольшой участок с прилегающим юго-восточнее болотом, тянется на 2,8 км по прямой линии на северо-восток. Далее, имея криволинейные очертания, следует на северо-восток вдоль границы зоны охраняемого ландшафта (ОЗУ леса) и через 1,6 км подходит к левому берегу р. Камчинской. Затем следует 0,4 км вдоль

левого берега на север к границе охранной зоны, совпадая в итоге с т. В=60°47'; L=70°50'.

Режим особого регулирования в этой зоне необходим для предотвращения свободного доступа работников месторождения с юго-востока, поскольку подходы к святилищу Ай-Ега здесь наиболее доступны.

Основной перечень ограничений аналогичен установленному на территории зоны регулируемой застройки. Однако свободное посещение охранной зоны работниками месторождения должно быть исключено. Обустройство кустов скважин в этой зоне возможно лишь при соблюдении технологии «экологически чистый куст», включающей безамбарное бурение, устройство гидроизоляции, отсыпку основания с учётом высоты полых вод и т. д. Все рекомендуемые меры направлены на исключение аварийных разливов нефти.

Зона охраняемого ландшафта. Зона охраняемого ландшафта — территория, предназначенная для сохранения особо ценных пород лесонасаждений, водоёмов и естественного рельефа местности. Она установлена на территориях, не вошедших в основной состав зоны охраны и зон регулирования застройки.

Система зон охраняемого ландшафта представлена двумя территориально-пространственными единицами:

- участки земли, где материалами лесоустройства выделены ценные породы лесных массивов, представляющих собой ОЗУ леса;
- участки местности в пределах сложившихся путей миграции диких животных, к которым относятся фрагменты русловых долин р. Малого Салыма, Ай-Ега и Камчинской.

В границах территории зон охраняемого ландшафта в ходе выполнения строительных работ необходимо соблюдать следующие требования:

- своевременно очищать полосы отвода от порубочных остатков,хлама и мусора;
- не оставлять открытыми траншеи, ямы и крутые откосы, которые могут стать преградой или ловушкой для животных;
- исключить из процесса освоения кедровники, припойменные территории вдоль рыбопромысловых рек и протоков;
- располагать площадки под кусты скважин, ДНС и другие промобъекты нефтепромысла вне путей миграции диких животных.

В ближайшее время особое внимание необходимо уделить местам традиционной концентрации диких животных в верховьях р. Малого Салыма, Ай-Ега, Камчинской, Таутях, Савьях, рассматривая их в качестве территории охраняемого ландшафта. В перспективе при

более детальном обосновании органы местного самоуправления Нефтеюганского р-на могут объявить его особо охраняемой территорией с регулируемым режимом хозяйственной деятельности.

Таблица

**Основные технико-экономические показатели
«Проекта зон охраны объектов культурного наследия на землях
историко-культурного назначения «Зимние (Летние) Совкунины»**

Показатели		Единицы измерения
Территория (всего)		12881 га
<i>В том числе:</i>		
1	Земли историко-культурного назначения Зимние Совкунины (зона охраны)	7125 га
	Зона регулируемой застройки	3253 га
	Зона регулируемой застройки строгого режима	560 га
2	Земли историко-культурного назначения Летние Совкунины (зона охраны)	1140 га
	Зона регулируемой застройки	803 га
3	Объекты культурного наследия	19 ед.
	<i>В том числе:</i>	
4	Подлежащие археологическим раскопкам	1 ед.
	Охрана природы и рациональное природопользование	8,5 га
4	<i>В том числе:</i>	
	Рекультивация нарушенных земель	8,5 га

По итогам проведенных научно-проектных работ в границах территорий зон охраняемого ландшафта в целях сохранения популяций диких животных, предлагался следующий ряд *охранных рекомендаций*:

- запретить нахождение работников месторождений за пределами производственных площадок, в частности на территории Гослесфонда;
- запретить ввоз и содержание на месторождениях собак и кошек;
- запретить провоз и хранение огнестрельного оружия, а также самодельных устройств на производственных площадках для исключения браконьерства;
- обеспечить комплексный характер сохранения среды обитания диких животных, руководствуясь федеральным законодательством;
- в «Проекте обустройства Приразломного месторождения на полное развитие» учесть все требования раздела «Оценка воздействия на окружающую среду» как одного из обязательных условий по охране среды обитания диких животных;
- соблюдать «Требования по предотвращению гибели животного мира при осуществлении производственных процессов, а также при эксплуатации транспортных магистралей, трубопроводов, линий связи и электропередачи», согласно утвержденным нормативным актам;
- запретить передвижение всех видов транспортных средств по территории Гослесфонда;

- размещать промышленные объекты с учётом обеспечения путей миграции, нагула, отдыха и размножения животных;
- исключить размещение отходов нефтепромысла без технологий, гарантирующих предотвращение гибели животных;
- для охраны и воспроизводства животного мира необходима разработка программы инвестиций на возмещение ущерба, нанесённого животному миру и среде его обитания (согласно действующему законодательству).

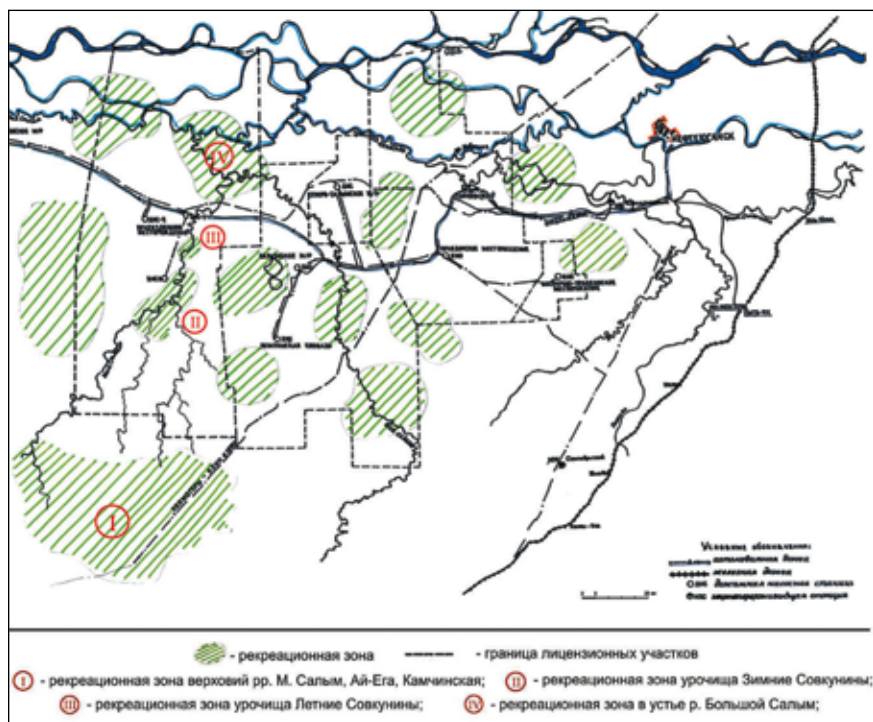
Традиционное место концентрации диких животных — верховья р. Малого Салыма, Ай-Ега, Камчинской, Таутях, Савьях, — необходимо рассматривать в качестве резервного участка земли, в пределах которого в ближайшей перспективе целесообразно организовать *микро-заповедник* местного значения с регулируемым режимом хозяйственной деятельности.

Главной целью идеи системного подхода к организации природоохранных мероприятий в структуре месторождений НГДУ было обеспечено процесса формирования и развития производственной, социальной и территориально-планировочной структуры, отвечающей требованиям сохранения экологического равновесия в пределах Нефтеюганского р-на. Для достижения этой цели предлагалось разработать программу, включающую «Комплексную схему окружающей среды Нефтеюганского р-на», где бы в полной мере было представлено инженерно-экологическое зонирование района, пространственная локализация природоохранных и иных мероприятий. Структуру такой системы может составить ряд территориально-пространственных единиц, включающих, как минимум, *три уровня*: территорию административного района, НГДУ как целостный территориально-производственный комплекс, а также месторождение нефти в границах лицензионного участка.

Первый уровень должен охватывать функциональное зонирование Нефтеюганского р-на, в пределах которого сосредоточены месторождения НГДУ «Правдинскнефть», образующих единый территориально-производственный комплекс. К числу первоочередных архитектурно-планировочных задач следует отнести формирование в его границах единой системы рекреационных (зелёных) зон (ил. 19). Это связано с установлением минимально допустимой лесистости, определением величины и конфигурации зелёных насаждений, включая предложения по формированию взаимосвязанных элементов «природного каркаса», состоящего не только из существующего массива лесов, но также и других насаждений функционального назначения.

Второй уровень призван отражать функциональное зонирование Приразломного месторождения как одного из обособленных подразделений, в границах которого учитывается не только начальный этап освоения, но и прогнозируется перспектива его полного освоения. Речь идёт о двух функциональных зонах: промышленной и рекреационной (санитарно-защитной, или зелёной). Их чередование должно исключить господствующий в данный момент принцип «сплошного» техногенного освоения обширных участков земли. Наличие двух зон — это минимальный набор элементов планировки, апробированных в мировой практике функциональной организации территорий.

Третий уровень представлен предложенным выше проектным решением территорий урочищ Зимние и Летние Совкунины как вновь планируемых участков на месторождении, в пределах которого сосредоточены не только историко-культурные объекты, но и эстетически ценные природные комплексы.

Ил. 19. Схема организации рекреационных зон в структуре месторождений НГДУ «Правдинскнефть»

В заключение были подведены итоги и акцентированы некоторые моменты.

— Предложенное проектное решение зон охраны содержит ряд ограничений, регламентирующих разработку недр в границах родовых угодий, охрану историко-культурного наследия, выполнение рекультивации нарушенных земель, а также защиту экологических интересов населения Нефтеюганского р-на, и, прежде всего, представителей коренных малочисленных народов Севера.

— Особая роль зоны охраны объектов культурного наследия, помимо обеспечения сохранности указанных объектов, состоит в том, что в структуре месторождений НГДУ «Правдинскнефть» она призвана исполнять ряд дополнительных функций (санитарно-защитную, рекреационную, природоохранную), одновременно являясь территорией, где сохранена традиционная среда обитания коренного населения.

— В практике проектирования и обустройства месторождений добычи нефти и газа представляется целесообразным (эко)системный подход, направленный на сбалансированное техногенное воздействие на территорию с учётом ряда антропогенных факторов. Её промышленное освоение должно исключать господствующий сегодня принцип «сплошного» обустройства месторождений, непременно чередуя площади их промышленных зон рекреационными («зелёными») территориями.

— В инфраструктуре нефтепромыслового освоения территорий сложилась проблемная ситуация, в целом типичная для Среднего Приобья, разрешение которой сводится к необходимости разработки «Проекта (схемы) рационального природопользования» в границах территории административного района.

— Также назрела потребность в составлении «Схемы культурно-ландшафтного районирования», в рамках которой предстоит выделить участки концентрации объектов историко-культурного наследия с целью обеспечения его надлежащего сохранения. Эти проектно-планировочные наработки впоследствии могли бы составить исходный банк данных (ограничений), которые должны быть учтены уже на начальной стадии проектирования обустройства месторождений нефти и газа.

— Границы территорий зон охраны объектов культурного наследия в урочищах Зимние Совкунины и Летние Совкунины должны стать обязательным разделом в составе «Проекта (схемы) территориального планирования» и непременно учитываться в «Проекте обустройства Приразломного месторождения на полное развитие».

— Схема функционального зонирования территории Приразломного месторождения нефти предполагает обеспечение путей миграции диких животных. Для этого схему функциональной взаимосвязи ДНС-4 и ДНС-5 целесообразно решить в варианте, когда южный коридор инженерных коммуникаций будет проходить через р. Камчинскую не далее чем в 4 км к югу от устья р. Мытьега — её правого притока.

— Проектные решения план-схемы расположения инженерных коммуникаций через Малый Салым в 2 км западнее устья р. Ай-Ега (в зоне регулируемой застройки), а также через р. Ай-Ега в 3,5 км южнее её устья (зона регулируемой застройки строгого режима) должны быть согласованы с органом государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа.

— Очередным шагом в деле организации охранных мероприятий видится разработка «Проекта обустройства периметра границы зон охраны земель историко-культурного назначения в урочищах Зимние [Совкунины] и Летние Совкунины», которым необходимо предусмотреть, как минимум, установку информационных знаков, определение объёмов работ по рекультивации нарушенных участков земли на территории зоны охраны, а также иные меры.

— Требуется особое внимание к культуре промышленного производства в целом. Это касается исключения движения автотранспорта вне дорог и совершенствования выполнения земляных работ, связанных с обустройством линейных объектов (нефте- и водопроводов). Они требуют совершенствования технологии производства работ, ориентированных на то, чтобы обеспечить эстетические качества вновь формируемого урбанизированного ландшафта.

— «Гуманизация» техногенной среды предполагает снижение возникшего контраста с окружающей природной средой, необходимость «органичного» взаимодополнения и взаимосвязи, гармонизации их визуально благоприятных внешних характеристик, то есть повышения эстетических качеств промышленного ландшафта в целом.

Таковы основные подходы к архитектурно-планировочному решению территории, отражённые в «Проекте зон охраны памятников истории и культуры на землях историко-культурного назначения «Зимние (Летние) Совкунины в Нефтеюганском р-не».

Особо отметим оперативную деятельность МУ «Центр историко-культурного наследия Нефтеюганского района» (ныне не существующего), своевременно организовавшего проектные работы. Благодаря этому и удалось сохранить природно-культурную территорию в границах Приразломного месторождения в надлежащем состоянии.

Указанный проект, получивший в московском институте «Спектрэкстреставрация» положительное экспертное заключение, в 2001 г. был утверждён тогдашним главой Нефтеюганского р-на А.В. Клепиковым и направлен заказчику (НГДУ «Правдинскнефть»).

Представляется актуальным и весьма полезным не только в историографическом плане, но и в практическом применении анализ всей имеющейся на сегодня проектной документации с целью разработки

региональных методических рекомендаций для планировочной организации территорий, содержащих объекты культурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ведмидь Г.П., Морозов В.М. Историко-культурный комплекс Ермаково (к вопросу об инвентаризации объектов культурного наследия) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 449—463; Ведмидь Г.П. Архитектурная планировка акватории и территории комплекса объектов культурного наследия на священном озере Имлор в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 123—160; Ведмидь Г.П. Святилище Йимынг (Шикъ) ёхом в контексте архитектурно-планировочных подходов к сохранению объектов культурного наследия Сургутского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 40—67; Ведмидь Г.П. Святилище Лук Эвэт ики на Барсовой Горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 262—266; Ведмидь Г.П., Бочкарёв Д.В. Достопримечательное место «Барсова Гора» — уникальный природно-археологический памятник Сургутского Приобья // Баландинские чтения: сб. ст. VIII научных чтений памяти С.Н. Баландина, Новосибирск, 18—20 апреля 2013 г. — Новосибирск, 2014. — С. 30—44; Ведмидь Г.П. Комплексные исследования урочища Кедровый Лог в городе Сургуте // Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием «V Бахлыковские чтения», г. Сургут 14—17 октября 2014 г. — Сургут: РИО СурГПУ, 2016. — С. 11—16; Ведмидь Г.П. Из опыта проектирования территорий достопримечательных мест в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2017. — Вып. 15. — С. 54—82; Ведмидь Г.П. Достопримечательное место Эвыт Ики (Шаман Гора) — памятник духовной культуры обских угров // Баландинские чтения: сб. ст. XII науч. чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск, 2017. — С. 64—70; Визгалов Г.П., Кардаш О.В. Святилище Ай-орт-ики на реке Малый Салым: историко-этнологическое исследование. — Екатеринбург: АМБ, 2010. — 216 с.: ил. — (Мат-лы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири; вып. II); Морозов В.М., Ведмидь Г.П., Бакалдин М.Н. Историко-культурный комплекс «Святое» // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 113—123.

² Ведмидь Г.П., Визгалов Г.В. Проект зон охраны памятников истории и культуры на землях историко-культурного назначения «Зимние (Летние) Совкунины» в Нефтеюганском районе. — Нефтеюганск, 2001. — Архив Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Кн. 1 — Д. 695 а, № 3831; кн. 2 — Д. 695 б, № 3831/1.

³ Кардаш О.В. Отчёт о разведке археологических памятников в северо-западной части Нефтеюганского района в нижнем течении р. Большой Салым и бассейне р. Малый Салым, проведённой летом 1991 г. — Екатеринбург, 1992. — Архив Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Д. 208 а, 208 б. № 4872; Кардаш О.В. Отчёт об археологических исследованиях в Нефтеюганском районе Тюменской области на территории урочища «Зимние Совкунины» в бассейне реки Малый Салым летом — осенью 1994 г. — Ека-

теринбург 1995 г. — Архив Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Д. 99 а, б. № 16848.

⁴ В более поздних публикациях объект назван святилищем Ай-орт-ики (Визгалов Г.П., Кардаш О.В. Святилище Ай-орт-ики на реке Малый Салым: историко-этнологическое исследование. — Екатеринбург: АМБ, 2010. — 216 с.).

⁵ Абрамович Д.И., Крылов Г.В., Николаев В.А., Терновский Д.В. Западно-Сибирская низменность. — М., 1963. — С. 112.

⁶ Проект: Обустройство Приразломного месторождения на полное развитие. — Тюмень, АО «Гипротюменнефтегаз». 1995. — Архив проектного кабинета НГДУ «Правдинскнефть» (п. Пойковский), шифр 6040.

⁷ Проект организации и ведения лесного хозяйства Нефтеюганского лесхоза управления лесами Ханты-Мансийского автономного округ. Т 3: Таксационное описание Лемпинского лесничества в 9 кн. — Кн. 5–7. — Новосибирск: Запсиблеспроект, 1999.

⁸ Богданова Д.В., Тюрин В.Н. Особенности установления границы достопримечательного места по природным особенностям (на примере достопримечательного места «Согом») // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: Мат-лы LVII рос. (с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, г Сургут, 17–21 апреля 2017 г. — Сургут; Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2017. — С. 311–313.

G.P. Vedmid'

Sovkuniny yurts – the primordial experience of historical territories preservation planning in Ugra

Abstract. The article presents the results of the first project of protecting zones for cultural heritage sites in the Khanty-Mansiysky Autonomous District — Ugra, which was developed in 2001. A number of factors of the architectural and planning approach to substantiation of protecting zoning is outlined, as well as the idea of ecological and landscape organization of oilfield development territories is outspoken. Also the principle of the rationale for the boundaries based on natural features in the middle reaches of the Maly Salym is given & the regime of maintaining of protecting zones territories is presented.

Key words. Surgut Ob region, Nefteyugansk district, Maly Salym river, NGDU «Pravdinskneft», Prirazlomnoye oilfield, Sovkuniny Winter yurts, Sovkuniny Summer yurts, Kamchinskaya river, Ay-Ega river, archaeological heritage, Ay-Yoga sanctuary, project of protecting zones.

E-mail: v-g-p-56@yandex.ru

Земля покровителя Большого Югана на грани перемен

Е.Н. Данилова

г. Екатеринбург

Институт истории и археологии УрО РАН

ООО «НАЦ «АВ КОМ-Наследие»

Аннотация. Статья посвящена конфликтной ситуации, которая сложилась на Большом Югане в результате столкновения интересов недропользователей и коренных жителей. Активное нефтяное освоение территории, которая с давних времен считалась вотчиной духа-покровителя Большого Югана *Яун-Ики*, неизбежно влечет за собой изменения в традиционной культуре не только по причине возможной утраты символа традиционных этнических верований, но и разрушений природного ландшафта. В сложившейся ситуации создание достопримечательного места является той стратегией сохранения традиционной культуры, которая может обеспечить сосуществование «нефти» и хантов.

Ключевые слова. Достопримечательное место, объекты культурного наследия, р. Большой Юган, юганские ханты, Яун-Ики Мых, баптисты, община «Яун-Ях», традиционная культура, недропользователи

В современной системе охраны объектов культурного наследия, наряду с другими, представлены и этнографические объекты, которые являются частью «живой» культуры¹. Актуальной практикой сохранения таких объектов является создание достопримечательных мест. В российском законодательстве понятие достопримечательного места определено ст. 3 Федерального закона N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» как особый вид объектов культурного наследия — *«творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места традиционного бытования народных художественных промыслов; центры исторических посе-*

лений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов; места захоронений жертв массовых репрессий; религиозно-исторические места»².

На территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, где экстенсивное промышленное освоение идёт энергичными темпами и небывалыми масштабами, создание таких территорий особенно актуально, поскольку позволяет сохранить участки природных ландшафтов, связанные с формированием и развитием различных этнических культур. В форме достопримечательных мест такие территории интегрируются в современную среду, не теряя своей уникальности и сохраняя ценность для истории, археологии, этнологии и природоведения.

В фокусе внимания данной статьи участок этнокультурного и природного ландшафта, расположенный в бассейне р. Большого Югана на отрезке его русла от юрт Каюковых до юрт Чегаевых. Он стал объектом активного нефтяного освоения Компании «КанБайкал» и, соответственно, попал под угрозу дестабилизации устойчивой системы традиционного природопользования. Основная цель статьи — дать краткую историко-культурную оценку данной территории, показать существующую возможность обеспечения её сохранности и обозначить противоречивые моменты и мнения, сложившиеся вокруг данной ситуации.

Работа написана на основе полевых материалов, собранных автором во время экспедиций на р. Большой Юган в марте и июле 2018 г., с привлечением более ранних материалов 2002 и 2003 гг.

История создания проекта началась зимой 2016 г., когда от хантов, проживающих в юртах Каюковых, поступили жалобы о разрушении действующего кладбища и святых мест в процессе сейсморазведочных работ. На имя губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры было написано письмо, в котором коренные жители просили рассмотреть возможность организации достопримечательного места на этой территории с жесткой регламентацией деятельности нефтяных компаний. Решение губернатора было положительным, в результате стартовал двухгодичный проект научно-исследовательской работы по теме «Разработка научно-проектной документации для обоснования

достопримечательного места «Яун-Ики Мых» (далее по тексту — проект).

Первые полевые исследования в рамках данного проекта проводились в ноябре 2017 г. Основной целью поездки была встреча с представителями коренных жителей и определение предварительных границ достопримечательного места. Сбор основных этнографических сведений и историко-культурная оценка территории были выполнены в марте 2018 г. Полевые исследования, проведённые в летних и зимних юртах Каюковых и д. Каюково (юрты Рыскины), в очередной раз показали, что проживающие на этой территории ханты являются хранителями не только уникальной культуры, но и природного ландшафта как целостной динамичной системы природопользования и жизнеобеспечения, стабильность которой поддерживается, в том числе, и такими традиционными видами деятельности, как охота, рыболовство, собирательство, не истощающими природную среду.

Все, с кем проводились беседы и/или анкетирование, высказывались за организацию достопримечательного места, поскольку осознавали, что может повлечь за собой бесконтрольное нефтяное освоение этой территории. Спустя месяц после экспедиции к нам поступила информация о том, что была проведена встреча «представителя недропользователя и представителя КМНС», в результате которой коренные жители подписали документ, признающий создание достопримечательного места «Яун-Ики Мых» на Унтыгейском лицензионном участке «нецелесообразным»³. В протоколе также указывалось, что создание достопримечательного места *«не позволит Компании осуществлять свою деятельность в полном объёме, в результате чего Компания не сможет оказывать дальнейшую материальную и иную помощь в рамках социально-экономического сотрудничества»*. Как выяснилось позже из бесед с информаторами, на этом собрании им пришлось выбирать: экономические соглашения или достопримечательное место. Подобная ситуация, когда решения принимаются быстро, под давлением, наверняка не являются редкостью. На одном из таких «собраний» ягодный бор в районе юрт Каюковых, был «продан» за 3 млн руб.; впоследствии, увидев реальные разрушения от деятельности разведочной скважины, ханты не раз пожалели о своем решении (ил. 1).

Мощным социальным институтом является Община коренных малочисленных народов Севера «Яун-Ях» — одна из самых популярных хантыйских общин, которая объединяет более 550 чел., проживающих по рекам Большому Югану и Малому Югану. История её создания

и основные направления деятельности подробно описаны О.Э. Балаевой, принимавшей активное участие в её формировании⁴. Главой (председателем) общины с момента её основания является Владимир Семёнович Когончин.

Община всегда поддерживала сохранение территории исконного проживания коренного населения и долгое время противостояла наступлению нефтяного промысла. Однако, по словам председателя, сейчас все ханты *«с интернетом и телевизором и не хотят в закрытой зоне сидеть»*. Экономические соглашения с нефтяными компаниями являются не только весомым источником дохода хантов, но и дают общине необходимое оснащение, позволяющее осуществлять свою деятельность (транспорт, морозильные камеры и т. п.). В этом смысле нефтяники являются единственной поддержкой, местные власти, как говорят ханты, *«нам не помогают»*. В беседах руководство общины, с одной стороны, выражало своё согласие и поддержку организации достопримечательного места, с другой — высказывало свои сомнения, опасаясь прекращения выплат со стороны нефтяников.

Ил. 1. Разведочная скважина на ягодном бору Кор-Лох,-Охты-Йоом

Конфликтную ситуацию, сложившуюся вокруг создания достопримечательного места на Большом Югане, планировалось разрешить на общем рабочем совещании 15 мая 2018 г. На нём присутствовали представители недропользователей, разработчиков проекта, окружной Службы государственной охраны объектов культурного наследия и законодательной власти ХМАО — Югры⁵. Из выступления генерального директора ООО «КанБайкал» Д.В. Перова стало ясно, что представители компании преднамеренно искажают информацию и, несмотря на факты, беспечелляционно заявляют, что они не нарушают законов РФ и прав коренных малочисленных народов Севера. Единого мнения по рассмотренным вопросам у участников совещания не сложилось, поэтому было принято решение провести ещё одну рабочую встречу летом (на момент написания статьи намеченная встреча ещё не состоялась).

В июле этого же года вновь были проведены полевые исследования: не приехать и не поговорить с жителями после подписанного ими отказа от идеи достопримечательного места было просто невозможно. На этот раз оказалось, что жителей «запугивали» тем, будто они не смогут рыбачить и собирать ягоды на территории со статусом достопримечательного места. Кто именно распространял эти слухи, не понятно, поскольку во время бесед коренным жителям неоднократно разъяснялся статус такого места и сохранение их права на традиционное землепользование.

Территория, планируемая для выделения в достопримечательное место «Яун-Ики Мых», расположена в центральной части Западно-Сибирской равнины, на юге Среднеобской низменности, в бассейне р. Большого Югана, в его среднем течении.

Коренным населением исследуемой территории являются юганские ханты (самоназвание *яун ях* — ‘реки Югана народ’ или ‘народ реки’), проживающие вдоль рек Большого Югана и Малого Югана и считающиеся отдельной локальной этнической группой. Их язык относится к сургутскому наречию восточной группы диалектов⁶. Юганские ханты, на первый взгляд представляющие собой единую этнокультурную общность, имеют территориальные различия. Так, проживающие по Большому Югану ханты называют себя *энет*, *яун ях* — ‘большой реки народ’ и противопоставляют себя живущим на Малом Югане — *ай яун ях* — ‘малой реки народ’.

Для всех групп сургутских хантов характерно почитание «хозяина» реки, который одновременно является покровителем целой терри-

ториальной группы ях. Так, покровителем большеюганских хантов считается *Яун-Ики* ('Югана старик', 'Юганский дедушка'), который является сыном верховного бога Торума и состоит в родственных связях с покровителями других территорий.

Яун-Ики «отвечает» за всю территорию реки от истока до устья. Нередко среди хантов его называют вотчинником. В его подчинении находятся духи-хозяева лесов, рек, поселений и отдельных семей.

Яун-Ики заботится о населении, которое проживает в его «вотчине». Согласно легендам, он борется против Обского покровителя *Ас-Ики*, чтобы обеспечить хантов рыбой, ворует оленей на Казыме, а с Салыма приносит сосновые бора.

Яун-Ики поссорился с *Ас-Ики*. *Ас-Ики* говорит: «Я для тебя рыбу пускать не буду, пусть все твои ханты умрут!» *Яун-Ики* начал готовиться к войне, перегородил Юган камнями, чтобы не пришли. *Ас-Ики* пошёл войной, но всё его войско перебили. Однако юганским хантам есть нечего, голодают. Запустил тогда *Яун-Ики* пескарей, вырезанных из дерева, в речку Певсап, подул на них, они ожили. Отпустил рыбу и сидит, говорит хантам: «Ставьте морды, рыба есть». Те удивились, но морды поставили. Начали есть досыта. *Ас-Ики* сидит, никак не дожидается, когда же к нему мира просить придут, посылает к *Яун-Ики* гонца. Тот приходит, смотрит — все ханты сытные ходят, довольные. Говорят ему: «Заходи, покушай с дороги». Он сел попробовал рыбу, понравилась. Обратно его отправили. Он всё *Ас-Ики* рассказал. *Ас-Ики* решил помириться. Пошёл, попробовал пескарей, понравилась, проход для рыбы на Юган открыл. С тех пор мирно живут. (Михаил Никифорович Мултанов, р. Большой Юган, юрты Каюковых)⁷.

Два бога — Обской и Юганский — встретились и давай воевать, драться. Долго ли, коротко ли дрались, очнулись потные, в речке кровь плывет. Они рыбу не поделили. *Ас-Ики* говорит: «Я тебе рыбу даю». «На черта мне рыба, я её сам сделал», — отвечает *Яун-Ики*. Очнулись, народ плачет. Рыбы нет ни в Югане, ни в Оби. Ругаются. Юганский бог собрал камней в кузов, пошёл по Югану пешком и стал камни кидать. В свои уголья пришёл (от юрт Рыскиных до юрт Каюковых). Нечаянно кузов продырявился, и камни там высыпались. *Яун-ики* сделал окуня и ерша. Чтобы *Ас-Ики* не ездил, он камни накидал.

(Пётр Степанович Когончин, р. Большой Юган, юрты Когончины)⁸.

Самый большой каменный пережат на Большом Югане, находящийся в конце «пятого песка», называется *Яун-Ики водоворот*. В былые времена здесь на воду спускали материал и кидали монеты. Сейчас, когда проезжают мимо на лодке, делают три круга и в центр кидают монеты.

Яун-Ики шел с низовьев вверх по реке, в мешках нёс камни, мешки дырявые были, и камни сыпались. Когда вода падает, эти камни видно. Каменный дед *Кав-Ики* есть около Покачёвых. Эти камни *Яун-Ики* у брата попросил или на Агане, или на Казыме. В гости ходил к брату и большой узелок взял, на весь Юган хватило, здесь камней раньше не было.

(*Аграфена Никифоровна Каюкова, р. Большой Юган, юрты Каюковы*)⁹.

Как-то на верховья Салыма в Нюром-Вош к *Сотым-тэ-ики* пришёл его друг — богатырь *Ягун-ики*. Сели они пировать. *Ягун-ики* говорит: «У меня одни болота, охотиться на белок негде, а у тебя сосновые боры хорошие. Дай мне на время боры побелковать». — «Как ты сможешь унести эту священную землю?» — отвечает *Сотым-тэ-ики*. — «Я унесу, не волнуйся», — говорит *Ягун-ики*. — «Ну, если сумеешь, то бери». Попили они, погуляли. Наступила пора расходиться. Ушёл *Ягун-ики*. Прошло некоторое время. Подумал *Сотым-тэ-ики*: «Что-то я загулял, пойду схожу на охоту». Идёт и идёт, идёт и идёт, а кругом — болота и болота. Говорит: «У меня такие хорошие сосновые боры были. Куда они делись?». Дальше шёл-шёл, потом вспомнил про *Ягун-ики*: «Он, наверное, забрал боры. Как только умудрился! Всю землю с собой унёс, а мне одни болота остались. Вот это богатырь так богатырь».

(*Р. Малый Салым*)¹⁰

Жена у *Яун-ики* с Тромъёгана. Он ходил туда, в карман себе сунул болота, сосновые боры — обокрал своего тестя. Поэтому у нас здесь, на Большом Югане, местность, как в Тромъёгане, — озёра, болота, камни. Ведь камней нигде нет, а у нас есть (в устье Малого Югана, на пятом песке тоже есть камни). Когда он шёл, чуть-чуть просыпал.

(*Вячеслав Гаврилович Каюков, р. Большой Юган, юрты Каюковы*)¹¹

Яун-Ики считается родоначальником самого большого на Югане рода Медведя, в который входят фамилии Каюковы, Мултановы, Рыскины (по некоторым данным, также Курломкины и Куплондеевы).

Зооморфным обликом *Яун-Ики* является медведь. Некоторые исследователи также отмечали, что он мог принимать облик соболя¹² или совы¹³, однако сегодня на Югане этого уже не помнят. Согласно легендам, медведи, змеи, ящерицы являются духами-помощниками *Яун-Ики*: ящерицы (*сосал*,) служат ему завязками на саке, а змеи (*кох,воех*) — подвязками на меховых кисах.

Антропоморфное изображение *Яун-Ики* — деревянное, примерно около метра в высоту, с укороченными ногами. Его вырезают из кедра, привезённого из священной рощи близ юрт Чегаевых, изготовлением занимаются в летних юртах Каюковых, рядом со священным лабазом.

Мастера выбирают из семей Усановых или Покачёвых, «делать идола» считается «очень почётным» — тот, кто его делает, «дух в него вселяет». В старину деревянных *лунгов* меняли каждые семь лет, либо в случае смерти мастера-изготовителя. При этом старого идола возвращали на то место, откуда был взят материал. Последнему изображению *Яун-Ики* уже ок. 25 лет¹⁴.

Являясь покровителем всех проживающих на Большом Югане хантов, сам *Яун-Ики* обитает в районе юрт Каюковых, а территорией его владения считается участок реки от юрт Каюковых до юрт Рыскиных. Как и у самих хантов, у *Яун-Ики* есть зимнее, весеннее и летнее место жительства, на которое он переезжал в зависимости от годового хозяйственного цикла: «Зимой он на зимнем живёт, весной рыбачит, летом — здесь, в юртах»¹⁵. Кроме этого, у *Яун-Ики* есть палатка, в которой он жил во время зимней охоты; считалось, что он не хочет сидеть один в пустой деревне, и поэтому его брали с собой.

На каждом из сезонных культовых мест построен лабаз. Вещи и фигуры духов раньше постоянно перевозили, «когда выпадал снег — на зимнее, Юган открывался — на весеннее, летом — в посёлок». Сейчас *Яун-Ики* постоянно живёт в летнем лабазе, основной причиной этому стало распространившееся среди юганских хантов евангелистское христианство: «Баптисты ему не молятся, поэтому кто его будет таскать?», «Народа мало стало»¹⁶.

Все три культовых места связаны между собой общей функцией и являются единым культовым ансамблем *Яун-Ики*. Несмотря на то, что сегодня все идолы «сидят» в летнем лабазе, на весеннем и зимнем местах поддерживается порядок — чтобы в любой момент туда можно было перевезти идолов. Кроме того, в них продолжает находить часть вещей, которые обычно не перевозили.

Остров зимнего лабаза называют *Пэв Пахрэм Тэтл*, — ‘остров Еловой Шишки’, (‘Шишкин остров’, ‘Шишкин бор’). Он расположен в пойменном смешанном лесу левого притока р. Вандрас — речки *Пэв Сап* — ‘Еловой Шишки речка’. В зимний лабаз идолы переезжали с первым снегом, а уезжали в мае по большой воде на своей лодке. Лабаз, который стоит в настоящее время, построен ок. 20 лет назад (ил. 2). На зимнем месте во время коллективных сборищ приносили кровавые жертвы (забивали оленей), на деревьях развешивали приклады, чаще всего из светлой и белой ткани.

Весеннее место *Яун-Ики* называют *Яун-Ики Эвут* (ил. 3). Оно расположено в правобережье р. Большого Югана, на невысокой гриве, на

Ил. 2. Зимний лабаз *Яун-Ики* (*Пэв-Пахрэм-Тэтл*, — ‘остров Еловой Шишки’)

Ил. 3. Весенний лабаз *Яун-Ики* (*Яун-Ики Эвут*)

Ил. 4. Летний лабаз Яун-Ики (Ним-Пуул,-Л,опас — ‘Летнего Поселения лабаз’)

берегу оз. *Л,опасэн, Тох*, — ‘Лабазиное озеро’, ‘Лабазина лужа’ (*тох*, называют небольшие озёра возле речек или посреди болот, не имеющих своих ручейков). *Яун-Ики* перебирается сюда, когда начинает идти рыба, во время большой воды и рыбачит здесь, пока вода не начнет падать, примерно до середины июня. На весеннем месте берут сколы с деревьев для изготовления личных духов-покровителей — «когда нужно ангелов с собой держать» и приносят «списанные» фигурки, когда «срок закончится, и он постареет».

Летнее место *Яун-Ики* называют *Ним Пуул, Л,опас* — ‘Летнего Поселения лабаз’ (ил. 4). Оно находится в летних юртах Каюковых (*Л,уңк Пуул*, — ‘Духов селение’, ил. 5). Здесь духи проводили время летом, пока Юган не замёрзнет.

Во всех лабазах у задней стены сделаны нары из досок, на них уложены олени шкуры (когда проходит время, лишние олени шкуры раздаются). *Яун-Ики* сидит на оленьих шкурах, он одет в шапку из выдры и одежду из сукна, на нем, «как галстуки», завязаны семь (или больше) белых мужских платков. Если на него надевают новые платки, то старые раздают в подарок. При этом новый повязывают сверху, а

Ил. 5. Юрты Каюковы летние (Л,ун,к-Пуул, — ‘Духов селение’)

нижний отдаётся. Старая одежда складывается в специальный мешок, там же лежит его шуба из соболиных шкурок. На ногах у него зимние меховые кисты с подвязками. По бокам к *Яун-Ики* прислонены пять или семь деревянных стрел с железными наконечниками.

В лабазе, кроме *Яун-Ики*, у самой стены, сидят его жёны — дочери *Ас-Ики* (‘Обского деда’, ‘Обского хозяина’). Они одеты в платки и женские саки в несколько слоёв. Когда одежды становится слишком много, её также убирают в мешочек, который есть у каждого духа. Посередине, между жёнами, лицом к ним, сидит их охранник (возможно, *Вонт-Ики* — ‘Лесной мужик’). Возле «казны», с правой стороны, не загораживая *Яун-Ики*, боком сидит ещё один охранник, который присматривает за всем в лабазе. Его называют *Ян,кл,ор Имиэн Икиэн Пах* — ‘Ледового озера мужчины и женщины сын’. К нему тоже обращаются, когда преследуют какие-то страхи (например, «*думаешь, что за тобой кто-то идёт*»). Защитников также называют *Воняхкэн* — ‘Плечо-люди’.

Помимо идолов, в лабазе находятся 15 медвежат, вырезанных из дерева. Самый большой стоит посередине, по бокам от него с каждой

стороны — по семь маленьких. Во время кровавого жертвоприношения самого большого медведя макают в кровь (в рану). В мешке у *Яун-Ики* есть фигурки змеи, соболя, лося, орлана и коршуна. Их можно брать на время, для удачи, а потом возвращать обратно. Изображения заворачивают в тряпочки и кладут в специально сшитые мешочки, при этом молятся. Эти мешочки держат дома, мужчины на время охоты обязательно берут их с собой, *«чтобы злые духи не ходили»*. У женщин также есть такие мешочки.

Хранитель культового места — *лунк, орт* — выбирается на три года; иногда, если некому передать духов, этот срок продлевается. Хранителем может быть только мужчина из семьи Каюковых. В его обязанности входит следить за состоянием лабазов и его обитателей, раз в месяц хранитель меняет на них одежду, при этом старая складывается в специальный мешок. В былые времена хранитель каждый месяц на растущей луне посещал лабаз и окуривал куклы перетёртой смесью, приготовленной из чаги и сушёного лосиноного фаллоса; если была возможность, то готовил и ставил угощение. Сейчас *«поднести нечего»*.

В настоящее время хранителя нет. Такое решение — *«у духов не будет хозяина»* — приняли общим мнением, поскольку заметили: *«Кому передадут Яун-Ики, в той семье люди умирают»*. Все функции хранителя выполняет Андрей Антонович Каюков, однако сам он не считает себя хранителем в том смысле, которое вкладывалось в это ранее. Если его нет на месте, а нужно сходить в лабаз, то может приехать Леонид Филиппович Каюков из Рыскиных. Сейчас, чтобы выбрать нового хранителя, необходимо собраться всем. Среди желающих «взять духов» был Спиридон Каюков из юрт Рыскиных¹⁷.

Коллективные посещения культового места *Яун-Ики* проводились один раз в год. На них съезжались носители фамилии Каюковых, живущие на других реках. Во время таких сборищ на святом месте разжигали огонь; те, кто приехали в первый раз, бросали в костёр монеты. После молились, заходили в лабаз. Женщины при этом оставались в стороне и закрывались платком (они считались невестами). После общей трапезы снова произносили молитву и затем наводили порядок. Большие зимние сборища проходили не один день. Так, в первый день шла подготовка; во второй ехали к зимнему лабазу, где находились до наступления ночи, жгли большой костёр, молились и приносили жертвы; в третий ехали на весеннее место за сколами. Многие привозили своих личных духов «погостить в зимнем лабазе», там они стояли до отъезда домой.

В качестве даров под *Яун-Ики* кладут олени шкуры, ткани, надевают соболиную шубу, сбоку кладут шкуры песца, выдры, соболей. В лабаз приносят самые разнообразные подарки. Так, в одно из последних посещений ему подарили меч, американцы привезли мраморного медведя, часто дарят золотые кольца, которые олицетворяют змей и им предназначаются.

Последние несколько лет коллективных посещений не устраивают, но проезжающие мимо юрт Каюковых ханты поклоняются *Яун-Ики* «в домашних условиях». Ставят угощение дома или просто оставляют привезённые приклады, которые хранятся у Андрея Антоновича Каюкова, пока кто-нибудь не сходит в лабаз. Последний раз в лабаз ходили летом 2017 г.

Помимо устраиваемых коллективных посещений и поклонений проезжающих, к *Яун-Ики* обращаются в случае, если заболит зубы или приснится «особенный» сон. Так, если снятся змеи, то нужно на обуви *Яун-Ики* сделать новые завязки или просто сходить поклоняться.

Кроме самого *Яун-Ики*, на Большом Югане почитают реликвии, связанные с ним. Так, самостоятельным духом считалось его копье¹⁸, которое хранилось недалеко от юрт Рыскиных. По другим сведениям, в юртах Рыскиных хранится его посох. *Сойх,юх-Ики* — ‘Берёзового посоха дед’ живет в лабазе недалеко от юрт Рыскиных, чуть выше по течению Большого Югана. Хранителем этого духа в настоящее время является Олег Рыскин¹⁹.

По преданиям, у *Яун-Ики* было четыре (иногда упоминается три) жены. Первую он привез с Казыма, где украл 300 оленей и набрал камней, чтобы устроить перекаты на р. Большом Югане. Ещё двух жён, дочерей *Ас-Ики*, он взял с правого берега р. Оби, однако брак с ними был запрещён верховным божеством, так как оттуда происходит род медведя. Последнюю жену — *Эвэт-Ими* — он встретил на Югане (под другим сведениям, на Тромъегане), она родила ему сына.

Однажды *Яун-Ики* украл невесту на Тромъегане. И *Эвэт-Ики* погнался за ним. А *Яун-Ики* стал убегать от него по реке. У *Эвэт-Ики* 6 братьев было. Тогда они обогнали *Яун-Ики* и поставили через Тромъеган сеть. *Эвэт-Ики* говорит братьям: «Я сильный, сеть удержу на этом берегу. А вы вшестером держите сеть на другом берегу». А *Яун-Ики* превратился в выдру, ударил в сеть, вырвал ее из рук у *Эвэт-Ики* с братьями и уплыл восвояси...

(И.А. Сопочин, р. Тромъеган)²⁰.

По преданиям, жизнь с ней также не заладилась, и они развелись²¹. По другим данным, их расставание связано с тем, что она была равной ему по силе²².

Лабаз *Эвут-Ими*, где он «сидят» вместе с сыном, находится в юртах Чегаевых. По сведениям информаторов, в этом лабазе в четырёх углах находятся по две стрелы с перьями, обмотанные красными лентами. *Эвут-Ими* с круглой головой в платке и суконном саке без меха «сидит» на шкурах оленя. В дар ей приносят материал красного цвета или в цветочек; кроме того, ставят женскую коробочку (*иньльх*), игольницу (*намыт*), в которую втыкают восемь иголок парами, напёрсток и оленьи жилы (*сон*). *Эвут-Ики/Кын-Ики* (сын *Эвут-Ими* и *Яун-Ики*) — с острой головой в саке из чёрной ткани с капюшоном. Ему дарят белые платочки и чёрную ткань.

Мать что-нибудь скажет сыну, а он не слушает. Ему все подарки носили, *Эвут-Ими* обижалась. Сын её за это побил, она говорит: «Если бы был здесь отец, то он бы меня не бил». *Яун-Ики* услышал это и тут пол лабаза раскололся, и оттуда змея выползла — это был сам *Яун-Ики*. Он побил сына о нарты головой. Поэтому у *Эвут-Ики* голову острую делают.

(А.Н. Рыскин, р. Большой Юган)²³.

Согласно данным П.Ф. Лимерова, сын *Яун-Ики* — остроголовый *Атэм-Пухут-Ики* ('Плохого места муж'), которого отец часто наказывал за непослушание, таская за волосы. Он уносит души умерших в иной мир, «символом которого является кладбище»²⁴.

У *Яун-Ики* есть брат *Кон-Ики*, который сейчас «сидит» в юртах Усановых. Согласно преданиям, братья постоянно ссорятся и воюют, их никогда не нужно сводить вместе. Поэтому *Кон-Ики*, путешествующего так же, как *Яун-Ики*, довозят только до юрт Ярсомовых.

Кон-Ики — начальник грозы, у него по бокам помощники сидят, тучки-облака. Всего богов грозы много. Вот, если молния один раз сверкнула и сразу гром, значит, это *Кон-Ики*. Если метеорит летит, значит, это *Кон-Ики* на коне ходит. На земле у него шуба хранится. Эта шуба сделана из соболиных шкур с лапками и мордочками, связанными между собой иглами. Когда делают *поры*, шубу вдвоём вытаскивают на переднюю стену, осторожно, чтобы не уколоться иголкой, их там несколько тысяч. Периодически соболей меняют, их приносят как жертву.

(Пётр Степанович Когончин, р. Большой Юган, юрты Когончины)²⁵.

Помимо традиционных этнических верований, на Большом Югане, в том числе в юртах Каюковых, распространено евангельское (евангелистское) христианство. Баптисты стали посещать эти места с 2000-х гг. Первые миссионеры приезжали несколько раз, прежде чем *«мы стали прислушиваться, рассказывали, что есть Бог настоящий, а наши идолы – просто духи»* — вспоминает Ольга Антоновна Каюкова. Первыми новую веру здесь приняли женщины, *«мужчины уже после покалялись»*, крестил их Вениамин Перевозчиков.

В юртах Каюковых 11 членов церкви. Каждое воскресенье они собираются для общих молитв, в которых просят прощения за содеянное и благодарят бога за все посланные им блага. Чтобы стать членом церкви, нужно покаяться. После тебе дают какое-то время (примерно полгода), в которое человек пытается жить, не совершая плохого (чаще это означает не употреблять спиртных напитков), только потом можно креститься. Для этого приезжают служители и путём омовения в Большом Югане обращают хантов в новую веру.

Сегодня баптисты в юртах Каюковых научились «отделять веру от культурного наследия»: *«Всё, что было раньше, так и остаётся. Мы ничего не трогаем»*; *«Кто хочет, ходит в лабаз, мы им никак не мешаем. Люди сами приходят к вере... Сейчас они знают, что можно верить, и сами выбирают, как им быть»*²⁶. Дом молитвы, построенный летом 2018 г., практически соседствует с летним лабазом *Яун-Ики*, который для всех юганских хантов продолжает оставаться тем символом культуры, который способствует сохранению их этнической идентичности.

Одним из последствий создания достопримечательных мест может стать активизация этнокультурного потенциала. Так случилось, например, на Агане, где в процессе работы над проектом Эвут Рап представители молодого поколения активно стали интересоваться собственной культурой и помогали собирать этнографический материал. На Большом Югане также можно говорить о начавшихся процессах ревитализации: снова идут разговоры о переездах *Яун-ики* по сезонным лабазам, о желании «держатъ духов».

Несмотря на включение в фокус внимания коренных жителей, проживающих непосредственно на территории проектируемого достопримечательного места, вопрос создания последнего актуален для всех жителей Большого Югана, поскольку культовый ансамбль *Яун-Ики* является ценным ресурсом всего современного сообщества юганских хантов, их духовным центром, местом посещения хантыйскими семьями

и с других рек тоже. В свою очередь, сохранение этнокультурного наследия, являющегося основным средством культурной самоидентификации, позволит сберечь информацию и для будущих поколений, которые сами будут выбирать между «верой отцов» и «новой верой».

В современной ситуации, в которой людям приходится очень быстро адаптироваться к новым условиям, теряя традиционные практики, реализация проекта достопримечательного места просто необходима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Объекты, представляющие собой ценность для этнологии или антропологии, социальной культуры» (ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»).

² Ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

³ Протокол совместной встречи представителей недропользователя и представителя КМНС, 19 апреля 2018 г., сельское поселение Угут.

⁴ Балалаева О.Э. Общинное движение в Сургутском районе и община «Яун-Ях» // Северный регион: наука, образование, культура. — Сургут: Изд-во СурГУ, 2014. — № 1. — С. 35—43.

⁵ Протокол рабочего совещания по вопросу проектирования достопримечательного места «Яун-Ики Мых» на Унтыгейском лицензионном участке, 15 мая 2018 года, г. Ханты-Мансийск.

⁶ Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. — Л.: Наука, 1981. — С. 4.

⁷ Полевые материалы этнографической экспедиции на р. Большой Юган; 2002 г. / рук. Е.В. Перевалова; исп.: Е.А. Данилов, Н.И. Хабарова, Д.А. Смуров.

⁸ Полевые материалы этнографической экспедиции на р. Обь, Большой Юган, Большой Салым; 2003 г. / рук. Е.В. Перевалова; исп.: Е.Н. Коростелёва (Данилова), А.А. Федорова (Арефьева), Н.И. Хабарова, Е.А. Данилов, А.А. Гагарин.

⁹ Полевые материалы этнографической экспедиции на р. Большой Юган; 2018 г. / Е.Н. Данилова

¹⁰ Ивасько Л.В., Кардаш О.В. Религия // Салымский край. — Екатеринбург: Тезис, 2000. — С. 274—275.

¹¹ Полевые материалы..., 2002 г.

¹² Мартынова Е.П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Мат-лы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. — С. 85.

¹³ Лимеров П.Ф. Семья Каюковых из *пути сир* «рода медведя» — как носители традиционного фольклора хантов Югана: полевые заметки экспедиции к восточным хантам // Фольклористика Коми. Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. — Сыктывкар, 2012. — Вып. 70: Тр. Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. — С. 170.

¹⁴ Полевые материалы..., 2018 г.

¹⁵ Полевые материалы..., 2018 г.

¹⁶ Полевые материалы..., 2018 г.

¹⁷ Полевые материалы..., 2018 г.

¹⁸ Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — С. 96.

¹⁹ Сегодня ханты уже не помнят связь *Яун-Ики* с Дедом берёзового посоха и считают их самостоятельными духами.

²⁰ Рудь А.А. Материалы по фольклору тромъеганских хантов: связь мифологии с сакральными ландшафтами // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. — Вып. 12. — С. 112.

²¹ Лимеров П.Ф. Семья Каюковых... — С. 150—188.

²² Карапетова И.А., Соловьёва К.Ю. Образ хозяина «Явун-Ики» как символ культуры юганских хантов // Этнография народов Западной Сибири. — М.: ИЭА РАН, 2000. — Вып. 10: Сибирский этнографический сборник. — С. 205.

²³ Полевые материалы этнографической экспедиции на р. Большой Юган; 1988 г. / рук. Е.В. Перевалова.

²⁴ Лимеров П.Ф. Семья Каюковых... — С. 168.

²⁵ Полевые материалы..., 2003 г.

²⁶ Полевые материалы..., 2018 г.

E.N. Danilova

The Bolshoi Yugan River Patrons Land on the Brink of Change

Abstract. The article is devoted to the conflict situation that has arisen in The Bolshoi Yugan River as the result of a clash of interests between subsoil users and indigenous people. Active oil expansion of the territory inevitably entails changes in traditional culture, not only because of the possible loss of the symbol of traditional religious beliefs, but also the destruction of the natural landscape. In this situation the creation of the Site is the strategy of preserving traditional culture, which can ensure the simultaneous coexistence of “oil” and Khanty.

Key words. Site, Cultural heritage objects, The Bolshoi Yugan River, Iugan Khanty, Yaoun-Iki Mykh, Baptists, The «Yaoun-Yakh» Community Association, Traditional culture, Subsoil users.

E-mail: danilova@northarch.ru

Изучение историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры

Поселение Балинское 73: данные радиоуглеродного датирования и археологический контекст

Т.М. Пономарёва

г. Нефтеюганск

ООО «НПО «Северная археология — 1»

Аннотация. Вводятся в научный оборот результаты исследований 2015 г. поселения Балинское 73. Поздний комплекс поселения относится к бронзовому веку и включает две постройки. Девять полуземлянок раннего комплекса имеют каркасно-столбовую конструкцию, две из них прямоугольные, остальные — овальной формы. Радиоуглеродные даты определяют время их существования второй половиной VIII — первой половиной VII тыс. до н.э., что соответствует мезолиту.

Ключевые слова. Север Западной Сибири, поселение Балинское 73, мезолит, радиоуглеродное датирование.

Поселение Балинское 73 находится в Ханты-Мансийском р-не ХМАО — Югры, в среднем течении правого притока р. Оби — р. Балинской, в 24,9 км к северу — северо-востоку от п. Селиярово. Памятник расположен на мысу, который является частью надпойменной террасы левого берега р. Балинской в месте впадения в неё р. Еловой. Поселение было открыто М.Ю. Барановым в 2012 г.¹ и изучалось автором статьи в 2015 г.²

Подпрямоугольный мыс, на котором расположено поселение, выдаётся на запад на 70 м и имеет высоту от 3 до 5 м³. Его площадь до естественного повышения на востоке, за которым культурный слой не прослеживался, составляет 0,2 га. На момент начала археологических работ большая часть поверхности памятника была повреждена современной хозяйственной деятельностью, особенно пострадали северная и центральная части. Современный рельеф на севере был скрыт слоем песка, вынутого из траншей для захоронения леса, выкопанных здесь же. Центр в широтном направлении пересекала грунтовая дорога, для обустройства которой была выкопана яма для забора грунта и выровнен

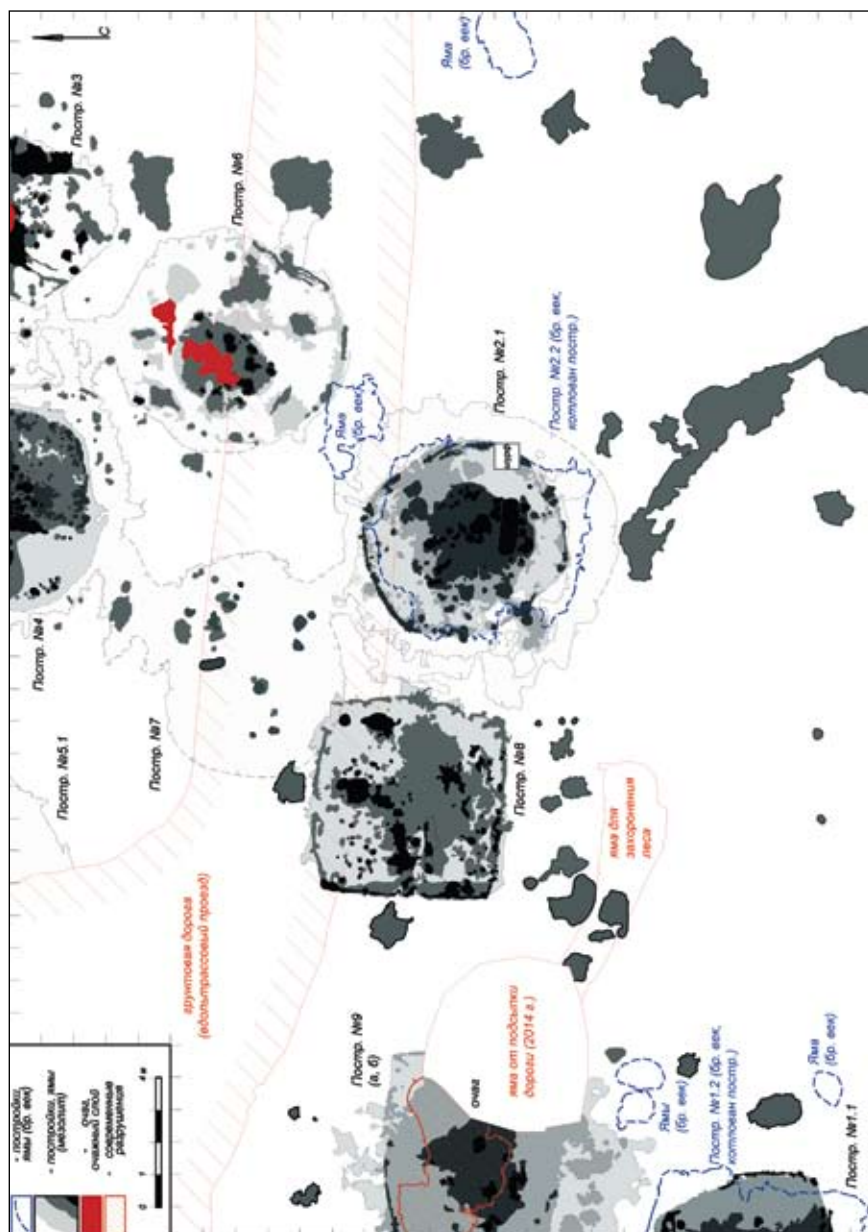
склон. На всех разрушенных участках собран подъёмный материал, в составе которого преобладали расколотые кварцевые гальки и отщепы и встречались фрагменты шлифованных каменных изделий.

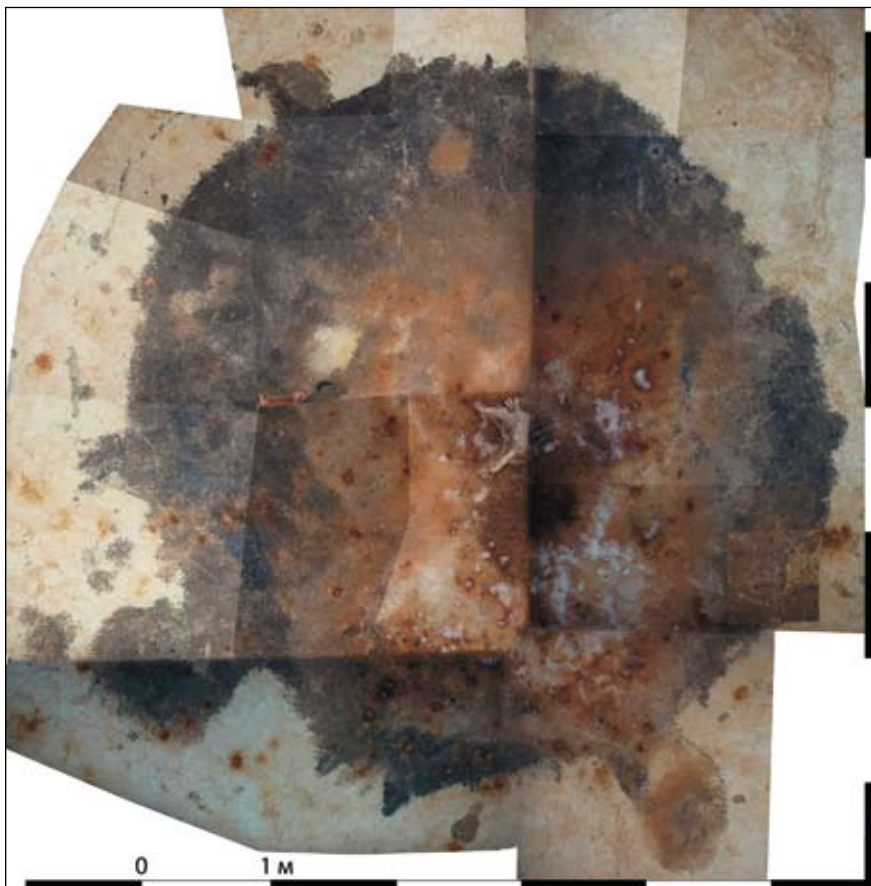
На поверхности были видны две археологические впадины. Первая, расположенная на юго-западной оконечности, не пострадала, и у неё сохранилась выраженная обваловка шириной 2,5 м, высотой 0,2 м. Размеры углубленной части составляли 6,7х6,7 м, глубина — до 0,5 м. Вторая впадина зафиксирована в центральной части, к югу от грунтовой дороги, и была частично засыпана песком и завалена сухими стволами деревьев. Размеры углубленной части — 6,2х6,4 м, глубина после расчистки составила ок. 1 м. Форма обеих впадин — овальная, они ориентированы длинной осью в меридиональном направлении.

Раскопом площадью 1016 кв. м (ил. 1) были вскрыты оба сооружения; по находкам керамики кульёганского типа они отнесены к бронзовому веку. Кроме того, в раскопе было исследовано ещё девять построек (четыре — полностью и пять — частично), которые не были видны на современной поверхности. Две из них были использованы для сооружения жилищ в бронзовом веке, остальные находились на оси грунтовой дороги и в северной части мыса, перекрытой выкидом из траншей. Определение культурной принадлежности этих сооружений вызвало затруднения в силу отсутствия в них керамики. Единственное, что можно было установить достоверно, так это то, что эти постройки были оставлены обитателями мыса ранее времени бытования посуды кульёганского типа.

Для датировки радиоуглеродным методом были собраны образцы угля из конструкций ранних построек; из них в лаборатории изотопных исследований РГПУ им. А.И. Герцена были получены 10 дат. Данные сведены в таблицу. Датированы образцы из пяти построек.

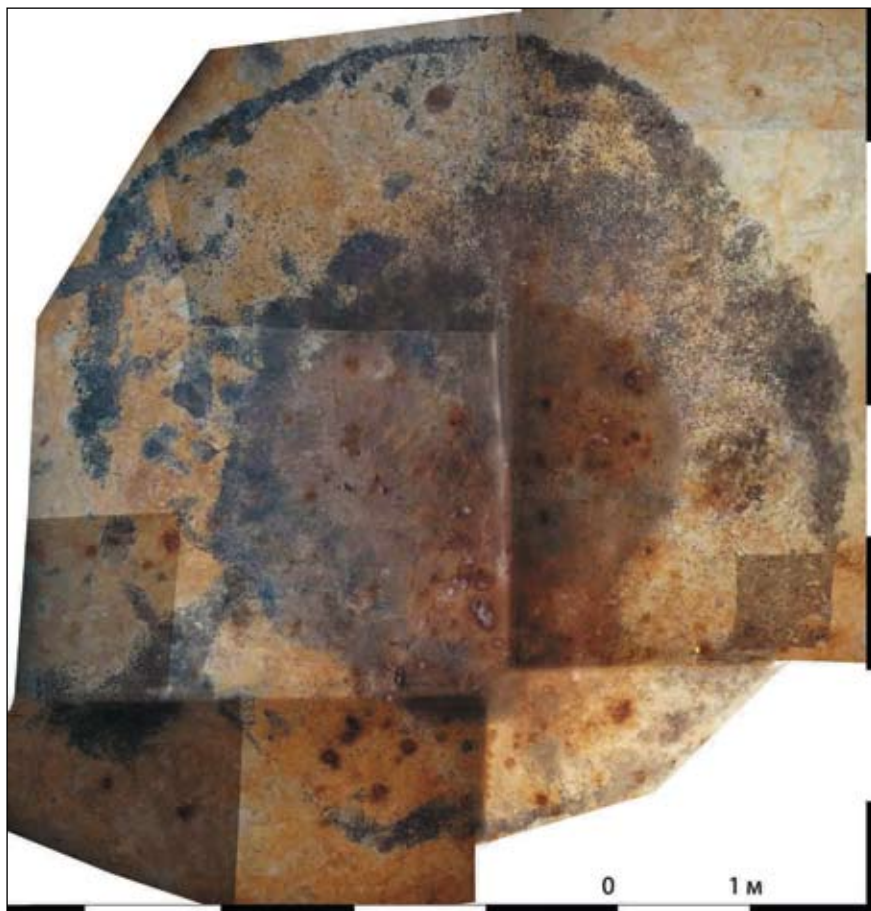
Постройка № 2.1 выявлена в центральной части мыса и фиксировалась на поверхности «благодаря» котловану жилища бронзового века, вписанному во впадину от руинированного раннего сооружения. Она имела размеры 6,2х5,8 м, глубину до 1 м, и была ориентирована длинной осью с севера—северо-запада на юг—юго-восток (ил. 1, 2). Стенки котлована вертикальные, центральная часть постройки углублена. Форма котлована постройки на верхних уровнях фиксации близка к овальной, на нижних — многоугольная, симметричная относительно продольной и поперечной осей постройки (ил. 2, 3). Такая форма определена столбовой конструкцией: по периметру котлованов

Ил. 2. Поселение Балинское 73. Постройка 2.1. Верхний уровень фиксации

зафиксированы ямки от опорных столбов, в промежутках между ними — прямые канавки: следы деревянного укрепления грунтовых стенок. Большое количество столбовых ямок также зафиксировано в центральной части котлована — в целом в постройке их было не менее 50. Выход, предположительно, располагался в центре северо-восточной стены. За пределами котлована отмечены следы слоёв обваловки и погребённого подзола шириной до 1,5 м в виде пятен серо-жёлтого слоя с включением небольших угольков. Сохранности этих слоёв способствовало то, что они были перекрыты выкидом из котлована сооружения бронзового века.

Ил. 3. Поселение Балинское 73. Постройка 2.1. Нижний уровень фиксации

Из постройки № 2.1 получен один образец: фрагменты угля из слоя тёмно-серого песка заполнения котлована. Калиброванная дата относится к сер. — втор. пол. VIII тыс. до н. э. (табл. 1—1).

Постройка № 3 была расположена в северо-восточной части мыса, в раскоп 2015 г. попала только её южная половина. Впадина в современном рельефе не фиксировалась, так как была перекрыта выкидом из траншеи для захоронения леса. Форма котлована постройки многоугольная, аналогична № 2.1, размеры не менее чем 4,4х4,8 м, глубина до 1 м, стенки вертикальные. Сооружение имело сложную

столбовую конструкцию: насчитывается ок. 30 ямок диаметром от 8 до 35 см. Большая их часть фиксировалась в центральной части. Канавка по периметру котлована прослежена только вдоль западной «стены», но по всему периметру находились столбовые ямки. Центр восточной стены был разрушен корнями упавшего дерева ещё в древности, также культурный слой постройки повреждён норами. Центральная часть углублена, в центре постройки зафиксирован очажный слой в виде розовато-коричневого аморфного пятна мощностью 2–5 см.

Радиоуглеродному анализу подверглись три образца: два из них (SPb-1944, SPb-1945) представлены включениями угольков в тёмно-сером песке нижнего уровня заполнения котлована, один (SPb-1948) получен из углистого заполнения столбовой ямки. Даты относятся ко втор.пол. VIII тыс. до н. э. — нач. VII тыс. до н. э. (табл. 1–2–4).

Постройка № 4 находилась к западу от постройки 3 и тоже была перекрыта слоем выкида из траншеи для захоронения леса. Вскрыта южная половина постройки. Глубина котлована составляла 0,95 м, стенки были наклонены под углом около 45 градусов, что придавало ему в разрезе трапециевидную форму. На верхних уровнях фиксации котлован имел овальную форму, в нижних — был близок к многоугольной. Длина исследованной части по линии восток — запад составляла 7,23 м, по периметру на этом уровне фиксировался первый ряд столбовых ямок. Ниже котлован постепенно сужался: размер углубленной части котлована — 6,3 м, придонной — 5,7 м, Размер вскрытой части с севера на юг: на верхних уровнях — 3,6 м, у «пола» — 2,7 м. По периметру в придонной части прослеживались две условно параллельные канавки, в каждой из них фиксировались столбовые ямки, ось внутренней канавки отстояла от внешней на расстояние от 0,1 до 0,3 м. В центральной части постройки также присутствовали столбовые ямки глубиной до 50 см. Большое количество ямок и несколько канавок могут свидетельствовать о том, что постройка перестраивалась, возможно, не один раз. Очаг не зафиксирован, но, возможно, это связано с тем, что вскрыта только часть сооружения.

В постройке № 4 были собраны три образца из слоя заполнения котлована, сильно насыщенного углем, на 0,2–0,3 м выше уровня дна. Калиброванные даты относятся к сер. VII тыс. до н. э. (табл. 1–5–7).

Постройка № 6 находилась между постройками 2.1, 3 и 4. Сооружение оказалось на оси грунтовой дороги, и его верхняя часть была уничтожена. Под перемешанным слоем грунтовой дороги фиксировался

котлован овальной формы с серым углистым заполнением размерами 7,3х6,6 м, ориентированный длинной осью по направлению север—северо-восток — юг—юго-запад (ил. 4). Зафиксированная глубина составляла не менее 0,75 м, стенки котлована были вертикальными. На нижнем уровне по периметру постройки зафиксирован ряд столбовых ямок, соединённых канавками. Углубленная центральная часть размерами 3,2х2,9 м на этом уровне смещена к северо-западу, в её центре зафиксирован очаг в виде линзы коричневатого слоя аморфной формы. Выход предположительно был расположен на восток — юго-восток.

Ил. 4. Поселение Балинское 73. Постройка 6. Нижний уровень фиксации

Из постройки № 6 получен один образец. Он состоит из включений угля в тёмно-серый слой центральной части котлована. Калиброванная дата относится к перв. пол. VII тыс. до н. э. (табл. 1—8).

Постройка № 9 была расположена у бровки террасы в западной части мыса. Её восточная часть была разрушена выемкой песка для подсыпки грунтовой дороги, сильно повреждена верхняя часть котлована на севере. В раскоп 2015 г. вошла большая часть постройки, за исключением западной четверти. Постройка перестраивалась, и в процессе перестройки изменилась его форма. В силу значительных разрушений слоя сложно утверждать наверняка, но мы предполагаем, что первоначально был выстроен прямоугольный котлован (№ 9а), затем на этом же месте появился многоугольный (№ 9б). Размеры прямоугольного котлована: по оси север — юг — 6,2 м, по оси запад — восток — не менее 5,7 м. Размеры многоугольного котлована по оси север — юг — 5,3 м. Оба котлована имели канавку и столбовые ямки по периметру и центральную углубленную часть. Глубина котлованов — до 0,65 м от современной поверхности, стенки вертикальные. Центральная углубленная часть имеет размеры 3,4х3,2 м и аморфную форму. Видимо, после прекращения функционирования многоугольного котлована в его центре был сооружен очаг. Его размеры составляют 3,5х4,0 м, мощность слоя — 0,2 м.

Из угля, собранного в очаге, получены две даты: втор. пол. X тыс. — перв. пол. IX тыс. до н. э. и втор. — трет. четв. IX тыс. до н. э. (табл. 1—9—10). Мы полагаем, что эти даты удревнены, так как их возраст не подтверждается археологическим контекстом. Постройки № 9а и № 9б, стратиграфически более ранние по отношению к очагу, аналогичны сооружениям № 2.1, 3, 4 и 6 по составу зафиксированных конструктивных элементов и находок, а радиоуглеродные даты из последних относятся ко втор. пол. VIII тыс. — сер. VII тыс. до н. э. Вероятно, мог иметь место резервуарный эффект: очажный слой был насыщен кальцинированной костью, в том числе мелкой рыбной, что могло повлиять на состав и датировку образца. Подобные случаи описаны для дат, полученных по нагару на керамических сосудах⁴.

Таким образом, несмотря на некоторый разбег дат для разных построек, диапазоны серий, полученные для сооружений № 3 и 4, накладываются друг на друга, а единичные даты из построек № 2.1 и 6 близки им. В целом можно утверждать, что функционирование поселения приходилось на втор. пол. VIII — перв. пол. VII тыс. до н. э. и по периодизации Е.М. Беспрозванного и А.А. Погодина относится

к мезолиту⁵. На мезолитический возраст также указывает отсутствие керамики на поселении — как в постройках, так и за их пределами. По палеоклиматической шкале существование поселения приходится на ранний голоцен: конец бореала и начало атлантика⁶.

Топография поселения Балинское 73 характерна для Севера Западной Сибири: в бассейне р. Конды, где зафиксировано наиболее крупное из известных на сегодняшний день скопление памятников мезолитического времени, отмечено, что они располагаются на площадках *«мысов террас высотой от 1,5 до 3,0 м, в устье малых рек или ручьев, при их впадении в крупные реки или озёра»*⁷. Крупные размеры поселения, перестройки сооружений, разница между радиоуглеродными датировками отдельных построек могут указывать на длительный период существования поселения, и в этом случае не все постройки существовали синхронно. Вероятно, для описания застройки применима модель, предложенная Л.Л. Косинской. Анализируя археологические поселения от неолита до бронзового века и сопоставляя их с данными этнографии, она отмечает, что *«скопления археологических сооружений в одном месте, которое мы именуем поселениями, очень напоминают картину современных сезонных стойбищ с жилыми и уже заброшенными избами, действующими и развалившимися амбарами и лабазами»*⁸. Постройки поселения Балинское 73 расположены на небольшом удалении друг от друга, и только в одном случае зафиксировано частичное их наложение (постройки № 7 и 8), но определить общую хроностратиграфию сооружений на поселении не представляется возможным. Можно лишь предположить, что первоначально использовались участки, расположенные близко к краю берега, и лишь затем осваивалась территория на удалении от него.

Все постройки углублены на 0,75—1,00 м. Обращает на себя внимание своеобразная форма большинства котлованов: овальная в верхней части и многоугольная в нижней. Прямые аналогии нам не удалось обнаружить; возможно, подобные сооружения существовали на мезолитических поселениях бассейна р. Конды — Леуши IX и Леуши XIV⁹, но опубликованные материалы не дают возможности для точного сопоставления. Кроме многоугольных построек зафиксированы два прямоугольных (№ 8 и 9.1; ил. 1), что может указывать на изменение традиций домостроительства и длительность существования посёлка.

В контексте мезолитических датировок интересен комплекс артефактов поселения, который включает значительное количество абразивов, шлифованных орудий и их фрагментов (в т. ч. топоров, тёсел),

Таблица

Поселение Балинское 73. Радиоуглеродные даты

№	Лаб. №	Постройка	Образец и контекст отбора	Радиоуглеродный возраст, лет назад (BP)	Интервал калиброванного возраста (calBC)
1	SPb_1952	2.1	Уголь из заполнения котлована (придонная часть)	8468±70	68,2% probability: 7583 (68,2%) 7494 BC 95,4% probability: 7600(87,8%) 7422 BC 7415(7,6%) 7356 BC
2	SPb_1945	3	Уголь, нижнее заполнение котлована (придонная часть)	8100±100	68,2% probability: 7299(11,4%) 7222 BC 7196 (41,4%) 7021 BC 7012 (0,7%) 7007 BC 6969 (3,6%) 6944 BC 6939 (3,7%) 6914 BC 6882 (7,3%) 6936 BC 95,4% probability: 7355 (95,4%) 6698 BC
3	SPb_1946	3	Уголь, нижнее заполнение котлована (придонная часть)	8260±70	68,2% probability: 7450 (11,0%) 7408 BC 7368 (57,2%) 7180 BC 95,4% probability: 7482 (91,3%) 7122 BC 7115 (4,1%) 7083 BC
4	SPb_1948	3	Уголь, столбовая ямка	8274±100	68,2% probability: 7457 (68,2%) 7183 BC 95,4% probability: 7521 (95,4%) 7075 BC
5	SPb_1951	4	Уголь из нижнего заполнения постройки (пол)	7680±70	68,2% probability: 6589 (68,2%) 6465 BC 95,4% probability: 6644 (95,4%) 6430 BC
6	SPb_1953	4	Уголь, верхнее заполнение постройки?? (прослойка угля)	7690±70	68,2% probability: 6591 (68,2%) 6470 BC 95,4% probability: 6647 (95,4%) 6433 BC
7	SPb_1954	4	Уголь, верхнее заполнение постройки?? (прослойка угля)	7690±70	68,2% probability: 6594 (68,2%) 6473 BC 95,4% probability: 6651 (95,4%) 6435 BC
8	SPb_1949	6	Уголь из нижнего заполнения постройки, центральная часть (пол)	7886±70	68,2% probability: 7002 (5,6%) 6871 BC 6912 (6,0%) 6884 BC 6831 (56,6%) 6643 BC 95,4% probability: 7033 (95,4%) 6607 BC
9	SPb_1944	9	Уголь из центрального очага	9670±100	68,2% probability: 9255 (33,8%) 9117 BC 9071 (2,1%) 9059 BC 9011 (21,7%) 8912 BC 8904 (10,6%) 8846 BC 95,4% probability: 9292 (95,4%) 8782 BC
10	SPb_1955	9	Уголь из центрального очага	9266±100	68,2% probability: 8617 (52,8%) 8417 BC 8411 (15,4%) 8347 BC 95,4% probability: 8743 (95,4%) 8289 BC

сырьё для их изготовления, а также большое количество расколотых кварцевых галек, отщепов, ряд изделий из кварца. Изделия из сырья высокого качества единичны, а единственная пластина из кварцито-видного песчаника размерами 5,5х2,0х0,4 см была обнаружена среди подъёмного материала в створе дороги под склоном мыса и, скорее всего, происходит из материалов поселения бронзового века.

Подобные комплексы каменного инвентаря исследователи называют «сланцево-кварцевой индустрией»¹⁰. Они встречаются на памятниках севера Западной Сибири начиная с мезолита и заканчивая бронзовым веком¹¹. Одной из их особенностей является то, что типологические различия между комплексами разных эпох как в технике расщепления, так и в орудийном наборе неочевидны¹². Это связано с адаптацией к местной сырьевой базе¹³. Источники сырья, которое использовалось на поселении Балинская 73, достоверно не установлены, но скорее всего это останцы ледниковой равнины, ближайшие из которых расположены на расстоянии 8,5 км к юго-западу (гора Кушун) и в 9,0 км к востоку (безымянный останец). К сожалению, в связи с тем, что поселение Балинское 73 было частично разрушено в бронзовом веке и сильно повреждено современной хозяйственной деятельностью, значительная часть артефактов обнаружена не *in situ*. Это обстоятельство создаёт определенные сложности для выделения хронологических комплексов каменного инвентаря. Для решения этой задачи потребуется подробный анализ планиграфии находок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баранов М.Ю. Отчёт о НИР: Натурное археологическое обследование на Приобском месторождении нефти в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры Тюменской области в 2012 г. — Нефтеюганск, 2013. — С. 54.

² Пономарёва Т.М. Раскопки поселения Балинское 73 в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры (по материалам работ 2015 г.) // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 15. — С. 364—369.

³ Топографический план поселения был опубликован ранее и здесь не приводится. (Пономарёва Т.М. Раскопки поселения... — Ил. 1).

⁴ Плихт ван дер Й., Шишлина Н.И., Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект // Тр. ГИМ. — М.: Палеограф, 2016. — Вып. 203. — С. 73—77.

⁵ Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. Мезолит севера Западной Сибири: итоги изучения // Современные проблемы археологии России. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. — Т. 1. — С. 168.

⁶ Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. — М.: Наука, 1977. — С. 92—93.

⁷ Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. Мезолит севера Западной Сибири... — С. 167.

⁸ Косинская Л.Л. Взгляд археолога на западносибирскую этнографию: некоторые аспекты археологических реконструкций // Мат-лы III Тверской археологической конф. и 8-го заседания науч. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверской археологический сборник. — Тверь: Триада, 2006. — Вып. 6. Т. I. — С. 22.

⁹ Беспрозванный Е.М. Мезолит таёжной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. — Вып.1. — С. 26—27. Рис. 2—1.

¹⁰ Косинская Л.Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2010. — № 2. — С. 13—14.

¹¹ Погодин А.А. Кварцевая индустрия на севере Западной Сибири // XIV Уральское археологическое совещание (21—24 апреля 1999 г.): Тез. докл. — Челябинск, 1999. — С. 38; Косинская Л.Л. Сырьевая стратегия ... — С. 14.

¹² Погодин А.А. Кварцевая индустрия... — С. 38.

¹³ Косинская Л.Л. Сырьевая стратегия ... — С. 14.

T.M. Ponomareva

Balinskoye 73 settlement site: radiocarbon dating and archaeological context

Abstract. The research results of the 2015 site of Balinskoye 73 are introduced into scientific circulation. The late settlement complex belongs to the Bronze Age and includes two dwellings. To the early one there are 9 semi-dugouts of a Frame-and-pillar structure, two of them are rectangular, the others has oval shape. Radiocarbon dates refer them to the second half of VIII - the first half of the VII millennium BC, which corresponds to the Mesolithic.

Key words. North-Western Siberia, Balinskoe 73 settlement, Mesolithic, radiocarbon Dating.

E-mail: tmp.arch@ya.ru

Графические реконструкции первобытных стационарных жилищ таёжного Приобья и верховьев Пура*

В.А. Борзунов

г. Екатеринбург

Проблемная научно-исследовательская лаборатория

Центра археологических исследований

Уральского гуманитарного института

Уральского федерального университета

Аннотация. В статье представлены варианты графических реконструкций и тенденции развития стационарных дерево-земляных жилищ, возводившихся рыболовами и охотниками западносибирской тайги в эпохи неолита, энеолита, бронзы и раннем железном веке (VI тыс. до н. э. — III в. н. э.). предметом исследования стали археологические объекты, раскопанные уральскими и сибирскими археологами в западных областях таёжного Приобья, верховьях р. Пур и горно-лесном Зауралье. Круглогодичные и сезонные зимние жилые и производственно-жилые постройки возводились на мысах, краях и в глубине коренных песчаных террас. Их остатки имеют вид округлых и подпрямоугольных впадин с обваловкой по периметру или без таковой, а также невысоких округлых и овальных песчаных площадок, окружённых ямами или канавами. Фиксируемые на поверхности жилищные впадины и раскопанные котлованы представляли собой лишь часть помещения древней постройки. Основание стен жилища любой конструкции возводилось не в котловане, обшитом деревом, а на небольшом удалении от него. Пространство по периметру углубленной части помещения использовалось в качестве нар. У древнейших таёжных землянок стен как таковых не было. Их углубленные части были закрыты набранным из жердей и тонких брёвен перекрытием усечённо-пирамидальной формы, покоящимся на столбах, установленных внутри помещения. Снаружи такие жилища выглядели как земляные холмы. В процессе развития глубокие и средней глубины (0,6—1,8 м) землянки и полуземлянки неолита и энеолита сменились наземными каркасно-столбовыми строениями эпохи бронзы с неглубокими и мелкими (0,2—0,4 м) прямоугольными котлованами, занимавшими основную часть помещения. Изнутри и снаружи основание

* Работа выполнена в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ, тема № 33.7280.2017/БЧ «Урал и Западная Сибирь в древности».

стен таких жилищ было укреплено грунтом из ям, расположенных вокруг песчаной завалинки. Площади древних жилищ обычно варьировались в пределах 30—70 кв. м, а их высота от пола не превышала 2,5 м. Самые крупные одиночные бревенчатые постройки площадью от 200 до 650 кв. м, окружённые рвами и защитными стенами, оформились в особый тип поселений-крепостей — «укреплённых жилищ», доживших до Нового времени. В кон. бронзового — нач. железного веков в таёжном Приобье появился ещё один тип наземных домов: без котлованов и с самонесущими бревенчатыми стенами, укреплёнными вертикальными кольями, а также со стенами срубной конструкции. Малые полуземлянки использовались в основном как хозяйственные объекты, крайне редко — как производственно-жилые помещения.

Ключевые слова. Западная Сибирь, тайга, неолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, жилища, реконструкции.

В сер. 1990-х гг. в свет вышло обобщающее издание, посвящённое древним, средневековым и традиционным современным жилищам народов Западной Сибири¹. К сожалению, в нём, как и во многих других работах по истории первобытных лесных обществ данного региона², крайне мало или вообще нет графических реконструкций древних построек.

Объектом нашего анализа являются стационарные жилища неолита — начала железного века таёжного Приобья и верховьев р. Пур (VI тыс. до н. э. — III/IV вв. н. э.). Таких выявлено и картографировано несколько тысяч, стационарно исследованы сотни³. Автор данной статьи не ставил перед собой задачу индивидуального анализа, общей характеристики и классификации всех известных первобытных жилищ западносибирской тайги, а также деталей их интерьера: такая работа отчасти уже проделана⁴. В данном исследовании были использованы только немногочисленные реконструированные жилые объекты и некоторые их аналоги (ил. 1—15). Предметом анализа являются новые и отчасти дискуссионные аспекты, связанные с изучением, интерпретацией и графической реконструкцией данных сооружений. Эти сюжеты не получили должного освещения в археологической литературе и потому не известны широкому кругу исследователей. Не говоря уже о натуральных реконструкциях древних таёжных жилищ, которые пока единичны. Исключением являются новаторские работы В.Г. Васильева, выполненные под руководством И.Г. Глушкова⁵.

Для воссоздания облика древних жилищ, помимо их археологических остатков, привлечены данные о средневековых постройках обских угров, отражённые в фольклоре⁶, а также материалы по традиционным жилым сооружениям хантов и манси, собранные и обобщённые этнографами⁷.

На иллюстрациях представлены реконструированные постройки (ил. 2—8, 10—15). Чертежи археологических объектов можно найти, ориентируясь на приведенный ниже список литературы.

Локализация, внешний вид и сохранность остатков древних жилых объектов

Стационарные поселения западносибирской тайги располагались на мысах, краях и в глубине коренных песчаных террас в окружении лесных массивов. Сыпучесть грунтов, а также специфика растительности и почв оказали существенное влияние на домостроительство коренных народов региона. Те же природные факторы в совокупности с антропогенными сказались на различии традиций домостроительства, равно как на характере и сохранности остатков древних жилых объектов, в северной, центральной и южной тайге. Благодаря обилию строевого леса и преобладанию хвойных пород деревьев все долговременные и сезонные стационарные постройки в тайге были дерево-земляными. Основным строительным материалом у аборигенов Сибири являлась сосна, вспомогательным — ель, лиственница, кедр и лиственные породы деревьев. Для сооружения перекрытий жилищ помимо жердей использовались кора, берёста, дёрн, пласты лесной подстилки с гумусом, мхи, насыпные песчаные грунты.

В настоящее время остатки древних жилых объектов в западносибирской тайге на поверхности имеют вид впадин, впадин с обваловкой, а также приподнятых площадок с углублением в центре или без такового, окружённых канавами или цепочкой ям.

Особый «промывной режим» песчаных террас предопределил практически нулевой прирост почв в северных и центральных районах тайги, а также изменение состава и цветности верхних горизонтов песков. Вследствие этого остатки древних жилищ даже неолитического периода до сих пор прекрасно фиксируются в рельефе, в то время как почвенные, культурные и материковые слои на месте жилых объектов трансформировались довольно существенно. Дело в том, что после дождей остатки сгнившей органики (хвойный опад, листва, кора, упавшие деревья, уголь и другие продукты горения) и окислы

железа превращаются в мелкие частицы. Последние быстро «усваиваются» разветвлённой корневой системой сосен либо легко проникают вглубь террас между относительно крупными кристаллами кварца (песка). Здесь они оседают на более твёрдых материковых пластах. Окислы железа формируют буро-коричневые ортзанды и ортштейны, а частицы светло-коричневой сгнившей и чёрной сгоревшей органики покрывают эти ожелезнённые пески. В результате дёрн в тайге замещён лесной подстилкой (хвоя, лиственный опад, мхи, лишайники) с минимальной мощности гумусом. В свою очередь, верхние, некогда жёлтые, пески и супеси выщелочены и обесцвечены до бело-серого («пепельного») оттенка и скрывают первоначальную цветность культурных слоёв — прокалов, углистых супесей очагов, разложившегося дерева, погребённых подзолов и т. д. Кроме того, под искусственно перемещёнными песками формируется слой погребённого подзола, сохраняющийся тысячелетиями.

На южной кромке тайги и в лесостепи преобладают смешанные хвойно-лиственные леса и берёзовые рощи. Лиственный опад, травяной покров и продукты гниения от упавших деревьев благоприятствовали развитию здесь плотных тёмно-серых (чёрных) подзолов, покрытых мощным слоем дёрна. В этих условиях древние культурные слои и археологические объекты долгое время были надёжно защищены (законсервированы) естественным образом.

Антропогенный фактор в западносибирской тайге и лесостепи также проявился по-разному. В древности, начиная, как минимум, с энеолита, на всех территориях Западной Сибири новые жилые постройки зачастую возводились на руинах заброшенных посёлков. Это касается и анализируемых нами объектов. Только в эпоху Средневековья и Новое время у коренных обитателей тайги появляется устойчивый обычай покидать пришедшие в негодность жилища и не использовать под новостройки заброшенные посёлки, которые считаются сакральными местами и вместилищами душ умерших. Малая плотность населения Севера Сибири и бережное отношение аборигенов края к таким местам спасли от разрушения многие археологические памятники. Их активное уничтожение и разграбление начались в 1960-х гг. в связи с массовым наплывом в тайгу пришлого населения с целью освоения нефте-газовых богатств края.

Между тем на юге Сибири отрицательное антропогенное воздействие было ещё более продолжительным и значительным, чем на севере. В западносибирской лесостепи и на южной кромке леса в результате

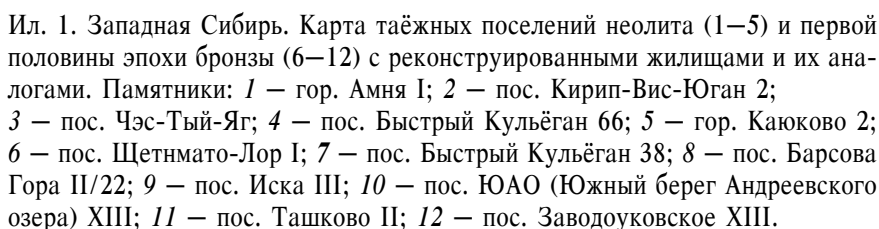
активной хозяйственной, производственной и бытовой деятельности пришельцев из-за Урала многие древние поселения были «сnivelированы» уже в XVII — нач. XX в. Жилые археологические объекты на этих территориях утратили многие детали и сейчас большей частью выглядят как заплывшие впадины без обваловки или же сильно деформированные уплощенные площадки с мелкими ямами по периметру. Это существенно усложняет выявление, изучение и реконструкцию древних посёлков.

Варианты реконструкции древних стационарных построек.

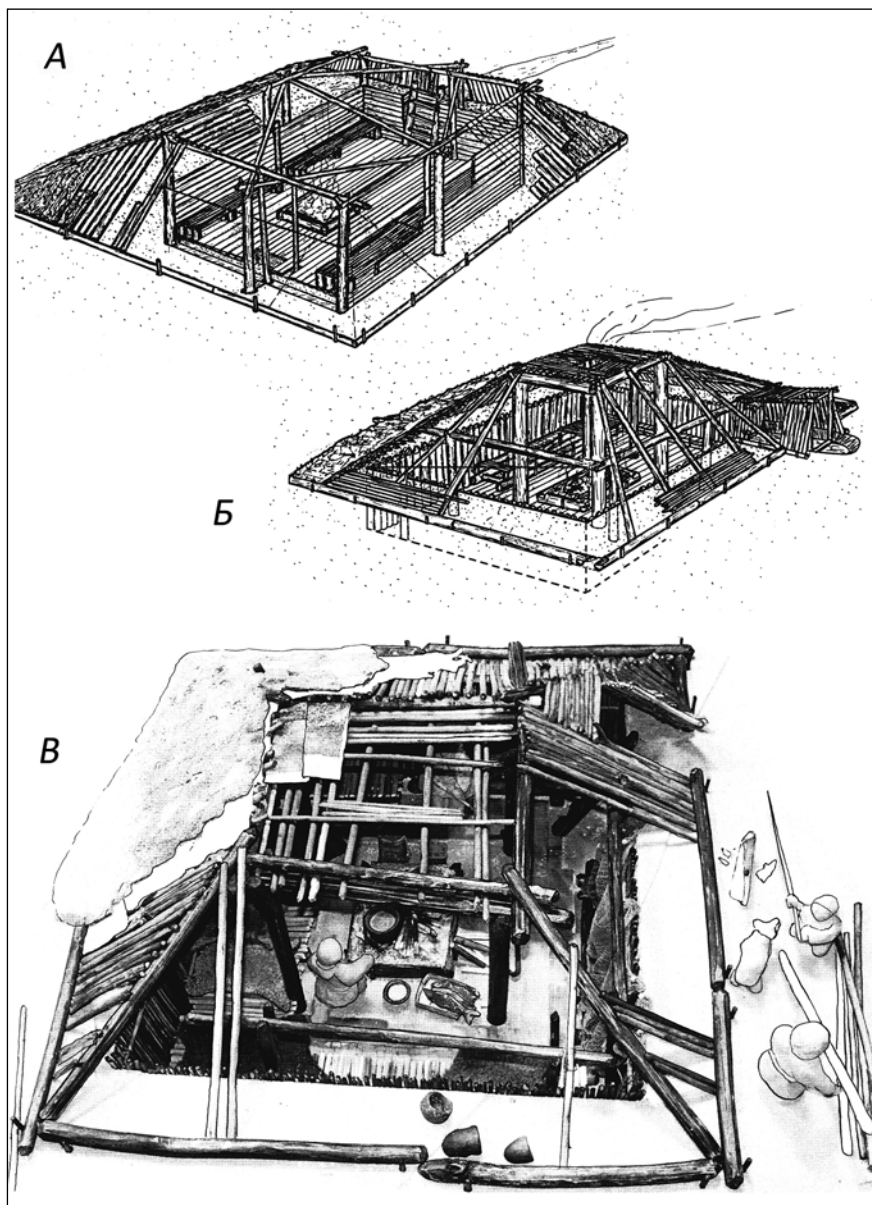
Неолит

Самые северные и ранние неолитические постройки полностью или частично раскопаны на памятниках с керамикой амнинского типа в бассейне р. Казыма: городище Амня I (жилища № 1—4, 8, 9) и поселении Кирип-Вис-Юган 2 (жилища № 1, 4) (ил. 1—I, 2). Жилища стационарные, круглогодичные, наиболее оптимальные для холодного времени года. Два из них реконструированы графически и макетированы (ил. 2). Радиоуглеродные даты, полученные по углю со дна жилища № 9 городища Амня I, — мезолитические (ЛЕ—4974а: 8760 ± 280 л. н.; ЛЕ—4974б: 8630 ± 180 л. н.), из среднего горизонта котлована того же жилища (ЛЕ—4973: 6900 ± 90 л. н.) и постройки № 4 поселения Кирип-Вис-Юган 2 (ЛЕ—6582: 6880 ± 50 л. н.) — неолитические⁸. Постройки сгорели в разное время: во время их функционирования или в процессе руинирования. Остатки обугленных конструкций и наиболее насыщенные углём супеси (остатки полов, опалубки, несущих конструкций и т. д.) залежали преимущественно близ днищ котлованов и в средних горизонтах заполнения впадин (жерди от настила кровли).

Исследованные объекты *городища Амня I* близки по конструкции, но различались по размерам и деталям. Это были землянки с квадратными или прямоугольными котлованами, глубиной от 0,6—1,0 м (№ 2, 3) до 1,5—1,8 м (№ 1, 4, 8, 9). Размеры углублений на дне: 6,8х6,0—6,1 м (№ 1), 3,2х4,0 м (№ 2), 4,4х3,2—3,4 м (№ 3), 5,2х4,6 м (№ 4) и 4,6х4,5 м (№ 9). Вертикальные либо слегка отогнутые наружу песчаные стенки углублённой части каждого жилища были обшиты деревом. Наличие узких канавок на дне по периметру котлована предполагает опалубку из плотно поставленных кольев либо из уложенных друг на друга брёвен (как вариант — расколотых продольно «полубревен»), закреплённых кольями. Песчаное дно каждого котлована было посыпано слоем охры. Оно ровное и горизонтальное. Это предполагает покры-

а – Северный полярный круг; б – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственные леса; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); в – городище; г – укреплённое жилище; д – поселение, окружённое рвом; е – поселение на острове среди болот; ж – поселение с замкнутой (по кругу, овалу, треугольнику) расстановкой жилищ вокруг относительно свободного центра

Ил. 2. Городище Амня I. Жилища 1 и 4. Нижнее Приобье, бассейн р. Казым, р. Амня. Неолит. Раскопки В.М. Морозова 1987–1989 гг., В.И. Стефанова 1988, 1989 гг. А – жилище 1А; Б, В – жилище 4. А, Б – реконструкция В.А. Борзунова (по: Борзунов, 2012. Рис. 2); В – реконструкция В.А. Борзунова, В.И. Стефанова, Д.Н. Мелихова

тие пола в жилищах жердями и колотыми плахами, что характерно для зимних таёжных построек. В центре помещения на специальном песчаном прямоугольном возвышении, оконтуренном деревом, располагался очаг. Прокалы на этих «столиках» практически не были видны, по-видимому, огонь разводили на камнях, уложенных на эти подиумы. Помещения периодически чистились, что объясняет сравнительно небольшое количество находок в жилищах и отсутствие мощных зольников в очагах. Мусор выносили за пределы посёлка: вокруг жилищ находки редки, а в оборонительных рвах — единичны. Вдоль стенок котлованов могли располагаться узкие деревянные нары — места отдыха, хранения некоторых вещей и домашнего производства. Их сооружали из брёвен и жердей теми же каменными орудиями, что и весь каркас землянки, а затем покрывали шкурами животных. Чётких следов данных деталей интерьера не было выявлено, поэтому наша реконструкция их весьма условна.

Перекрытие построек четырёхскатное — пирамидальной или усечённо-пирамидальной формы; сложено из брёвен, плах и жердей; их верхние концы покоились на системе лаг, закреплённых на вертикально вкопанных опорах. Ямки от несущих столбов и кольев, связанных с деталями интерьера, концентрировались вдоль стенок и в центре котлована — вокруг очага. Нижние концы брёвен и жердей перекрытия опирались на грунт приблизительно в 1 м от краёв котлована и были присыпаны снаружи песком. За счёт этого площадь землянки была несколько больше размеров её котлована, а возвышенная часть помещения под крышей использовалась для хранения утвари и других предметов. Щели между жердями перекрытия были проконопачены мхом, покрыты корой, сшитыми полотнищами берёсты, прижатыми пластами гумуса с лесной подстилкой и песком. Вход в жилище, скорее всего, устраивался в одном из скатов кровли, а в помещение можно было спуститься по приставной лестнице. В центре кровли, над очагом оставлялось дымоходное отверстие, закрывавшееся на ночь специальной крышкой из жердей и коры. Скорее всего, потолочных конструкций в данных землянках, как и во всех традиционных жилищах обских угров, не было. Это предотвращало накопление большой массы снега на крышах жилищ зимой, так как тепло от костров сразу поднималось до перекрытий. Высота от дна котлована до перекрытия вряд ли превышала 2,5 м, а реально была ок. 2,0 м. Это позволяло удерживать тепло в доме в холодное время года, а также было достаточно для создания воздушной тяги, предотвращения задымления помещения и случайного

пожара в нём. В зависимости от глубины котлованов, высота кровли над поверхностью террасы у больших и глубоких амнинских землянок № 1, 2, 8, 9 составляла от 0,9 до 1,2 м, у мелких и малых построек № 2, 3 равнялась 1,2–1,7 м. Соответственно, угол наклона кровли у первых сооружений был ок. 30°, у вторых — от 30° до 45°. Снаружи каждая землянка напоминала невысокий земляной холм. Дренажных канав и ям вокруг жилищ не выявлено.

По всей вероятности, аналогичной конструкции были раскопанные постройки № 1 и 4 на соседнем *поселении Кирип-Вис-Юган 2*. Котлованы их практически квадратные (5,0–5,1х4,6–5,1 и 4,8–5,0х5,1–5,6 м), глубиной от древней поверхности 1,2–1,3 и 1,10–1,15 м. Остатки жилищ поселения представлены пятью впадинами диаметрами от 3 до 6 м, глубиной на поверхности 0,3–0,5 м, окружёнными валообразными насыпями⁹.

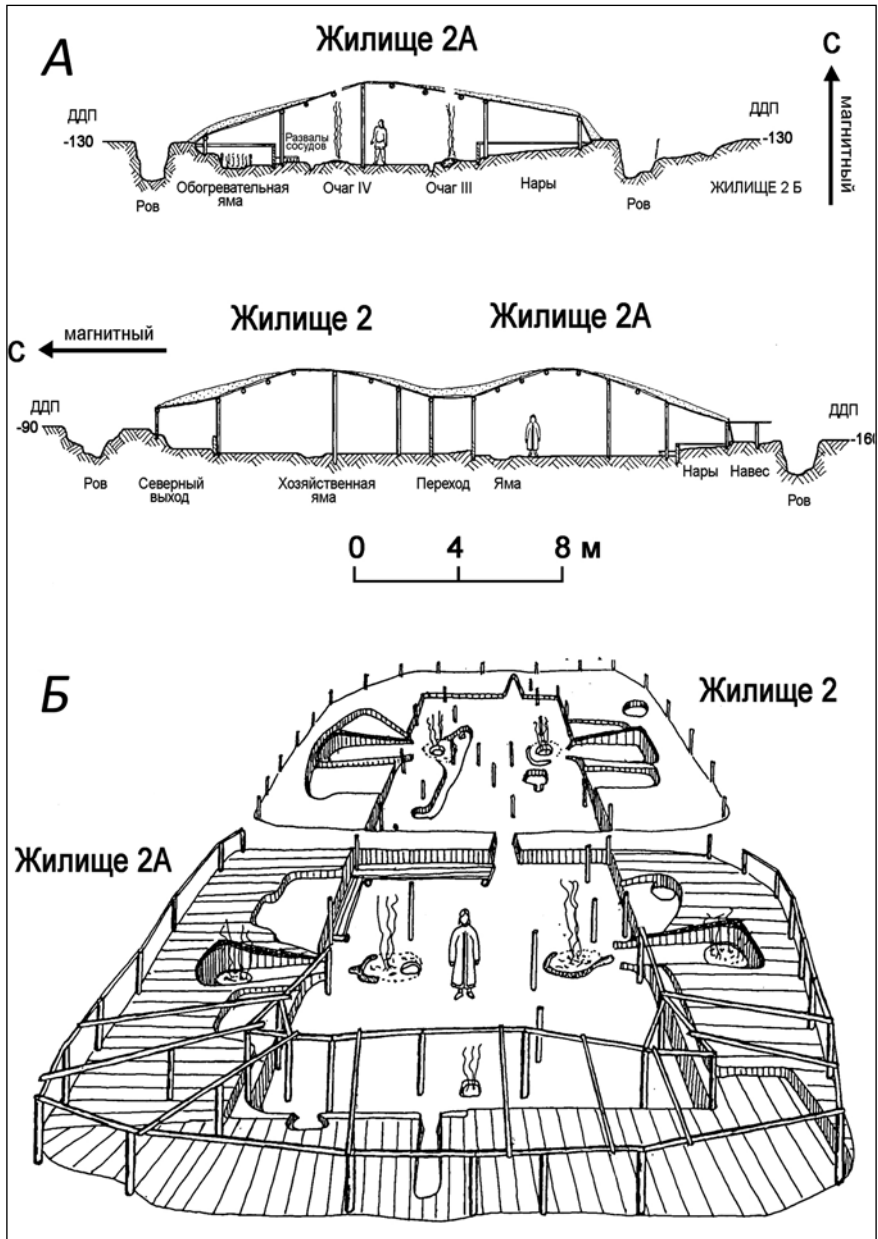
Сходный, но двухкамерный вариант неолитического жилища исследован в Сургутском Приобье на *поселении Быстрый Кульёган 66* (ил. 1–4)¹⁰. Памятник располагался на краю невысокой (2,5–3,0 м) коренной террасы р. Быстрый Кульёган и на поверхности был представлен тремя разнотипными впадинами. Раскопки центрального углубления № 2, наиболее повреждённого транспортными колеями, выявили оригинальный архитектурный ансамбль площадью ок. 630 кв. м (максимальные размеры — 30х22 м). Он состоял из двух жилищных котлованов (2, 2а), окружённых цепочкой канав в виде прерывистого рва. Жилая площадка прямоугольная, с закруглёнными углами (25–26х16–18 м), ориентирована меридионально, по истинному (географическому) северу. В северо-восточном углу раскопа выявлен котлован ещё одной постройки (2б), прорезанной рвом. Все три жилых объекта относились к быстринскому культурному типу эпохи неолита. На основании анализа шести образцов угля, взятых из жилищ 2, 2а и рва, памятник имеет надёжную поздненеолитическую дату: кон. V — нач. IV тыс. до н. э. Между тем большинство комплексов быстринской культуры находится в диапазоне 6500–5500 л. н., а их калиброванных значений — в пределах сер. VI — втор. пол. V тыс. до н. э.¹¹

По первоначальной версии исследователя памятника Л.Л. Косинской, поздний посёлок был представлен двумя идентичными полуземлянками (2, 2а), соединёнными крытым переходом и окружёнными прерывистым подпрямоугольным в плане рвом. Объекты были построены вдоль кромки террасы, в одну линию, практически вплотную друг к другу. Расстояние между их углублёнными частями не превышало 1,6 м. Вы-

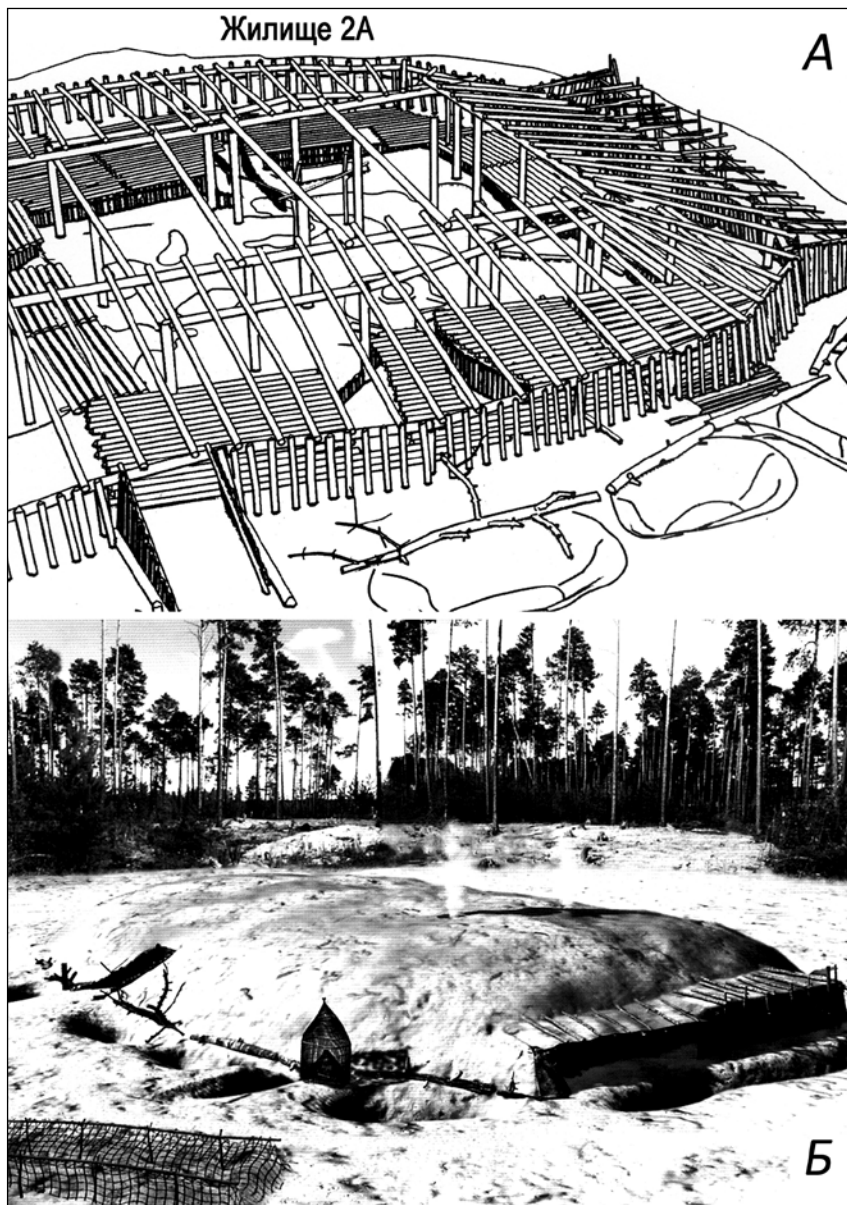

ходы из жилищ были направлены к реке и в противоположную от неё сторону. Они имели вид наклонных крытых коридоров и располагались по осевой линии построек, выступавших на 2,0–2,5 м от края котлована и не более 1,5 м за пределы жилища. У северной полуземлянки ещё один небольшой коридор был устроен в середине северной стенки котлована. Судя по расположению столбовых ямок, постройки имели каркасно-столбовую конструкцию с «костровым перекрытием». Стены и кровля были засыпаны песком, вынутым из котлованов и рва, так что жилища, скорее всего, выглядели как низкие песчаные холмы¹². Каждое помещение площадью ок. 80 кв. м, шириной 13–14 м состояло из двух частей — центральной, представленной квадратным котлованом (8,5х8,5х0,6–0,8 м), и периферийной, почти не углублённой, занятой нарами. Стенки котлованов были обшиты деревом, на что указывают узкие неглубокие канавки (0,2х0,2–0,3 м), выкопанные по периметру углублений. Полы жилищ были покрыты охрой. Каждое жилище обогревалось двумя очагами, расположенными по осевой линии котлована напротив входов. Остатки очажных ям неправильной формы были перекрыты линзами серо-коричневого песка с включением сгоревшей органики. Кострища соединялись узкими канавками-коридорчиками с крупными ямами, расположенными в боковых нишах. Отдельные крупные ямы, по-видимому, хозяйственные или производственные, зафиксированы в самих котлованах. Окружавший жилища ров, выполнявший только дренажную функцию, представлял собой цепочку продолговатых ям шириной 1,0–2,0 м и глубиной 0,7–1,5 м, удалённых на 1–2 м от стен жилищ. Проходы в нём шириной 1,0–2,0 м располагались на углах и напротив стыка жилищ¹³.

Впоследствии Л.Л. Косинская предложила новый вариант реконструкции памятника и совместно с Ю.М. Барановым выполнила графическую и компьютерную реконструкции жилищного комплекса (ил. 3; 4)¹⁴. Одновременно были уточнены характеристики раскопанных объектов, в том числе размеры, площади и глубины их углублённых частей: котлован 2 — 8,8х8,8х0,6–1,0 м (68 кв. м), котлован 2а — 8,0х8,3х0,5–0,8 м (64 кв. м). А главное: две постройки, соединённые крытым переходом, были заменены обширным (ок. 360 кв. м) двухкамерным сооружением под одной крышей. Вместо «кострового» перекрытия была предложена традиционная конструкция из жердей, уложенных на систему рам с опорой на несущие столбы. Наземная часть объекта была представлена в виде низкой (1,5 м) усечённой пирамиды с прямоугольным основанием. Стены постройки могли быть выполнены в одном из двух

Ил. 3. Поселение Быстрый Кульёган 66. Двухкамерный жилищный комплекс 2—2А. Сургутское Приобье, р. Быстрый Кульёган. Неолит. Раскопки Л.Л. Косинской 1997, 1998, 2001 гг. А — профили жилищ; Б — каркас жилищ. Реконструкция Л.Л. Косинской (по: Косинская, 2004. Рис. 6; 7)

Ил. 4. Поселение Быстрый Кульёган 66. Двухкамерный жилищный комплекс 2—2А. Сургутское Приобье, р. Быстрый Кульёган. Неолит. Раскопки Л.Л. Косинской 1997, 1998, 2001 гг. А — каркас жилища 2А (без обшивки стен и крыши); Б — внешний вид комплекса. Компьютерная реконструкция Ю.М. Баранова и Л.Л. Косинской (по: Косинская, 2006. Цветные вклейки между с. 16 и 17)

вариантов: набором из горизонтальных брёвен, концами закреплённых в пазах столбов внешнего ряда («заплотная» конструкция), или из брёвен, плах и жердей, приставленных наклонно к наружной раме. Кровля состояла из сплошного наката жердей, плах или из частой обрешётки, покрытой ветками, берёстой и другой древесной корой. Основание наклонных стен всего жилого комплекса находилось за пределами котлованов. Стены и часть кровли жилищ присыпаны грунтом. Песчаная обваловка вокруг построек перекрывала участки древней почвы, которая ныне фиксируется как погребённый подзол. Котлованы жилищ были укреплены обшивкой из «вертикальных деталей» — плах, брёвен и жердей, нижними концами зафиксированных в канавке вдоль песчаных стенок. Таким же образом были обшиты стенки приоточажных ям и коридорчиков, ведущих к очагам. По периметру углублённой части каждого помещения располагались деревянные нары. При этом одним концом настил опирался на «заплечики» котлована, другим — на брёвна-слоги, уложенные в пределах котлована, близ его границ. Определённую роль в борьбе с сыростью играли канавки, выведенные из жилищ в ров. Они могли выполнять дренажную функцию и обеспечивать вентиляцию пространства под нарами. Узкий промежуток между котлованами 2 и 2а, на котором сохранились следы оподзоленной прослойки, мог быть покрыт настилом нар. В то же время не исключено, что здесь была возведена капитальная стена или лёгкая перегородка; в крайнем случае, данное пространство оставалось неразгороженным, то есть открытым¹⁵.

С таким вариантом реконструкции жилищ можно было бы согласиться. Смущает то, что под общую крышу объекта попали не только котлованы и коридоры-тамбуры, но и всё пространство вокруг них вплоть до рва. Для того чтобы занять эту возвышенную и довольно значительную территорию (шир. 2,0–4,0 м), а также объяснить наличие столбовых ямок вдоль канавы, Л.Л. Косинская и Ю.М. Баранов «сконструировали» низкие навесы, прижатые к наклонным торцевым стенам постройки. Судя по графическим иллюстрациям, их высота была ок. 1 м. По правде говоря, в строительной практике коренных народов Западной Сибири такого вида пристроек у землянок не известно. Хотя у срубных домов — за счёт удлинения крыш — с торцевой входной стороны они изредка встречаются.

Все остальные раскопанные быстринские жилища других памятников Сургутского Приобья представляли собой полуземлянки с неглубокими (0,5–0,8 м) котлованами квадратной и прямоугольной формы, пло-

щадь от 30 до 130 кв. м. В ряде них зафиксированы следы несущих конструкций в виде столбовых ямок и узкой канавки по периметру дна котлована, как правило, посыпанного охрой¹⁶.

Скорее всего, с аналогичными или близкими по облику сложными каркасами и бревенчатой опалубкой котлованов были однокамерные углублённые постройки известного памятника неолита северной тайги Нижнего Приобья — *поселения Чэс-Тый-Яг* (он же — стоянка Саран-паульская, Чес-тый-яг, Чэс-Тый-Яг) в бассейне р. Северной Сосьвы (ил. 1—3). Правда, автор данной статьи и его коллеги в своё время ошибочно определили чес-тый-ягские землянки как срубные¹⁷.

В целом же, по данным авторов разведок и раскопок (С.Г. Боч, В.Н. Чернецов, В.Ф. Старков, Е.А. Васильев, Я.А. Яковлев), это было довольно крупное селение (ок. 8 тыс. кв. м) с жилищами площадью от 60 до 600 кв. м. В древности посёлок располагался на островке в окружении мелководного водоёма. Сейчас памятник находится на южном треугольном мысу песчаного останца сильно заболоченной левобережной надпойменной террасы р. Ляпина, в 2,5 км от современного русла этого водотока.

Впадины жилищ прямоугольные, окружены песчаными валиками, которые в месте входов размыкались на ширину от 1,5 до 4,0 м. При этом у землянок, расположенных по краям мыса, входы были обращены в сторону реки. Все пять раскопанных на поселении объектов (№ 3—5, 8, 10) из 20, остатки которых были выражены в рельефе, в древности функционировали одновременно и погибли в результате пожара. В.Ф. Старков зафиксировал у исследованной им землянки котлован (размеры 14,0х17,0 м, глубина 2,3 м); остатки от засыпки кровли; центральный столб, углублённый в грунт на 1,5 м; очажные слои и следы сгоревших деревянных конструкций в виде углистых полос, чётко фиксируемые на светлом материковом песке; пересекающиеся лаги, являвшиеся, вероятно, основой деревянного пола. Е.А. Васильев полагал, что вдоль стен каждой постройки располагались земляные нары, покрытые тонким слоем охры, а поверх неё — деревянными плахами. Полы котлованов построек также были посыпаны охрой. Я.А. Яковлев, основываясь на данных раскопок своих предшественников, дополнил, что жилые помещения отапливались открытыми очагами, а одна из построек имела оригинальный вход в виде двух узких проходов, начинавшихся в центральной части землянки и выходивших в общий тамбур. Кровля домов представлена несущими балками и поперечными плашками, покрытыми берёстой с последующей «фиксацией» этого

настила песком и дёрном. В некоторых жилищах выявлены следы ремонта. Размеры котлованов остальных (нераскопанных) объектов варьируют от 6,6х8,3 до 15,3х16,1 м, а их глубины — от 0,4 до 2,0 м, ширина песчаных обваловок — от 1,8 до 9,5 м.

В.Ф. Старков первоначально определил раскопанную им землянку кон. III тыс. до н. э. Впоследствии все памятники Нижнего Приобья и зауральского неолита он отнёс к сер. III тыс. до н. э. Е.А. Васильев датировал интересующее нас поселение поздним неолитом (кон. IV — нач. III тыс. до н. э.). Между тем современные радиоуглеродные даты вскрытых объектов Чэс-Тый-Яга укладываются во втор. пол. V тыс. до н. э., то есть в «средний» неолит¹⁸.

В отличие от рядовых неолитических посёлков охотников-рыболовов средней тайги с численностью населения от 10 до 30 чел.¹⁹, в Чэс-Тый-Яге могли проживать одновременно до 250 общинников.

Весьма противоречивую реконструкцию оригинального *городища Каюково 2* раннего неолита предложили авторы его открытия и раскопок. По четырём из шести калиброванных радиоуглеродных дат это укрепление сейчас отнесено к перв. пол. VI тыс. до н. э.²⁰ Памятник находится в подзоне средней тайги Обь-Иртышского междуречья, между истоками р. Большого Салыма и Большого Югана, на песчаной гриве в окружении верховых болот (ил. 1—5). По данным биолога О.Л. Лисс, в неолите поселение располагалось на выс. 7 м от древней поймы, заросшей елью, берёзой и осиной, между маленькой рекой и большим озером. Городище кольцевое, в древности было окружено рвом диаметром 30—35 м. В рельефе канава не фиксировалась и была обнаружена во время раскопок. На поверхности были видны шесть жилищных впадин: одна округлая (диаметр 8 м) — в центре, пять овальной и аморфной формы (размерами от 3х2 до 6х5 м) — вокруг неё, по кольцу. Во рву имелись перемычки, которые можно было принять за входы на поселение. Площадь жилой зоны — ок. 700 кв. м, всего памятника — ок. 1600 кв. м. По мнению Л.В. Ивасько, данный посёлок представлял собой сложное архитектурное сооружение, похожее на лабиринт.

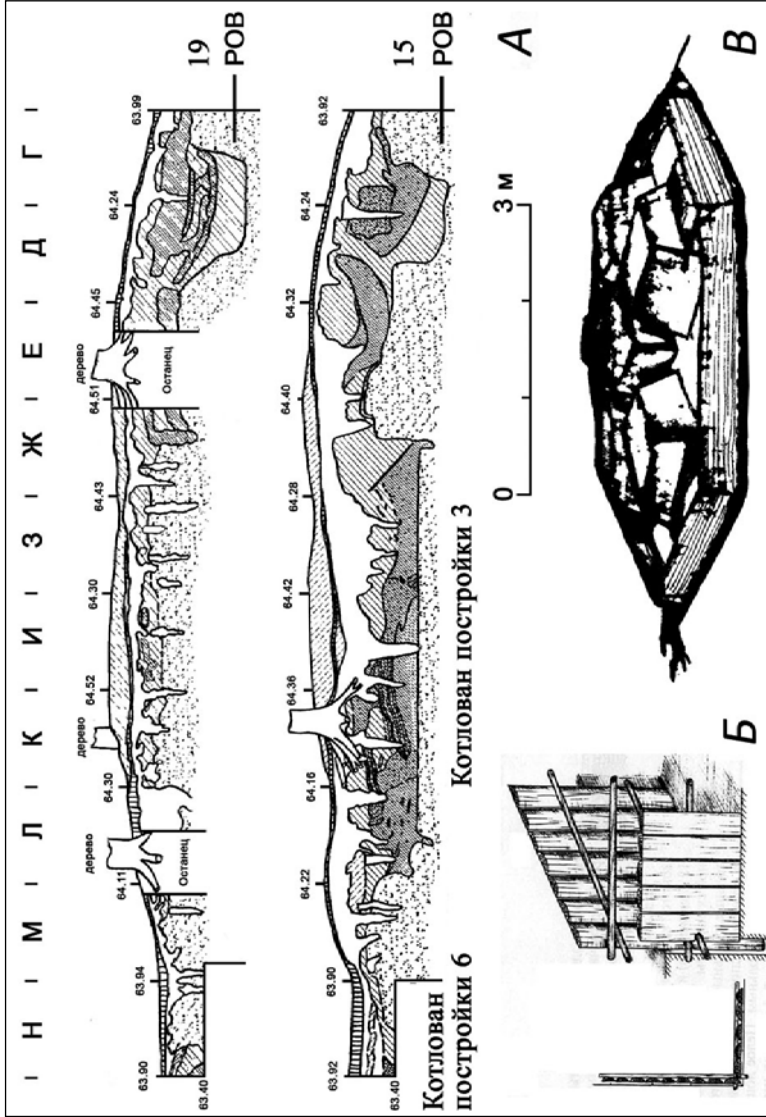
На памятнике были раскопаны отрезок рва, небольшая территория за рвом, две жилые постройки (№ 3, 4), каждая из которых отапливалась углублённым очагом, а также узкое проходное помещение (№ 7: 2,0х1,5 м) без кострища, соединённое с постройками № 4 и № 5 короткими крытыми коридорами. Жилища Л.В. Ивасько реконструировала как полуземлянки, площади которых ограничивались только котлова-

нами прямоугольного (№ 3: 5,0х4,0 м) и Г-образного плана (№ 4). Полы помещений ровные песчаные, по-видимому, были покрыты вдоль стен деревом. Стенки котлованов вертикальные, высотой 0,6 м. В заполнении углублений расчищены многочисленные обломки обугленного дерева длиной от 10 до 120 см, лежавшие под углом от 10° до 45°. Землянка № 3 имела крытый тамбур (1,0х4,0 м), отделённый от жилого помещения бревенчатой переборкой, и небольшой крытый коридор (1,0х1,0 м), ведущий в центральную постройку № 6. На дне тамбура расчищен ряд ямок от несущих столбов. Вдоль южной стенки котлована постройки прослеживалась мелкая (20 см) узкая канавка. Стены землянок выс. до 1,5 м были сооружены из плах и полубрёвен шириной 8—12 см, установленных по периметру котлованов (ил. 5— А, Б), и были укреплены горизонтальными жердями. Стены и перекрытия всех построек были засыпаны слоем грунта и заложены дёрном. Выкопанный в песке кольцевой плоский ров шириной ок. 1,0 м и глубиной 1,0—1,2 м был укреплён деревом. Между ним и котлованами жилищ было не более 1,0 м. Вместе с защитной стеной он сочетал оборонительную и дренажную функции. Создание системы обороны, прежде всего жилых построек, являлось признаком того, что население посёлка было пришлым и находилось во враждебной среде. Ещё одна деталь: постройка № 3, судя по конструкции её задней стены, была возведена после устройства рва с учётом существующей системы обороны и других сооружений.

Впоследствии Л.В. Ивасько и О.В. Кардаш отказались от идеи об оборонительной функции рва, приписали ему роль берега, а весь комплекс определили исключительно культовым, причём сожжённым его жителями в процессе некоего ритуального обряда. Оригинальную архитектуру посёлка они связали с «круглоплановыми» сооружениями Европы и Передней Азии. Строителями Каюково 2 объявили выходцев из среды древнейших земледельческих (протоиндоевропейских) обществ или, по крайней мере, из контактных с ними территорий — окраины древнеземледельческой ойкумены. Переселенцы появились в западносибирской тайге в результате одной из наиболее ранних волн неолитических миграций, но утратили здесь все навыки производящего хозяйства. По правде говоря, я не разделяю эти выводы²¹.

Но вернёмся к реконструкции жилищ и оборонительной системы. Если бы стены домов были вертикальными и размещались в котлованах, то помещения периодически затапливались во время ливней и при таянии снега. При этом нижние концы колотых плах быстро сгни-

Ил. 5. Городище Каюково 2. Жилище 3. Обь-Иртышской междуречье, верховья р. Большого Салыма и Большого Югана. Неолит. Раскопки Л.В. Ивасько, О.В. Кардаша 2000–2003 гг. А — разрезы рва и жилища 3 (раскоп 1); Б — реконструкция угла стен жилища 3; В — внешний вид комплекса. Чертежи и реконструкция Л.В. Ивасько и О.В. Кардаша (по: Ивасько, 2002. Рис. 4; 5; 9; Ивасько, Кардаш, 2002. Рис. на с. 37)

вали. Скорее всего, землянки были каркасно-столбовой конструкции, с набранными из брёвен и жердей высокими наклонными стенами, опиравшимися на грунт за пределами котлована. Основание стен было окружено песчаными завалинками. Кстати, именно такие жилища были изображены Л.В. Ивасько и О.В. Кардашем на рисунке посёлка²².

Не меньше вопросов вызывает конструкция и местонахождение защитной стены посёлка. Л.В. Ивасько пишет: *«Уточнена конструкция рва, опоясывающего городище, — в действительности это была двойная, укреплённая плахами стена»*²³. Один из первооткрывателей памятника, К.Г. Карачаров, предположил иной вариант оборонительной системы, при котором узкий ров являлся основанием частокольной стены. Теоретически частокол мог быть установлен не по центру, а у внутренней стенки канавы. В этом случае песчаные обваловки жилищ вплотную примыкали изнутри к нему. Третий вариант: при отсутствии частокола и бревенчатой обводной стены защитную функцию могли выполнять обращённые ко рву торцовые стены жилищ, соединённые между собой короткими бревенчатыми перемышками. Для уточнения конструкции оборонительной системы требуется продолжение раскопок этого уникального памятника. На данный момент, по моему мнению, наиболее вероятна оборонительная бревенчатая стена горизонтальной кладки, расположенная между рвом и внешним кольцом жилищ. Именно она представлена на схематичном рисунке городища (ил. 5—В).

Что же касается всего посёлка, то он, скорее всего, был создан по единому плану и существовал без перепланировок²⁴.

Энеолит

В стационарном домостроительстве населения таёжной зоны Западной Сибири данный период (кон. IV — посл. треть III тыс. до н. э.) отмечен двумя основными чертами.

Первая: сохранение неолитических традиций — возведение каркасно-столбовых землянок и полуземлянок с глубокими и средней глубины котлованами, обшитыми деревом, и перекрытием усечённо-пирамидальной формы (городище Амня I — жилище 1А; поселения Амня II, Каксинская Гора 3, Геологическое III, Геологическое XVI, Еныя 12, Атымья II, Атымья IV, Атымья VII, Леуши XIX; стоянки Атымья 1А, Барсова Гора II/8б и др.).

Вторая: появление нового типа стационарных посёлков, состоявших из большого жилища, в том числе не имеющего защитных систем либо окружённого только рвом (городища Имнъёган 2.1 — объект 7, Нёх-

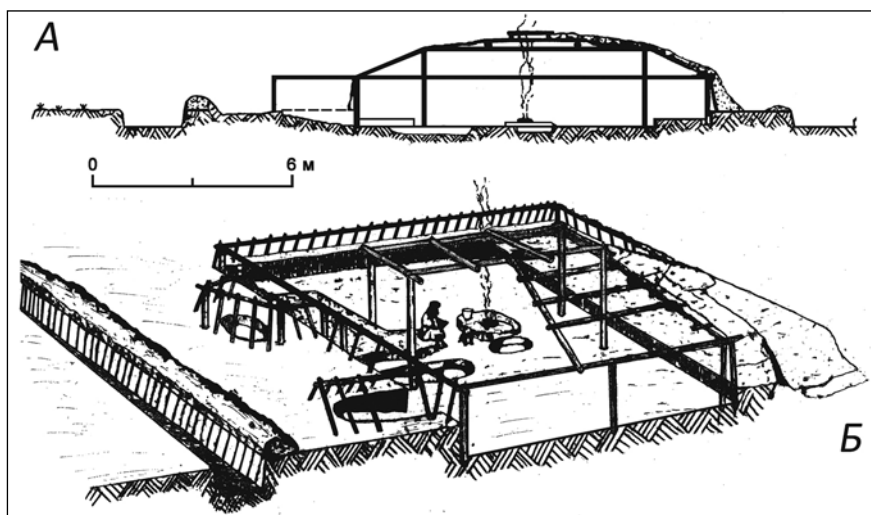
Урий 3.3 — объект 1, Нивагальское 20, поселения Имньёган 2.2 — объект 8, Волвонча I — ранний горизонт).

В сказках и былинах обских угров неукреплённые посёлки, состоявшие из одного дома, фигурируют под названием *«деревня из одного дома»*, *«однодворные постройки из одного дома»*, *«жердяные посёлки с одним домиком»*²⁵. Судя по материалам археологических раскопок, такие поселения существовали в эпоху бронзы (Балинское 1, Балинское 53, Барсова Гора III/107 и др.)²⁶ и начале железного века²⁷. «Укреплённые жилища второго типа» в массе распространяются в первой половине эпохи бронзы²⁸. Их генезис связан с новшествами неолитического быстринского²⁹ и, возможно, чэс-тый-ягского домостроительства³⁰.

Результаты раскопок энеолитических жилых объектов опубликованы³¹. Тем не менее ни один из них пока не реконструирован графически.

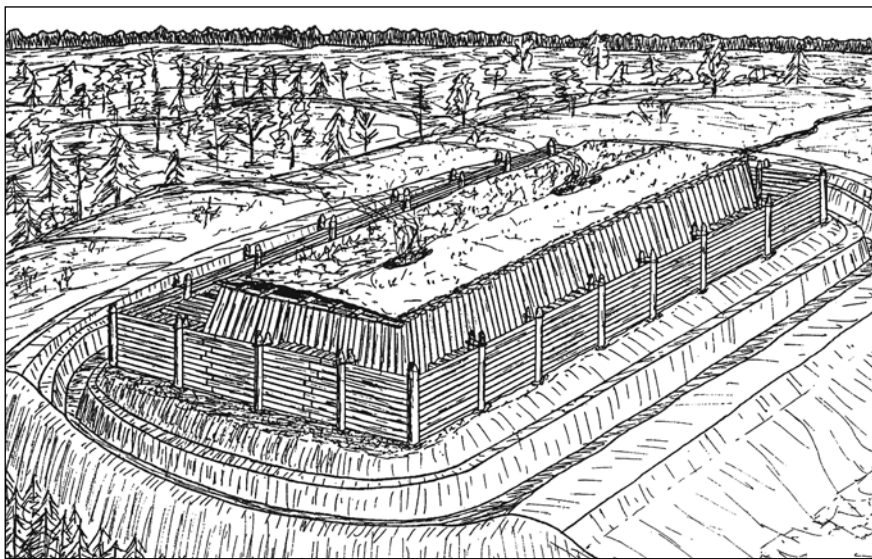
Первая половина эпохи бронзы

Западносибирские укрепленные жилища второго типа (Тёплый Ручей II, Товгор-Лор VI, Щетнмат-Лор I, Быстрый Кульёган 2, Быстрый Кульёган 38, Быстрый Кульёган 40, Быстрый Кульёган 44, Быстрый Кульёган 73, Быстрый Кульёган 77, Быстрый Кульёган 100,

Ил. 6. Поселение (укреплённое жилище) Щетнмат-лор. Укреплённое жилище. Бассейн верховьев р. Пур, оз. Щетнмат-лор. Эпоха бронзы (кульёганский тип). Раскопки Л.Л. Косинской 1996 г. А — профиль; Б — общий вид. Реконструкция Л.Л. Косинской (по: Косинская, 2000. Рис. 3)

Быстрый Кульёган 105, Моховая 8, Барсова Гора II/22, Барсова Гора II/37 — объекты 1, 2, Песиково 19, Волвонча I — поздний горизонт, Турсунт IV, Большая Умытья 28 — объект 1, Пашкин Бор I, Еныя 19 и др.), а также большие одиночные неукреплённые жилые объекты без рвов (Балинское 1, Балинское 53 и др.) первой половины эпохи бронзы средней и северной тайги были довольно внушительными наземными или слабо углублёнными строениями, прямоугольного и подквадратного плана, в том числе со скруглёнными углами, и были укреплены в основании песчаной обваловкой-завалинкой. Размеры домов без завалинки: 13—25х10—24 м. Их площадь варьировалась от 130 до 580 кв. м и составляла в среднем 308 кв. м. Постройки были, как минимум, двух групп — комбинированные каркасно-столбовые и бревенчатые с самонесущими вертикальными стенами. Наземная часть первых в основном усечённо-пирамидальной формы с наклонными стенами (ил. 6; 7), у вторых — призматической³². В плане дома квадратные,

Ил. 7. Каркасно-столбовой вариант укреплённых жилищ второго типа таёжного Приобья. Собираемый образ по материалам археологических исследований, фольклорным и этнографическим данным. Реконструкция В.А. Борзунова. В основе: топография поселения (укреплённого жилища) Быстрый Кульёган 38, эпоха бронзы (кульёганский тип), съёмка В.А. Борзунова 2000 г.; городищ (укреплённых жилищ) Моховая 20 и Моховая 25, ранний железный век (сургутский вариант кулайской культурно-исторической общности), съёмка В.А. Борзунова 1994 г. (по: Борзунов, 1999. Рис. 9)

прямоугольные и подпрямоугольные со скруглёнными углами. Каркас данных сооружений состоял из опорных столбов, установленных в пределах углублённой части помещения, в том числе в центре и по её периметру. От сгоревших опор сохранились ямки, заполненные углистой супесью, от оснований бревенчатых и жердяных стен — углистые полосы в заполнении «обваловок» котлованов. Детальная характеристика этих жилых объектов опубликована³³.

В связи с темой нашего исследования напомним несколько главных моментов. Впадины, фиксируемые на поверхности на месте укреплённых и больших неукреплённых жилищ, собственно котлованами построек не являлись, и могут быть названы таковыми условно. Это только углубления, занимавшие основную часть помещения дома. Они правильного прямоугольного или почти квадратного плана, размерами от 6,0х9,0 до 18,0х20,0 м, площадью 54—360 кв. м. Стенки их вертикальные, песчаные, высотой 0,3—0,6 м, в древности были обшиты деревом. Сгоревшая деревянная опалубка и следы её крепёжных столбов в виде вертикальных ямок с углём выявлены при раскопках поселения Быстрый Кульёган 38 (ил. 1—7)³⁴, а также неукреплённых больших жилищ Балинское 1 и Балинское 53. Правда, исследователи последних двух памятников ошибочно приняли следы данной опалубки за нижние венцы стен самого жилища, которые они поместили в котлован³⁵. В действительности, основания бревенчатых стен — как наклонных, так и вертикальных (частокольных и «самонесущих» горизонтальной кладки) — всегда находились за пределами котлована, приблизительно посредине расплывшейся обваловки. Высота стен от уровня древней почвы была порядка 2 м, высота помещения от дна котлована, покрытого деревом, до перекрытия была до 2,5 м. Снаружи основание стен было окружено песчаной завалинкой высотой 1,0—1,5 м. Крыша была, скорее всего, пологой двухскатной и четырёхскатной. Вход в жилище имел вид короткого и узкого крытого тамбура, сооружённого из брёвен и жердей. Снаружи и иногда изнутри этот коридор закрывался приставными дверями, изготовленными из жердей и «досок» (колотых плах). Жерди крыши и тамбура были покрыты полотнищами берёсты, мхом и грунтом. Внутри жилищ — вдоль всех или двух-трёх его стен — располагались нары высотой 0,4—0,6 м и шириной до 1,0 м. Они были двух вариантов — дерево-земляные и деревянные. Первые, по-видимому, преобладали, особенно в небольших помещениях. При их сооружении использовались «заплечики» котлованов, обшитые и покрытые жердями и колотыми плахами. В качестве дополнительного

покрытия, вероятно, использовались шкуры животных и плетёные «циновки». Деревянные нары располагались внутри и вдоль стенок котлованов. Их основой были продольно уложенные в один-два наката два ряда брёвен с дополнительными поперечными «перерубами». Помост этих нар также состоял из жердей и колотых плах, покрытых шкурами животных. Остатки такой обугленной конструкции зафиксированы при раскопках вышеупомянутого «укреплённого жилища» Быстрый Кульёган 38. Обширные помещения, по-видимому, разделялись на отсеки лёгкими жердяными перегородками. Центром «социального пространства» дома являлся очаг или серия кострищ. Практически все большие жилые помещения использовались и в хозяйственно-производственных целях.

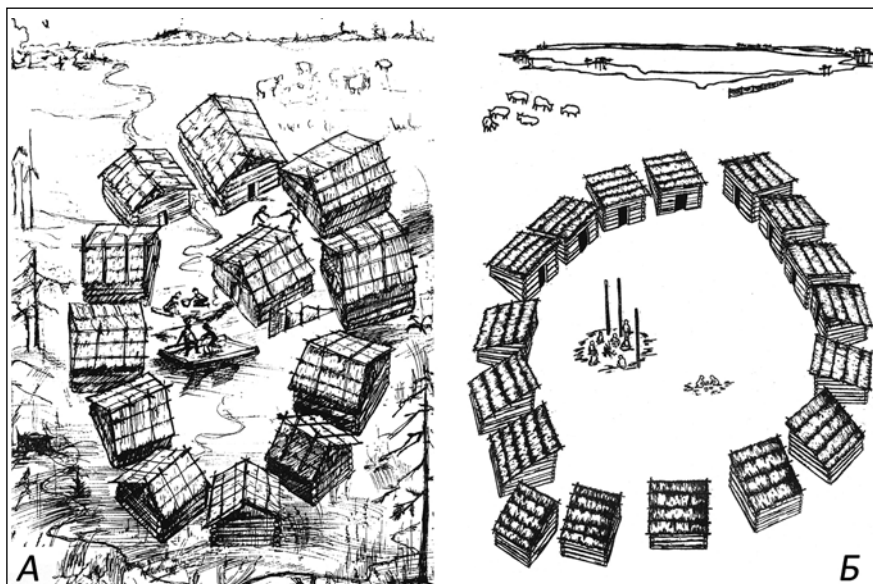
Средневековые варианты таких больших построек — места общественных собраний и дома-крепости хантыйских «князей», упоминаемые в остяцких сказаниях, — состояли иногда из 800 жердей и имели дощатые полы. Со всех сторон подобные былинные укрепления («медные города») окружались палисадами и покрывались сверху медными листами (явное преувеличение). В военное время у них оставляли всего два отверстия: одно вверху — для света, другое — сбоку, достаточное для того, чтобы богатырю войти в дом в кольчуге³⁶.

Одновременно с большими домами в начале и середине эпохи бронзы возводились жилища с прямоугольными и квадратными котлованами площадью 30—90 кв. м, глубиной 0,2—0,6 м, расположенными в центре жилых помещений³⁷.

По калиброванным радиоуглеродным датам трёх кульёганских памятников (укреплённое жилище Барсова Гора II/22, поселения Барсова Гора II/196, Чернореченское I) и одного балинского (поселение Балинское I) первой половины эпохи бронзы на севере Западной Сибири приходится на кон. III — перв. треть II тыс. до н. э., по традиционной хронологии — на перв. треть и сер. II тыс. до н. э.³⁸ Этим же временем датируются памятники с керамикой полымьятского типа бассейна Конды (Волвонча I — поздний горизонт, Пашкин Бор I, Большая Умытья 28 и др.). Согласно общей периодизации культур Евразии, данная эпоха соответствует финалу среднего и началу позднего бронзового века³⁹.

В Тюменском и Курганском Притоболье, на южной кромке тайги и в северной лесостепи, этот период представлен памятниками ташковской культуры, которые датируются ок. 2050±200 лет до н. э.⁴⁰ После изучения трёх поселений с кольцевой расстановкой жилищ (*Ташково*

II, ЮАО (Южный берег Андреевского озера) XIII, Иса III — ил. 1–9–11) В.Т. Ковалёва и её ученики предложили весьма спорную характеристику данного культурного образования, в том числе графически реконструированных жилых объектов (ил. 8). Ташковская культура, по их представлениям, сложилась в досейминский период и существовала относительно недолго. Первоначально считалось, что она сформировалась на основе энеолитической культуры Зауралья, под воздействием южного и юго-западного импульсов. При этом определяющим был абашевский, обусловивший у носителей ташковской культуры довольно развитую металлообработку, комплексное хозяйство, разнообразные домашние производства, а также новый тип поселений с круговой планировкой, развитую знаковую систему и сложную социальную структуру ташковского общества⁴¹.

Ил. 8. Поселение Ташково II (А). Нижнее Притоболье, р. Исеть. Эпоха бронзы (ташковский тип). Раскопки В.Т. Ковалёвой 1982, 1984–1986 гг. Реконструкция В.Т. Ковалёвой.

Поселение ЮАО (Южный берег Андреевского озера) XIII (Б). Нижнее Притоболье, оз. Андреевское. Эпоха бронзы (ташковский тип). Раскопки Л.А. Осоткиной, 1979 г., В.Т. Ковалёвой и О.В. Рыжковой 1990–1994 гг. Реконструкция В.Т. Ковалёвой и О.В. Рыжковой (по: Ковалёва, 1988. Рис. 5; Ковалёва, Рыжкова, Шаманаев, 2000. Рис. 10)

Затем позиция этой группы исследователей кардинально поменялась. В новых построениях главными аргументами стали оригинальная кольцевая (по кругу и овалу) планировка некоторых ташковских посёлков, которую В.Т. Ковалёва и её последователи посчитали аналогичной стандартам укреплений скотоводов эпохи бронзы евразийских степей, Передней Азии и Балканского региона, а также намеренное сакральное сожжение кольцевых посёлков; многочисленные следы литейного производства; плоскодонная керамика с отступающе-накольчатый декором, сходная с поздненеолитической тентоксорской Северного Прикаспия; числовая символика, запечатленная в домостроительстве и глиняной посуде. Из этого был сделан вывод, что носителями ташковской культуры были скотоводы с развитой цветной металлургией и сложной системой космологических представлений. Они мигрировали в лесное Притоболье в досейминское время с юго-запада — из области культур европейской языковой общности — и обитали на новой территории изолированно в условиях чуждого окружения. Судя по найденным остеологическим остаткам, орудиям труда, обломкам глиняных тиглей, отходам камнеобработки и литейного производства, а также косвенным данным, в Притоболье пришельцы практиковали хозяйство комплексного типа, сочетавшее присваивающие и производящие отрасли. Найденные на поселении Ташково II кости лошади и крупного рогатого скота, скорее всего, принадлежали домашним животным. Между тем производящая экономика у ташковского населения была представлена в затухающей, деградирующей форме. Мигрирующее население было знакомо с придомным скотоводством, но стало отдавать предпочтение менее затратным и более уместным в новых экологических условиях охоте и рыболовству. Бесспорно развитие обработки меди («приплавыв» олова в некоторых изделиях, по определению С.В. Кузьминых, составляют только 0,5–1,0 %). Технология производства каменных орудий пришельцами была доведена до совершенства. Это позволило улучшить их бытовые условия, в том числе перейти от полуземлянок к наземным бревенчатым домам. Возможно, при строительстве жилищ использовались металлические орудия — топоры и пилы⁴².

Ташковские дома, которых в настоящее время раскопано ок. 50, по мнению В.Т. Ковалёвой, представляли собой подквадратные в плане срубные постройки, площадью 40–55 кв. м, с высокими двускатными либо плоскими односкатными крышами под камышом или соломой. Для устойчивости нижние венцы срубов были опущены в котлованы глубиной от 0,2 до 0,6 м. Вдоль стенок каждого помещения находились

деревянные нары, в центре — наземный или слабо углублённый очаг. Выходы из жилищ были неуглублённые и обращены внутрь кольцевой, обычно не застроенной, площадки. Расстояние между котлованами варьировалось от 2 до 6 м. Первоначально В.Т. Ковалёва полагала, что поселение Ташково II представляло собой своеобразную «деревянную крепость», у которой соседние дома были соединены короткими бревенчатыми перемышками. Выход из посёлка, шириной 2 м, был направлен в сторону реки⁴³.

Вскоре Валентина Трофимовна и её ученики отказались от связи кольцевой планировки поселений с фортификацией. Они объявили данные архитектурные ансамбли сакральными центрами, возведёнными по плану ведийской мандалы, модели Вселенной, космической диаграммы соединения путей неба и земли. Впоследствии эти культовые центры были намеренно сожжены священным огнём, первоисточником бессмертия, в соответствии с представлениями о цикличности времени и необходимости обновления мира⁴⁴.

Основные возражения оппонентов, включая автора этих строк, таковы.

Остеологические материалы свидетельствуют о присваивающем хозяйстве носителей ташковской культуры. Основным объектом охоты её носителей был лось. Не исключено, что у южных ташковских групп было небольшое количество домашнего скота. Лошадь представлена только дикой формой⁴⁵. В целом же остеологические остатки, обнаруженные на ташковских памятниках, крайне скудны и не идут ни в какое сравнение — ни по количеству, ни по вариабельности — с соответствующими находками с поселений скотоводов евразийских степей. Ташковские могильники не известны, единичные погребения с сосудами, похожими на ташковские, встречаются в инокультурных курганах. По всем характеристикам, включая домостроительство, систему хозяйства, погребальный обряд и быт, ташковская культура в корне отлична от индоевропейских обществ. Её керамический комплекс включает сосуды, украшенные отступающе-накольчатыми, гребенчатыми, прочерченными и шагающе-проташенными узорами. Пояски круглых ямок — типично таёжная черта. Всё это предполагает наличие в составе ташковских общин разного по происхождению населения. Аналогии керамике уводят на восток. В этом плане ташковская культура предстаёт как типичное образование кротовско-елунинской общности юга Западной Сибири и предгорий Алтая, которое связано своим происхождением с местным энеолитическим субстратом⁴⁶. Вполне

вероятно, что продвижение сейминско-турбинских коллективов с востока на запад предопределило генезис не только елунинской, кротовской и чирковской культур, но также ташковской⁴⁷ и комплексов типа могильника Сатыга XVI⁴⁸. Сейминско-турбинский феномен считается транскультурным явлением, включавшим, помимо племён скотоводов и металлургов юга Западной Сибири, представителей восточносибирских охотничье-рыболовческих общин⁴⁹. Правда, уровень развития металлообработки в ташковской культуре недостаточно высок, что можно объяснить удалённостью её поселений от алтайских металлургических центров и слабой разработкой в этот период уральских источников меди. Изделия из яшмы указывают на «торговые» связи ташковской культуры с Южным Уралом. Каменные треугольные черешковые и треугольные с прямым основанием наконечники стрел, являющиеся транскультурным феноменом, были распространены в ташковских, синташтинских, сейминско-турбинских и кижировских комплексах. Согласно этим аналогам и радиоуглеродным датам, ташковские комплексы, синхронные синташтинским и сейминско-турбинским, могут рассматриваться в рамках первого этапа позднего бронзового века (ПБВ-1)⁵⁰.

От себя добавлю следующее. В Нижнем Притоболье между устьями р. Исети и Тавды (по прямой — ок. 135 км) открыто 6 ташковских памятников площадью от 1 тыс. до 3 тыс. кв. м с замкнутой расстановкой жилищ: Ташково II, Заводоуковское VIII.1, Заводоуковское X (ранний горизонт), Заводоуковское XIII, ЮАО XIII, Иса III. Для периферийного лесного микрорайона 6 «культовых объектов», даже отчасти разновременных, — это слишком много. Скорее всего, это были простейшие укреплённые (так называемые «подкреплённые») круглогодичные и сезонные полифункциональные посёлки — центры ташковских охотничье-рыболовческих общин.

Опуская иные характеристики культуры, сосредоточимся на ташковском домостроительстве. Несмотря на вскрытие достаточно большого количества жилых объектов, качество их исследования В.Т. Ковалёвой и её соратниками оставляет желать лучшего. Наличие только сводных планов поселений с вычерченными по линейке объектами при отсутствии индивидуальных послойных чертежей жилищ не позволяет авторам раскопок доказать правоту своих реконструкций. Больше всего возражений вызывает срубная конструкция ташковских домов, более похожих на русские избушки с островерхими крышами (ил. 8—А). Кстати, и более поздний односкатный вариант перекрытия (ил. 8—Б),

скопированный с первоначального рисунка Туманских укрепленных жилищ (ил. 12—А)⁵¹, я также считаю маловероятным. Стенки котлованов жилищ на планах посёлков Ташково II и ЮАО XIII абсолютно ровные, а углы идеальные прямые. При деформации в течение нескольких тысячелетий неглубоких котлованов, выкопанных в сыпучих грунтах, такого в принципе не может быть. Кроме того, выступающие концы венцовых брёвен сруба должны были оставить характерные выступы в углах котлованов, но на чертежах этих памятников этого не прослеживается. Срубная техника домостроительства вообще не характерна для архитектуры степных евразийских и ближневосточных посёлков, откуда якобы пришли основатели ташковской культуры. Причём по простой причине: из-за практически полного отсутствия в степях хорошего строевого леса. В лесной зоне Западной Сибири первые бесспорные срубные строения фиксируются только в финале бронзового — начале железного веков.

Наиболее вероятно, что ташковские дома были слабо углублёнными, каркасно-столбовой конструкции с наклонными жердяными стенами, опиравшимися своим основанием за пределами котлованов. Опорные столбы и колья несущего каркаса вкапывались и вбивались в песчаный грунт неглубоко и потому не оставили заметных следов (ямов, канавок и прочего). Широкие полосы светло-серой углистой супеси в котлованах ташковских жилищ, принятые авторами раскопок за остатки венцовых брёвен стен, являлись, скорее всего, следами сгоревших деревянных нар. Сходные углистые полосы были обнаружены, например, при раскопках укрепленного жилища Быстрый Кульёган 38⁵². Что же касается крыш ташковских построек, то они, по-видимому, были более пологими и сооружались из более прочных теплоизоляционных материалов — сосновых жердей, покрытых слоями берёсты и дёрна. Это более соответствовало домостроительству населения южной тайги и условиям холодных сибирских зим.

Сходных взглядов придерживаются авторы публикации раскопок ташковского посёлка *Заводоуковское XIII* (ил. 1—12). Судя по внешней фиксации и трём вскрытым объектам, 14 каркасно-столбовых слабо (на 20—30 см) углублённых в грунт построек с наклонными «стенами/кровлей» были выстроены практически плотную вокруг свободного треугольного в плане пространства, занимавшего центр посёлка. Площадь каждого жилища превышала размеры прямоугольного котлована и была не менее 50 кв. м. Пространство между стенами и котлованом, шириной ок. 1,0—1,5 м, могло использоваться для самых разных

нужд. Наличие в толще руин домов обширных пластов «тяжёлой» коричнево-рыжей супеси, возможно, свидетельствует о применении обмазки каркаса «стен/кровли» глинисто-песчаной массой. Не исключено, что стены смежных построек были общими или соединёнными при помощи тамбуров-переходов, что логично дополняет перечень фортификационных свойств обустройства посёлка. Сравнительный анализ исследованных построек и находок в них позволяет предполагать «эгалитарный характер» проживавшей здесь общины. В целом же разнообразная «замкнутая» планировка ташковских посёлков — по кругу, овалу, трапеции, треугольнику — предопределена не особыми религиозными ритуалами и воззрениями, а сложными, динамичными и далеко не мирными процессами, происходившими в Зауралье и Западной Сибири в кон. III — нач. II тыс. до н. э. Более того, никаких бесспорных свидетельств о преднамеренном культовом сожжении посёлка Заводоуковское XIII не зафиксировано⁵³.

Последнее относится ко всем ташковским объектам, и не только к ним. Большое количество западносибирских городищ и селищ, начиная с самых древних (Амня I, Кирип-Вис-Юган 2, Чэс-Тый-Яг, Быстрый Кульёган 66, Каюково 2 и др.), дошло до нас с многочисленными углистыми слоями, прокалами и обугленными конструкциями. Последнее могло быть как следствием случайных возгораний помещений и периодических лесных пожаров в тайге, так и результатом намеренных поджогов посёлков во время набегов мигрантов-инородцев и конкурентов из соседних родственных общин.

Вторая половина эпохи бронзы

Помимо общего прогресса экономики лесных обществ Западной Сибири (в том числе более широкое распространение здесь медных и бронзовых орудий труда), основными событиями рассматриваемого периода (XII—VIII вв. до н. э.), оказавшими прямое или косвенное воздействие на местное домостроительство, являлись миграции таёжного населения на юг. Уместно заметить, что это были первые в истории региона археологически зафиксированные перемещения таёжных общин в этом направлении. Отмечено несколько волн переселений, при этом наиболее массовые наблюдались в нач. I тыс. до н. э. Их главной предпосылкой стало очередное похолодание и увлажнение климата на севере Евразии. Миграции начались в Нижнем и Сургутском Приобье, а также бассейне Конды, в среде охотников и рыболовов с гребенчато-ямочной и фигурно-штампованной керамикой.

Впоследствии группы переселенцев достигли лесостепи, где проживали коллективы скотоводов-охотников-рыболовов межовско-ирменского культурного пласта. Это привело к формированию новых гетерогенных этнокультурных образований на юге Западной Сибири с хозяйством комплексного — присваивающего и производящего — типа⁵⁴.

В этот период на севере Западной Сибири продолжали развиваться все основные разновидности стационарных посёлков начала бронзового века:

- 1) селища с жилыми и производственно-жилыми постройками обычных размеров;
- 2) большие одиночные неукреплённые дома;
- 3) «укреплённые жилища», окружённые рвами и, возможно, защитными стенами.

Тогда же в низовьях р. Конды появляются простейшие слабо укреплённые атлымские городища с небольшими наземными или слабо углублёнными жилищами⁵⁵.

В Сургутском Приобье круглогодичные и сезонные зимние посёлки населения местной барсовской и пришлой атлымской культур возводились на краях и в глубине коренных речных террас⁵⁶. Источниками воды для обитателей тайги в тёплое время года служили реки, протоки и ручьи, зимой — в основном снег.

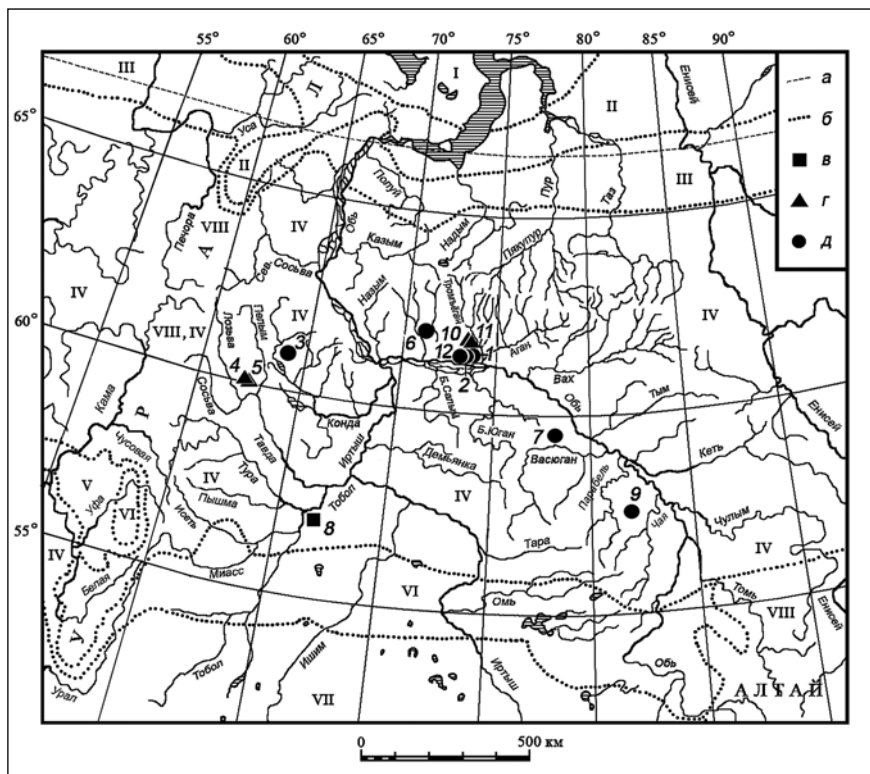
Жилища были малых (менее 20 кв. м), средних (20—90 кв. м) и больших размеров (130—250 кв. м), каркасно-столбовой конструкции с наземной частью в виде высокой усечённой пирамиды, сконструированной из жердей и брёвен. У ряда построек фиксируются короткие крытые коридорообразные входы. В плане дома прямоугольные и квадратные, в том числе с закруглёнными углами. Крыши построек, скорее всего, были невысокие пологие двускатные, как исключение — односкатные. Высота от пола до перекрытия была, вероятно, порядка 2,0—2,5 м. Потолки в постройках эпохи первобытности, скорее всего, отсутствовали, как и в современных традиционных домах обских угров. Тёплый воздух от костров поднимался прямо к крыше. Это предотвращало накопление на ней большой массы снега и обеспечивало устойчивость всей постройки в зимнее время. Для выхода дыма наружу и освещения помещения в перекрытиях оставлялись специальные квадратные отверстия или узкие щели, закрывавшиеся специальными крышками. Последние изготавливались из жердей и берестяных полотнищ. Возможно, под крышами, на тех же опорных столбах сооружалась конструкция из горизонтальных жердей-лаг, которые использовались как

своеобразные «вешала» для хранения и просушивания одежды. Стены домов были наклонные (под углом ок. 70°) и, возможно, такой же высоты, как в начале эпохи бронзы. В основании они были окружены песчаными завалинками и ямами для забора грунта и последующего дренажа. Завалинка предназначалась для придания устойчивости стенам и для более эффективного удержания тепла в жилом помещении. Котлованы занимали основную — центральную — часть помещения, но не всё пространство жилища. Они были мелкие (20—30 см), в плане квадратные и прямоугольные. Их песчаные стенки были укреплены брёвнами, уложенными в один-два венца. Последние для устойчивости устанавливались «в распорку» и укреплялись снаружи кольями. По краям («заплечикам») каждого котлована располагались дерево-земляные нары. В центре помещения обычно находился наземный или слабо углублённый очаг, реже — два.

Вместе с тем часть стационарных зимних построек строилась уже без углубления в грунт, о чём свидетельствуют остатки погребённой почвы под очагами и насыпной основой их нары. Таков раскопанный жилой объект № 1 *селища Барцевка III* барсовской культуры, расположенный на Барсовой горе у западной окраины г. Сургута (ил. 9—1; 10). Здесь же единично встречаются полуземлянки с подпрямоугольным котлованом (5,0х4,0х0,4 м) и коротким наружным коридорообразным входом (селище Барсова Гора II/1а).

Наряду с доминирующим типом каркасно-столбовых построек в конце эпохи бронзы в западносибирской тайге появляются дома с самонесущими бревенчатыми стенами. Таким, по-видимому, был большой (20х14 м) одиночный зимний объект атлымской культуры *Барсова Гора III/107*, раскопанный в лесу, в глубине высокой обской террасы (ил. 9—2; 11). Остатки обугленных брёвен и жердей, расчищенных в заполнении расплывшейся обваловки этого строения, позволяют предположить, что стены его были вертикальными бревенчатыми двухрядными, шириной до 2 м. Последние были разделены перегородками на клетки и забутованы в основании песком. Стены удерживались вертикально вкопанными кольями, от которых сохранились ямки, но не исключён и срубный вариант конструкции домов. Перекрытие из жердей и лаг опиралось на стены и установленные внутри дома столбы. Первоначально мы предполагали плоскую конструкцию перекрытия. Между тем более устойчивой будет пологая двускатная крыша, как в традиционных домах ханты и манси, которая может выдержать тяжесть снега зимой. Предполагается два варианта выхода: в виде наружного

Ил. 9. Западная Сибирь. Карта таёжных поселений поздней бронзы (1–5) и раннего железного века (6–12) с реконструированными жилищами и их аналогами. Памятники: 1 – пос. Барцевка III; 2 – пос. Барсова Гора III/107; 3 – пос. Большая Умытъя 100; 4 – пос. Туманское Верхнее; 5 – пос. Туманское Нижнее; 6 – пос. Вачим 7; 7 – пос. Степановское (Степановка) I; 8 – гор. Карагай Аул I; 9 – пос. Малгет 6; 10 – гор. Моховая 20; 11 – гор. Моховая 25; 12 – пос. Барсова Гора III/36.

Условные обозначения:

- а* – Северный полярный круг; *б* – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственные леса; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); *в* – городище; *г* – укреплённое жилище; *д* – неукреплённое поселение (селище)

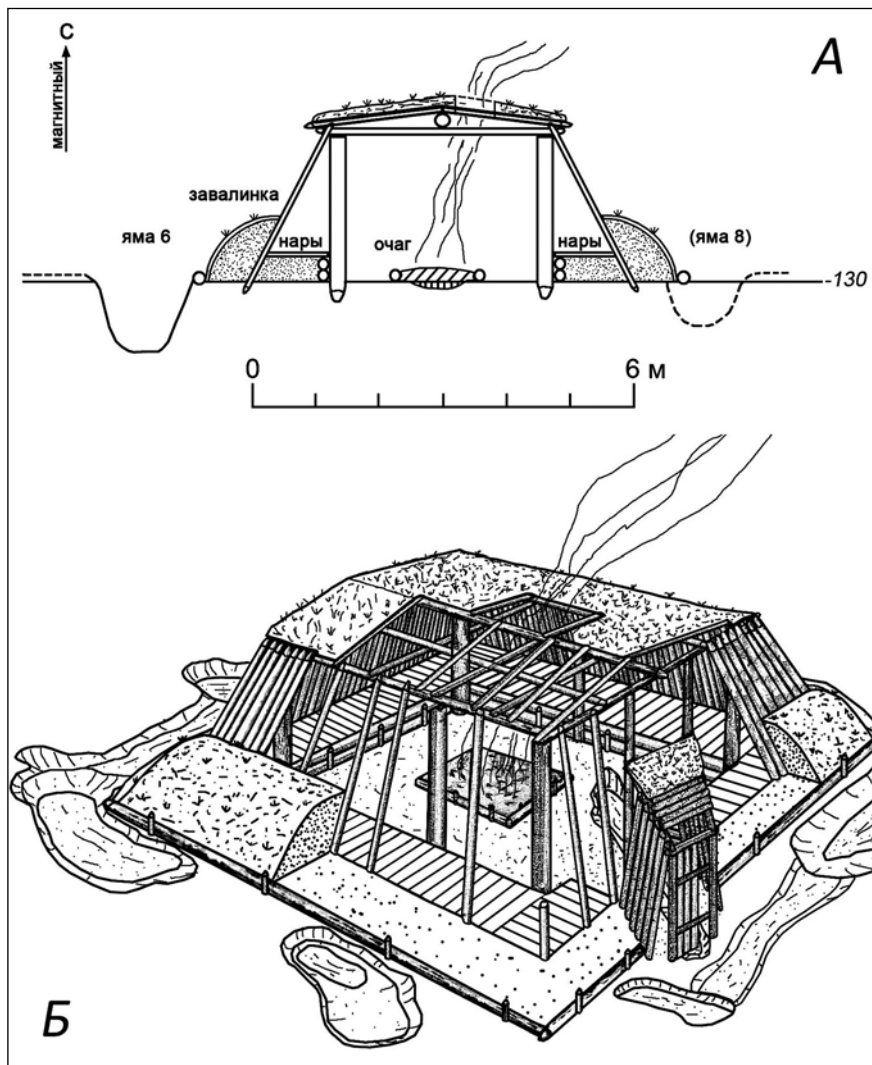

крытого коридора (хантыйский «тебый», «тебын» — «сени») либо внутреннего тамбура, как у туманских укрепленных жилищ. Помещение обогревалось большим слабо углубленным подпрямоугольным в плане очагом. Снаружи дом был окружен невысокой (0,5—1,0 м) песчаной завалинкой и внешними ямами⁵⁷.

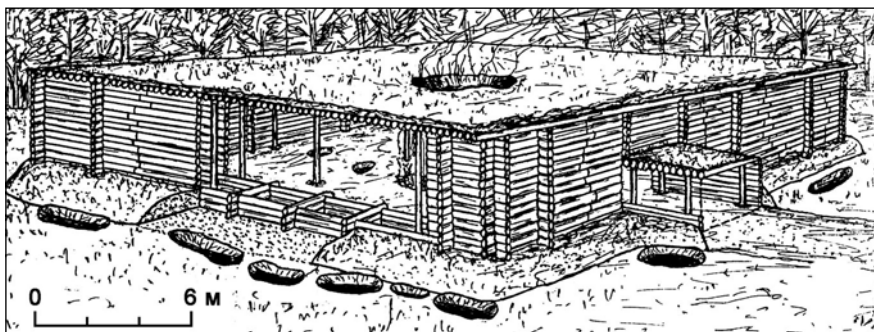
Стационарные жилища атлымской и лозьвинской культур Нижнего Приобья, Нижнего Прииртышья, бассейнов Конды, Тавды, Лозьвы и Пелыма представлены, как минимум, двумя типами. Первый: наземные сооружения каркасно-столбовой конструкции, площадью ок. 40—60 кв. м, со слабо углубленными котлованами в центре помещения и обваловкой наклонных стен (поселения Низямы VIII, Шеркалы IX, Шеркалы X, Малый Атлым I, Талья, Денисово II, Сатыга, Олымья IV, Пашня, городища Чилимка XIII, Чилимка XXIII и др.), аналогичные или близкие барсовским и атлымским постройкам, исследованным в Сургутском Приобье. Второй тип: большие (120—560 кв. м) одиночные «укрепленные жилища», окруженные песчаной обваловкой и одним-двумя замкнутыми рвами (Ендырское VIII, Олымья 3, Олымья 4, Олымья 8, Ах II, Большая Умытья 29-Б, Большая Учinya II, Большая Учinya XII, Денисово Ia, Лемья 1.1 и др.). К сожалению, последние пока не раскопаны⁵⁸.

Одну большую жилую лозьвинскую постройку (сооружение № 29), стационарно исследованную на многослойном поселении *Большая Умытья 100* в бассейне р. Конды (ил. 9—3), на основании отсутствия у неё ямок от столбов реконструируют как бревенчатую. Объект представлен прямоугольным средней глубины котлованом (10,00x8,30x0,45 м), а также серией вытянутых дренажных ям и канав, выстроенных по контуру квадрата. Северо-западная стенка котлована почти вплотную (0,4—0,8 м) примыкала к одной из канав, остальные его края были удалены от внешних углублений на 3—5 м. Размеры объекта вместе с ямами — ок. 18x18 м. Стены постройки располагались в достаточной близости от дренажных ям, хотя археологических свидетельств этого не выявлено. Песчаные стенки котлована, по всей видимости, были укреплены деревом, а пол вдоль них покрыт дощатым настилом. В центральной слегка углубленной части котлована (5,4x5,0x0,1 м) размещались два кострища-очага. Стенки дренажных ям и канав могли быть забраны крепью⁵⁹.

В X—VIII вв. до н. э. на основе мигрировавших на юг лозьвинских общин бассейна Конды и атлымских групп Нижнего Приобья в бассейнах Пелыма, Лозьвы, Сосьвы и верховьях Тавды сформировался

Ил. 10. Поселение Барцевка III. Жилище 1. Сургутское Приобье, р. Барцевка. Поздняя бронза (барсовский тип). Раскопки В.А. Борзунова 2006 г. А — профиль; Б — общий вид. Реконструкция В.А. Борзунова

Ил. 11. Поселение Барсова Гора III. Объект 107. Сургутское Приобье, р. Обь, протока Утопляя. Поздняя бронза (атлымский тип). Раскопки М.В. Елькиной 1974 г. Реконструкция В.А. Борзунова (по: Борзунов, 1999. Рис. 10)

новый гетерогенный этнос с керамикой вагильского типа — северный вариант гамаюнской культуры⁶⁰. С новым населением в данном районе появились большие, окружённые рвами «укреплённые жилища» — Туманское Нижнее и Туманское Верхнее, Оськинское I, Усть-Вагильское, Капочское, Илюшинское IV, возможно, Фунтусовское, Дулковка I и Дулковка II. В VIII—VI вв. до н. э. в результате переселения носителей гамаюнской культуры на юг и юго-восток новые разновидности этих миниатюрных дерево-земляных крепостей получили распространение в горно-лесном Зауралье (Шайдурихинское, Мелкое Озеро, Палкинское, Иткуль 26, Иртышское VII, Багарякское Ближнее, возможно, Катайское I и др.)⁶¹.

Раскопки на Большом Туманском озере двухслойного памятника с прекрасно сохранившимися остатками сгоревших конструкций, столбовыми ямками, а также кусками обожжённой глинобитной обмазки с характерными отпечатками брёвен⁶², позволили реконструировать общий облик двух объектов — *Туманского Нижнего и Туманского Верхнего жилищ* (ил. 9—4, 5; 12)⁶³. Следует подчеркнуть, что это древнейшие в западносибирской тайге исследованные дома с бесспорно самонесущими бревенчатыми (возможно, даже срубными) стенами. Причём стенами двухрядными, шириной от 0,5 до 1,4 м, разгороженными на прямоугольные клетки и с грунтовой забутовкой в основании. Снаружи стены этих домов были покрыты глиняной обмазкой, замешанной на рубленой соломе.

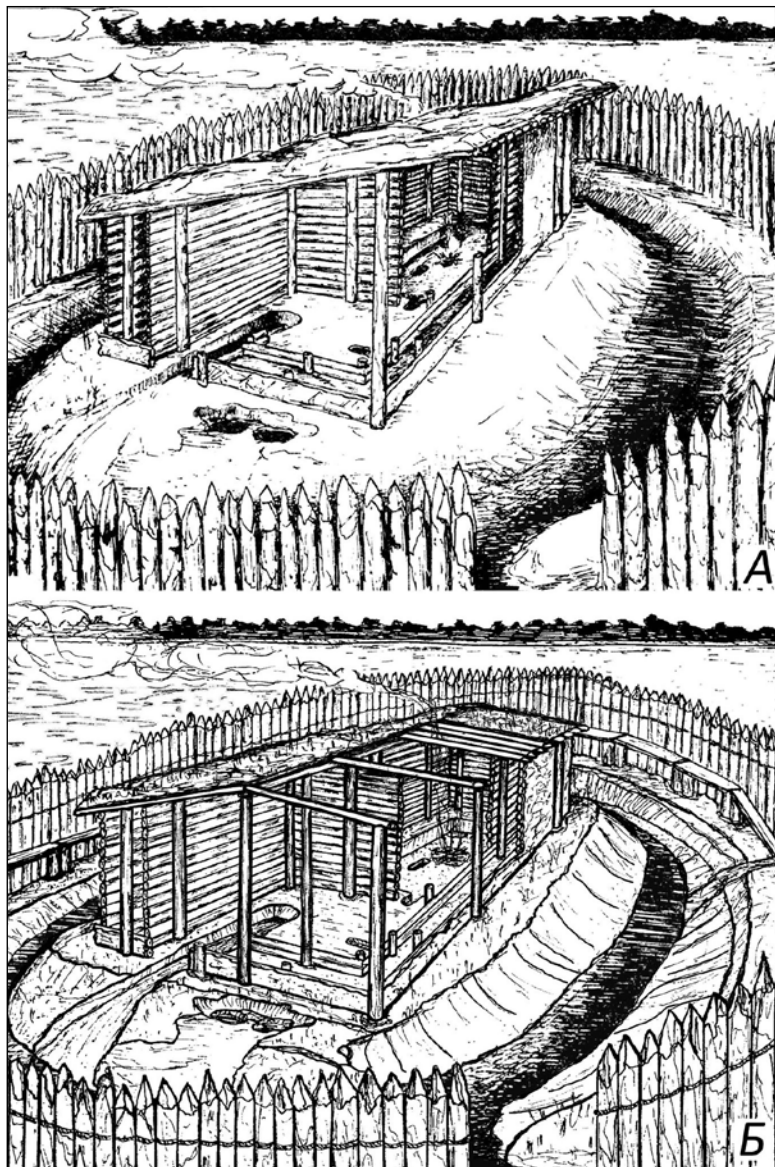
Жилища располагались на песчаном холме у края двухметровой озёрной террасы. Нижнее — прямоугольное (13,6х9,0 м), разделено бревенчатой перегородкой на две разновеликие камеры — предвходовую проходную без очага и жилую. В жилом помещении вдоль стен зафиксированы остатки деревянных нар, в центре — чашевидный очаг, между ними — хозяйственные ямы. Верхнее жилище, возведённое вскоре на руинах разрушенного первого, в плане квадратное (16,5х16,5 м) однокамерное, с прямоугольным котлованом в центре (8,0х6,8х0,7 м). В углублённой части помещения расчищены очаги, хозяйственные ямы, углубления от столбов и какие-то сгоревшие деревянные конструкции. «Заплечики» котлована шириной 1,5–2,0 м, покрытые деревом, использовались в качестве нар. Вход у каждой постройки был оформлен в виде внутреннего коридора (5,0х1,5 и 4,2х1,7 м), расположенного в северном углу постройки. Полы в жилищах ровные, горизонтальные, глинистые, вероятно, имели деревянный настил.

Предложенный мной первый вариант реконструкции данных домов — с односкатной бревенчатой крышей (ил. 12—А) — сейчас считаю менее вероятным. Скорее всего, как и в случае с жилищем № 1 поселения Барцевка III и объектом Барсова Гора III/107, у туманских построек было пологое двускатное перекрытие из жердей (ил. 12—Б). По общему облику оно должно быть сходно с крышами традиционных домов обских угров, правда, сооружаемыми сейчас из досок и колотых плах. Впрочем, односкатные и плоские горизонтальные конструкции также встречаются у стационарных жилищ — зимних и летних «деревянных юрт» («*кат*», «*хот*», «*хат*») — хантов и манси⁶⁴.

Первая половина раннего железного века

Данный период, с оглядкой на периодизацию культур скифо-сибирского мира, традиционно датируется VIII/VII—IV/III вв. до н. э. Между тем особенности развития культур этого времени на Севере Евразии существенно отличаются от характеристик лесостепных и степных обществ. В этом легко убедиться на примере различия распространения изделий из чёрного металла на разных территориях Урало-Сибирского региона.

Так, первые изделия из железа в Волго-Камье появляются в VIII—VI вв. до н. э., в горно-лесном Зауралье и на Алтае — в V—IV вв. до н. э., в лесостепи и на юге лесной зоны Западной Сибири — в IV—III вв. до н. э., в средней и северной западносибирской тайге — в последние

Ил. 12. Укреплённое жилище Туманское Нижнее. Бассейн р. Тавды, междуречье р. Пелыма, Лозьвы и Сосьвы, оз. Большой Вагильский Туман. Конец эпохи бронзы (вагильский тип). Раскопки В.Д. Викторовой 1963 г., В.И. Липского 1963, 1966 гг. Два варианта реконструкции: А – первый, Б – последний. Реконструкция В.А. Борзунова (А – по: Борзунов, 1990. Рис. 4, Б; 1992. Рис. 4, Б)

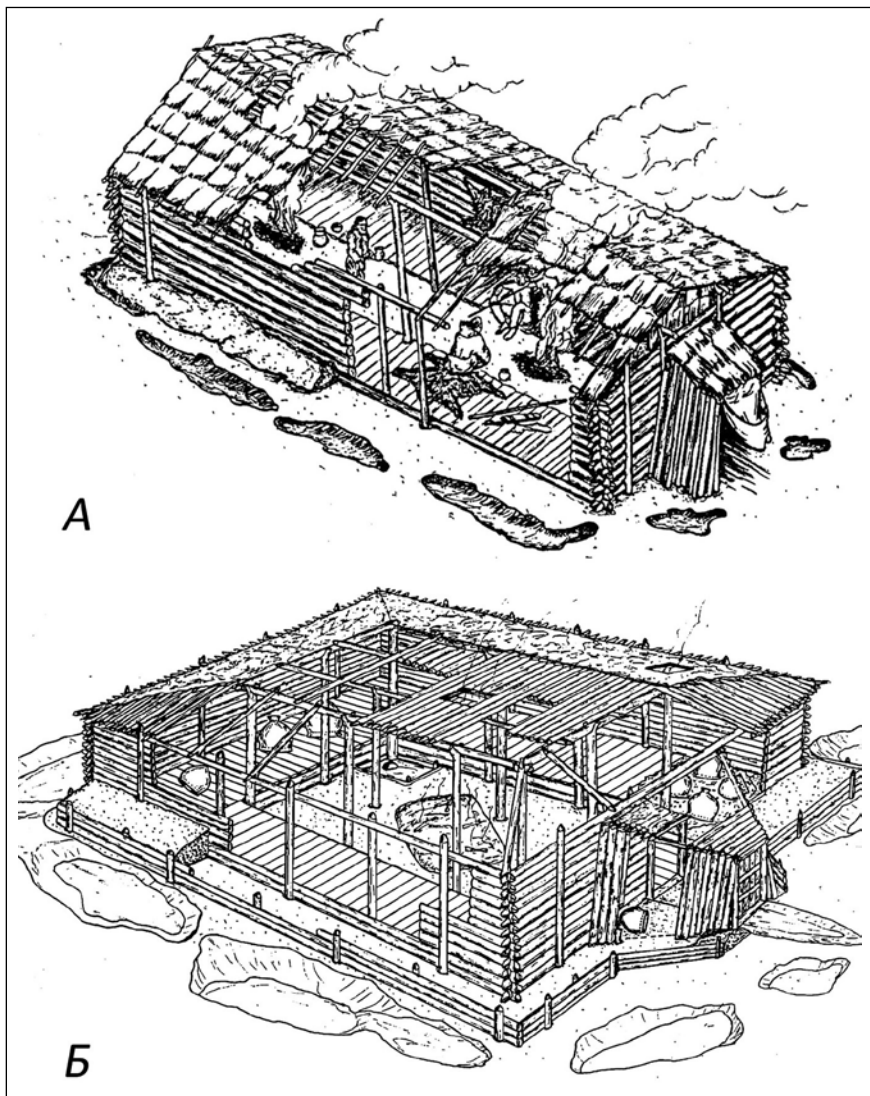
века до н. э. и первые века н. э. Вследствие этого на большей части северных территорий Сибири означенный выше период, с точки зрения орудийного комплекса, фактически являлся продолжением эпохи бронзы, а на южных границах — рубежом бронзового и железного веков⁶⁵.

На севере таёжного Приобья это время представлено культурами охотников—рыболовов—собирателей белоярско-васюганского этапа.

В Сургутском Приобье многочисленные раскопанные стационарные постройки на городищах и селищах продолжают развивать стандарты бронзового века, в том числе наземных каркасно-столбовых жилищ с высокими наклонными стенами и бревенчатых с вертикальными несущими конструкциями⁶⁶.

Графически реконструирован второй тип домов, который был выполнен на основании раскопок объекта IV *селища Вачим 7*, расположенного на р. Пим (ил. 9—6; 13—А). Посёлок принадлежал носителям белоярской культуры, наследовавшей местную барсовскую и пришлую нижеобскую атлымскую⁶⁷. На поверхности археологизированное жилище представляло собой слегка приподнятую песчаную площадку прямоугольной формы, окружённую невысокой (10—20 см) валообразной насыпью шир. 1,7—2,2 м. Снаружи насыпи фиксировалась цепочка из 9 дренажных ям. Внутри насыпи, вдоль длинной оси объекта, прослеживались два холмика от разрушенных очагов. Размер внутренней площадки объекта — 11,6х5,2 м, вместе с обваловкой — 14,6х8,0 м, с внешними дренажными ямами — 20,0х12,0 м. При раскопках в насыпи выявлены следы сгоревших деревянных конструкций в виде полосы жёлто-серой углистой супеси шириной 1,0—1,8 м, оконтуривавшей котлован жилища, а также коротких углистых полос — от обугленных плашек. Вдоль длинных стен и внутри объекта расчищены ямы от массивных вертикальных несущих столбов. Более мелкие углубления связаны с конструкцией северного выхода—входа. Последний в плане имел вид короткого полуовального выступа (1,5—1,7х1,8—2,0 м).

Реконструированное наземное жилище в плане вытянутое прямоугольное (ок. 13,8х6,5 м) с вертикальными бревенчатыми стенами, укреплёнными вертикальными столбами. Центральная часть постройки размерами 12,0х5,0 м (60 кв. м), отстоявшая от стен на 0,4—0,7 м, была углублена на 7—20 см. Невысокая двухскатная крыша опиралась на ряды столбов, установленных внутри дома, а также на его стены. Перекрытие представляло собой систему лаг, покрытых жердями, по-

Ил. 13. Поселение Вачим 7. Жилище IV (А). Сургутское Приобье, бассейн р. Пим, р. Вачим. Перв. пол. раннего железного века (белоярская культура). Раскопки В.М. Морозова 1995 г. *Реконструкция В.М. Морозова и А.А. Ковригина (по: Морозов, Чемякин, 1997. Рис. 17).*

Селище Барсова Гора III/36. Жилище № 6 (Б). Сургутское Приобье, р. Обь, протоки Утопая и Микишкина. Втор. пол. раннего железного века (сургутский вариант кулайской культурно-исторической общности). Раскопки В.А. Борзунова 2001 г. *Реконструкция В.А. Борзунова*

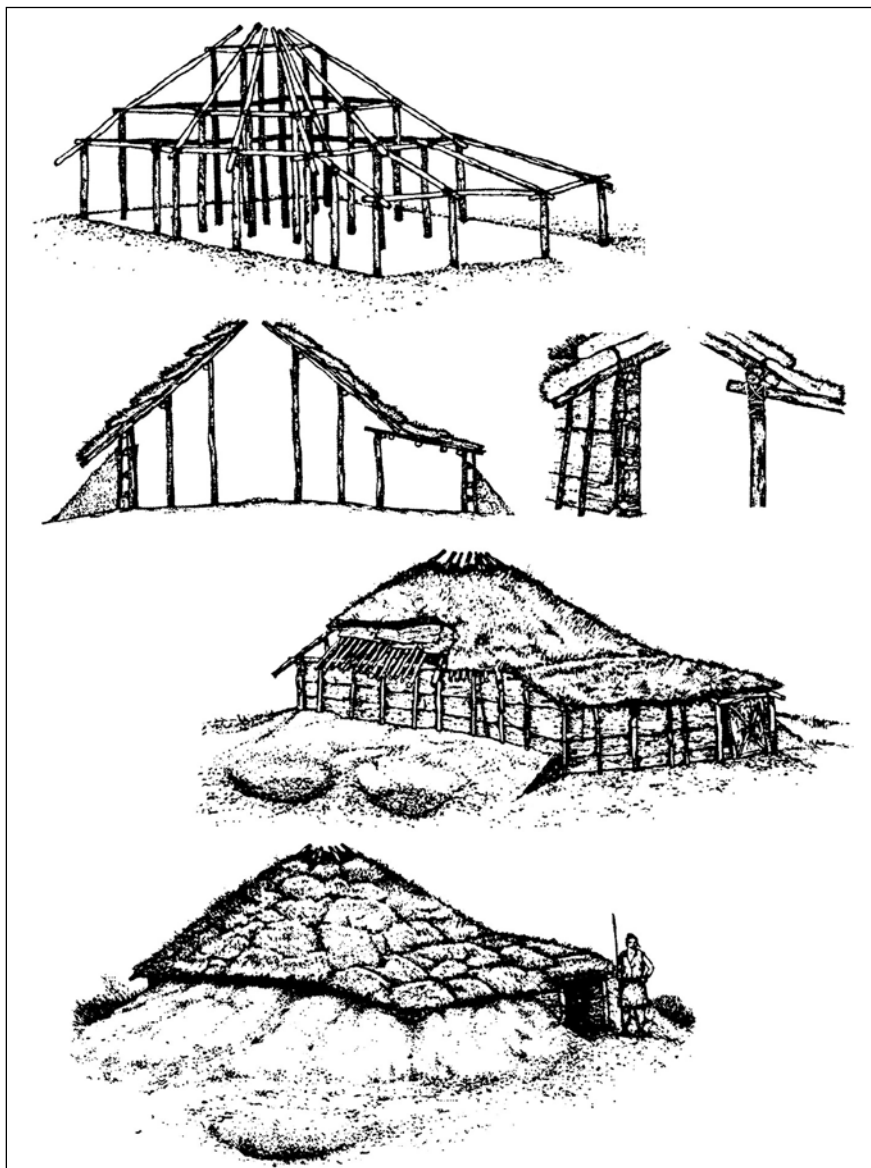
лотнищами берёсты, гумусом и мхом. Возвышенная часть помещения, дополненная деревянным настилом, использовалась в качестве нар. В углублённой части жилища на удалении 5,6 м друг от друга находились два овальных очага-кострища, от которых сохранились линзы насыщенного органикой (угольки, пережжённые косточки) и мелкими фрагментами керамики слоя. К торцовым стенам дома были пристроены два крытых входа с углублёнными полами.

В тот же период в Нарымском Приобье были распространены городища и селища охотников-рыболовов с керамикой васюганского типа (по Л.А. Чиндиной — васюганского этапа кулайской культуры). На основании анализа остатков объекта № 2 *Степановского I селища* в бассейне р. Васюган (ил. 9—7) графически реконструирована углублённая постройка каркасно-столбового типа. Близкие по облику жилища раскопаны на соседних Степановском городище и четырёх Степановских (I, II, III, IV) поселениях⁶⁸.

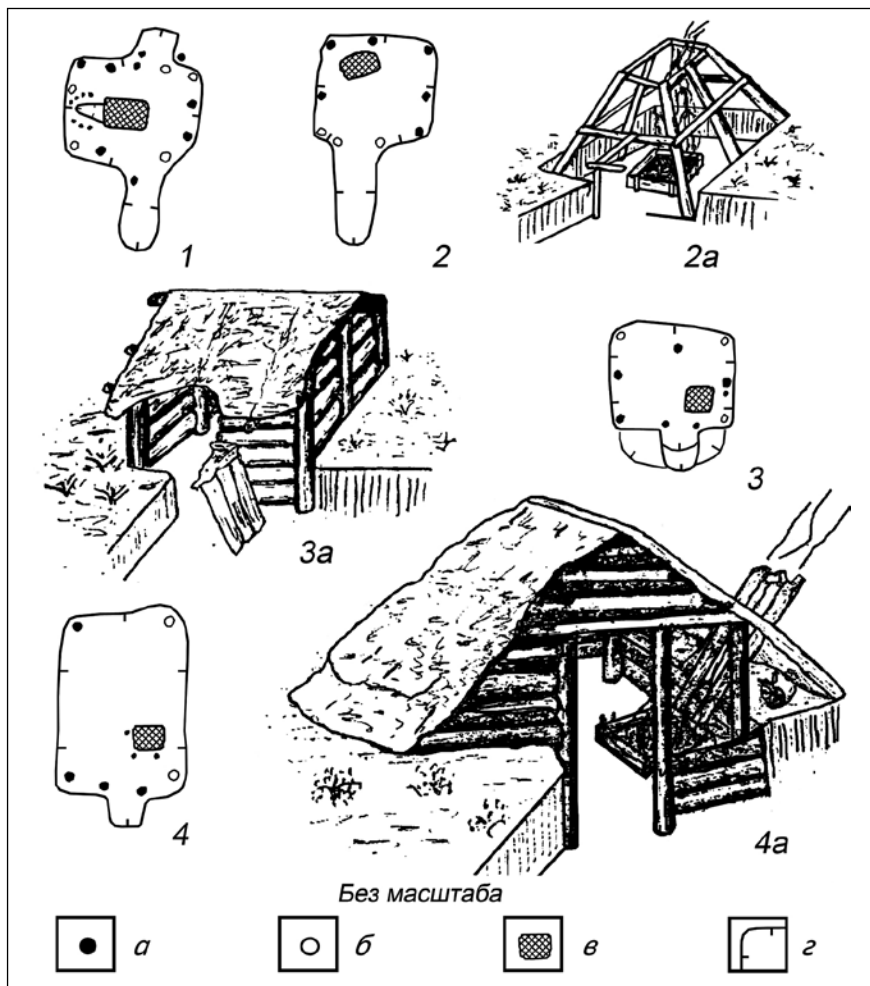
Остатки данных жилищ в рельефе выглядели как обычные «западники», расположенные на поверхности коренных песчаных террас, грив и мысов. В редких случаях (Степановское городище) вокруг таких углублений прослеживались обваловки — остатки завалинок и осыпавшихся стен, а также ямы для забора грунта. В процессе раскопок под каждой из жилищных впадин были расчищены подквадратные или подпрямоугольные углубления-котлованы площадью от 8 до 50 кв. м с одним или двумя выступами-выходами с одной или обеих торцовых сторон. Внутри котлованов на небольшом удалении от их стенок прослеживались ямки от столбов, в заполнении — следы обугленных деревянных конструкций (от перекрытия и стен построек), в центре помещений — остатки наземных очагов. При этом размеры, по мнению авторов раскопок, лимитировались границами их котлованов. Жилища «полуназемные», углублены «в землю» не более чем на 0,7 м, при этом *«...котлован рыли до плотных материковых слоёв, глубоко не входя (в среднем 20 см), по-видимому, до уровня промерзания грунта, чтобы пол был тёплым»*⁶⁹.

Между тем представленный вариант реконструкции вышеупомянутой каркасно-столбовой постройки № 2 Степановского I селища (ил. 15—2а) представляется мне крайне спорным и на практике нереальным.

Данное жилище имело котлован размерами 3,6х3,0 м, глубину 0,6 м (в том числе в материке — 0,2 м) и длинный углублённый выход (3,0х1,5 м). Каркас из жердей имел вид усечённой пирамиды, опи-

Ил. 14. Городище Карагай Аул 1. Площадка А. Сооружение 1. Тюменское Приоболье, р. Тобол и Тап. Рубеж бронзового и железного веков или перв. пол. раннего железного века (карагай-аульский этап восточного локального варианта иткульской культуры — по О.Ю. Зиминой и В.А. Заху; карагай-аульский этап юртоборской культуры — по В.А. Борзунову). Раскопки В.А. Заха 1991 г. Рис. А.С. Кухтерина (по: Зиминая, Зах, 2009. Рис. 106)

Ил. 15. Поселение Степановское I. Жилища 4 (1) и 2 (2; 2a). Нарымское Приобье, бассейн р. Васюгана, р. Лемпа (протока Степановская). Перв. пол. раннего железного века (васюганский этап кулайской культуры — по Л.А. Чиндиной). Раскопки Ю.Ф. Кирюшина 1971 г., Л.А. Чиндиной 1973, 1978, 1979 гг. Реконструкции Л.А. Чиндиной (по: Чиндина, 1984. Рис. 6).

Поселение Малгет 6. Жилища 54 (3; 3a) и 10А (4; 4a). Нарымское Приобье, долина р. Оби, р. Шуделька, оз. Малгет (Шапочное). Втор. пол. раннего железного века (саровский этап кулайской культуры — по Л.А. Чиндиной). Раскопки Л.А. Чиндиной 1965—1985 гг. Реконструкции Л.А. Чиндиной (по: Чиндина, 1984. Рис. 6). Условные обозначения: а — сохранившиеся столбовые ямы; б — предполагаемые столбовые ямы; в — очаг; г — границы котлована жилища, постройки

равшейся основанием в дно котлована прямо у его стенок. Угол наклона стен — порядка 45°. В дальнейшем каркас закрывался жердями, берёстой, сосновой корой, после чего стены присыпались «землёй». В центре жилища находился очаг, помещённый в квадратный сруб или укреплённый колышками жердяной каркас. В жилое помещение вёл широкий крытый коридорообразный вход. При раскопках на его стенках зафиксированы остатки древесного тлена. У других углублённых построек полы входов были ступенчатыми.

Вместе с тем автор раскопок и представленной графической реконструкции не упоминает о деревянных нарах и специальном покрытии полов у данного и других жилищ этого периода. Создаётся впечатление, что люди стояли и спали прямо на песчаном полу. Если нары всё же были, то они размещались вплотную к очагу и были крайне неудобны, так как прямо над ними находились низкие стены постройки. В данном очень узком помещении, шириной 3 м, с сильно наклонёнными внутрь стенами обитателям дома можно было передвигаться в основном в согнутом положении. В полный рост люди могли ходить только на небольшом участке в центре помещения. При этом в противоположную от входа часть дома можно было попасть только, перешагнув через очаг. Более того, непонятно как были укреплены изображённые на рисунке стенки песчаного котлована, и зачем вообще было нужно углубление таких размеров и профиля. А главное, если бы наклонные стены жилища были поставлены в котлован, то после сильного ливня и при таянии снега жители дома периодически оказывались бы в воде. С таким же успехом жилище можно было поставить в открытый плавательный бассейн, наивно полагая, что его никогда не затопит.

На наш взгляд, основание каркаса из жердей было больше укреплённого деревом котлована. Сам каркас был установлен на некотором удалении от границ углублённой части постройки. Кроме того, наземная часть жилого сооружения была выше, а наклон его стен меньше — до 70°. Подобные объекты были распространены в западных областях таёжного Приобья.

Т.Н. Троицкая и Л.А. Чиндина предполагали наличие на васюганском этапе второго типа жилых построек, также не выходящих за пределы котлована. В этом варианте *«...несущие конструкции примыкали плотно к стенкам котлована. Стены, по-видимому, забирались бревнами в паз опорных столбов и выводились на необходимую высоту над котлованом вертикально. В Нарымском Приобье такой*

тип жилищ встречается на Степановских поселениях I, II, IV, Тух-Сигате VII»⁷⁰. Для этого типа сооружений, как и предыдущего, была характерна присыпка стен «землёй». Такая реконструкция построек вполне допустима, но, на наш взгляд, в основном для небольших полужемляночных помещений, распространённых в восточных районах Среднего Приобья.

Отчасти она согласуется с известным свидетельством С.К. Патканова о традиционных малых землянках — «земляных домах» («мыг-хот») — обских угров, отличных от их «деревянных домов» (хот, хат). «Онъ представляли изъ себя четырёхугольную яму, куда иногда опускали небольшой деревянный срубъ, и имѣли крышу (тайет, торош) изъ жердей, крытыхъ дѣрномъ и землёй... Крыша была не сплошная, а имѣла сбоку или по срединѣ довольно большое отверстіе для выхода дыма и света (хот хоный выс). Подобные жилища въ прежнее время оконъ не имѣли. На ночь это отверстіе обыкновенно чѣм-нибудь закрывалось: клоком сѣна, пучкомъ тростника или шкурой. Съ одной изъ сторонъ землянки былъ устроенъ входъ, къ которому вѣлъ рядъ ступенекъ или просто спускъ. Входъ былъ защищёнъ небольшой досчатой дверью (хот-ой, хат-ау). Небольшая площадка передъ дверью, огороженная съ обѣихъ сторонъ жердями для защиты входа отъ вѣтра, вѣроятно, и назвалась т е б ы й — сѣнями, о которыхъ неоднократно упоминается въ былинах»⁷¹.

В Нижнем Приобье рубеж бронзового и железного веков отмечен распространением особой гетерогенной культуры с хозяйством комплексного типа (рыболовство, охота, собирательство, разведение и содержание домашнего скота, домашние производства). Её первооткрыватели определили данное образование как «восточный вариант иткульской культуры», датировали VIII—VI вв. до н. э. и выделили в нём три этапа: иткульский, карагай-аульский и вак-куровский⁷². Тем не менее по всем характеристикам (укрепления, жилища, орудия труда, керамика, система хозяйства, уровень металлообработки, культурные контакты, происхождение, исторические судьбы и прочее) оно принципиально отличается от иткульской культуры металлургов горно-лесного Зауралья VII—III вв. до н. э. В этой связи мы склонны рассматривать его в качестве самостоятельной юртоборской культуры⁷³. Последняя сформировалась на основе местных общин бархатовской культуры межовско-ирменского культурно-хронологического пласта при участии разнообразного пришлого населения. В том числе: гама-

юнского и исетского («гамаюно-иткульского») — с запада, из лесного Зауралья; сузгунских групп поздней бронзы — с севера, из низовий Тобола; населения начала железного века с гребенчато-ямочной керамикой — из более удалённых западных областей таёжного Приобья (белоярская, кульминская и другие культуры); а также носителей керамики журавлёвского и баитовского типов с северо-востока — из южно-таёжного Прииртышья и Приишимья. Как уже упоминалось, основной предпосылкой изменения этнокультурной карты Западной Сибири стало резкое ухудшение климата в нач. I тыс. н. э., повлекшее массовое переселение части таёжного сибирского населения на юг региона и соседние территории.

Ярким свидетельством этих миграций является распространение типично северных жилищ на южной кромке тайги и в лесостепной зоне Тоболо-Иртышья и Барабы. В частности, на городищах и селищах юртоборской культуры таких построек «северного облика» зафиксированы сотни. Даже по внешним признакам они резко отличаются от предшествующих притобольских бархатовских и синхронных зауральских гамаюновских и иткульских жилищ. Их остатки представлены невысокими подпрямоугольными, овальными и округлыми песчаными площадками, иногда с углублениями в центре, а также с канавками и ямами-карьерами по периметру возвышений. Судя по пространственному распределению таких объектов, исходным центром данного домостроительства являлись Сургутское Приобье и соседние районы таёжного Обь-Иртышья, заселённые белоярскими и близкими им общинами.

Художником и судомоделистом А.С. Кухтериным реконструировано одно типичное жилище с керамикой карагай-аульского типа — сооружение 1 *городища Карагай Аул 1, площадка А* (ил. 9—8; 14). Участие авторов раскопок в воссоздании общего облика данного объекта нигде не оговорено, и соответствующего описания реконструированного жилища ими не представлено⁷⁴. Судя по рисунку, постройка наземная, не углублённая, с вертикальными стенами. Она состояла из основного квадратного помещения, расположенного под высокой четырёхскатной крышей со свето-дымовым отверстием в центре и меньшего прямоугольного предвходового пространства с односкатным перекрытием (сени?). Крыша дома представляла собой систему лаг, покрытых жердями, берёстой и пластами дёрна. Возможно, сшивные берестяные полотнища использовались и при сооружении стен. Опо-

рами перекрытия и стен являлись установленные в несколько рядов вертикальные колья и тонкие столбы. Снаружи стены были доверху засыпаны песком, взятым из ям-карьеров. Вход в жилище высотой ок. 1 м находился на углу предполагаемых «сений» и закрыт приставной квадратной дверью. Внешне такое сооружение напоминало высокий островерхий земляной холм, похожий на курган.

Теоретически данное жилище должно было копировать типичные для севера Западной Сибири постройки, охарактеризованные выше. Тем не менее, ничего подобного в северной и средней тайге не зафиксировано. Стандартных размеров жилища в виде низких земляных холмов были характерны для более ранних эпох и углублённых жилищ (таёжные землянки неолита и энеолита). К концу бронзового — началу железного веков дома охотников-рыболовов в Сургутском и Нижнем Приобье практически полностью «вышли на поверхность». Вряд ли у мигрантов с севера, проживавших в более комфортных климатических условиях на южной кромке тайги в Тюменском Притоболье, вдруг возникла острая необходимость снова закрывать свои жилища «до макушки» песком и дёрном. Кроме того, руины наземного объекта, нарисованного А.С. Кухтериним, должны были выглядеть как курган, а не уплощенная площадка. Не исключено, что такой вариант жилища является просто стандартом, сложившимся у А.С. Кухтерина. Художник никогда не проводил раскопок на севере Западной Сибири, так же как археологи О.Ю. Зимина и В.А. Зах, опубликовавшие реконструкцию. Насколько мне известно, единственными реконструированными до этого А.С. Кухтериним жилыми объектами были укреплённые «княжеские» резиденции остяков и самоедов XVI — нач. XVIII в. (Полуйский Мысовой и Надымский городки, городище Монкысь-Урий), действительно имевшие вид «земляных холмов».

Вторая половина раннего железного века

Основными чертами этого периода (IV/III вв. до н. э. — III/IV вв. н. э.) на севере Западной Сибири являются:

- образование кулайской культурно-исторической общности;
- переход к массовому производству изделий из бронзы;
- появление оружия и орудий труда из чёрного металла;
- усиление роли пушной охоты в общей системе хозяйства аборигенов края;
- проникновение в таёжное Приобье большого количества импортных вещей из Волго-Камья, Средней Азии, Причерноморья, Передней Азии, Египта и Китая.

Следствием этого стали:

- начавшаяся социальная дифференциация внутри таёжных коллективов;
- зарождение культа воина и принципа отдельного проживания представителей разных слоёв общества.

Производство более качественных рубящих металлических орудий стимулировало массовое строительство в тайге каркасно-столбовых и бревенчатых жилых построек. Предпосылками всех этих явлений стала более благоприятная климатическая обстановка, а главное — включение обществ Севера Евразии в систему континентальной экономики на правах периферийных партнёров и поставщиков ценной сибирской пушнины. Проявлением последнего является формирование со II в. до н. э. северных («пушных») ответвлений Великого трансконтинентального шёлкового пути⁷⁵.

В это время в средней и северной тайге Западной Сибири — от междуречья Иртыша и Оби до верховьев р. Пура — появляются новые типы поселений. В том числе небольшие и сильно укрепленные — по местным меркам — первобытные «городки» с одним — четырьмя жилищами, бастионно-башенными элементами фортификации и глубокими рвами⁷⁶. Такие «крепости» являлись местами проживания элиты таёжного общества («богатыри», «шаманы», их домочадцы, воины-«дружинники»). Вокруг них сосредоточены обширные неукрепленные селища — «посады», населённые рядовыми общинниками. Поодаль, в глубине террас, помимо зимних городищ «богатырей-князей» и многочисленных неукрепленных посёлков рядового населения, встречаются специфические «однодворные» селища экономически самостоятельных большесемейных общин.

К графически реконструированным объектам этого периода относится собирательный образ каркасно-столбового жилища (ил. 7), выполненный в том числе на основании анализа остатков двух больших (ок. 19х23—25 и 20х26 м) наземных кулайских *поселений-жилищ Моховая 20 и Моховая 25*, открытых на одноимённой реке в Сургутском Приобье (ил. 9—10, 11)⁷⁷.

Вариант срубного наземного жилища восстановлен на основании раскопок кулайского объекта № 6 *селища Барсова Гора III/36* (ил. 9—12; 13—Б)⁷⁸. В процессе его раскопок выявлены остатки хорошо сохранившегося основания сгоревших бревенчатых стен прямоугольной (8,0х7,0 м) постройки, а также настила узких (0,9 м) дерево-земляных нар. Около стен в разных местах на данном настиле стояли вверх дни-

щами *in situ* высокие глиняные сосуды диаметром ок. 40 см. Последнее подтверждает, что стены дома были вертикальными, а не наклонными. В центре помещения находился очаг, в углу, около входа — площадка для бронзолитейных работ.

Основания кулайских построек обоих типов были окружены песчаными завалинками шириной 1,0 м, а также внешними дренажными канавками (Моховая 20, Моховая 25) либо ямами (Барсова Гора III/36).

В Нарымском Приобье, по данным Л.А. Чиндиной, постройки 54 и 10А саровского этапа кулайской культуры *поселения Малгет 6* (ил. 9—9; 15—3, 3а, 4, 4а) представляли собой «полуназемные сооружения» со срубными стенами, установленными вплотную к стенкам прямоугольного песчаного котлована глубиной ок. 25 см. Брёвна стен были «забраны в паз» и дополнительно прижаты вертикальными столбами. Котлованы жилищ на саровских городищах были ещё глубже — до 70 см. Крыши двухскатные, с углом наклона 30—45°, покрыты дёрном. Выходы у жилищ коридорообразные, крытые⁷⁹. Своё мнение о версии помещения срубов в котлованы, о большей высоте наземной части жилых сооружений, а также об отсутствии на рисунках кулайских жилищ Нарымского Приобья нар и покрытий полов я высказал выше в связи с обсуждением реконструкций объектов васюганского этапа.

Тенденции развития древних жилищ западносибирской тайги

Стационарные долговременные и сезонные посёлки эпохи мезолита северо-запада таёжного Приобья и верховьев р. Пура (X—VII тыс. до н.э.) малочисленны: их известно не более 50 (для сравнения: в Среднем Зауралье таких — 140). Исследованные на них объекты ограничиваются одно— и двухкамерными наземными постройками со слабо углублёнными полами и без таковых⁸⁰.

В неолите (VI — кон. IV тыс. до н. э.) в западносибирской тайге стационарные жилища были представлены в основном землянками и глубокими полуземлянками, в энеолите — полуземлянками, в начале бронзового века — высокими наземными домами с углублёнными полами, в конце эпохи бронзы и начале железного века — наземными сооружениями с неуглублёнными или слегка углублёнными полами⁸¹.

С энеолита и на протяжении всей эпохи первобытности наблюдается общая тенденция постепенного «выхода жилищ на поверхность»⁸².

Аналогичное явление зафиксировано О.Н. Бадером для древних построек Прикамья. Такое изменение в домостроительстве обусловлено отнюдь не улучшением климата в Северной Евразии: на протяжении голоцена он менялся циклически. Неолит характеризовался климатическим оптимумом: тёплой и умеренно-влажной обстановкой, наступившей ок. VI — сер. V тыс. до н. э. вслед за мезолитом — влажным и прохладным периодом (Бореал — нач. Атлантика). В энеолите (кон. IV — посл. треть III тыс. до н. э.) вновь отмечено похолодание, завершившееся новым климатическим оптимумом в начале — середины эпохи бронзы (кон. III — сер. II тыс. до н. э.). Очередное похолодание и резкое увлажнение пришлось на конец бронзового и начало железного веков (рубеж II и I тыс. до н. э.). Сооружение в лесной зоне самых глубоких жилищ именно в неолите, в эпоху первого массового заселения таёжного Приобья, объясняется, скорее всего, тем, что переселенцы с южных территорий не были первоначально приспособлены к суровым условиям Севера. Котлованы неолитических землянок уходили глубоко в грунт, чтобы обеспечить сносное существование зимой их обитателям.

Дальнейшие изменения обусловлены общим прогрессом в экономике и домостроительстве: переходом от каркасно-столбовых построек к более тёплым и совершенным бревенчато-столбовым, затем — к бревенчатым домам с самонесущими стенами, в том числе срубным. Этому способствовала постепенная замена каменных рубящих орудий более прочными и острыми металлическими — медными и бронзовыми кельтами, затем — железными топорами и тёслами.

Кроме того, на домостроительство (в частности, на размеры домов, их конструкцию, наличие одного, двух или нескольких помещений), а также на планировку и площадь поселения оказывали влияние численность, социальная структура и особенности хозяйственной деятельности каждой общины. Лёгкие наземные шалаши и чумы с каркасом из жердей, покрытые берёстой и шкурами животных, возводились на стоянках и селищах таёжного Приобья и Зауралья, как минимум, с мезолита. Небольшие землянки, полуземлянки и домики на сваях сооружались с древности до современности. Тем не менее в эпоху железа, Новое и Новейшее время они обычно использовались в качестве узкоспециализированных объектов — погребов, хранилищ, производственных и культовых помещений⁸³.

Выводы

В результате полевых и камеральных исследований уральских и сибирских археологов установлено постепенное уменьшение глубин котлованов стационарных круглогодичных и сезонных жилых построек (от 1,8 до 0,2 м) на протяжении эпохи первобытности, начиная с неолита, а также постепенный «выход жилищ на поверхность» к концу бронзового — началу железного веков.

В неолите и энеолите (VI — трет. четв. III тыс. до н. э.) в таёжном Приобье преобладали землянки и полуземлянки с глубокими котлованами (0,7—2,0 м), обшитыми деревом, и с четырёхскатными перекрытиями (с наклоном ок. 30°), установленными на вертикальных столбах. Такие сооружения, покрытые жердями, корой, полотнищами берёсты и грунтом, снаружи выглядели как невысокие земляные холмы.

В первой половине бронзового века котлованы жилых построек стали мельче (0,3—0,6 м), а наземная часть, сооружённая из брёвен и жердей, приобрела вид усечённой пирамиды. Стены построек были наклонными (под углом от 45° до 70°), перекрытия невысокие пологие двухскатные либо четырёхскатные. Наряду с постройками малых и средних размеров (20—90 кв. м) появились большие «укреплённые жилища» площадью от 130 до 580 кв. м, окружённые рвами.

В конце бронзового — начале железного веков основными типами жилищ были наземные объекты высотой 2,0—2,5 м со слабо углублённым котлованом (0,2—0,3 м) или вообще без такового. При этом наряду с постройками каркасно-столбовой конструкции, имевшими стены из жердей и плах с наклоном ок. 70°, получили распространение дома с вертикальными бревенчатыми стенами, укреплёнными кольями.

В финале бронзового века фиксируются первые бесспорные постройки срубной конструкции с двойной линией стен и песчаной забутовкой в основании. Каркас перекрытия таких домов опирался на стены и установленные внутри помещения столбы.

Сами перекрытия (крыши) в землянках, полуземлянках и наземных жилищах делались из лаг, покрытых мхом, сшитыми полотнищами берёсты, прижатыми жердями, песчаным или иным грунтом, а также дёрном или кусками лесной подстилки с гумусом. Были или нет у древних бревенчатых (в том числе срубных) построек дополнительные «накатники» — ряды плотно уложенных тонких жердей поверх берестяных полотнищ, а также специальные предвходовые помещения («сени»), как в современных традиционных жилищах ханты и манси, сказать

трудно. Возможно, последние замещались особыми коридорообразными входами (тамбурами), пристроенными к основному помещению дома.

Все жилища коренного населения северных районов таёжного Приобья не имели потолков, а древние — и окон.

Следует оговориться, что представленный в статье вариант срубов всех древних жилищ с выпуском концов брёвен (ил. 11, 12, 14) весьма условен. Концы брёвен могли затесываться для крепления «в лапу» или иным образом.

В целом для эпохи бронзы и раннего железного века тайги были характерны две основные группы жилых и производственно-жилых сооружений: каркасно-столбовые с наклонными стенами и бревенчатые с вертикальными самонесущими конструкциями, причём как углублённые (землянка, полуземлянка), так и наземные. Первые постепенно сменялись вторыми, но самые ранние бревенчатые дома появились в западносибирской тайге не ранее конца эпохи бронзы. Строительство их в начале бронзового века, тем более срубной конструкции, крайне спорно и не подтверждено фактическим материалом. В условиях размещения поселенческих объектов на коренных террасах с сыпучими песчаными грунтами стенки углублённой части (котлована) жилища всегда укреплялись деревом. Котлован занимал основную часть помещения, но не всю площадь дома. Основание стен постройки находилось снаружи котлована, на небольшом (0,8—1,5 м) удалении от его краёв. Это защищало деревянные конструкции от преждевременного гниения. Узкое возвышенное пространство вокруг котлована, покрытое деревом и шкурами животных, могло использоваться в качестве нар — мест отдыха и хранения разнообразных предметов. В ряде случаев деревянные нары находились в котловане, по его периметру. Вариант реконструкции стационарных домов со стенами, установленными в самом котловане, я считаю маловероятным. Такими могли быть только малые хозяйственные помещения — «погребки».

Жилые помещения, особенно зимой, использовались и как производственные. На это, в частности, указывают обнаруженные в них следы камнеобрабатывающего и литейного производства.

Специфическими элементами таёжных жилищ являются песчаная завалинка и серия внешних углублений вокруг стен. Первая предназначалась для укрепления наземной части постройки и утепления помещения. Канавы и ямы, окружавшие жилой объект, являлись своего рода «карьерными», из которых брался грунт для устройства завалинки.

Впоследствии эти углубления использовались как дренажные системы и мусорные ямы. В целом, жилище не ограничивалось фиксируемой на поверхности впадиной и было несколько больше её, но не выходило за пределы расплывшейся обваловки.

В конце бронзового века в тайге стали возводиться зимние дома вообще без котлована. Их остатки имеют вид невысоких (до 0,3 м) уплотненных прямоугольных и овальных песчаных площадок, окружённых внешними ямами.

Размеры раскопанных стационарных жилых объектов эпох камня и бронзы варьировали от 30—60 до 650 кв. м. При этом самые большие каркасно-столбовые и бревенчатые дома, окружёнными рвами (так называемые «укреплённые жилища»), представляли собой своеобразные малые крепости.

Все эти постройки были сооружены древними обитателями края — охотниками и рыболовами средней и северной тайги Западной Сибири, не знакомыми с производящим хозяйством. В эпоху бронзы у населения южной кромки тайги — под прямым и опосредованным влиянием скотоводческих обществ евразийской степи — формируется хозяйство комплексного типа. В этой связи некоторые исследователи справедливо предполагают воздействие на материальную и духовную культуру населения эпохи бронзы западносибирской лесостепи и южной кромки леса со стороны скотоводов степей Евразии. В домостроительстве аборигенов северной тайги это влияние нам проследить не удалось. В то же время генезис в южной и средней тайге «круглоплановых» посёлков до сих пор вызывает острые дискуссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ, тема № 33.7280.2017/БЧ «Урал и Западная Сибирь в древности». Очерки культуриогенеза народов Западной Сибири. — Т. 1: Поселения и жилища. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Кн. I. — 490 с.; Очерки культуриогенеза народов Западной Сибири. — Т. 1: Поселения и жилища. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Кн. II. — 286 с.

² Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Мат-лы и исслед по археологии СССР. — М.; Л.: АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 7—71; Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Мат-лы и исслед по археологии СССР. — М.; Л.: АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 221—241; Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. — М.: Наука, 1974. — 163 с.; Плетнёва Л.М. Томское Приобье в конце VIII — III вв. до н. э. — Томск: Изд-во Том. ун-та. — 142 с.; Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. — 183 с.;

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М.: Наука, 1981. — 278 с.; Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — М.: Наука, 1984. — 248 с.; Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. — М.: Наука, 1991. — 302 с.; Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Панфилов А.Н., Буслова М.А., Зах В.А., Могильников В.А. Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепной и подтаёжной полосы. — Новосибирск: Наука, 1995. — 240 с.; Древний город на Оби: История Сургута. — Екатеринбург: Тезис, 1994. — 336 с.; Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т. Очерки истории Коды. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. — 192 с.; Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. — 154 с.; Данченко Е.М. Южнотаёжное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н. э. — Омск: ОмГПУ, 1996. — 212 с.; Матющенко В.И. Древняя история Сибири. Омск: ОмГУ, 1999. — 232 с.; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: мат-лы к атласу. — Екатеринбург: Тезис, 1999. — С. 9—66; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: мат-лы к атласу. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург: Тезис, 2002. — С. 5—74; Ивасько Л.В., Кардаш О.В., Суровень Д. А. Салымский край. — Екатеринбург: Тезис, 2000. — С. 33—70; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. — 208 с.; Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II САК. 24—30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. — Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. — 152 с.; Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. — Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «Графо», 2006. — 352 с.; Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Ур. изд-во, 2006. — 192 с.; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. — 224 с.; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 2009. — 271 с.; Зах В.А., Усачёва И.В., Зиминова О.Ю., Скочина С.Н., Чикунова И.Ю. Древности Андреевской озёрной системы: В 2 т. — Т. I: Археологические памятники. — Новосибирск: Наука, 2014. — 225 с.; и др.

³ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего Приобья // Мат-лы и исслед по археологии СССР. — М.; Л.: АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 242—357; Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. — С. 78—84; Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. — С. 100—146; Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск: ОмГУ, 1984. — С. 124—148; Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. — Т. I. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. — 340 с.; Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Древние погребения Обь-Иртышья. — Омск: ОмГУ, 1991. — С. 156—182; Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. — Т. II. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. — 208 с.; Косинская Л.Л., Фёдорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. — Екатеринбург: УрО РАН, 1994. — 114 с.; Стефанова Н.К., Борзунов В.А. Археология таёжного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского

автономного округа). — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — 136 с.; **Чемакин Ю.П.** Ранний железный век кондинского края: история исследования // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. — Вып. 13. — С. 117–138; и др.

⁴ **Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матюшенко В.И.** Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: Наука, 1993. — С. 4–45; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири..., 1994. — 490 с.; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири..., 1994. — 286 с.; **Васильев В.Г.** Домостроительные традиции эпохи неолита таёжной зоны Зауралья и Западной Сибири // Экология древних и современных обществ. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. — С. 124–127; и др.

⁵ **Васильев В.Г.** Реконструкция неолитического жилища // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. — С. 22–24; **Васильев В.Г.** Домостроительные традиции эпохи неолита... — С. 124–127; **Васильев В.Г.** Экспериментальное моделирование археологических жилищ (по материалам памятников неолита — бронзы таёжной зоны Среднего Приобья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2000. — 23 с.; **Глушков И.Г., Глушкова Т.М., Васильев В.Г.** Очерки по экологии древнейших производств. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. — 238 с.

⁶ **Патканов С.К.** Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. — СПб., 1891. — С. 30–32; Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. — М.: Наука, 1990. — 568 с.; **Яковлев Я.А.** Поселения Западной Сибири по этнографическим данным // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. II. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — С. 10–20.

⁷ **Шатилов М.Б.** Ваховские остяки (этнографические очерки) // Тр. ТКМ. — Томск: ТКМ, 1931. — Т. IV. — С. 39–49; **Попов А.А.** Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. — М.; Л.: АН СССР, 1961. — С. 131–226; **Соколова З.П.** К истории жилища обских угров // Сов. этнография. — М., 1957. — № 2. — С. 88–105; **Соколова З.П.** Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // Тр. Ин-та этнографии — Нов. сер., 1963. — № 84. — С. 182–233; **Соколова З.П.** Жилище народов Сибири (опыт типологии). — М.: ИПА «Три Л», 1998. — 286 с.; **Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в. Этнографические очерки. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. — 225 с.; **Гемусев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И.** Легенды и были таёжного края. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 30–33; **Сюзюмов А.Л.** Некоторые аспекты изучения хантыйского жилища (по этнографическим данным) // Вопр. археологии Урала. — Екатеринбург: УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С. 188–195; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири..., 1994. — С. 5–100; **Богордаева А.А.** О русских заимствованиях в жилище манси (историографический обзор по материалам XVIII — начала XXI в.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015. — Вып. 4 (31). — С. 122–129; и др.

⁸ **Морозов В.М., Стефанов В.И.** Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопр. археологии Урала. — Екатеринбург: УрГУ, 1993. — Вып. 21. — 143–169; **Стефанов В.И., Морозов В.М., Погодин А.А.** Кирип-Вис-Юган 2 — памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Прикамыя) // Источники по археологии Западной Сибири. — Сургут: РИО СурГПИ, 2005. — С. 19–33; **Стефанов В.И., Борзунов В.А.** Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и

2000 годов) // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Ур. изд-во, 2008. С. 93—111; **Борзунов В.А.** У истоков оборонного зодчества севера Евразии: проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 173—181; **Борзунов В.А.** Неолитические укрепления и их прототипы таёжного Приобья и Зауралья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: ИПСО СО РАН, 2012. — Вып. 4 (19). — С. 9—10. Рис 2; **Борзунов В.А.** Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // Рос. археология. — 2013. — № 4. — С. 21—23, 25, 29.

⁹ **Стефанов В.И., Морозов В.М., Погодин А.А.** Кирип-Вис-Юган 2... — С. 19—33.

¹⁰ **Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства на севере Западной Сибири // XV УАС: тез. докл. — Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. — С. 46—47; **Косинская Л.Л.** Работы Северотаёжной экспедиции Уральского государственного университета на севере Тюменской области // Арх. открытия 2001 г. — М.: Наука, 2002. — С. 431—433; **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66 // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее. — Сургут: Диорит, 2004. — С. 226—241; **Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. — Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. — С. 16—40; Поселение Быстрый Кульёган 66... — 192 с.; **Борзунов В.А.** У истоков оборонного зодчества... — С. 190—197; **Борзунов В.А.** Неолитические укрепленные поселения... — С. 29. Рис. 7.

¹¹ Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 61. Табл. XXX.

¹² **Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства... — С. 46.

¹³ **Косинская Л.Л.** О некоторых традициях домостроительства... — С. 46—47; **Косинская Л.Л.** Работы Северотаёжной экспедиции... — С. 431—432.

¹⁴ **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66... — С. 226—241; **Косинская Л.Л.** Неолит таёжной зоны Западной Сибири... — С. 17, 23, цветные ил. между с. 16 и 17; Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 32—39.

¹⁵ **Косинская Л.Л.** Жилища поселения Быстрый Кульёган 66... — С. 236, 238, 240, 241; Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 32—34.

¹⁶ Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 58.

¹⁷ Очерки культурогенеза..., 1994. — С. 96.

¹⁸ **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья... — С. 12—14; **Старков В.Ф.** Работы Западносибирского отряда МГУ // Арх. открытия 1968 г. — М.: Наука, 1969. — С. 194—196; **Старков В.Ф.** Неолитические памятники Нижнего Приобья // Памятники древнейшей истории Евразии. — М.: Наука, 1975. — С. 151—157; **Васильев Е.А.** Исследования в Нижнем Приобье // Арх. открытия 1983 г. — М.: Наука, 1985. — С. 193; **Васильев Е.А.** Раскопки поселения Чэс-тый-яг // Арх. открытия 1985 г. — М.: Наука, 1987. — С. 228—229; Очерки культурогенеза..., 1994а. — С. 96; **Тимофеев В.И., Зайцева Г.И.** Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии. — М.: Наука, 1996. — С. 337—348; **Васильев Е.А.** Чэс-Тый-Яг // Югория. Энциклопедия ХМАО. — Тюмень: Сократ, 2000. — Т. 3 (Р—Я). — С. 321; **Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М.** Радиоуглеродная хронология археологических памятников таёжной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — Приложение 1, № 31, 33, 34, 38, 44, 47; **Васильев Е.А.** Раскопки неолитического поселения Чэс-тый-яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 296—301; **Борзунов В.А.** У истоков оборонного зодчества... —

С. 207; Яковлев Я.А. Объекты археологического наследия федерального значения на территории ХМАО — Югры: меры по государственной охране в 2010 году // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 356—373. Ил. 1—4. Табл. 1; Борзунов В.А. Неолитические укрепления и их прототипы... — С. 30; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения... — С. 25.

¹⁹ Ивасько Л.В., Кардаш О.В., Суровень Д.А. Салымский край... — С. 38.

²⁰ Ивасько Л., Кондрашёв А. Укрепленное поселение каменного века городище Каюково 2 // Вестник культуры. — Ханты-Мансийск, 2001. — Вып. 2. — С. 2—3; Ивасько Л., Кардаш О. По следам огня. Открытие нового городища каменного века // Родина. — М., 2002. — Спец. вып.: Тропой стран полуночных. Междунар. САК, г. Ханты-Мансийск. — С. 40—42; Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Мат-лы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: УрГУ, 2002. — Вып. 1. — С. 7—25; Ивасько Л.В. Раскопки укрепленного поселения каменного века Каюково II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — Вып. 1. — С. 228—229; Ивасько Л.В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Ур. изд-во, 2008. — С. 112—122.

²¹ Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества... — С. 188—190; Борзунов В.А. Неолитические укрепления и их прототипы... — С. 7—8; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения... — С. 30—31.

²² Ивасько Л., Кардаш О. По следам огня... — С. 37.

²³ Ивасько Л.В. О каюковской археологической культуре... — С. 112.

²⁴ Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества... — С. 188—189.

²⁵ Яковлев Я.А. Поселения Западной Сибири... — С. 17—18; Гемуев И.Н., Сага-лаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таёжного края. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 21.

²⁶ Очерки культурогенеза..., 1994а. — С. 184. Рис. 9—2; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья..., 1999. — Рис. 10—1; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // Рос. археология. — 1999. — № 4. — Рис. 10; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья..., 2002. — Рис. 10—1; Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация (по материалам археологических исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Современные проблемы археологии России. Мат-лы ВАС I. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. — Рис. 1; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... — С. 54. Рис. 40—3; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений Балинское 53, Балинское 54 и Балинское 56 на Приобском месторождении нефти в ХМАО — Югре в 2012 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2013. — Вып. 11. — С. 130—141; Борзунов В.А. Древнее оборонное зодчество таёжного населения Западной Сибири (энеолит, начало и середина бронзового века) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. — Вып. 13. — Ил. 7.

²⁷ Стефанова Н.К., Борзунов В.А. Кулайский «посёлок из одного двора» на Барсовой Горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Мат-лы по археологии Обь-Иртышья. — Сургут: РИО СурГПИ, 2001. — С. 96—109.

²⁸ Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 5—23; Борзунов В.А. Древнее оборонное зодчество... — С. 82—109; Борзунов В.А. Укрепленные поселения первой половины эпохи бронзы севера Западной Сибири // Stratum plus.— Кишинёв:

Высшая антропологическая школа, 2015. — № 2: Доисторическая Европа: интерпретация культур. — С. 295–315.

²⁹ Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 68.

³⁰ Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 18.

³¹ Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // Сов. археология. — М., 1990. — № 3. — С. 44–63; Стефанов В.И., Морозов В.М. Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1992. — С. 77–91; Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: УрГУ, 1993. — С. 54–57; Очерки культуриногенеза народов Западной Сибири..., 1994. — С. 98–102. Рис. 1; Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. — Екатеринбург: БКИ, 1999. — С. 21, 23, 24; Стефанов В.И. Древняя стоянка в Северном Зауралье // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург: БКИ, 2001. — Вып. 4. — С. 72–77; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья..., 1999. — С. 17, 19; Морозов В.М., Стефанов В.И., Погодин А.А. Древнее поселение в бассейне Казыма // Мат-лы по археологии Обь-Иртышья. — Сургут: РИО СурГПИ, 2001. — С. 26–34; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья... — С. 21, 24; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора... — 208 с.; Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели... — С. 45–47; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... — С. 26–35; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. — Екатеринбург: НПП «Волот», 2009. — 272 с.; Борзунов В.А. Древнее оборонное зодчество... — С. 72–81; и др. ³² Ср.: Очерки культуриногенеза народов Западной Сибири..., 1994а. — С. 32–35.

³³ Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I... — С. 54–57; Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // Сов. археология. — М., 1988. — № 3. — С. 161–174; Косинская Л.Л. Археологические памятники севера Западной Сибири: Учебное пособие по археологии и краеведению. — Сургут: СурГУ, 1998. — 39 с.; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 5–23; Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Научный вестник. — Салехард: Красный Север, 2000. — Вып. 3. — С. 14–18. Рис. 2; 3; Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников... — Рис. 1; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений... — С. 130–141; Борзунов В.А. Древнее оборонное зодчество... — С. 81–109; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 184–220; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган 38 — укрепленное жилище эпохи бронзы Сургутского Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. — № 2 (46). — С. 55–69; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38 в Сургутском Приобье (итоги работ 2000 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 255–310; Борзунов В.А. Укрепленные поселения первой половины эпохи бронзы... — С. 295–315.

³⁴ Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган 38... — С. 59–60. Рис. 3; 4; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы... — С. 267–274. Ил. 4–8; Борзунов В.А. Укрепленные по-

селения первой половины эпохи бронзы... — Рис. 5.

³⁵ Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников... — Рис. 1; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений... — Ил. 1; 2.

³⁶ Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря... — С. 16–17, 31–32.

³⁷ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири..., 1994. — С. 102–103; Косинская Л.Л. Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. — Нижневартовск: НПИ, 1998. — С. 87–100; Стефанов В.И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ, 2002. — С. 97–112; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья... — С. 25. Рис. 8–1; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... — С. 43–44. Рис. 28; Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульгганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 221–239.

³⁸ Борзунов В.А. Древнее оборонное зодчество... — С. 109.

³⁹ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М.: Наука, 1989. — С. 65–75; Черных Е.Н. Каргалы. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — Т. 5. — С. 84–86.

⁴⁰ Ковалёва В.Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: УрГУ, 2005. — С. 105.

⁴¹ Ковалёва В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного — начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования // Вопр. археологии Урала. — Свердловск: УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 68–69.

⁴² Ковалёва В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: УрГУ, 1988. — С. 29–47; Ковалёва В.Т. О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит — начало бронзового века) // Вопр. археологии Урала. — Екатеринбург: УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С. 15–21; Рыжкова О.В. Использование метода связей для социальных реконструкций (по материалам поселения Ташково II) // Вопр. археологии Урала. — Екатеринбург: УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С. 170–179; Рыжкова О.В. Ташковская культура в Нижнем Притоболье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 1994. — 18 с.; Ковалёва В.Т. Проблемы этнической идентификации населения ташковской культуры // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Мат-лы конф. — Челябинск: ЧГУ, 1995. — Ч. V. — Кн. 1. — С. 69–72; Ковалёва В.Т. Космогонические представления населения ташковской культуры // Археoaстрономия: Проблемы становления. Тез. докл. — М.: ИА РАН, 1996. — С. 76–80; Ковалёва В.Т. Взаимодействие культуры и этносов по материалам археологии. Поселение Ташково II. — Екатеринбург: УрГУ, 1997. — 131 с.; Ковалёва В.Т. «Язык жрецов» (по материалам поселения Ташково II) // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: Теория, методология, интерпретация. — Кемерово: КемГУ, 1997. — С. 104–107; Шаманаев А.В., Симонов А.В. Рыболовство населения ташковской культуры // Вопр. археологии Урала. — Екатеринбург: УрГУ, 1998. — Вып. 23. — С. 205–215; Рыжкова О.В. Исследование поселения Иска III (ташковская культура) // 120 лет археологии Восточного Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. — Екатеринбург: УрГУ, 1999. — Ч. 2. — С. 40–43; Ковалёва В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. — Екатеринбург: УрГУ, 2000. — 160 с.; Ковалёва В.Т. Генезис, датировка и этническая специфика... — С. 102–109.

- ⁴³ Ковалёва В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века... — С. 31–35. Рис. 3–5; Ковалёва В.Т., Штадлер М.Ю. Палеоэкономическая реконструкция поселения раннего бронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. — Свердловск: УрО АН СССР, 1989. — С. 153–157. Рис. 1; 2.
- ⁴⁴ Ковалёва В.Т. О реконструкции общинных структур... — С. 15–21; Ковалёва В.Т. Космогонические представления... — С. 78; Ковалёва В.Т., Рыжкова О.В., Шаманев А.В. Ташковская культура... — С. 85–94.
- ⁴⁵ Косинцев П.А. Хозяйство ташковской культуры // XIV УАС. Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 82–83.
- ⁴⁶ Корочкова О.Н. Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. — № 3 (18). — С. 30.
- ⁴⁷ Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. — Челябинск: ЮУО УрО РАН, 1999. — С. 133, 202–213.
- ⁴⁸ Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. — С. 70, 73, 78, 84–85.
- ⁴⁹ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии... — С. 269–277.
- ⁵⁰ Корочкова О.Н. Дискуссионные аспекты изучения... — С. 24–25.
- ⁵¹ Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры // Сов. археология. — М., 1990. — № 1. — Рис. 4; Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). — Екатеринбург: УрГУ, 1992. — Рис. 4.
- ⁵² Ср.: Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган 38... — Рис. 3; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укреплённого жилища эпохи бронзы... — Ил. 4–7; Борзунов В.А. Укреплённые поселения первой половины эпохи бронзы... — Рис. 5.
- ⁵³ Стефанова Н.К., Стефанов В.И. Поселение ташковской культуры Заводоуковское XIII // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 2014. — № 4 (27). — С. 16–18, 24–26. Рис. 1; 2.
- ⁵⁴ Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры... — С. 15–18; Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков... — С. 134–135, 139–140; Очерки культурогенеза..., 1994а. — С. 138–141.
- ⁵⁵ Захожая Т.М. Эпоха поздней бронзы Нижнего Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1995. — 25 с.; Глушков И.Г., Захожая Т.М. Памятники атлымской культуры Нижнего Прииртышья // Мат-лы и исслед. культурно-исторических проблем народов Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. — С. 47–61; Захожая Т.М. Сравнительная характеристика жилищных комплексов памятников гребенчато-ямочной культурной традиции и атлымской культуры // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — С. 99–102; Захожая Т.М. Реконструкция интерьера жилищ (на примере жилищ эпохи поздней бронзы низовий Конды) // Экология древних и современных обществ. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 1998. — С. 122–124; Захожая Т.М. Сравнительная характеристика жилищных комплексов памятников гребенчато-ямочной культурной традиции и атлымской культуры // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — С. 99–101.

⁵⁶ Очерки культуургенеза..., 1994. — С. 182—190. Рис. 10; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья... — С. 31. Рис. 9—1; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора... — 208 с.; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... — С. 49—50, 53—55. Рис. 34; 36—А; 39; 40—1, 2; Борзунов В.А., Чемякин Ю.П., Фефилова Л.А. Охранные раскопки на речке Барцевке в урочище Барсова гора // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2007. — Вып. 5. — С. 84—107.

⁵⁷ Очерки культуургенеза..., 1994. — С. 184. Рис. 9—2; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья... — Рис. 10—1; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — Рис. 10; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья... — Рис. 10—1; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... — С. 54. Рис. 40—3.

⁵⁸ См.: Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков... — С. 88—90; Очерки культуургенеза..., 1994. — С. 179—184, 223—224; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 9, 16. Рис. 7; Сладкова Л. Н. Поселение Сатыга — памятник позднего бронзового века в верховьях р. Конды // Ежегодник Тобольского музея-заповедника 2002. — Тобольск: Изд-во ТГИАМЗ, 2003. — Вып. 1. С. 75—80; Сладкова Л. Н. Лозьвинская культура эпохи поздней бронзы таёжного Зауралья — Западной Сибири // XVII УАС. Мат-лы науч. конф. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. — С. 164—167; Глушков И.Г., Захожая Т.М. Памятники атлымской культуры Нижнего Прииртышья // Игорь Геннадьевич Глушков: сб. избр. ст. — Вып. 2. — Сургут: РИО СурГПУ, 2011. — С. 42—52; Алексашенко Н.А., Кокшаров С.Ф., Морозов В.М. Низямы VIII — поселение бронзового века в Нижнем Приобье // Вестник угроведения. — Ханты-Мансийск: Изд-во ОУИПиР, 2017. — Вып. 3 (30). — С. 99—118; и др.

⁵⁹ Погодин А.А., Труфанов А.Я. Памятник лозьвинской культуры на поселении Большая Умытъя 100 // Мат-лы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири. — Вып. VI: Археология и история Северо-Западной Сибири. — Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. — С. 63—67. Рис. 3.

⁶⁰ Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1969. — 20 с.; Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. — С. 254—270; Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры... — С. 17—22; Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков... — С. 90—91, 134—135, 139—141.

⁶¹ Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков... — С. 44, 141. Рис. 3; 4; 5—1—4, 8; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 7—8, 21. Рис. 1—4.

⁶² Борзунов В.А., Липский В.И. Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: УрГУ, 1984. — С. 90—105; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — Рис. 3; 4.

⁶³ Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры... — Рис. 4; Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков... — С. 37. Рис. 4.

⁶⁴ Шатилов М.Б. Ваховские остяки... — С. 39—46, фотографии; Очерки культуургенеза..., 1994б. — С. 34—35. Рис. 57; 60—1, 2, 4, 7, 8.

⁶⁵ Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. — Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. — С. 68—69.

⁶⁶ Очерки культурогенеза..., 1994. — С. 279—283; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья... — С. 35; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... — С. 67—68.

⁶⁷ Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Древнее поселение в бассейне р. Пим (краткий археологический очерк). Уч. пос. по археологии и краеведению. — Сургут: ИИЦ СурГУ, 1997. — С. 25—50. Рис. 7—10; 17; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... — Рис. 50—1.

⁶⁸ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — С. 15—20, 181—192. Табл. 1. Рис. 2; 4—6.

⁶⁹ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья... — С. 17.

⁷⁰ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья... — С. 18.

⁷¹ Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря... — С. 31.

⁷² Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Приоболье на рубеже бронзового и железного веков. — Новосибирск: Наука, 2009. — 232 с.

⁷³ Борзунов В.А. Гамаюньские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований. — Екатеринбург: Магеллан, 2014. — С. 212—245.

⁷⁴ Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Приоболье... — С. 51, 61—62. Рис. 31; 33; 106.

⁷⁵ Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья... — С. 69—76.

⁷⁶ Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна реки Пур... — С. 20—21. Рис. 6—8; Борзунов В.А. Поселения с бастионно-башенной оборонной архитектурой Зауралья и Западной Сибири начала эпохи железа // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — С. 91—96; Ивасько Л.В., Кардаш О.В., Суворень Д. А. Салымский край.. — С. 16; Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Рос. археология. — М., 2002. — № 3. — С. 79—97; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья... — С. 40, 43. Рис. 13—3; Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Береговые кулайские городища на Барсовой горе // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга). — Екатеринбург: УрГУ, 2005. — С. 201—230; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора... — С. 13—28; Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья... — С. 69—70; Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели... — С. 55, 56, 58, 60—61; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... — С. 79—81; Данилов Е.А. Укрепления с бастионами в бассейне реки Агана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 122—136; Борзунов В.А. Укрепления с бастионно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. — Вып. 12. — С. 380—415; и др.

⁷⁷ Борзунов В.А. Новый ареал укреплённых жилищ... — Рис. 8; 9—А.

⁷⁸ Борзунов В.А. Отчёт об исследовании селища Барсова Гора III/36 (раскоп 4) в зоне строительства подъездных путей к автомобильному мосту через р. Обь на участке 111–114 у п. Барсово Сургутского р-на ХМАО — Екатеринбург, 2001. — Архив ПНИЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. — Ф. II. Д. 618.

⁷⁹ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья... — С. 44–47. Рис. 6; 7–3, 3а, 4, 4а.

⁸⁰ Погодин А.А. Каменный век на территории Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. — Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. — С. 8–9.

⁸¹ Очерки культурогенеза..., 1994. — С. 90–103, 176–202, 275–295.

⁸² Васильев В.Г. Экспериментальное моделирование археологических жилищ... — С. 6; Борзунов В.А. Неолитические укрепления и их прототипы... — С. 8.

⁸³ Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества севера Евразии... — С. 212–213; Борзунов В.А. Неолитические укрепления и их прототипы... — С. 8.

V.A. Borzunov

**Graphical reconstruction of primitive stationary dwellings
of taiga Ob' area and the upper reaches of the river Pur**

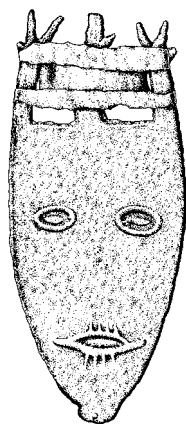
Abstract. The article presents variants of graphic reconstructions and trends in the development of stationary wood-earth dwellings erected by fishermen and hunters of the West Siberian taiga at the Neolithic, Eneolithic, Bronze and Early Iron Age (VI millennium BC — 3th century AD). The sources of the research were archaeological objects excavated by the Ural and Siberian archaeologists in the western regions of the taiga Ob' area, the upper reaches of the Pur River and the mountain-forest Trans-Urals. All-year-round and seasonal winter residential and industrial-residential buildings were built on capes, edges and in the depths of indigenous sand terraces. Their remains have the appearance of rounded and sub-rectangular depressions with or without perimeter encircling, and also low rounded and oval sandy areas surrounded by pits or ditches. Fixed on the surface of housing depressions and excavated trenches dwellings were only part of the premises of the ancient building. The foundation of the walls of the dwelling of any construction was erected not in a trench covered with a tree, but at a slight distance from it. The space along the perimeter of the in-depth part of the room was used as a bunk. The oldest taiga dugouts did not have walls as such. Their deeper parts were closed with a truncated-pyramidal shape recruited from poles and thin logs, resting on pillars installed inside the room. Outside, such dwellings looked like earthen hills. In the course of the development of deep and medium depths (0.6–1.8 m), Neolithic and Eneolithic dugouts and semi-dugouts were replaced by terrestrial frame-column structures of the Bronze Age with shallow (0.2–0.4 m) rectangular pits occupied by the main part of the room. From the inside and outside, the base of the walls of such dwellings was reinforced with a soil taken from pits located around the sand mound — «zavalinka». The areas of ancient dwellings usually ranged from 30 to 70 m², and their height from floor did not exceed 2.5 m. The largest single

log buildings ranging from 200 to 650 m², surrounded by ditches and protective walls, formed a special type of settlement-fortresses — «fortified dwellings», surviving to modern times. At the end of the Bronze Age — the beginning of the Iron Age in the taiga Ob' area appeared another type of landed houses: without pits and with self-supporting log walls, fortified vertical stakes, as well as with walls of a log structure. Small semi-dugouts were used mainly as economic objects, extremely rarely — as industrial and residential premises.

Key words. Western Siberia, taiga, Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, Early Iron Age, dwellings, reconstruction.

E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Северо-уральский путь Константина Носилова: биография золотоискателя 1877–1886 гг.

И.В. Абрамов

г. Екатеринбург

Институт истории и археологии УрО РАН

Аннотация. Прослежен жизненный путь К. Д. Носилова на Урале в 1877–1886 гг. Это период становления молодого учёного-естествоиспытателя, время его масштабных экспедиций по Северному Уралу. Регион был охвачен «золотой лихорадкой», и Носилов не избежал её, занявшись поисками золота и прочих руд в неразведанном бассейне Северной Сосьвы. Длительное пребывание среди коренного населения края, в свою очередь, пробудило интерес к этнографии, сделав Носилова известным бытописателем жизни вогулов (манси) и других народов Севера. Он и вошёл в историю как путешествующий писатель-беллетрист, в то время как золотоискательство осталось за рамками биографии. Обнаруженные планы приисков позволяют провести обследование участков старательской деятельности К.Д. Носилова на предмет их соответствия критериям объекта культурного наследия.

Ключевые слова. Константин Носилов, Северная Сосьва, биография, золотоискатель, этнография, памятник науки и техники.

Константин Дмитриевич Носилов родился в 1858 г. в семье многодетного священника с. Маслянского, что находилось вблизи уездного города Шадринска. По отцовским стопам он отправился учиться в Далматовский монастырь, далее — в Пермскую духовную семинарию, где завершил образование в 1877 г. с четырьмя классами, избежав последующей двухгодичной специализации в богословии. Его влекли естественные науки и путешествия: с детства он мечтал быть странником, а не архиереем, как старший брат¹.

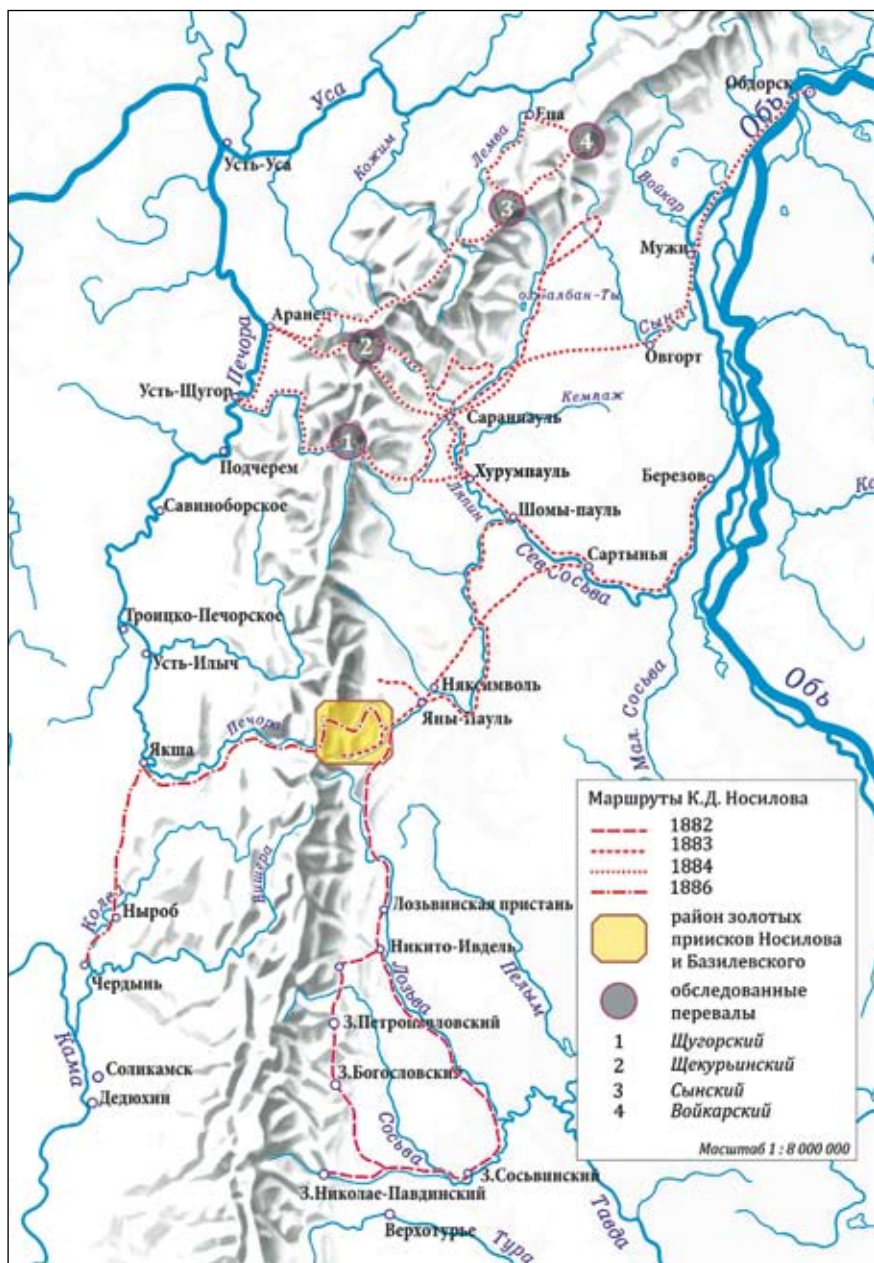
Юноша, по всей видимости, рассчитывал продолжить обучение в Москве или Петербурге, но либо не поступил, либо прервал обучение. Последующие семь лет он провёл на Урале. В кон. 1882 г. в письме

секретарю Русского Географического общества Носилов сообщил, что прибыл на Урал 14 апреля 1879 г., а 28 месяцев спустя, в августе 1882 г., выехал в Санкт-Петербург². Целью являлись этнографические, геологические и географические наблюдения, а также оценка для нужд горной промышленности возможности судоходства по Ляле, Сосьве, Лозьве. Из другого письма известно, что Носилов был командирован в 1878 г. в Зауральский край Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете для антропологического изучения мещераков и раскопки степных курганов. Как выпускнику семинарии поручила задание, требующее знаний и опыта в разных науках? Кто финансировали? Из первых публикаций 1878 г. понятно лишь, что Носилов занялся изысканиями и журналистикой в Прикамье³.

В следующем году очевидной стала специализация в прикладных науках. Николае-Павдинский завод на реке Ляля в Богословском горном округе Носилов не упоминает, но это начальная точка многих его поездок. С сентября 1879 г. и вплоть до отъезда в 1882 г. он работал под покровительством Х.Я. фон Талья. В первых строках обобщающей статьи 1883 г. Носилов горячо благодарит его *«за все средства, при помощи которых мог окончить предпринятое дело»*⁴. Дворянин Христиан Яковлевич фон Таль был управляющим частного Николае-Павдинского завода и в 1880 г. с компаньонами приступил к строительству Сосьвинского чугуноплавильного завода ниже по течению. Завод нуждался в руде, и компаньоны выкупили ряд железных рудников, в том числе бездействующий отдалённый Северный рудник на Лозьве. Вывоз руды оттуда был возможен только водой, и в 7 верстах от рудника была устроена Лозьвинская пристань. Сплавив в 1881 г. руду оттуда до Сосьвинского завода, концессионеры пришли к выводу, что завод надо строить прямо у Северного рудника. География передвижений Носилова в 1879–1882 гг. удивительным образом отражает эти инфраструктурные поиски (ил. 1).

В 1879 г. он занимался гидрографией и геогностикой на р. Ляля, приобрёл опыт судоходства, доставляя стройматериалы на стройку Сосьвинского завода⁵. В 1880–1882 гг. его деятельность распространилась на Сосьву (приток Тавды), Лозьву и их притоки. Конец зимы и весну 1882 г. Носилов провёл в поездках по верховьям Лозьвы и дальше на севере *«собрал сведения о направлении рек Северной Сосьвы, и притоков, вплоть до г. Берёзова»*⁶. Затем спустился по Лозьве на Тавду (800 вёрст). Такие поездки требовали финансирования, и

Ил. 1. Полевые маршруты К.Д. Носилова

справедливо допустить, что Носилов был «авангардом» фон Таля, строившего грандиозные планы по освоению лозьвинских руд⁷.

За скобками остаются обстоятельства знакомства Носилова с фон Талем. Последний был заметной фигурой не только в предпринимательских кругах, но и в общественной жизни, состоял в Уральском обществе любителей естествознания, был другом его основателя — Онисима Егоровича Клера. Последний же, в свою очередь, знал отца Носилова и вполне мог похлопотать за юношу, будучи членом едва ли не всех существующих естественнаучных обществ страны. Очевидно, что Носилов помимо покровительства обладал нужными личными качествами — открытостью, целеустремленностью, даром убеждения, амбициями, — чтобы быть рекомендованным и поддержанным. Собранные в 1879—1882 гг. на Урале коллекции он сдал в разные научные учреждения Санкт-Петербурга, и зимой 1882—1883 гг. Русское географическое общество утвердило его новый проект — гидрографическое обследование Северной Сосьвы. Этим проектом Носилов покажет, что наметившаяся специализация его в горном деле ему узка. Поездки по региону открыли для него северное направление, где можно стать пионером во многих областях. Заявленный в РГО проект по Северной Сосьве видится экспансией интересов на обширную и малоизведанную страну, где он кратко побывал весной 1882 г.

Сосьва инкогнита

Что известно о Сосьвинском Приобье в кон. XIX в., кроме того, что это земля вогулов и остяков (обских угров) — полуседлых охотников и рыболовов? Со стороны эта территория кажется замершей в развитии — со времён присоединения к Руси в XVI в. деятельный интерес к ней проявляли исключительно сборщики ясака и купцы. Только в 1830—1835 гг. Северная экспедиция Горного департамента прочертила узкий коридор на белом пятне между Уралом и Обью⁸. В 1847—1850-х гг. картированием Уральского хребта занималась грандиозная экспедиция РГО под началом Э.К. Гофмана. Однако долины прилегающих рек остались нарисованными схематически. Приступив к работе в верховьях Лозьвы в 1884 г., геолог Е.С. Федоров констатировал, что эта область не только не изучена, но почти вовсе не известна⁹. Другое его важное замечание состоит в том, что *«единственное полезное ископаемое, от добычи которого зависит развитие и заселение местности, есть золото»*¹⁰. Становление рудного дела могло быстро превратить «дикий край» в очередной горнозаводской округ,

но перспективы такого развития были туманны. Северная экспедиция полковника Протасова отметила, что к северу от истоков Лозьвы месторождения золота и железа встречаются крайне редко.

Тем не менее в 1883 г. Горный департамент организовал вторую Северную экспедицию, чтобы снова оценить Северный Урал *«за пределами населённой местности»*. Казну интересовало золото. Изыскания двух отрядов продолжались до 1889 г., охватив территорию от верховий Лозьвы до Шугора, но выводы экспедиции были столь же неутешительны, как и полстолетия назад¹¹. Тем временем золотодобыча на Северном Урале испытывала мощный подъём, вызванный объявлением в 1861 г. свободы частных приисков в северных уездах Пермской губернии. Самый северный Богословский горный округ был известен золотыми россыпями с кон. XVIII в., первый прииск был открыт в 1824 г., а к 1843 г. при самой поверхностной разработке было намыто 159 пудов золота на сумму более миллиона рублей¹². С месторождений снимались «сливки» примитивными способами, и старатели устремлялись дальше на север по золотоносной полосе восточного склона Урала. До северных окраин Горнозаводского края быстро докатилась золотая лихорадка, и в 1880—1910-х гг. только по Лозьве выше Никито-Ивделя было отведено более 80 приисков¹³. Чиновники, дворяне, купцы, мещане, их жены и просто мастеровые люди становились владельцами «золотодержащих» участков в надежде разбогатеть.

Носилов был в курсе изысканий первой Северной экспедиции и немного опередил вторую, прибыв на Северную Сосьву в 1883 г. с проектом, получившим одобрение РГО: гидрографическое обследование реки и изыскания путей через Урал. Поиски золота не были заявленной целью, но, как станет понятно дальше, Носилов к ним также готовился. Он уже был знаком со старательским делом и мог самостоятельно диагностировать россыпи. Начался чрезвычайно насыщенный событиями период его жизни, слабо представленный в биографиях советского времени¹⁴. Собранные Ю.Д. Охапкиным в одной книге все доступные источники позволили более пристально изучить путь «зауральского странника»¹⁵.

Носилов-изыскатель

В своих очерках Носилов предстаёт этнографирующим наблюдателем: то среди оленеводов в горах, то на ясачном сборе в Сартынье, то в дымных юртах низовий Сосьвы¹⁶. Чаще всего он в пути и делает наблюдения по ходу, надолго нигде не задерживаясь. Чем же занимался Носилов, куда спешил?

На пути из Петербурга на Северную Сосьву летом 1883 г. он остановился в Екатеринбурге, где заручился личной поддержкой О.Е. Клера и был принят в УОЛЕ. Далее выехал в Тобольск и по Оби добрался до уездного городка Берёзова в устье Северной Сосьвы. Седьмого июля начал подъём по реке, свернул на крупный приток Ляпин (Сыгва) и поднялся до его слияния с Щекурёй, где занял домик, оставленный старателями промышленника Сидорова¹⁷.

Свою резиденцию Носилов назвал Русс-пауль, дважды в месяц туда приходила корреспонденция, которую доставлял герой его очерка «Вогульский почтальон». Носилов продолжил буссольную съёмку притоков Ляпина, попутно фиксируя всё, что достойно внимания, — стойбища, святилища, метеоявления, рудопроявления. Как всякий натуралист, в неизведанном «поле» он постоянно переключался с задачи на задачу. Сделав круг по Ляпинскому пятиречью с посещением священного озера Ялпынг-Тур (карт. Балбан-Ты), Носилов вернулся в Русс-пауль и написал О.Е. Клеру письмо с деловой просьбой. На рч. Хозяю он обнаружил хорошие проявления золота: *«Если найдётся кто желающий работать, то я с удовольствием передам своё право на добычу, выданное мне на 2 года из Горного департамента, по нему я имею право добывать и разрабатывать без отвода площади по одной заявке и столбам и точной съёмке местности. <...> У Вас, вероятно, есть хорошие знакомцы, и я надеюсь, что вы не забудете когда-нибудь порекомендовать Хозяю и меня для организации промышленности на Полярном Урале»*¹⁸. Далее приводится содержание золота в пробах и стилем опытного человека выражается готовность составить смету на прииск.

В сентябре путешественник собирался в верховья Северной Сосьвы *«на своё зимовье, где найдена медная руда, для разведки её и одной золотоносной речки, которой я думаю заняться зимой, если позволят обстоятельства. Устройство медеплавильного горна не начато ещё, и я его начну в половине сентября»*¹⁹. Это другой край речного бассейна, смежный с Лозьвой, и «своё зимовье» могло быть только в одном случае — если Носилов успел там обосноваться весной 1882 г. Ненастная осенняя погода сильно ограничила работу в верховьях Сосьвы, и Носилов еле успел вернуться водой к слиянию с Ляпиным в Шомы-пауль, где переждал ледостав. В Русс-пауль он вернулся санным путём на собаках и оленях, перебрался жить в Саранпауль, населённый коми. В октябре поехал в Сартыню — фиксировать зимние юрты остяков. Ноябрь провёл в верховьях Ляпина, посетив 46 чумов

оленоводов и добравшись до р. Харута (приток Сыни). В декабре снова отправился в Сартыню, чтобы присутствовать при сборе ясака, откуда с шумным караваном выехал в Искарские юрты (Яны-пауль), где сборная изба стала центром драмы, описанной в очерке «Ясак»: съехавшиеся с окрестностей вогулы, купцы и уездные чиновники предавались безудержному пьянству. В этом чаду Носилов встретил новый 1884 год, и выехал к себе на Ляпин, потрясённый увиденным: *«Потом всё это перенесётся в другой пункт сбора ясака, на другую речку, потом в третий, и так будет продолжаться целых две-три недели, распространяя всюду в среде этих в сущности добрых ди-карей то, чего бы им совсем не нужно знать, что их губит, что окончательно разоряет край»*²⁰. На следующий год выйдет первая статья Носилова о притеснении инородцев²¹. Для местных чиновников непоседливый молодой человек станет *persona non grata*, а для вогулов хонъ-нотрусь — царским писарем (ил. 2).

Ил. 2. К.Д. Носилов (справа) в Северном Зауралье. Государственный архив Свердловской обл. — Ф. 1 (фотофонд). № 2715

В конце 1883 г. Носилов отправил письмо в «Горный журнал» о произведенных наблюдениях в Сосьвинском Приобье, оно было опубликовано в первом номере следующего года²². В январе начал изыскания путей через Урал. Все удобные маршруты через горы были известны местным оленеводам, нужно было их опробовать, оценить пропускную способность и перспективы обустройства волока. Четырнадцатого января Носилов отправился с торговым караваном зырян через Щекуринский проход до д. Аранец (Оранец) на Печоре. В тот же день в Санкт-Петербурге собрание РГО утвердило его кандидатуру члена-сотрудника общества. Вернувшись в начале февраля в Саранпауль, Носилов получил приятное известие из столицы и тут же составил отчёт о пройденном сквозь снежные бури пути. В марте «Известия ИРГО» опубликовали его с подробной картой Северной Сосьвы и маршрута на Печору²³. Седьмого марта П.П. Семёнов (Тян-Шанский) доложил собранию о поездке сотрудника и вынес на обсуждение просьбы Носилова: 1) ходатайство перед Министерством путей сообщения о передаче ему одного из катеров, оставшихся в Тюмени от экспедиции Моисеева, 2) о финансовой поддержке²⁴. В обеих просьбах было отказано. На какие средства путешествовал Носилов — неизвестно. Весной он отправил в Петербург три рукописи: «Характер торговых сношений полярных инородцев», этнографический очерк «Антон-сы-лэй», «Метеорологические наблюдения, произведенные в селе Сизябском за несколько лет»²⁵. Летом отправил отчёт о гидрографических наблюдениях на реках Печоре и Сыгве и в дар Обществу — *«два медвежьих зуба, носимые остяками на поясе и считаемые талисманами от болезни спины»*²⁶. Объём и скорость обмена корреспонденцией впечатляют, учитывая, в каких условиях работал Носилов.

Поздней весной путешественник снова приступил к обследованию путей через Урал. В мае 1884 г. он осмотрел Маньинский перевал на Аранец, смежный с Щекуринским. В июне собрался в длительную экспедицию, намереваясь проверить все возможные проходы через Урал от Шугора до Войкара. Выехав из Саранпауля со стариком-вогулом к Шугору, Носилов провалился в болото с лошадью, травмировал ногу, промочил припасы и был вынужден вернуться. Спустя пару недель отправился туда же другим маршрутом — *«по следам старого русского боярина»* Семёна Курбского²⁷. Сплывшись по Ляпину до Хурумпауля, он нанял трёх вогулов и двинулся в горы оленегонной тропой. Достигнув шугорской теснины, простился с провожатыми и в одиночку сплавился на плоту до устья, где его встретили удивлённые коми-зыряне.

Далее Носилов по Печоре добрался в д. Аранец, где уже побывал зимой, и оттуда начал пеше-вьючный маршрут вдоль хребта на север. С нанятыми проводниками проследовал вдоль самых высоких вершин Урала — Сабли и Манараги — к р. Кожим (бассейн р. Печоры). Во время переправы через Кожим отряд остался без еды и поклажи. *«Голодом, не евши с вечера, мы прошли 20 вёрст и нашли чум зырянина, где могли провести спокойно хоть тяжёлый воскресный день»*²⁸. Маршрут пролегал между рассредоточенными в горной тундре чумами самоедов и зырян, откуда совершались радиальные выходы к хребту. Геологические и географические заметки в блокноте перемежаются зарисовками быта оленеводов.

Двигаясь на север, Носилов исследовал сезонные переходы кочевников через Урал при вершинах рек Парнокаю и Харута (Сынский проход)²⁹. В истоках последней определил богатое месторождение медных руд. По Лемве отряд сплавился почти до впадения в Усу (правый приток Печоры), в деревню коми-ижемцев Епа. Пополнив запасы провизии, отряд в конце августа выдвинулся по оленьей ворге вдоль рек Кокпела и Тумбялава до Войкарского прохода (карт. Кокпельский перевал). Это была самая северная точка маршрута, от которой отряд двинулся обратно на юг вдоль западного подножия³⁰. Вернувшись к Саблинскому хребту, К.Д. Носилов встретил известного сибирского купца А.М. Сибирякова, который наметил Щекуринский проход для перевозки грузов с юга Сибири на Европейский Север. Последующие две недели они вместе кочевали с зырянским чумом по долинам рек Паток и Щекурья и расстались в Саранпауле в начале октября. Носилов поделился с Сибиряковым собранными материалами и соображениями относительно лучшего пути. Через несколько лет Сибиряков проложит гужевой тракт по Щугорскому проходу. Носилов приветствовал это событие, хотя их отношения к этому времени уже охладели. *«Я страшно тогда верил в светлую будущность своего открытия [Обь-Печорского прохода. — И.А.] и полагал, что пароходство, движение, новые люди, которые нахлынут в этот край благодаря открытию пути ...не только вырвут бедных дикарей из рук эксплуатации, но и спасут, образуют, просветят их...»*³¹. Действовавший несколько лет тракт Сибирякова показал иллюзорность таких надежд поскольку зависимость инородцев от купцов лишь усилилась.

В ноябре 1884 г. Носилов совершил «экскурсию» в Обдорск через Мужы и Войкар. Это была разведочно-ознакомительная поездка, из

которой он возвратился на Ляпин в первых числах декабря. Пришло время подводить итоги, и Носилов с коллекциями собрался в столицу. За семнадцать месяцев был пройден огромный маршрут по Северному Уралу, который выглядел бы невероятным для одного человека, если бы не рукописные дневники, статьи и письма, отправленные из «поля».

В нач. 1885 г. Носилов выступил с докладом на заседании Петербургского минералогического общества, сообщив об открытии трёх месторождений медных руд, пяти золотосодержащих россыпей, двух месторождений железных руд³². В «Горном журнале» вышла статья о месторождении сферосидерита у горы Сабля. В Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете путешественник сделал доклад «Исторические памятники манси»; в клубе работников путей сообщения и на заседании отделения этнографии РГО поведал об изыскании путей через Уральский хребет³³. Из семи обследованных проходов на протяжении 320 вёрст хребта самым удобным Носилов посчитал Щугорский, видя именно здесь перспективу Европейско-Обь-Енисейского транзита грузов. Следом он опубликовал статью в «Восточном обозрении»³⁴. Доклад в РГО был закончен объявлением планов: в 1885 г. продолжить обследование Северной Сосьвы, а в 1886 г. отправиться на Новую Землю, чтобы «приблизиться к решению вопроса о способности Ледовитого океана для прохода судов к берегам Сибири»³⁵. В 1885 г. также вышла статья об успешном опыте полеводства в Саранпауле³⁶. Таким образом, Носилов предстал перед публикой в двух ипостасях: во-первых — как экономический географ, анализирующий инфраструктурные связи и перспективы развития региона, во-вторых — как исследователь широкого круга вопросов (геология, этнография, гидрография, полеводство) малоизвестной области Зауралья.

О том, что поездка Носилова в Санкт-Петербург прошла успешно, что он был принят и услышан научным обществом, свидетельствует запись в дневнике 6 марта 1885 г., сделанная в стихотворной форме:

<...>

*Реферант молодой много вынес труда,
Голодал, рисковал своей жизнью.
И, достигнув в конце результата труда,
Он делился с учёными мыслью.*

<...>³⁷

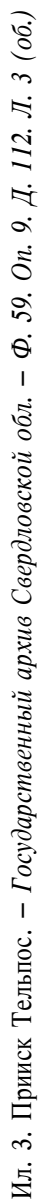

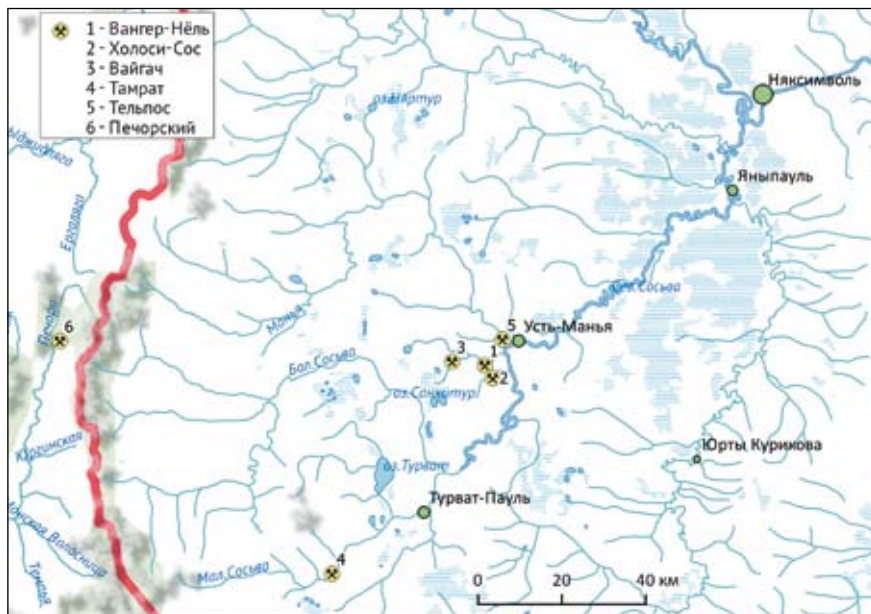
Носилов-золотопромышленник

Летом 1885 г. Носилов снова на Северной Сосьве. Отчётов и публикаций по этому сезону нет, но детали экспедиции проступают из записных его книжек и бумаг Уральского горного правления. Имеется также сводка результатов разведочных партий Базилевского, Носилова и Фильберта 1885 г. Не указывая источника, Дунин-Горкавич приводит данные о местах шурфовок и содержании золота в пробах. На Носилова с Базилевским пришлось 10 разведанных мест в верховьях Северной Сосьвы, на Фильберта — два по Щекурье. Всего пробито 30 шурфов, вынуто 1168 пудов песка, который после промывки дал 717 долей золота, что составляет в среднем 61 долю золота на 100 пудов песка³⁸. Поздней осенью 1885 г. Носилов подал заявки на пять золотоносных приисков в верховьях Северной Сосьве и один в истоках Печоры³⁹.

Как правило, с момента получения в полиции разрешения на разведку золота до момента получения прибыли, если таковая случалась, уходило не менее двух лет⁴⁰. Без привлечения сторонних капиталов обойтись было трудно, и есть все основания считать действительного статского советника Фёдора Ивановича Базилевского главным инвестором разведочных работ. Свёл его с Носиловым, вероятно, Клер. В итоге на четырех отведённых приисках (*Холоси-Сос, Вайгач, Тельнос, Печерский*) Носилов записан «*доверенным по розыскам золота*» Базилевского, а на двух (*Вангер-Нёль и Тамрат*) — собственником. Господин Фильберт, вероятно, также опробовал выявленные Носиловым по Щекурье залежи, но приступил ли он к их отведению и разработке — неизвестно.

Четыре прииска расположены компактно близ впадения Маньи в Северную Сосьву, пятый — в истоках Большой Сосьвы, шестой — за хребтом на ручье Средний Ключик в вершине Печоры (ил. 3—9). В марте 1886 г. ревизор золотых промыслов согласовал заявки на них, а с 2 апреля по 12 мая 1886 г. землемер размежевал. По датам можно представить маршрут последнего и усомниться в реальности приезда. Второго апреля был якобы отведён *Печорский* прииск, непосредственно прилегающий к осевой части Уральского хребта (ил. 8). Это крайне труднодоступный уголок горной тайги, в поясе максимального снегонакопления, где к апрелю снежный покров достигает 5 м, скрывая не только неровности рельефа, но и заявочные столбы-пеньки, которые рубят летом. На плане отображена подробная летняя ситуация: с растительностью, лесом, изгибами ручья, заявочными столбами⁴¹. Печорский

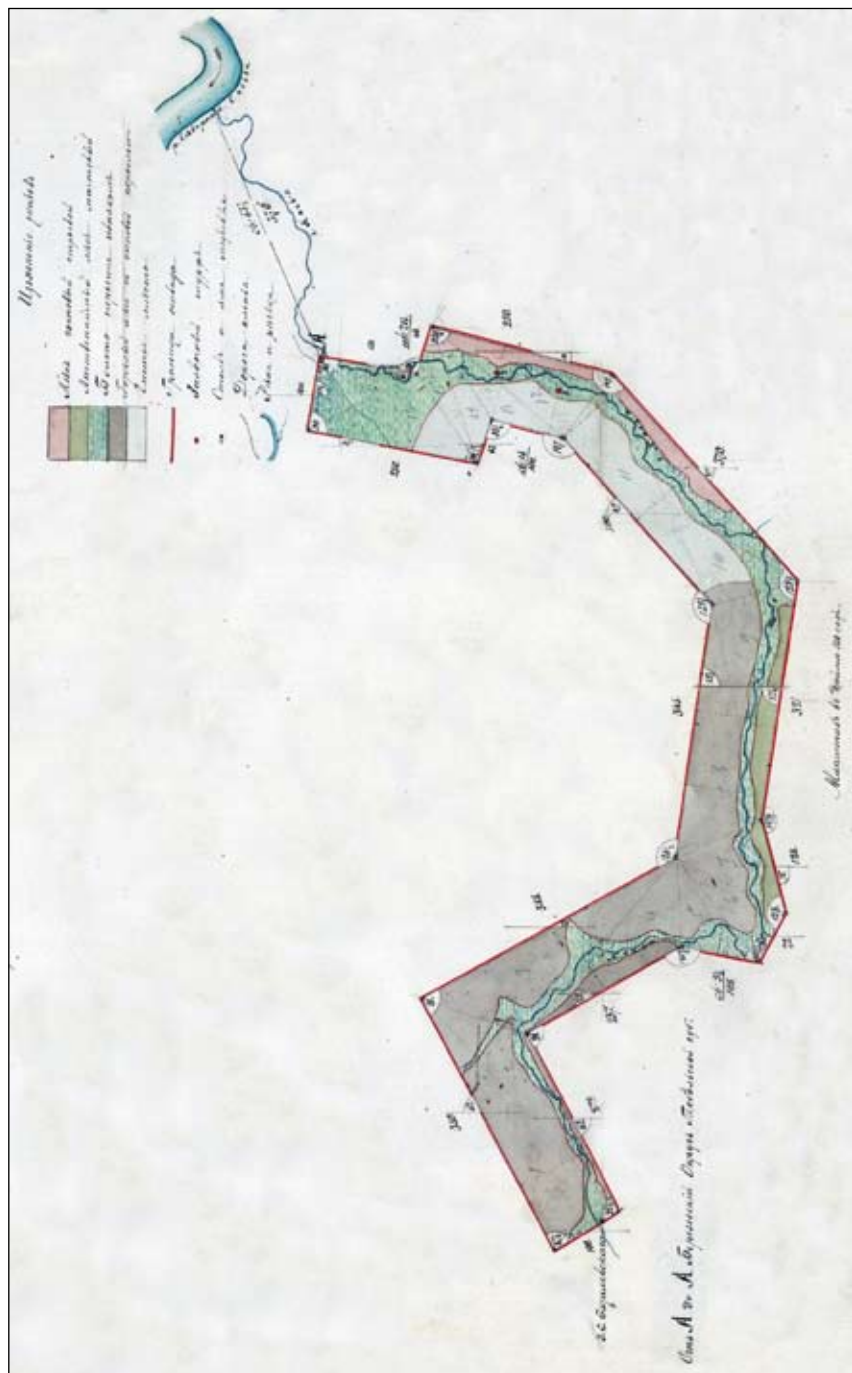

Ил. 4. Прииски К.Д. Носилова и Ф.И. Базилевского

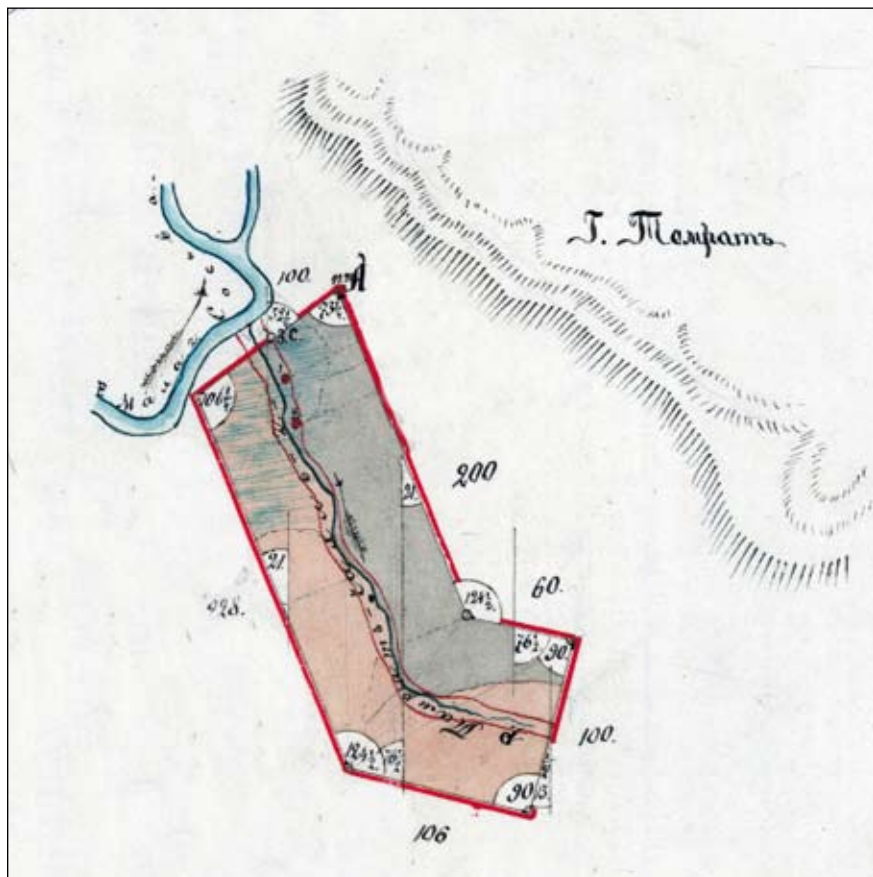
участок, как и все прочие, вытянут вдоль русла небольшого ручья. Отмечены деревянные строения и отвалы прежних лет, что ставит под сомнение первооткрытие россыпи Носиловым. Землемер, скорее всего, прибыл летом 1886 г., когда прииск уже действовал, проставленные задним числом даты придали делу правильный процессуальный порядок. Понятыми выступили неграмотные наёмные рабочие Фёдор Сметанин, Герман Конев и Пётр Собянин, «и по их личной просьбе самоедин Колвинской волости Василий Герасимов Валеев руку приложил»⁴².

Для снабжения приисков Носилов с компаньонами использовали колвинско-печорский волок (с Прикамья), а не лозьвинско-сосьвинский (от Никито-Ивделя). В блокноте Носилова запись о крупных закупках провизии и промыслового оборудования в Чердыни (грохот, листы железа, клепальная машина, тиски и пр.) соседствует с записью, что на Илыче (приток Печоры) надо купить три лошади с уздами и нанять провожатых⁴³. Носилов занимался не только организацией работ артели, но и самим промыслом. Запись «вес золота к 18 августа [вероятно, 1886 г. – И.А.]» довольно красноречива, хотя блокнот использовался для быстрых черновых заметок, а не для учёта, и это единственное известное свидетельство работы одного из приисков⁴⁴.

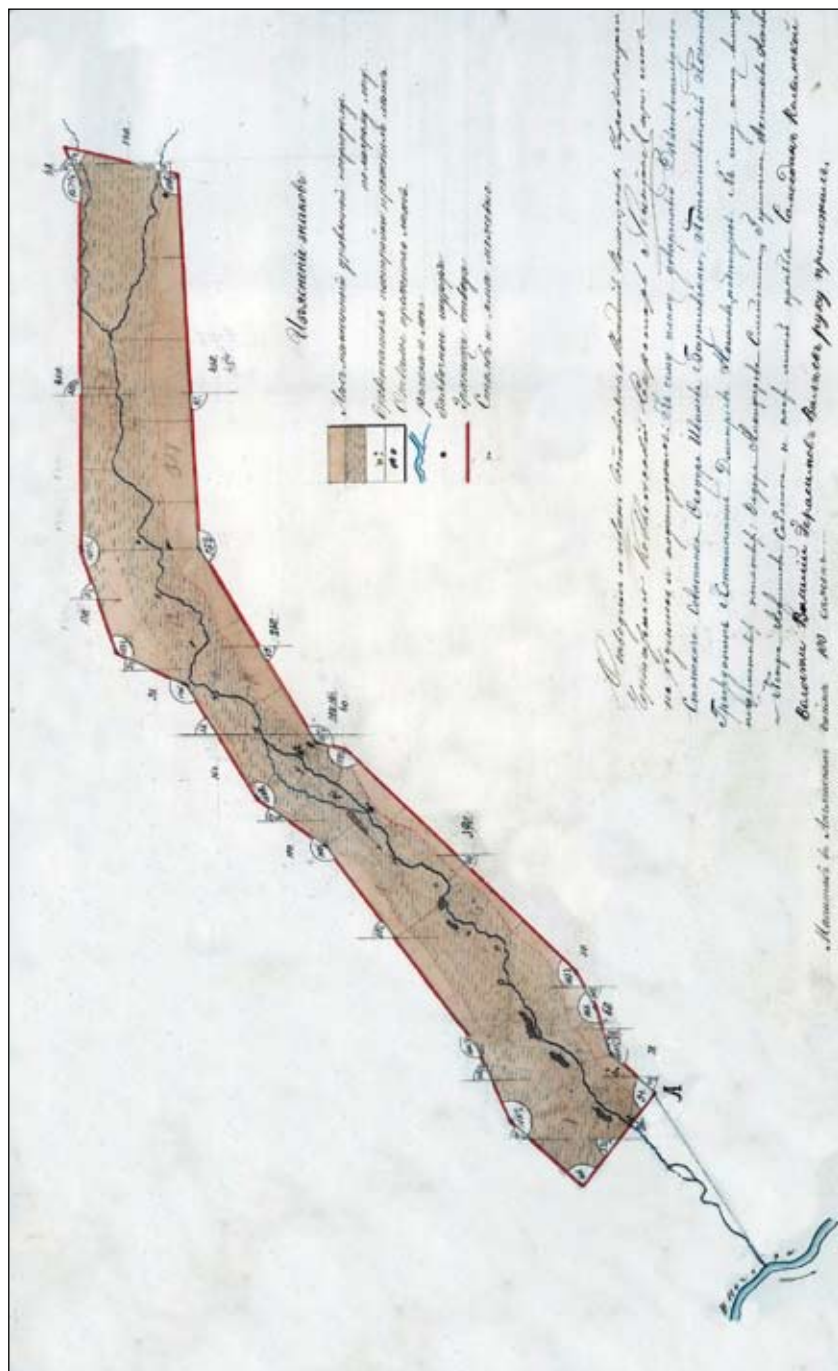

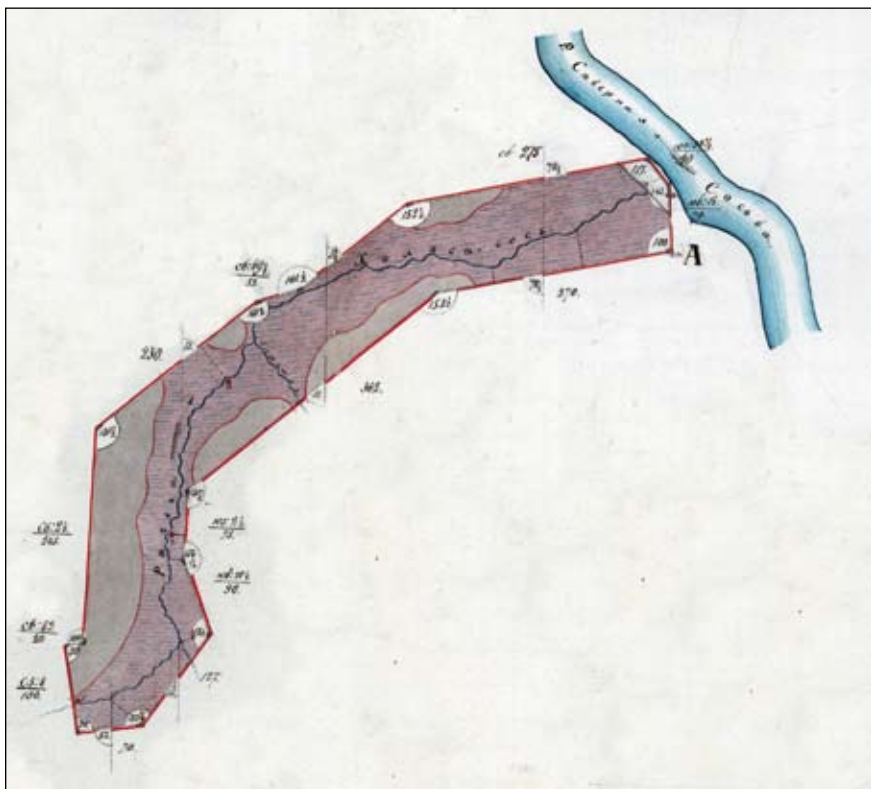
Ил. 6. Прииск Вангер-Нёль. – Государственный архив Свердловской обл. – Ф. 59. Оп. 9. Д. 113. Л. 3 (об.)

Насколько был успешен Носилов как золотопромышленник — судить сложно. Только шнуровые книги с приисков могут внести ясность в этот вопрос. Из данных, которые приводит А.А. Дунин-Горкавич о разведке 1885 г., складывается впечатление многообещающего предприятия, но реальность могла оказаться иной. Как бы то ни было, по окончании полевого сезона 1886 г. Носилов в ноябре отправился в длительное путешествие в Палестину и Египет, откуда вернулся весной (ил. 10). В июне 1887 г. он отплыл колонизировать Новую Землю, проведя на полярном архипелаге несколько лет. На Северную Сосьву в эти годы он не возвращался, что означало либо передачу дел компаньонам,

Ил. 8. Прииск Печорский. — Государственный архив Свердловской обл. — Ф. 59. Оп. 9. Д. 2507. Л. 9–10

Ил. 9. Прииск Холоси-Сос. – Государственный архив Свердловской обл. – Ф. 59. Оп. 9. Д. 115. Л. 3 (об.)

либо свёртывание работ. Базилевский также оставил золотодобычу, и больше не упоминается в качестве собственника приисков. В январе 1891 г. все северо-сосьвинские прииски были выставлены на конкурс и в апреле 1908 г. отданы дворянину А.А. Каплуновскому «для переработки отвалов и эфелей»⁴⁵. Снова прииски меняют хозяина в 1912 г. с той же формулировкой, что бы она ни значила. Других участков на Северной Сосьве никто не заявлял вплоть до национализации всех приисков. Об уральском опыте добычи золота Носилов не распространялся, только в 1915 г. выпустил небольшую книжку «Золотые реки. Очерк золотопромышленности»⁴⁶, где в общих чертах описал промысел с позиции обывателя, который познакомился на Урале с настоящими золотоискателями.

Ил. 10. К.Д. Носилов.
1886—1887 гг. — Областной
музей писателей Урала. —
КП № 4140

Куда конкретнее Носилов был при описании руд Новой Земли, сообщив о трудноизвлекаемости золота из россыпей, скованных мерзлотой⁴⁷. Перспективней оказались залежи каменного угля, Архангельские губернские ведомости заключили, что разработка руд на Новой Земле может получить практическое основание, «...если принять во внимание энергичный характер предпринимателя [Носилова. — И.А.] и денежные средства, которыми он располагает. Что же касается горнорабочих, то Носилов вполне надеется на зырян, — способных к такого рода трудам»⁴⁸. Такая оценка путешественника снова поднимает вопрос, кем и чем был движим Носилов. Архангельское «Общество спасения на водах» выбрало именно его для организации приюта для потерпевших кораблекрушение на Новой Земле и колонии-поселения ненцев при нём, хотя Носилов не был до того связан с Поморьем (мы об этом ничего не знаем. — И.А.), а его континентальный опыт вряд ли мог быть очень полезен в деле колонизации островов. Есть основания полагать, что деловые круги Архангельска видели в нём, в первую очередь, геологоразведчика и промышленника, на основании чего и продвигали кандидатуру, участвовали в финансировании предприятия.

Заключение

Движение за Носиловым по документам и картам позволило реконструировать уральский этап биографии путешественника, нашли своё место малоизвестные эпизоды разведки и добычи золота на Северной Сосьве в 1885—1886 гг. Эта деятельность стала логичным продолжением избранной им естественнонаучной специализации, сделанных географических и геологических открытий. Мощной предпосылкой служила развернувшаяся на Северном Урале золотая лихорадка. Но золотодобыча не стала делом всей жизни и источником богатства (хотя однозначно утверждать нельзя): рутинный приисковый труд не сулил новых открытий, и это вряд ли устраивало беспокойную и деятельную натуру Константина Дмитриевича.

В ходе длительных маршрутов, общения с проводниками и жителями Северного Урала Носилов сделал ценные этнографические наблюдения. Они стали одними из лучших описаний жизни манси рубежа XIX—XX вв. В целом сосьвинско-вогульский период видится одним из самых плодотворных на сюжеты наряду с новоземельско-самоедским. По мере познания страны Носилов всё более вовлекался в этнографию в первом её назначении — описании уклада и нравов народов. Он быстро преодолел границу «чужого», что во многом определило его этнографическую оптику, а склонность сочувствовать герою и проникаться его чаяниями — манеру письма. Большой вопрос, состоялся бы Носилов-этнограф, если бы не состоялся Носилов-географ и золотоискатель. Две эти стези оказались тесно переплетены в судьбе путешественника.

Геологическая, точнее старательская, деятельность Носилова до сих пор остаётся недосказанной историей, хотя бы потому, что он шёл по чьим-то стопам, уверенно ориентируясь в золотоносности рек Сосьвинского Приобья. Очевидно, что уральские рудознатцы к сер. XIX в. имели хорошее представление о Сосьвинско-Ляпинском Урале и пробовали силы в разных его местах — Носилов был одним из череды предприимчивых людей. О дореволюционных рудопоисковых работах мало что известно — это белое пятно истории ХМАО — Югры. Приисковые участки Носилова, судя по спутниковым снимкам, не были «отработаны» с применением техники в советские годы и, значит, могут хранить отпечаток ручного старательского промысла. Катализатором исторических изысканий по этой теме могла бы стать окружная Служба государственной охраны объектов культурного наследия. По данным на 15.04.2018, на учёте в Госкультах Югры находилось 5764 объекта культурного наследия, среди которых — ни одного памятника

науки и техники. Пробным могло бы стать исследование старательских участков Носилова в верховьях Северной Сосьвы и Ляпина, где в 1885–1886 гг. проводились разведочные работы на золото. В Саранпауле ещё остались геологи, которые могли бы присоединиться к исследованию и с позиций советского опыта работ помочь интерпретировать данные рельефа на предмет ведения старательских работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ершов М.Ф. Историко-психологические аспекты биографии К.Д. Носилова // Вестник угроведения. — Ханты-Мансийск, 2015. — № 3 (22). — С. 106–118.

² Работы г. Носилова на Северном Урале // Изв. ИРГО. — СПб., 1882. — Т. XVIII. — С. 38.

³ По поводу закрытия Далматовского и Соликамского духовных училищ // Екатеринбургская неделя. — Екатеринбург, 1879. — № 22–23. — С. 311–312; Береговые залежи камня на р. Каме // Казанский биржевой листок. — Казань, 1879. — № 68; Работа и рабочие на соляных промыслах в Пермской губернии // Казанский биржевой листок. — Казань, 1879. — № 64.

⁴ Носилов К.Д. Геологические наблюдения в Лялинской и Вагранской дачах Верхотурского уезда Пермской губернии // Горный журнал. — СПб., 1883. — Т. I. — С. 289.

⁵ Носилов К.Д. Геологические наблюдения... — С. 290.

⁶ Работы г. Носилова... — С. 38.

⁷ Бессонов М.С. Несостоявшийся Лозьвинский завод // Матер конф., посвященной 150-летию Евграфа Степановича Федорова. — Краснотурьинск, 2004. — С. 21–22.

⁸ Пестерев Г. Краткий отчет о действиях Северной экспедиции со времени учреждения оной по 1839 год // Горный журнал. — СПб., 1839. — Ч. 3. — Кн. 10. — С. 16.

⁹ Фёдоров Е.С., Иванов П.П. Сведения о Северном Урале (с картой) // Изв. ИРГО. — СПб., 1886. — Т. XXII. — С. 255–298.

¹⁰ Фёдоров Е.С. Геологические исследования в Северном Урале в 1884–1886 годах. — СПб., 1890. — С. 17.

¹¹ Лебедзинский Л.А. Исследования Северного Урала за пределами населённости // Горный журнал. — СПб., 1888. — Т. 4. — С. 432–436.

¹² Словцов И.Я. Природа и люди Северного Урала. — Екатеринбург, 1897. — С. 8.

¹³ Чертёжная Уральского горного управления. 1743–1918 гг. // ГАСО. — Ф. 59. Оп. 9. 3923 ед. хр.

¹⁴ Осинцев Л.П. Писатель и географ Константин Дмитриевич Носилов. — Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1974. — 24 с.; Омельчук А.К. Константин Носилов. — Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1989. — 238 с.

¹⁵ Охапкин Ю.Д. Зауральский странник. Материалы к биографии К.Д. Носилова. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. — С. 49.

¹⁶ Носилов К.Д. У вогулов (очерки и наброски). — СПб.: Изд. Суворина. 1904. — 255 с.

¹⁷ Носилов К.Д. Из письма в редакцию // Горный журнал. — СПб., 1884. — Т. I. — С. 278.

¹⁸ Письмо К.Д. Носилова О.Е. Клеру // ГАСО. — Ф. 140. Оп. 1. Д. 19. Л. 184–185.

¹⁹ Письмо К.Д. Носилова О.Е. Клеру... — Л. 185.

- ²⁰ Носилов К.Д. Ясак // У вогулов. 1904. — СПб., 1904. — С. 204.
- ²¹ Носилов К.Д. В защиту обских инородцев // Восточное обозрение. — СПб., 1885. — № 3. — С. 2—3.
- ²² Носилов К.Д. Из письма в редакцию... — С. 278.
- ²³ Носилов К.Д. С Оби на Печору // Изв. ИРГО. — СПб., 1884. — Т. XX. — С. 173—181.
- ²⁴ Журнал заседания Совета 30 апреля 1884 г. // Изв. ИРГО. — СПб., 1885. — Т. XXI. — С. 585.
- ²⁵ Журнал заседания Совета 30 апреля... — С. 585.
- ²⁶ Журнал заседания Совета 25 сентября 1884 г. // Изв. ИРГО. — СПб., 1885. — Т. XXI. — С. 146.
- ²⁷ Носилов К.Д. По следам князя Курбского (Из путешествия по Северному Уралу) // У вогулов. 1904... — С. 217—220.
- ²⁸ Цит. по: Охапкин Ю.Д. Зауральский странник... — С. 49.
- ²⁹ Цит. по: Охапкин Ю.Д. Зауральский странник... — С. 187.
- ³⁰ Записная книжка К. Д. Носилова // ШКМ. — Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1.
- ³¹ Носилов К.Д. Через десять лет // У вогулов (очерки и наброски). — СПб., 1904. — С. 144.
- ³² Носилов К.Д. О геологических экскурсиях в Северном Урале // Зап. Петербургского минералогического общества. — СПб., 1886. — Т. 22. — С. 319.
- ³³ Носилов К.Д. Сообщение об исследовании проходов через Уральский хребет / Журнал заседания отделения этнографии 19 февраля 1885 года // Известия ИРГО. — 1885. — Т. XXI. — С. 337.
- ³⁴ Носилов К.Д. Изыскание пути по соединению Обского и Печорского бассейнов // Восточное обозрение. — СПб., 1885. — № 15. — С. 8—9.
- ³⁵ Цит. по: Охапкин Ю.Д. Зауральский странник... — С. 190.
- ³⁶ Носилов К.Д. Опытные посевы хлеба и овощей на Полярном Урале экспедицией Носилова в 1883 и 1884 г. // Тр. Вольного экономического общества. — 1885. — Вып. 4. — Т. 1. — С. 442—445.
- ³⁷ Цит. по: Охапкин Ю.Д. Зауральский странник... — С. 53.
- ³⁸ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. — М.: Либерия, 1995. — С. 23—24.
- ³⁹ План и полевой журнал по отводу золотосодержащего прииска «Тельпос» действительному статскому советнику Базилевскому по реке Безымянной, впадающей в р. Манью, притока р. Северной Сосьвы, слева, в Берёзовском округе Тобольской губернии. Сост. коллежский секретарь Аксентьев. 1886 г. // ГАСО. — Ф. 59. Оп. 9. Д. 112. 5 л.; План и полевой журнал по отводу золотосодержащего прииска «Вангер-Нель» золотопромышленнику Носилу по реке Косье, впадающей в р. Северную Сосьву, в 400 саженях, в Берёзовском округе Тобольской губернии. Сост. коллежский секретарь Аксентьев. 1886 г. // ГАСО. — Ф. 59. Оп. 9. Д. 113. 5 л.; План и полевой журнал по отводу золотосодержащего прииска «Вайгач» действительному статскому советнику Базилевскому по реке Косье, впадающей в р. Северную Сосьву, смежно с прииском «Вангер-Нель», в Берёзовском округе Тобольской губернии. Сост. коллежский секретарь Аксентьев. 1886 г. // ГАСО. — Ф. 59. Оп. 9. Д. 114. 8 л.; План и полевой журнал по отводу золотосодержащего прииска «Холоси-сос» действительному статскому советнику Базилевскому по реке Холоси-сос, впадающей справа в р. Северная Сосьва, в Берёзовском округе Тобольской губернии. Сост. коллежский секретарь Аксентьев. 1886 г. // ГАСО. — Ф. 59. Оп. 9. Д. 115. 5 л.; План и полевой

журнал по отводу золотосодержащего прииска «Тамрат» почётному гражданину Носилу по реке Тамрат-чахль-ч, впадающей в Малую Сосьву, в Берёзовском округе Тобольской губернии. Сост. коллежский секретарь Аксентьев. 1886 г. // ГАСО. — Ф. 59. Оп. 9. Д. 116. 4 л.; План и полевой журнал площади по отводу Печорского золотосодержащего прииска действительному статскому советнику Базилевскому по р. Ключик, впадающему справа в р. Печору, в Колвинской лесной даче Чердынского уезда Пермской губернии. Сост. коллежский секретарь Аксентьев. 1886 г. / ГАСО. — Ф. 59. Оп. 9. Д. 2507. 10 л.

⁴⁰ Рукосуев Е.Ю., Тарская С.А. Съезды золото- и платинопромышленников Урала. 1897—1919. — Екатеринбург: БКИ, 1997. — С. 17—18.

⁴¹ План и полевой журнал площади по отводу Печорского золотосодержащего прииска... // ГАСО. — Ф. 59. Оп. 9. Д. 2507. Л. 9—10.

⁴² План и полевой журнал площади по отводу Печорского золотосодержащего прииска... — ГАСО. — Ф. 59. Оп. 9. Д. 2507. Л. 10.

⁴³ Записная книжка К.Д. Носилова // ОМПУ. — Ф. 0. Оп. 1. Д. 1. Л. 41—44.

⁴⁴ Записная книжка К.Д. Носилова... — Л. 6.

⁴⁵ План и полевой журнал по отводу золотосодержащего прииска «Вангер-Нёль»... // ГАСО. — Ф. 59. Оп. 9. Д. 113. Л. 1.

⁴⁶ Носилов К.Д. Золотые речки. Очерк золотопромышленности. — М.: Проталинка, 1915. — 47 с.

⁴⁷ Носилов К.Д. Минеральные богатства Новой Земли // Новое время. — СПб., 1911. — 15 (28) августа.

⁴⁸ О Новой Земле // Архангельские губернские ведомости. — 1887. — № 78.

I.V. Abramov

The Northern Ural path of Konstantin Nosilov: gold digger biography 1877—1886

Abstract. The article traces the Konstantin Nosilov's life in the Urals in 1877—1886. This is a period of maturation young scientist-naturalist, a time of his large-scale expeditions in the Northern Urals. The region was gripped by the gold rush, Nosilov did not escape its influence, searching for gold and other ores in unexplored basin of the Severnaya Sosva. His long stay among the indigenous people, in turn, has awakened interest in ethnography, making Nosilov famous chronicler of the Voguls (Mansi) life and other peoples of the North. As a traveling fiction writer he went down in history, while the gold exploration remained outside the biography. The discovered archived plans of the mines allow to conduct a survey of Nosiliv's gold digging sites for their compliance with the cultural heritage criteria.

Key words. Konstantin Nosilov, Severnaya Sosva, biography, ethnography, gold-digger, monument of science and technology

E-mail: ilya_abramov@list.ru

A photograph of a forest path covered in fallen red and orange leaves. The path leads into a dense forest with tall trees. Some trees have yellow and orange autumn foliage, while others are green. A large, semi-transparent circular graphic is overlaid on the image, centered on the path. At the bottom of the image, there is a red banner with white text, and a yellow and black checkered pattern on the left side.

Последние полевые сезоны:
2016–2017 гг.

К созданию историко-археологического опорного плана Барсовой горы

Г.П. Ведмидь

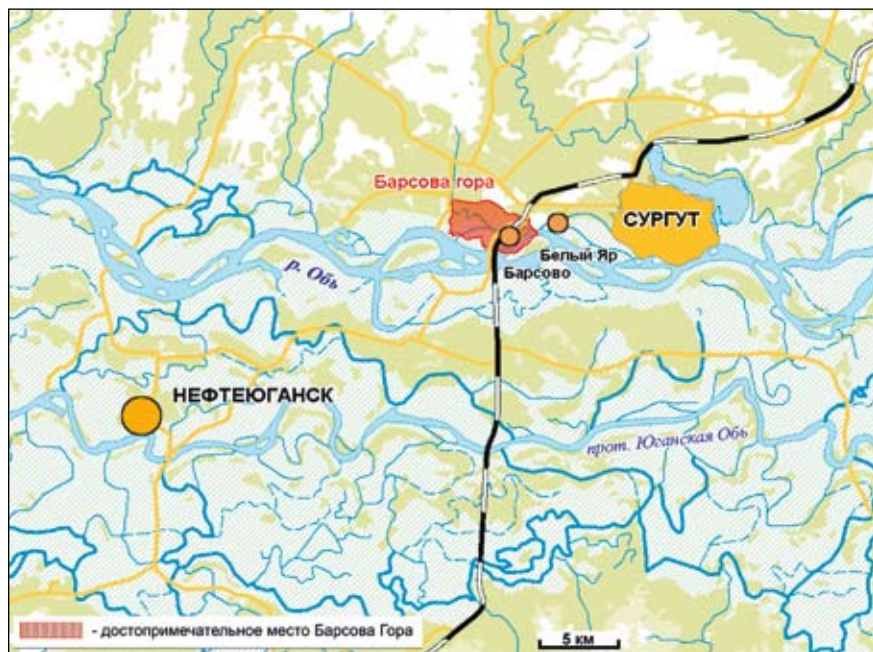
МАУ ИКНПЦ «Барсова Гора»

г. Сургут

Аннотация. В статье отражены археологические исследования двух полевых сезонов (2014 и 2017 гг.), которые были проведены в центральной части достопримечательного места «Барсова Гора». Результаты работ составят основу археологического опорного плана — одного из первых этапов обоснования на данной территории границ историко-культурного заповедника.

Ключевые слова. Среднее Приобье, Сургут, Барсово, Барсова гора, достопримечательное место, историко-культурный заповедник, протока Микишкина, опорный план, археологические исследования, городище, селище, поселение, графические реконструкции.

Достопримечательное место «Барсова Гора», в пределах которого проведены исследования, находится в Сургутском р-не ХМАО — Югры Тюменской обл., в 7,0 км западнее г. Сургута, в границах Западно-Сургутского месторождения нефти, которое разрабатывает НГДУ «Сургутнефть» ОАО «Сургутнефтегаз» (ил. 1). С северо-запада и юго-востока урочище простирается на 6,5 км вдоль склона террасы, примыкающей к пойме Оби, что соответствует координатам между 73°05' и 73°14' в.д. (ил. 2). Северо-западная граница участка проходит по долине р. Калинки. На севере Барсова гора ограничена крупным болотным массивом, называемым болото Поганое, которое юго-восточнее вклинивается в пойму р. Барцевки (последняя ограничивает территорию с северо-востока и востока). В западной части болотного массива берут начало левые притоки р. Калинки. С юга и юго-запада от Барсовой горы простирается пойма Оби с примыкающими к возвышенности протоками Утоплой и Микишкиной. Таким образом,

Ил. 1. Достопримечательное место «Барсова Гора». Ситуационный план

территория урочища имеет естественные границы в виде водных преград и труднопроходимого на севере болота.

В совокупности урочище Барсова Гора достигает площади 16,5 кв. км и состоит из двух — второй и третьей — надпойменных террас (первая в р-не г. Сургута отсутствует). Рельеф территории урочища холмистый. К пойме Оби оно имеет крутой склон с углом наклона до 45° . Наиболее возвышенная часть территории — 64 м над уровнем моря — находится в районе пгт. Барсово. Подножье на границе поймы проходит по горизонтали 32 м. С северной стороны рельеф более сглаженный, с постепенным его понижением. На удалении ок. 800 м к юго-востоку от исследуемого участка протекает Обь — крупнейший водный объект Западной Сибири.

В географическом отношении местность расположена на Западно-Сибирской равнине. Это Приобская географическая провинция, на части которой с названием Среднеобская низменность и расположен Сургутский р-н. По физико-географическому районированию территория относится к Сургутской провинции лесной равнинной зональной области, по гидролого-климатическому районированию — к зоне

избыточного увлажнения и недостаточной теплообеспеченности, по агроклиматическому районированию — к прохладному и значительно увлажненному району. В соответствии с геоботаническим районированием территория входит в Тромъеганский геоботанический округ грядово- и озерково-мочажинных сфагновых болот и сосновых лишайниковых и зеленомошных лесов¹. Территория Барсовой горы покрыта в основном автоморфными сосняками (ил. 3), лишайниковыми и кустарничково-зеленомошными на иллювиально-железистых подзолах. Видовая структура сосняков в целом типична для Западной Сибири. Материалы лесоустройства территории охватывают Сургутский лесхоз, Сургутское лесничество, кварталы № 400, 401, 402.

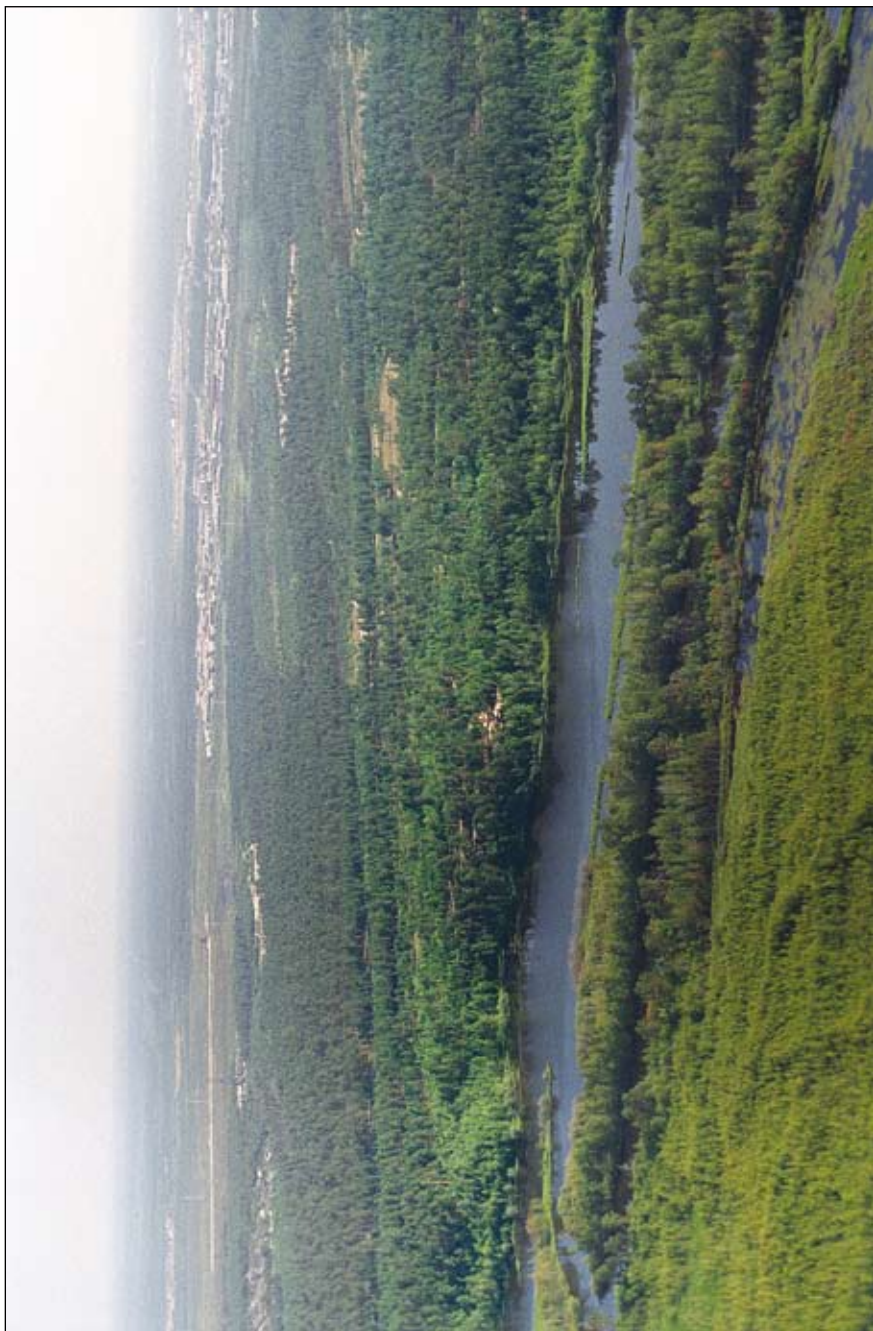
О памятниках археологии на территории урочища Барсова Гора известно с XIX в. Предположительно в 1845 г. археологические объекты на Барсовой горе осматривал профессор М.А. Кастрен. В 1890 г. информация о городище *«около Сургута верстах в 7 вниз по реке Оби»* была впервые опубликована². Обследование крупнейшего археологического комплекса и раскопки на разных его участках проводились политическими ссыльными В.Ф. Казаковым (1887 или 1889 г.) и Т.И. Мироновым (1909 г.), томским антропологом М.С. Чугуновым (1890 г.), шведским ученым Ф.Р. Мартином (1891 г.)³.

В 1925 г. группой тобольских краеведов под руководством С.А. Кукулина и Н.Я. Павлова был составлен схематический «План остатков древнего городища на «Барсовой горе», на котором представлен участок береговой террасы урочища Барсова Гора протяженностью 4,5 км и обозначены более 30 археологических памятников. К чертежу прилагалась краткая пояснительная записка. В составленной документации основное внимание было уделено городищам⁴.

В 1960-х гг. любительские раскопки в неустановленных местах на Барсовой горе проводили сургутский краевед Ф.Я. Показаньев и учитель В.П. Бирюков. В 1963 г. Ф.Я. Показаньевым был составлен ещё один «План Барсова городища» — схема расположения более 60 памятников на береговой террасе урочища⁵.

Таким образом, исследования на данной территории ведутся уже более 100 лет, и результаты их широко представлены как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Это даёт основание не останавливаться подробно на истории изучения археологических памятников Барсовой горы, которая наиболее полно изложена Ю.П. Чемякиным и Н.В. Шатуновым⁶.

Очередным этапом развития территории урочища Барсова Гора после придания ей статуса достопримечательного места⁷ должен

Ил. 3. Достопримечательное место «Барсова Гора». Центральная часть. Общий вид с ЮЗ на исследуемую площадь. На переднем плане — протока Микишкина

стать историко-культурный заповедник. На его базе последует и завершающая стадия проектно-планировочных мероприятий — создание музея-заповедника «Барсова Гора». Актуальность составления сводного чертежа опорного плана обусловлена необходимостью обретения целостной картины, отражающей наиболее полный объём археологического наследия. Для исполнения именно этой задачи и были предприняты в 2014 и 2017 гг. историко-культурные натурные и камеральные исследования⁸. Они были сосредоточены на следующих объектах археологического наследия: городище Барсов Городок II/13; поселения Барсова Гора II/24, Барсова Гора II/27, Барсова Гора II/30, Барсова Гора II/31, Барсова Гора II/36; селища Барсова Гора II/26, Барсова Гора II/28, Барсова Гора II/29, Барсова Гора II/32, Барсова Гора II/33, Барсова Гора II/34, Барсова Гора II/35, Барсова Гора IV/18, Барсова Гора IV/19, Барсова Гора IV/20, Барсова Гора IV/21, Барсова Гора IV/23, Барсова Гора IV/24, Барсова Гора IV/25.

Отметим, что принципиальной разницы между «селищем» и «поселением» нет. Имеются отличия лишь в терминологии, которая сложилась и закрепились в ходе истории исследования Барсовой горы.

Площадь исследования размерами ок. 200х1850 м, состоящая из пяти участков выполняемых работ, расположена на удалении 10 км к западу от г. Сургута, в 3 км к западу — северо-западу от пгт. Барсово, на правом берегу Оби, правом северо-восточном берегу протоки Микишкиной (ил. 4). Размеры участков:

- № 1 — ширина 30—100 м, протяжённость 200 м;
- № 2 — 65х400 м;
- № 3 — 210х260 м;
- № 4 — 145х220 м;
- № 5 — 190х240 м.

Ранее исследования на данной территории проводились Ю.П. Чемякиным и А.П. Зыковым⁹.

Работы выполнялись автором за счёт средств МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора» в течение двух полевых сезонов. Их целью являлось:

- получение современных данных о ранее выявленных объектах археологического наследия;
- сбор исходных данных для обоснования проекта границ территории историко-культурного заповедника «Барсова Гора»,
- определение потенциала графических реконструкций как основы создания в перспективе музея-заповедника, его экспозиционно-тематической направленности.

Перед исполнителями стояли следующие задачи:

- обследование археологических памятников в урочище Барсова Гора,
- фиксация современного состояния памятников археологии,
- проведение детальной топографической съёмки и фиксация максимально полного наличия объектов с точной их привязкой.

Обследование территории проводилось:

- путём поиска визуально выраженных археологизированных объектов;
- осмотром повреждённого грунта на предмет наличия артефактов и следов культурного слоя;
- привязкой объектов археологического наследия на местности, а также определения их положения в системе близлежащих и уже известных объектов культурного наследия;
- инструментальной топосъёмкой объектов археологии, включая прилегающий рельеф местности.

Основой составления опорного плана расположения археологических объектов является топографический план участка местности, с фиксацией всех имеющихся в наличии памятников, включая окружающую их ситуацию.

В ходе работ проведена тахеометрическая съёмка на 20 памятниках археологического наследия, отражено их современное состояние, даны основные характеристики, выявлены отличия и изменения, произошедшие с момента последнего обследования памятников. Границы между ними проведены условно и следуют, как правило, на удалении ок. 25 м от визуально читаемого крайнего объекта, относящегося к соседнему поселению. Шурфы в процессе полевых изысканий не закладывались.

Описание, которое представлено далее, выполнено согласно порядку расположения памятников на местности и следует по направлению запад — восток от поселения Барсова Гора II/36, что вблизи городища Барсова Гора II/14, к селищу Барсова Гора IV/18, которое находится в 60 м северо-западнее ЦСП «Сибирский легион».

Северо-западная группа, состоящая из трёх археологических памятников, представлена поселением Барсова Гора II/36, селищами Барсова Гора II/35 и Барсова Гора II/34. Почти вплотную примыкая друг к другу, они занимают на гриве участок № 1 шириной 30—100 м и протяжённостью 200 м (ил. 5). На севере он ограничен заболоченной ложбиной, на юго-западе — поймой, на северо-западе примыкают городище Барсов Городок II/14 и селище Барсова Гора II/37, а с востока на удалении 45 м располагается селище Барсова Гора II/33.

Поселение Барсова Гора II/36 (ил. 5) — объект археологического наследия федерального значения, находится в 3,35 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Участок, на котором расположено поселение, имеет общий уклон в северном направлении от края террасы к болотистой низине. На северной оконечности памятника уклон местности направлен к западу — юго-западу, то есть к ложбине. Высота террасы вблизи поселения 5,0 м, превышение высот составляет 1,5 м.

Растительность представлена высокоствольным сосновым лесом с берёзовым, осиновым и сосновым подлеском, ольхой, в нижнем ярусе — хвойный опад, зелёные мхи, кустарничковые с примесью кипрея (иванчая) и таёжного мелкотравья. Вблизи болота — влаголюбивая травянистая растительность — осока, кипрей, хвощи. На южной оконечности поселения видны следы низового пожара.

Поселение, занимая участок гряды размерами 40х80 м, ограничено с юго-запада склоном террасы, с северо-востока — обширным заболоченным понижением, с северо-запада — широким логом, пересекающим гряду и соединяющим заболоченное понижение с поймой протоки. Западной границей служат селище Барсова Гора II/37, а также оборонительные сооружения городища Барсов Городок II/14, расположенного на мысу. В 7 м восточнее находится селище Барсова Гора II/35.

Памятник включает 31 археологический объект — одиночных, а также скомпонованных в группы и ряды впадин и площадок с обваловками, которые нередко соприкасаются с обваловками соседних впадин. Наиболее плотно, в три ряда, сгруппированы сооружения у края террасы (№ 1—10). У некоторых впадин фиксируются предполагаемые места выходов-коридоров в виде понижения, разрывающего или выгибающего наружу кольцо обваловки. Впадины, расположенные на краю террасы, частично повреждены береговой эрозией. Осыпания берега в настоящее время не отмечается. По поселению по линии юго-восток — северо-запад проложена лесная дорога, нарушившая объекты № 4, 6—8.

Территорию поселения Барсова Гора II/36 можно условно подразделить на три зоны:

- южную: на краю террасы; 10 объектов (№ 1—10), примыкающих к городищу Барсов Городок II/14;
- северную: 12 объектов (№ 20—31);
- восточную: 6 объектов (№ 11—14, 18, 19) (ил. 6).

Последняя зона в весенний период почти целиком затопливается полыми водами, которые освобождают расположенные здесь шесть объектов только во второй половине лета. Это позволяет предположить изменение гидрорежима на данном участке поселения.

Таблица 1

Поселение Барсова Гора II/36.

Основные характеристики археологических объектов

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота / ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Впадина (нарушена береговой эрозией)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	7,6х9,0	0,3	0,1/1,7	–
2	Впадина (нарушена береговой эрозией и дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	7,0х10,8	0,3	–	–
3	Впадина (нарушена береговой эрозией и дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	5,6х6,8	0,3	–	–
4	Площадка (с углублением в центре – 0,2; нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	10,7х11,7	0,2	0,2/2,3	Три ямы от 0,5х2,0х0,1 до 0,6х2,3х0,2
5	Впадина (нарушена объектами № 6 и 1)	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	6,0х8,5	0,3	0,1/1,0	–
6	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	10,7х11,8	0,5	0,2/2,6	Две ямы 1,2х3,0х0,2 и 0,8х4,3х0,2
7	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	7,0х9,2	0,3	0,2/2,0	–
8	Впадина (нарушена дорогой и объектом № 7)	Аморфная	Ю – С	5,4х7,0	0,4	0,2/1,5	–
9	Впадина	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	8,7х9,8	0,5	0,2/1,1	Одна яма 1,1х4,7х0,2
10	Впадина	Подпрямоугольная	Ю – С	7,2х8,7	0,6	0,2/1,1	–
11	Впадина	Округлая	–	11,0 и 11,25	0,8	0,3/2,5	Три ямы от 0,8х1,3х0,2 до 0,5х1,8х0,2
12	Впадина	Округлая	–	10,0 и 10,2	0,6	0,2/2,1	Одна яма 0,4х1,2х0,2
13	Впадина (нарушена объектом № 7)	Подпрямоугольная	Ю – С	7,2х8,2	0,4	0,2/1,4	Две ямы 0,6х4,2х0,2 и 1,0х2,4х0,2
14	Впадина	Подпрямоугольная	Ю – С	11,6х12,0	0,6	0,6/3,2	Три ямы от 0,9х2,4х0,2 до 1,4х7,4х0,3
15	Впадина	Трапециевидная	ЗСЗ – ЮЮВ	8,3х10,0	0,6	0,2/1,7	–
16	Впадина	Подпрямоугольная	СЗ – ЮВ	5,2х6,7	0,2	0,1/0,9	–
17	Впадина	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	6,8х9,0	0,5	0,5/1,0	–
18	Впадина	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	6,9х9,5	0,2	0,1/2,1	Две ямы 0,5х2,0х0,1 и 1,0х2,15х0,2
19	Впадина	Подквадратная	ССЗ – ЮЮВ	6,4х6,7	0,3	0,1/1,5	–
20	Впадина	Подквадратная	ССЗ – ЮЮВ	6,7х6,8	0,4	–	–
21	Впадина (нарушена объектом № 22)	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	5,8х7,1	0,3	–	–
22	Впадина	Подквадратная	ССВ – ЮЮЗ	5,7х5,5	0,2	0,1/1,2	–
23	Впадина	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	6,8х7,5	0,3	0,2/1,3	–

24	Впадина (нарушена объектом № 25)	Подпрямоугольная	СЗ – ЮВ	7,6х10,2	0,5	–	–
25	Впадина	Подпрямоугольная	СВ – ЮЗ	5,9х9,3	0,5	–	–
26	Впадина	Подпрямоугольная	СЗ – ЮВ	6,4х7,15	0,4	–	–
27	Впадина (нарушена объектом № 28)	Подквадратная	ССЗ – ЮЮВ	6,6х6,8	0,5	–	–
28	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	8,0х10,5	0,6	0,2/1,2	Одна яма 1,2х3,0х0,3
29	Впадина (нарушена объектом № 28)	Трапецевидная	ССЗ – ЮЮВ	6,7х8,5	0,6	0,2/1,0	–
30	Впадина	Аморфная	ССВ – ЮЮЗ	7,2х10,7	0,6	0,2/2,3	Одна яма 2,1х3,2х0,4
31	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	3,4х5,0	0,3	–	–

Ил. 6. Достопримечательное место «Барсова Гора». Исследуемый участок № 1. Фрагмент топографического плана поселения Барсова Гора II/36 с фотофиксацией гидрорежима в течение полевого сезона 2014 г.

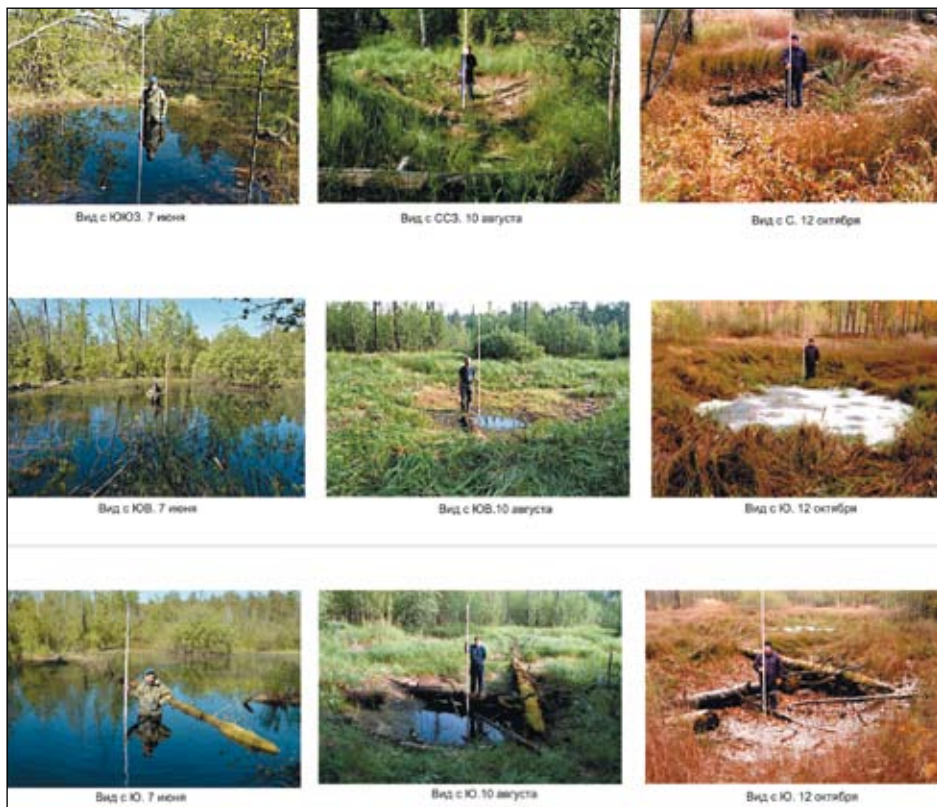
Признаки культурного слоя, время возникновения которого превышает сто лет, включая археологические предметы, отсутствуют.

Первый план поселения снят в 1986 г. В.В. Суминым и уточнён в 1987 г. А.П. Зыковым¹⁰. Датировка — ранний железный век, Средневековье.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Селище Барсова Гора II/35 (ил. 5) — объект археологического наследия федерального значения расположен в 3,25 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Занимая площадку рамерами 23х36 м, селище расположено у края второй надпойменной террасы северо-восточного берега старицы протоки Микишкиной. Высота террасы здесь составляет 7 м над уровнем уреза воды в старице. С восточной стороны примыкает селище Барсова Гора II/34, а на удалении 7 м западнее расположено поселение

Барсова Гора II/36. Рельеф участка, где находится селище, имеет общий уклон на северо-восток. Перепад высотных отметок в пределах памятника составляет 1,5 м.

Растительность представлена высокоствольным сосновым лесом с берёзовым, сосновым и осиновым подлеском, с примесью рябины, в нижнем ярусе — багульник, редкий брусничник, опад хвои, зелёные мхи, кипрей, таёжное мелкотравье. На поверхности видны следы низового пожара, поразившего площадку памятника. Через селище проходит лесная дорога, частично нарушившая объекты № 2 и 3.

Селище включает три одиночные впадины с обваловками. У двух из них (№ 2 и 3) фиксируются предполагаемые места выходов-коридоров в виде понижения и выступа в кольце обваловки.

Объект 1 расположен у края террасы и представляет собой впадину подквадратной формы размерами 6,2х9,4 м, ориентированную по оси юго-запад — северо-восток. Глубина составляет 0,4 м. Вокруг впадины зафиксирована обваловка шириной до 2,0—2,2 м и высотой 0,3—0,4 м. На северной стороне к обваловке впадины примыкают ещё две изогнутые валообразные насыпи, назначение которых неясно. Ширина их составляет от 1,5 до 3,0 м, высота — 0,1—0,2 м, протяжённость 3,5 и 6,0 м.

Объект 2 — впадина подпрямоугольной формы размерами 6,7х8,5 м глубиной 0,2 м, ориентированная длинной осью по линии ЮВ — СЗ. Обваловка при ширине 1,5 м имеет высоту 0,1 м. В сооружении фиксируется место предполагаемого выхода, обращенного на северо-восток, в виде короткого (ок. 0,5 м) понижения обваловки. С обеих сторон изгиба прослеживается пара ложбинообразных понижений-впадин размерами 0,8х2,7 и 1,0х3,0 м, глубиной 0,1—0,2 м.

Объект 3 представляет собой подпрямоугольную впадину размерами 10,7х12,0, глубиной 0,4 м, ориентированную с юго-востока на северо-запад. По периметру видна обваловка 3,5—5,0 м высотой 0,2 м. Фиксируется место предполагаемого выхода на северо-восток в виде углубления-выступа шириной 2 м со стороны впадины. С северо-западной и северо-восточной сторон к обваловке примыкают 4 внешних углубления размерами от 0,5х1,4 до 0,8х3,3 м, глубиной 0,1—0,2 м. Юго-западный внешний край обваловки нарушен дорогой.

Первый план селища был снят В.В. Суминым в 1986 г.¹¹ Датировка не определена.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Селище Барсова Гора II/34 (ил. 5) — объект археологического наследия федерального значения, находится в 3,0 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Селище, занимая площадку размерами 45х135 м, расположено у края второй надпойменной террасы северо-восточного берега старицы протоки Микишкиной. Высота террасы на этом участке составляет 7—8 м над уровнем уреза воды в старице. Рельеф местности, где расположено селище, имеет общий уклон к северо-востоку. Перепад высотных отметок в пределах памятника составляет 1,5 м. В 45 м юго-восточнее расположено селище Барсова Гора II/33, а с северо-запада почти вплотную примыкает селище Барсова Гора II/35.

Растительность та же, что представлена выше. И здесь на поверхности видны следы низового пожара, поразившего площадку селища от края террасы до грунтовой дорогой, остановившей дальнейшее распространение огня. Эта лесная дорога пересекает объекты № 5, 6, 15, 16, 21, 23 и 25.

Таблица 2

**Селище Барсова Гора II/34.
Основные характеристики археологических объектов**

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота / ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Впадина (частично разрушена береговой эрозией)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	5,7х8,0	0,3	0,3/3,0	–
2	Впадина (частично разрушена береговой эрозией)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	7,0х8,0	0,4	0,1/2,0	–
3	Впадина (частично разрушена береговой эрозией)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	5,5х5,5	0,2	0,1/1,6	Одна яма 0,7х2,5х0,1
4	Впадина (с коридорообразным выступом)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	5,0х6,0	0,5	0,2/4,1	–
5	Площадка (с впадиной в центре)	Округлая	–	13,0 (впадина 8,0)	0,2 (впадина 0,1)	–	Две ямы 1,1х3,5х0,1 и 1,5х5,0х0,2
6	Площадка (с углублением в центре)	Подпрямоугольная	Ю – С	5,5х9,0, впадина 3,0х5,2	0,2 (впадина 0,2)	–	Три ямы от 0,3х1,5х0,1 до 1,0х6,0х0,1
7	Впадина (разрушена береговой эрозией)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	6,5х7,5	0,2	0,2/3,2	–
8	Впадина (с коридорообразным выступом)	Подквадратная	ЮЗ – СВ	4,5х4,5	0,4	0,2/3,0	–

9	Впадина (с коридорообразным выступом)	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	7,0х8,5	0,5	0,3/3,8	–
10	Впадина	Подовальная	ЮЗ – СВ	2,5 и 3,7	0,2	0,1/0,6	Одна яма 2,1х2,3х0,5
11	Впадина (с коридорообразным выступом)	Подпрямоугольная	Ю – С	6,0х6,0	0,4	0,1/2,5	–
12	Впадина (частично разрушена береговой эрозией)	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	5,0х5,9	0,4	0,2/3,2	–
13	Впадина	Подовальная	ЮВ – СЗ	3,5 и 5,3	0,2	0,1/3,0	–
14	Впадина	Аморфная	ЮЮЗ – ССВ	6,5х8,0	0,4	0,2/3,1	Три ямы от 1,0х2,0х0,2 до 2,5х4,5х0,2
15	Впадина	Округлая	–	8,0	0,3	–	Три ямы от 0,5х1,0х0,1 до 0,8х3,5х0,1
16	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	6,5 х 7,0	0,4	0,2/3,0	–
17	Площадка (с углублением в центре)	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	4,0 х 6,0, впадина 2,5 х 4,5	0,2 (впадина 0,1)	–	–
18	Впадина (с коридорообразным выступом, частично разрушена береговой эрозией)	Подовальная	ЮЮЗ – ССВ	6,0 и 6,5	0,4	0,2/1,5	–
19	Впадина (частично разрушена береговой эрозией)	Аморфная	ЮЮЗ – ССВ	6,0 х 6,5	0,4	0,1/2,0	Одна яма 0,7х1,5х0,1
20	Впадина	Трапециевидная	ЮЮЗ – ССВ	5,5 х 5,8	0,3	0,2/3,2	–
21	Впадина	Подовальная	ЮЮЗ – ССВ	6,8 и 7,0	0,2	0,1/3,3	Две ямы 0,8х2,0х0,1 и 0,6х2,5х0,1
22	Впадина (с коридорообразным выступом)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	6,0 х 6,5	0,3	0,1/1,6	–
23	Площадка (с углублением в центре)	Подовальная	ЮЮЗ – ССВ	8,3 и 11,0, впадина 4,0 и 7,0	0,1 (впадина 0,2)	–	–
24	Площадка (с углублением в центре)	Подовальная	З – В	7,0 и 8,5, впадина 3,0 и 4,0	0,2 (впадина 0,1)	–	Две ямы 0,6х2,0х0,1 и 1,0х4,5х0,1
25	Впадина	Подпрямоугольная	Ю – С	4,0 х 4,3	0,2	0,2/2,5	Одна яма 0,8х4,5х0,2
26	Впадина (частично разрушена береговой эрозией)	Аморфная	–	3,0 х 3,0	0,3	0,1/1,2	Три ямы от 0,5х1,3х0,1 до 0,6х3,0х0,1

Селище включает 26 археологических сооружений — одиночных и объединённых в плотные группы и ряды впадин и площадок. Обваловки соседних впадин нередко соприкасаются. У некоторых фиксируются предполагаемые места выходов-коридоров в виде понижений-разрывов в кольце обваловки. Впадины, расположенные на краю террасы, частично повреждены береговой эрозией. Осыпания берега в настоящее время не отмечается.

Первый глазомерный план селища с 9 впадинами снят в 1974 г. А.Ф. Шориным, а уточнён в 1986 г. В.В. Суминым, зафиксировавшим уже 18 впадин¹². Датировка — бронзовый век.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Селища Барсова Гора II/33, Барсова Гора II/32, Барсова Гора II/29 и поселения Барсова Гора II/31, Барсова Гора II/30, которые следуют далее, на местности рассредоточены вдоль края береговой террасы и занимают участок № 2 размерами ок. 65х400 м (ил. 7, 8). С запада на восток они вытянуты от селища Барсова Гора II/34 до селища Барсова Гора II/28 с интервалом 15—65 м.

Селище Барсова Гора II/33 (ил. 7) — объект археологического наследия федерального значения, находится в 3,05 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Оно расположено у края второй надпойменной террасы северо-восточного берега старицы протоки Микишкиной. Высота террасы на этом участке составляет 7—9 м над уровнем уреза воды в старице. Верхняя кромка террасы, к которой примыкает селище, плавно и полого делает поворот на север — северо-запад и огибает обширную подболоченную низину, расположенную северо-западнее памятника. Более низкий берег продолжается в западном направлении в виде гривы высотой 7 м. Перепад высотных отметок в пределах памятника составляет до 2,0 м. Площадка селища, занимая участок размерами 30х65 м, расположена в 20 м юго-западнее селища Барсова Гора II/32 и в 45 м восточнее селища Барсова Гора II/34.

Территория, которую занимает селище, покрыта высокоствольным сосновым лесом высотой до 20 м с примесью березняка, рябины и осины, в нижнем ярусе — редкие зеленые мхи, иногда брусничник, кустарничковые, на поверхности опад хвои. На склоне береговой террасы преобладают травянистая влаголюбивая растительность, хвощи, кипрей (иван-чай). Площадка селища подвержена сильным антропогенным воздействиям. Она в значительной степени вытоптана,

имеются нарушения поверхностного слоя — видны свежевыврытые ямы (окопы) размерами до 2,0х2,4 м, следы костровищ. В целом же участок берега, включая площадку объекта, активно используется местными жителями для отдыха, охоты и рыбалки. В 20 м севернее селища проходит грунтовая дорога по направлению восток — запад.

Памятник включает не менее 11 плотно расположенных впадин с обваловками. Они организованы в ряды, вытянутые вдоль края террасы. Первый ряд включает сооружения № 1—5; второй ряд — сооружения № 6, 8, 10, 11; третий (неполный) ряд — сооружения № 7 и 9. Близлежащие впадины нередко имеют одну общую обваловку. Объекты первого ряда в разной степени повреждены береговой эрозией, в некоторых местах отмечается осыпание берега.

Первый глазомерный план селища с 5 впадинами снят в 1974 г. А.Ф. Шориным, в 1986 г. он был уточнён В.В. Суминым, зафиксиро-

Таблица 3

Селище Барсова Гора II/33.

Основные характеристики археологических объектов

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Впадина	Подпрямоугольная	З – В	5,0х8,0	0,3	0,3/3,0	Одна яма 1,4х2,4х0,2
2	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	5,0х9,0	0,2	0,2/2,0	–
3	Впадина	Подпрямоугольная	З – В	4,5х8,5	0,2	0,3/2,0	–
4	Впадина	Трапецевидная	ЮЮЗ – ССВ	9,0х10,0	0,2	0,3/2,2	Одна яма 2,8х4,5х0,2
5	Впадина	Трапецевидная	ЮЗ – СВ	4,0–6,0х9,0	0,3	0,3/1,8	–
6	Впадина	Подпрямоугольная	ЗЮЗ – ВСВ	8,0х11,0	0,3	0,5/3,0	Пять ям от 0,7х1,8х0,4 до 2,0х3,5х0,4
7	Впадина	Трапецевидная	З – В	5,0х6,0	0,2	0,2/1,3	Одна яма 1,0х2,0х0,2
8	Впадина	Подпрямоугольная	Ю – С	4,5х6,0	0,3	0,3/1,5	Четыре ямы от 0,8х1,6 до 2,0х4,3х0,4
9	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	6,0х6,2	0,2	0,2/1,2	Три ямы от 0,8х1,0х0,2 до 1,3х1,3х0,2
10	Впадина	Подпрямоугольная	З – В	6,0х8,5	0,2	0,2/2,1	Одна яма 2,1х2,3х0,5
11	Впадина	Подпрямоугольная	З – В	6,0х10,0	0,3	0,3/3,2	–

вавшим уже 10 впадин¹³. В 2001 г. Ю.П. Чемякиным в одном из разрушений культурного слоя была обнаружена керамика кульгёганского типа эпохи бронзы.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Селище Барсова Гора II/32 (ил. 7) — объект археологического наследия федерального значения, находится в 3 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Расположено у края второй надпойменной террасы северо-восточного берега старицы протоки Микишкиной. Высота террасы на этом участке составляет 10—12 м над уровнем уреза воды в старице. Рельеф

Таблица 4

**Селище Барсова Гора II/32.
Основные характеристики археологических объектов**

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Подпрямоугольная	С – Ю	6,0х8,0	0,3	0,2/2,0	Три ямы от 1,4х2,4х0,2 до 1,7х3,5х0,2
2	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Подквадратная	С – Ю	7,0х7,3	0,3	0,2/2,5	Четыре ямы от 1,6х3,5х0,2 до 2,0х4,4х0,2
3	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Подпрямоугольная	С – Ю	6,0х7,0	0,2	0,1/1,5	Шесть ям от 0,6х1,3х0,2 до 0,9х4,0х0,2
4	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	7,7х8,1	0,2	0,1/1,7	Три ямы от 0,4х1,2х0,1 до 0,5х1,5х0,1
5	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	6,8х7,4	0,2	0,2/2,0	Три ямы от 0,4х1,1х0,1 до 0,6х1,6х0,1
6	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Подквадратная	ЗСЗ – ВЮВ	6,5х6,5	0,2	0,2/1,2	Четыре ямы от 0,3х1,1х0,1 до 0,9х1,8х0,1
7	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	4,9х7,2	0,2	0,2/1,5	Одна яма 1,0х2,0х0,2
8	Впадина (повреждена береговой эрозией)	Аморфная	ССЗ – ЮЮВ	4,0х5,8	0,3	0,1/1,0	Одна яма 0,7х1,9х0,2
9	Впадина (повреждена береговой эрозией)	Аморфная	СЗ – ЮВ	1,2х5,2	0,5	0,2/2,2	–

местности, на которой расположено селище, имеет общий уклон с северо-востока на юго-запад. Перепад высотных отметок в пределах памятника составляет 2,5 м. Памятник, занимая участок размерами 33х110 м, находится в 20 м северо-восточнее селища Барсова Гора II/33 и в 65 м северо-западнее поселения Барсова Гора II/31.

Территория селища покрыта той же растительностью, что и участок селища Барсова Гора II/33.

На поверхности памятника зафиксировано девять археологических сооружений, два из которых (№ 8 и 9) повреждены в результате береговой эрозии. Через селище проходит грунтовая дорога, пересекающая сооружения № 1—4, 6, 7. Они образуют неровную цепочку на удалении 8—13 м от края береговой террасы.

Признаки культурного слоя, время возникновения которых превышает сто лет, включая археологические предметы, отсутствуют.

Первый план селища, включавший две площадки, был снят В.В. Су-миным в 1986 г.¹⁴ Датировка — ранний железный век.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Поселение Барсова Гора II/31 (ил. 8) — объект археологического наследия федерального значения, расположен в 2,9 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Поселение находится у края второй надпойменной террасы северо-восточного берега старицы протоки Микишкиной и занимает северо-западную оконечность широкого мыса, образованного изгибом береговой линии, и прилегающий к нему участок террасы. Высота последней на этом участке составляет 10—11 м над уровнем уреза воды в старице. Участок берега размерами 25х55 м, на котором расположен объект археологического наследия, имеет общий уклон на юго-запад. В 8 м восточнее находится поселение Барсова Гора II/30, а в 65 м северо-западнее — селище Барсова Гора II/32. Перепад высотных отметок в пределах памятника составляет 3,0 м.

Растительность представлена сосновым лесом с березовым, сосновым и осиновым подлеском, в нижнем ярусе — зелёные мхи, кустарничковые, кипрей (иван-чай).

На поверхности поселения зафиксированы семь археологических сооружений, одно из которых (№ 1) находится на стрелке мыса и повреждено в результате береговой эрозии. Осыпания берега в настоящее время не отмечается. По периметру сооружений имеются внешние ямы, у одной из которых (№ 2) прослеживается выход в виде прорезающего обваловку выступа.

Таблица 5

**Поселение Барсова Гора II/31.
Основные характеристики археологических объектов**

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Подовальная	З – В	7,0 и 9,0	0,3	0,3/1,5	Две ямы 0,4х1,4х0,2 и 0,8х2,6х0,2
2	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	9,3х12,4	0,3	0,3/2,7	Семь ям от 0,7х1,7х0,4 до 2,2х3,7х0,5
3	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Подовальная	ЮВ – СЗ	7,0х13,0	0,5	0,5/2,2	Шесть ям от 1,0х2,0х0,3 до 1,3х3,3х0,5
4	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	3,6х4,4	0,2	0,2/1,0	–
5	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Подовальная	ЮВ – СЗ	9,1 и 10,2	0,3	0,3/2,4	Шесть ям от 0,3х1,0х0,2 до 1,2х2,5х0,2
6	Площадка (с углублением в центре – 0,2 м)	Округлая	–	7,4 и 7,6	0,2	0,2/2,4	Четыре ямы от 0,6х1,2х0,3 до 1,5х4,6х0,3
7	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	6,2х7,3	0,3	0,2/1,6	Четыре ямы от 0,6х4,5х0,2 до 1,5х6,5х0,3

Признаки культурного слоя, время возникновения которого превышает сто лет, включая археологические предметы, отсутствуют.

План поселения снят в 1986 г. В.В. Суминым и уточнен в 1987 г. А.П. Зыковым¹⁵. Датировка — ранний железный век, Средневековье.

Состояние объекта археологического наследия удовлетворительное.

Поселение Барсова Гора II/30 (ил. 8) — объект археологического наследия федерального значения, находится в 2,9 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Поселение занимает участок размерами 20х36 м, расположено на краю второй надпойменной террасы северо-восточного берега старицы протоки Микишкиной, у основания слабо выраженного широкого мысовидного выступа в его юго-восточной части. Высота террасы на этом участке составляет 11–12 м над уровнем уреза воды. Участок берега, на котором расположен объект археологического наследия, имеет общий уклон к юго-западу. Перепад высотных отметок в пределах памятника составляет 1,5–2,0 м. Растительность та же.

На удалении 26 м к северо-востоку находится селище Барсова Гора II/29, а в 8 м к западу — северо-западу — поселение Барсова Гора II/31.

На поверхности памятника зафиксированы четыре впадины с обваловками, три из которых (№ 2—4) располагаются вплотную друг к другу в ряд по линии юго-восток — северо-запад. Два сооружения (№ 1 и 4) частично повреждены в результате эрозии берега. Дальнейшего разрушения берега в настоящее время не наблюдается.

Объект № 1 расположен отдельно от других в юго-западной части мыса. Впадина прямоугольной формы размерами 3,8х5,8 м глубиной 0,3 м ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток. От впадины в юго-восточном направлении (к краю террасы) отходит коридор в виде ложбины шириной 1,6—1,7 м и длиной 3,2—3,4 м, выходящей («открывающейся») на склон. Обваловка сооружения слабо выражена и заметно деформирована, очевидно, вследствие оползания склона. Ширина её составляет 1,2—3,3 м, высота — 0,1—0,2 м. С северной и восточной сторон снаружи к обваловке примыкают не менее четырёх внешних углублений размерами от 0,5х1,0 до 1,6х1,8 м и глубиной 0,1—0,2 м.

Объект № 2 находится в 6 м северо-восточнее первого и в ряду из трёх впадин (№ 2—4) занимает западное положение. Впадина прямоугольной формы размерами 5,0х6,5 м и глубиной 0,5—0,6 м ориентирована длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. Узкий коридор-выход фиксируется с юго-западной стороны сооружения. Его длина составляет 4,0 м, ширина — 0,8—0,9 м. Обваловка шириной до 3,2 м и высотой 0,2 м прослежена по всему периметру впадины. С северной стороны у края обваловки зарегистрированы два небольших углубления размерами 0,6х1,3 и 0,5х2,7 м, глубиной до 0,2 м.

Объект № 3 расположен восточнее второго и занимает в ряду центральное место. Впадина четырёхугольной формы размерами 6,0х6,5 м и глубиной 0,5—0,6 м ориентирована длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. Узкий коридорообразный выход длиной 3,7 м и шириной 0,5 м, направленный на юго-запад, выходит на край террасы. Обваловка при ширине до 2,7 м имеет высоту 0,1—0,3 м. На юго-восточном и северо-западном участках она примыкает, почти сливаясь, к обваловкам соседних сооружений.

Объект № 4 занимает крайнее восточное положение. Впадина четырёхугольной формы размерами 5,0х6,0 м и глубиной 0,7—0,8 м, ориентированная длинной осью по линии юго-восток — северо-запад, с

южной стороны частично повреждена вместе с обваловкой в результате оползания кромки берега. Обваловка имеет ширину 1,6–2,7 м, высоту — 0,1–0,3 м. С северной стороны у края обваловки прослеживается узкое понижение размерами 0,6х2,0 м и глубиной 0,1–0,2 м.

Проявления культурного слоя отсутствуют.

Первый глазомерный план поселения снят в 1974 г. А.Ф. Шориным, а в 1986 г. В.В. Суминым был составлен новый чертёж, уточненный в 1987 г. А.П. Зыковым¹⁶. Датировка — Средневековье.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Селище Барсова Гора II/29 (ил. 8) — объект культурного наследия федерального значения, находится в 2,85 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Селище расположено на второй надпойменной террасе северного берега обской протоки Микишкина в юго-западной части урочища Барсова Гора на удалении 20 м к северо-востоку от крутого склона. Высота берега здесь достигает 12 м, бровка террасы слабо выражена. Общий уклон местности направлен с северо-востока на юго-запад. Перепад высотных отметок в пределах памятника составляет 2,0–2,5 м.

Территория, на которой расположено селище, разделена грунтовой дорогой по направлению юго-восток — северо-запад. Южный и юго-восточный участки памятника покрыты плотным подростом осины с примесью берзняка и сосняка, на нижнем ярусе — редкий брусничник и кустарничник. Видны следы низового пожара, уничтожившего лесную подстилку. В данный момент наблюдается активное восстановление растительного покрова. Северо-восточная часть территории селища, распространению пожара на которую препятствовала грунтовая дорога, занята высокоствольным сосновым лесом с примесью берёзового и соснового подлеска. Нижний ярус представлен зелёными мхами, брусничником, кустарничками и таёжным мелкотравьем.

Памятник занимает участок размерами 12х35 м, который расположен в 20 м северо-восточнее края террасы. Площадка селища вытянута с юга — юго-востока на север — северо-запад. В 33 м юго-восточнее расположено селище Барсова Гора II/28, в 40 м восточнее — поселение Барсова Гора II/27, в 25 м юго-западнее — поселение Барсова Гора II/30.

Селище состоит из четырёх впадин с обваловками, две из которых (№ 3 и 4) вплотную примыкают друг к другу. Строгая система во взаиморасположении объектов отсутствует. Через территорию селища

по направлению юго-восток — северо-запад проходит грунтовая дорога, которой частично повреждены впадины № 2 и 1.

Объект № 1 расположен в северо-западной части селища. Впадина четырёхугольной формы размерами 5,1х6,3 м, глубиной 0,4—0,5 м ориентирована длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. Вокруг неё фиксируется обваловка шириной 2,5—3,0 м и высотой 0,1—0,2 м. На северо-восточном участке обваловки выявлено углубление размерами 2,0х3,8 м с вертикальной отметкой —0,15 м от уровня современной дневной поверхности. В этом месте внешний край обваловки частично смят грунтовой дорогой. Два узких углубления-канавки прослеживаются вдоль наружного края обваловки с юго-восточной и юго-западной сторон. Их размеры составляют 0,3х1,5 и 0,6х3,2 м, глубина 0,1 м.

Объект № 2 находится в 12,5 м юго-восточнее первого. Он представляет собой впадину округлой формы диаметром 7,0 м и глубиной 0,2—0,3 м. Обваловка при ширине 2,3—3,5 м имеет высоту 0,1 м. Внешний край обваловки (около 0,5—0,7 м) на юго-западном участке подрезан грунтовой дорогой.

Объект № 3 расположен в 25 м юго-восточнее сооружения № 1 и в 10 м южнее сооружения № 2. Впадина подпрямоугольной формы размерами 5,0х6,0 м, глубиной 0,3 м ориентирована длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. Обваловка имеет ширину до 2,5 м и высоту 0,10—0,15 м. На юго-западном участке, где к сооружению № 3 примыкает сооружение № 4, обваловка выражена слабо: расстояние между впадинами здесь не превышает 1,5 м. С юго-востока, севера и северо-востока у внешнего края обваловки прослеживаются узкие углубления размерами от 0,2х0,7 до 0,4х0,8 м, глубиной 0,1—0,2 м.

Объект № 4 примыкает к третьему с юго-западной стороны. Впадина подквадратной формы размерами 5,0х5,0 м и глубиной 0,3 м ориентирована по линии юго-восток — северо-запад. Обваловка при ширине до 3,5—4,0 м имеет высоту 0,1—0,2 м. На юго-восточном участке обваловку со стороны впадины пререзает понижение-выступ четырёхугольной формы размерами 1,5х2,5 м, маркирующий место расположения коридора-выхода из жилища.

Первый глазомерный план селища с двумя впадинами составлен в 1986 г. В.В. Суминым; в 2001 г. Ю.П. Чемякиным были обнаружены ещё 2 сооружения¹⁷.

Археологических предметов на поверхности не обнаружено. Судя по степени оплывания археологических сооружений время возникновения объекта археологического наследия превышает сто лет.

Состояние селища неудовлетворительное.

Группа памятников археологического наследия на участке № 3 представлена городищем Барсов Городок II/13; селищами Барсова Гора II/28, Барсова Гора II/26; поселениями Барсова Гора II/27, Барсова Гора II/24 (ил. 9). Они расположены, практически, единым массивом, образующим локальный поселенческий комплекс размерами ок. 210х260 м. Границы между памятниками, за исключением городища, условны, и какой-либо системы не просматривается. Доминирующее место среди них, несомненно, занимает городище Барсов Городок II/13, который отличается как выразительностью пояса обороны (рва, вала), так и органичным расположением в местном рельефе. Он вписан в стрелку мыса, который от линии береговой террасы в сторону протоки Микишкиной отступает более чем на 60 м.

Селище Барсова Гора II/28 (ил. 9) — объект археологического наследия федерального значения, находится в 2,8 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Селище, занимая участок размерами 12х35 м, расположено на второй надпойменной террасе северного берега обской протоки Микишкина на удалении 21 м к востоку от крутого склона. Высота берега здесь достигает 14 м, бровка террасы хорошо выражена. Перепад высот в пределах селища незначительный. В 3 м южнее расположено городище Барсов Городок II/13, а в 12 м к востоку — северо-востоку — поселение Барсова Гора II/27.

Участок, на котором расположено селище, покрыт высокоствольным сосновым лесом высотой до 20 м с незначительной примесью березняка, рябины и осины, в нижнем ярусе — беломошник, брусничник, кустарничковые, поверхность покрыта опадом хвои. Ближе к береговой террасе, в особенности на её склоне, преобладает травянистая влаголюбивая растительность, хвощи, кипрей (иван-чай). Почвы подзолистые иллювиально-железистые, сложены песками и супесями.

Селище состоит из двух археологических сооружений.

Объект № 1 глубиной 0,4 м имеет подквадратную форму размерами 10х10 м, ориентирован длинной осью по линии юг — север. Обваловка впадины шириной до 3,0 м и высотой 0,1—0,2 м. В сооружении фиксируется место предполагаемого коридорообразного выхода в виде выступа со стороны западины, прерывающего обваловку на её северном отрезке. Размеры выступа 2,0х2,5 м. На удалении 1 м от выступа видна западина размерами 1,0х2,5 м и глубиной 0,2 м. Ещё две узкие внешние ямы имеются с внешней стороны обваловки на её северном

и в восточном участках. Размеры их составляют 0,4х0,9 и 0,5х2,0 м, а глубина — 0,2 м. Пять аналогичных узких углублений можно заметить и на гребне обваловки.

Объект № 2 хорошо читается в рельефе, он расположен в 15 м севернее объекта № 1. Имеет подквадратную форму с длиной стороны 7,0 м и глубиной 0,9 м, а также обваловку шириной до 2,0 м и высотой 0,3 м. Ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток. Предполагаемый коридорообразный выход прорезает обваловку на юго-западном отрезке жилища.

Первый план селища снят в 1986 г. В.В. Суминым, в 2001 объект осмотрен Ю.П. Чемякиным¹⁸. Датировка не определена.

Состояние объекта археологического наследия удовлетворительное.

Поселение Барсова Гора II/27 (ил. 9) — объект археологического наследия федерального значения, находится в 2,7 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Оно расположено на сравнительно ровном наклонном участке в глубине второй надпойменной террасы, в 40–45 м от её края. По северо-восточному направлению от бровки вглубь террасы в рельефе фиксируется плавный подъём, переходящий в склон третьей надпойменной террасы. Юго-западнее памятника расположен трапециевидной формы мыс, занятый городищем Барсов Городок II/13. Перепад высотных отметок в пределах поселения составляет 3,5 м.

Растительность представлена сосновым лесом с берёзовым, сосновым и осиновым подлеском, с примесью рябины, в нижнем ярусе — богульник, брусничник, опад хвой, зелёные мхи, кипрей, таёжное мелкотравье. На юго-западной и юго-восточной оконечностях поселения проложена лесная дорога.

Поселение представляет собой скопление из 30 объектов, занимающих площадку 100х105 м. В 3–8 м юго-восточнее расположены селище Барсова Гора II/26 и поселение Барсова Гора II/24, в 3 м к югу — юго-западу — городище Барсов Городок II/13, в 11 м к западу — юго-западу — селище Барсова Гора II/28.

Совместно с селищем Барсова Гора II/26 и поселением Барсова Гора II/24 они составляют локальный поселенческий комплекс размерами 110х240 м, в пределах которого поселение Барсова Гора II/27 занимает северо-западную оконечность. Граница между памятниками условна. Их объекты расположены группами и разрозненно без явно выраженной системы. Вокруг некоторых из них зафиксированы внеш-

ние ямы. Археологизированные постройки представлены в в разной степени оплывшими западинами с обваловками, что свидетельствует о, по крайней мере, частичной их диахронности. На это же указывают случаи перекрывания обваловок одних сооружений другими. На юго-западной и юго-восточной оконечностях поселения проходят грунтовые дороги, в разной степени нарушившие объекты № 1, 8, 10, 26–29.

Таблица 6

Поселение Барсова Гора II/27.

Основные характеристики археологических объектов

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	8,3х11,0	0,2	0,1/1,4	–
2	Впадина (нарушена объектом № 1)	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	7,6х9,0	0,3	0,1/1,2	Одна яма: 0,9х2,0х0,2
3	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	7,3х10,0	0,4	0,2/2,0	–
4	Впадина (нарушена объектом № 3)	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	7,8х8,4	0,5	–	–
5	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	6,7х7,4	0,3	–	–
6	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	8,0х8,8	0,2	0,1/2,2	–
7	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	8,5х10,7	0,3	0,1/2,7	–
8	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	9,7х10,7	0,3	0,1/3,6	–
9	Впадина	Подпрямоугольная	Ю – С	11,2х12,4	0,4	0,2/3,0	Три ямы: от 1,8х3,8х0,2 до 2,6х4,8х0,2
10	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	10,9х11,5	0,3	0,1/3,0	Одна яма: 0,9х3,4х0,2
11	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	11,6х12,6	0,5	0,2/3,4	Три ямы: от 1,2х2,5х0,3 до 2,0х3,2х0,3
12	Впадина	Подквадратная	ЮЮЗ – ССЗ	13,2х13,5	0,5	0,2/3,0	Три ямы: от 1,4х2,0х0,1 до 2,2х2,7х0,2
13	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	6,2х8,2	0,4	0,15/1,5	–
14	Впадина	Подквадратная	ЮЗ – СВ	8,6х9,0	0,3	0,1/2,0	–
15	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	9,0х10,3	0,3	0,1/1,8	–
16	Впадина	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	9,2х9,3	0,2	0,15/1,6	Три ямы: от 1,1х2,1х0,2 до 1,2х4,5х0,2

17	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	11,8х12,5	0,5	0,2/3,2	–
18	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССЗ	8,8х9,3	0,25	0,1/2,2	–
19	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	8,6х10,0	0,4	0,15/2,3	–
20	Впадина	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	9,7х10,0	0,3	0,2/1,8	–
21	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	12,4х14,7	0,6	0,2/2,7	Четыре ямы: от 0,8х2,0х0,1 до 1,3х3,1х0,3
22	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	7,2х9,4	0,25	0,1/1,8	–
23	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	8,4х11,8	0,4	0,2/2,7	–
24	Впадина (нарушена объектом № 2)	Подквадратная	ЮЮВ – ССЗ	10,3х10,4	0,3	0,2/1,8	–
25	Впадина	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	13,4х14,0	0,5	0,2/2,3	Две ямы: 1,1х3,2х0,2 и 1,2х3,3х0,2
26	Впадина (нарушена дорогой)	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	9,0х9,2	0,35	0,35/2,2	Три ямы: от 1,0х2,2х0,1 до 1,1х2,9х0,1
27	Впадина (нарушена дорогой и объектом № 25)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	11,0х15,0	0,5	0,15/1,9	Семь ям: от 0,7х1,7х0,1 до 2,4х3,9х0,2
28	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	6,8х13,2	0,15	0,1/2,0	Четыре ямы: от 1,0х2,0х0,1 до 1,0х4,5х0,1
29	Площадка (с углублением в центре 3,8х6,0х0,1; нарушена дорогой)	Подовальная	ЮЗ – СВ	10,4 и 13,0	0,25	–	Восемь ям: от 0,7х1,5х0,1 до 2,4х5,0х0,2
30	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	9,2х10,6	0,3	0,1/2,5	Три ямы: от 0,6х1,2х0,1 до 0,7х1,9х0,2

В 1986 г. первый глазомерный план поселения снял В.В. Сумин; в 1987 г. этот план был уточнён А.П. Зыковым, который зафиксировал 13 сооружений. На основании различий морфологических признаков сооружения были предварительно отнесены к разным эпохам — от каменного до позднего железного века (Средневековья). Предполагаемые границы объекта на плане не устанавливались¹⁹.

Датировка поселения может быть установлена только предположительно, по косвенным признакам. Судя по морфологическим характеристикам сооружений и планиграфии объекта, поселение разновременное. Согласно результатам раскопок на расположенных рядом памятниках (городищах Барсов Городок II/12, Барсов Городок II/13 и селище Барсова Гора II/22), этот участок террасы был обитаем в разные пе-

риоды от каменного века до Средневековья. Соответственно, объект может быть предварительно датирован в интервале VI тыс. до н.э. — сер. II тыс.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Городище Барсов Городок II/13 (ил. 9) — объект культурного наследия федерального значения, находится в 2,7 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Занимает мысовидный участок второй надпойменной террасы, образованный её краем и логом в юго-западной части урочища Барсова Гора. Высота края берега над уровнем воды в протоке составляет 10 м. По направлению с юго-запада на северо-восток (от стрелки мыса к его основанию) высота террасы постепенно увеличивается до 15 м. Береговая бровка хорошо выражена, склон крутой. Перепад высот в пределах городища составляет 5,0 м. В 4 м северо-западнее находится селище Барсова Гора II/28, на таком же удалении северо-восточнее — поселение Барсова Гора II/27.

Участок террасы, на котором расположено городище, покрыт смешанным лесом, состоящим из высокоствольной сосны и берёзы с примесью осины и рябины, в нижнем ярусе — травянистая влаголюбивая растительность, хвощи, кипрей (иван-чай), кустарничковые. Почвы подзолистые иллювиально-железистые, сложены песками и супесями. Основной геоморфологический процесс, оказывающий влияние на сохранность объекта, — осыпание, выветривание обнажений, слабая склоновая эрозия.

Непосредственно площадка городища, включая оборонительную линию, имеет очертания неровной, вытянутой с юга — юго-запада на север — северо-восток трапеции. Ширина его составляет от 27 м у оконечности мыса до 71 м — у основания мыса, протяжённость по длинной оси — 85 м.

Фортификационная линия городища, состоящая из вала и внешнего рва, слабоизогнутой дугой отделяет внутреннюю площадку от напольной стороны. Ров при ширине до 6,0–8,0 м имеет глубину с внешней стороны до 1,0 м. Ширина вала составляет 6,5–7,0 м, высота от уровня внутренней площадки — 1,1–1,5 м, перепад высот между тальвегом рва и гребнем вала достигает 2,0 м. Общая протяжённость по оси рва — 92,0 м. Предполагаемый проход на городище фиксируется в средней части оборонительной линии, ближе к юго-восточному краю мыса. Он представлен в виде неровного поперечного понижения-

ложбины на гребне насыпи и двух противолежащих пологих выступов по направлению рва и внутренней площадки в основании вала.

Площадь городища составляет 4000 кв. м, в том числе внутренней жилой площадки — 2900 кв. м.

На городище зафиксировано 21 сооружение (№ 2—22), два из которых представляют собой приподнятые площадки и девятнадцать — впадины. Некоторые из последних с обваловками и внешними ямами. Два сооружения (№ 20 и 21) повреждены в результате эрозии берега. Сползание культурного слоя не исключено и на других участках.

В размещении археологизированных сооружений на площадке городища фиксируются признаки регулярной линейной застройки. В частности, чёткая линия, образованная сооружениями № 2—8 и 22, просматривается вдоль юго-восточного края террасы, присутствие и ориентация которого во многом и обусловили характер застройки. Вторая, неполная, линия, образованная впадинами № 9—12, примыкает к первой с северо-западной стороны. Как минимум, два ряда сооружений фиксируются и в направлении юго-восток — северо-запад (перпендикулярном к представленным выше линиям). Один из них включает сооружения № 4, 12, 15, 20, 21; второй — сооружения № 2, 10, 14, 18. Впадина № 13 расположена отдельно, вне общей системы. Своим северным краем она на 3,0—4,0 м врежется с внутренней стороны в насыпь вала. В литературе имеется описание этого сооружения как «внутреннего бастионного выступа», на месте которого, возможно, была проходная башня²⁰.

Первый схематический глазомерный план памятника был снят в 1972 г. А.Ф. Шориным, в 1973 г. топогруппой под руководством Н.В. Фёдоровой проведена полуинструментальная съёмка городища. В 1974 г. А.А. Нифонтовым и Н.В. Фёдоровой был заложен раскоп площадью 72 кв. м²¹. Задернованный раскоп четырёхугольной формы размерами 8,0х9,0 м, ориентированный сторонами по линии юг — север с небольшим отклонением к западу, и примыкающие к нему отвалы хорошо видны на северо-западной оконечности городища, в углу, ограниченном с запада краем террасы, с севера — внутренней границей вала. Отвалами перекрыта западная часть объекта № 17.

Помимо раскопа, на объекте имеются и другие следы земляных работ — траншея и шурф. Траншея, ориентированная по линии юго-запад — северо-восток, частично пересекает сооружение 12. Её современная длина составляет 4,6 м, ширина — 0,7 м. Шурф 1,0х1,0 м, ориентированный сторонами по линии юг—юго-восток — север—северо-запад,

Таблица 7

**Городище Барсов Городок II/13.
Основные характеристики археологических объектов**

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Впадина	Раскопана в 1974 г. Н.В. Федоровой и А.А. Нифонтовым					
2	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	4,7х7,0	0,4	0,5/1,2	Одна яма 0,9х1,7х0,2
3	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	8,2х11,6	0,3	0,5/2,2	–
4	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	8,4х13,8	0,5	0,5/2,5	–
5	Площадка	Подовальная	ЮВ – СЗ	4,2 и 6,7	0,2	–	–
6	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	9,6х13,7	0,3	0,5/2,9	Одна яма 1,7х5,0х0,2
7	Впадина	Округлая	–	4,4х4,8	0,2	–	–
8	Площадка	Трапециевидная	ЮВ – СЗ	4,7х6,3	0,4	–	–
9	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	8,8х9,4	0,4	0,5/1,7	Две ямы: 0,4х1,5х0,3 и 0,6х2,0х0,2
10	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	7,4х8,0	0,3	0,3/2,0	Четыре ямы: от 0,4х0,5х0,1 до 1,8х2,8х0,3
11	Впадина	Подпрямоугольная	ЗСЗ – ВЮВ	8,0х10,5	0,6	0,4/2,8	–
12	Впадина	Аморфная	ЮЮЗ – ССВ	10,0х10,4	0,7	0,4/2,0	–
13	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	8,0х11,0	0,5	0,3/2,2	Две ямы: 0,8х1,4х0,2 и 1,2х2,3х0,2
14	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	9,8х11,9	0,3	0,2/2,3	–
15	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	7,2х10,0	0,4	0,2/1,8	–
16	Впадина	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	13,8х13,9	0,4	0,4/3,0	Три ямы: от 1,2х2,1х0,3 до 3,0х4,0х0,2
17	Впадина (нарушена объектом № 1)	Подпрямоугольная	Ю – С	8,0х10,8	0,6	0,2/1,1	Три ямы: от 0,7х1,2х0,2 до 1,8х1,8х0,2
18	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	6,2х8,7	0,2	0,2/1,9	Три ямы: от 0,9х2,3х0,2 до 1,3х2,7х0,2
19	Впадина	Аморфная	ЮВ – СЗ	4,7х7,1	0,5	–	–
20	Впадина (нарушена эрозией берега)	Подпрямоугольная	Ю – С	4,7х7,0	0,5	–	Одна яма 1,7х2,5х0,4
21	Впадина (нарушена эрозией берега)	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	6,4х7,7	0,4	–	–
22	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	12,6х13,2	0,7	0,6/2,7	Одна яма 1,2х3,0х0,2

зафиксирован во впадине сооружения 11. Время закладки траншеи и шурфа не установлено.

Во время раскопок городища в 1974 г. была получена небольшая коллекция керамики раннего Средневековья (VII—VIII вв.).

Состояние объекта археологического наследия удовлетворительное.

Что же касается перспектив реконструкции, включая объёмно-графическую, то городище Барсов Городок II/13, несомненно, представляет значительный интерес как с точки зрения устройства системы её обороны, организации жилищ внутри городища, так и расположения его в окружающем рельефе местности. На ил. 10 представлен первый подготовительный этап поиска реконструкции — объёмно-графическая модель.

Селище Барсова Гора II/26 (ил. 9) — объект культурного наследия федерального значения, находится в 2,65 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Селище расположено на третьей надпойменной террасе северного берега обской протоки Мишкина на удалении 45—80 м к северо-востоку от крутого склона. Высота берега здесь достигает 16 м, бровка террасы хорошо выражена. Перепад высот в пределах селища составляет 2,0—4,0 м. Участок местности, на котором расположено поселение, покрыт сосновым лесом с незначительной примесью берёзы и осины, в нижнем ярусе — беломошник, брусничник, а на поверхности плотный опад хвой. Видны следы низового пожара, повредившего лесную подстилку, стволы деревьев, а также их крону.

Археологические объекты селища Барсова Гора II/26 распространяются на участке размерами 55x105 м, имеющем уклон к юго-западу. Пространство между селищем и краем береговой террасы занято поселением Барсова Гора II/24, а в 8 м северо-западнее простирается поселение Барсова Гора II/27. Граница между памятниками условна. В совокупности, занимая обширное пространство размерами 100x240 м, они образуют локальный поселенческий комплекс, в пределах которого селище Барсова Гора II/26 занимает северо-восточную оконечность и представляет собой скопление из 21 археологизированного сооружения. Закономерность во взаиморасположении впадин отсутствует. Можно лишь условно выделить три нечёткие цепочки объектов, вытянутые с юго-востока на северо-запад. Крайняя к юго-востоку линия состоит из сооружений № 6—8, 15; следующая за ней цепочка, располагаясь выше по склону, включает впадины № 5, 9, 14, 16, 19, 20; третью

Селище Барсова Гора II/26.
Основные характеристики археологических объектов

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Впадина	Подовальная	–	7,7 и 9,2	0,3	–	–
2	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	6,7х8,5	0,6	0,2/1,8	–
3	Впадина	Подовальная	ЮВ – СЗ	7,6 и 8,4	0,3	0,1/2,5	–
4	Впадина	Округлая	–	4,2	0,2	0,1/1,7	–
5	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	6,0х7,2	0,2	0,1/2,5	–
6	Впадина	Подовальная	ЮВ – СЗ	6,0 и 7,4	0,2	0,1/2,6	–
7	Впадина	Подовальная	ЮЗ – СВ	5,5 и 5,9	0,3	0,1/2,5	–
8	Впадина	Трапецевидная	ЮВ – СВ	5,7х7,0	0,4	0,1/2,3	Одна яма 2,3х3,0/0,2
9	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	6,0х7,0	0,3	0,2/3,0	–
10	Впадина (повреждена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	6,8х7,1	0,4	0,2/3,0	–
11	Впадина	Подквадратная	ЮВ – СЗ	10,0х10,5	0,6	–	–
12	Впадина	Округлая	–	3,4	0,2	0,1/1,3	–
13	Впадина (повреждена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	4,5х5,0	0,2	0,1/0,1	–
14	Впадина	Подпрямоугольная	ЗСЗ – ВЮВ	5,5х6,1	0,3	0,1/2,0	–
15	Впадина	Подквадратная	ЮВ – СЗ	5,8х6,2	0,3	0,2/2,9	–
16	Впадина	Подпрямоугольная	Ю – С	4,6х5,4	0,4	0,2/4,4	Одна яма 1,5х2,3/0,3
17	Впадина	Подквадратная	Ю – ЮЗ – ССЗ	5,2х5,5	0,5	0,2/1,8	–
18	Впадина	Округлая	–	6,5	0,5	0,2/3,3	–
19	Впадина (повржд. дорогой)	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	5,2х5,8	0,3	0,2/3,0	–
20	Впадина (повреждена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	6,9х7,8	0,5	0,2/3,8	–
21	Впадина (повреждена дорогой)	Подпрямоугольная	ЗЮЗ – ВСВ	5,6х7,9	0,3	0,2/3,0	–

формируют сооружения № 11, 12, 17, 18. Остальные впадины группируются рядом с обозначенными линиями или же находятся несколько в стороне. В частности, на северо-западной оконечности селища обособленно располагается впадина № 21, а на юго-восточной — № 1–3.

Сооружения имеют в разной степени оплывшие контуры углублений и обваловок, что свидетельствует о, по крайней мере, частичной их диахронности. На это же указывают случаи перекрывания обваловок одних сооружений другими. Через территорию объекта проходит грунтовая дорога, которой в разной степени повреждены сооружения № 10, 13, 19—21. Имеются обнажения культурного слоя.

Первый глазомерный план поселения снял В.В. Сумин в 1986 г., а в 1987 г. он был уточнён А.П. Зыковым, который зафиксировал 21 жилищную впадину. Предполагаемые границы объекта на плане не устанавливались²².

Датировка поселения может быть установлена только предположительно по косвенным признакам. Судя по морфологическим характеристикам сооружений и планиграфии объекта, поселение разновременное. Согласно результатам раскопок расположенных рядом памятников — городищ Барсов Городок II/12, Барсов Городок II/13 и селища Барсова Гора II/22, — этот участок террасы был обитаем в разные периоды — от каменного века до Средневековья. Соответственно, объект может быть предварительно датирован в интервале VI тыс. до н. э. — сер. II тыс.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Поселение Барсова Гора II/24 (ил. 9) — объект археологического наследия федерального значения, находится в 2,65 км к западу — северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Археологический памятник, являясь южной частью локального поселенческого комплекса, расположен у края второй надпойменной террасы северо-восточного берега старицы протоки Микишкиной. Высота террасы на этом участке составляет 16 м над уровнем уреза воды в старице. Рельеф местности, где расположено селище, имеет общий уклон как с северо-востока на юго-запад (в центральной и северо-западной оконечностях), так и с востока на запад—юго-запад (на юго-восточной периферии). Изгиб надпойменной террасы с юго-западной стороны образован крутым склоном к пойме, а с западной — ложбиной с пологими склонами. От бровки вглубь террасы по направлению с юго-запада на северо-восток в рельефе фиксируется плавный подъём, переходящий в склон третьей надпойменной террасы. Перепад высотных отметок в пределах памятника составляет 9,5 м.

Через участок территории, на котором расположено поселение, по направлению юго-восток — северо-запад проходит грунтовая дорога,

которая в значительной мере обусловила состояние растительного покрова. Северо-восточная часть памятника покрыта плотным сосновым подлеском высотой до 12 м с примесью осины, рябины, березняка, а лесная подстилка нижнего яруса почти полностью уничтожена низовым пожаром. Он поразил также стволы деревьев и крону, в связи с чем на поверхности наблюдается обильный опад хвои. Восстановление растительного покрова почти не отмечено, поверхность земли имеет тёмно-коричневый цвет. На юго-западной оконечности памятника вдоль берегового склона, куда распространению пожара препятствовала грунтовая дорога, преобладают высокоствольные сосны, с осиновым, берёзовым и сосновым подлеском с примесью рябины, в нижнем ярусе — травянистая влаголюбивая растительность, хвоши, кипрей (иван-чай), кустарничковые и таёжное мелкотравье.

Объект, включающий 44 впадины, занимает участок размерами ок. 60х135 м на плавном изгибе второй и третьей надпойменной террас. На северо-западе памятник вплотную граничит с селищем Барсова Гора II/26, на севере — северо-западе — с поселением Барсова Гора II/27, а в 20 м западнее расположено городище Барсов Городок II/13.

План поселения представляет собой вытянутое с юго-востока на северо-запад плотное скопление сооружений и расположено таким образом, что юго-западная группа впадин примыкает к бровке второй террасы, а северо-восточная находится на склоне третьей террасы. Совместно с селищем Барсова Гора II/26 и поселением Барсова Гора II/27 оно составляет одно общее обжитое пространство — локальный поселенческий комплекс размерами 110х240 м. Граница между памятниками условна. Впадины № 7, 17—19, 35—38, 41—43 образуют неровную изогнутую цепочку вдоль береговой линии. Впадины № 6, 8, 16, 20, 21, 39 и 40 формируют следующий ряд объектов, расположенный сразу же за первым. На юго-восточной оконечности поселения также можно выделить ряд впадин (№ 1, 2, 5, 10 11), ориентированный с юго-востока на северо-запад. Прочие объекты расположены группами и разрозненно без видимой системы к северо-востоку от нижних рядов. Разновременные, судя по всему, сооружения представлены в разной степени оплывшими западинами с обваловками. Расположенные вплотную друг к другу впадины № 15 и 16, судя по параметрам и слившимся обваловкам, представляют собой, вероятно, остатки двухкамерного жилища. Через территорию объекта проходит грунтовая дорога, которой повреждены сооружения № 1, 6, 7, 17, 19, 38, 41—43.

Таблица 9

**Поселение Барсова Гора II/24.
Основные характеристики археологических объектов**

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Впадина (нарушена дорогой)	Подквадратная	—	13,7х14,4	0,5	0,3/3,2	Одна яма 1,0х1,5х0,1
2	Впадина (нарушена дорогой)	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	13,3х13,9	0,5	0,3/2,7	—
3	Впадина	Подпрямоугольная	ЗСЗ – ВСВ	8,0х9,5	0,3	0,2/1,5	—
4	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	7,7х9,0	0,3	0,2/1,5	—
5	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	7,0х7,8	0,4	0,2/1,8	—
6	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	13,2х15,0	0,6	0,2/3,0	Три ямы: от 0,9х2,5х0,1 до 1,8х5,8х0,2
7	Впадина (повреждена дорогой и береговой эрозией)	Подпрямоугольная	—	7,0х16,5	0,3	0,3/3,4	—
8	Впадина	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	11,8х12,8	0,4	0,2/2,5	Четыре ямы: от 2,4х2,5х0,1 до 2,7х4,2х0,3
9	Впадина	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	9,6х9,9	0,6	0,3/1,1	—
10	Впадина	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	7,4х10,0	0,3	0,2/2,3	—
11	Впадина	Подквадратная	ЮЮВ – ССЗ	10,2х10,3	0,5	0,3/2,2	—
12	Впадина	Подпрямоугольная	ВЮВ – ЗСЗ	7,0х8,0	0,3	0,1/1,6	Одна яма 1,2х3,3х0,2
13	Впадина	Подпрямоугольная	ССЗ х ЮЮЗ	3,4х9,0	0,4	—	Одна яма 3,5х3,7
14	Впадина (нарушена объектом № 15)	Подпрямоугольная	ССЗ х ЮЮВ	9,2х9,6	0,5	0,2/1,5	—
15	Впадина	Подпрямоугольная	—	9,8х11,5	0,5	0,3/1,8	—
16	Впадина	Округлая	—	11,0 и 11,6	0,4	0,3/1,5	Шесть ям: от 1,3х1,6х0,1 до 1,8х3,3х0,3
17	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	12,3х13,4	0,5	0,2/2,7	Одна яма 1,5х2,6
18	Впадина (нарушена объектом № 17)	Подпрямоугольная	З – В	6,3х10,8	0,2	0,1/3,7	—
19	Впадина (нарушена объектом № 18 и дорогой)	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	8,8х12,4	0,4	0,2	—
20	Впадина	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	9,0х9,2	0,4	—	—
21	Впадина (нарушена объектами № 20 и 22)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	10,0х10,7	0,5	0,2/1,8	Одна яма 2,4х2,6х0,3
22	Впадина	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	7,0х7,3	0,5	—	Две ямы: 3,7х5,4 и 1,6х2,7

23	Впадина	Подпрямоугольная	Ю – С	9,0x10,0	0,7	0,2/1,3	Четыре ямы: от 2,3x3,0 до 2,2x5,3
24	Впадина	Подпрямоугольная	–	5,8x6,6	0,2	0,1/1,2	Одна яма 2,0x3,1x0,2
25	Впадина (нарушена объектами № 23 и 26)	Подквадратная	ЮЮВ – ССЗ	9,8x10,2	0,4	0,15/2,1	–
26	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	7,5x10,5	0,4	0,3/1,8	–
27	Впадина (нарушена объектом № 26)	Подпрямоугольная	–	7,2x8,0	0,5	0,1/1,3	–
28	Впадина (нарушена объектом № 27)	Подпрямоугольная	З – В	7,5x10,5	0,4	0,2/2,6	–
29	Впадина	Подквадратная	–	7,0x7,2	0,4	0,2/2,0	–
30	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	5,6x7,1	0,4	0,15/1,5	–
31	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	5,0x5,7	0,4	0,15/1,5	–
32	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	10,0x11,0	0,5	0,2/2,2	–
33	Впадина	Подквадратная	ЮЮВ – ССВ	8,9x9,0	0,5	0,2/2,3	–
34	Впадина	Подпрямоугольная	СЗ – ЮВ	10,0x11,0	0,3	0,1/2,1	–
35	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	9,6x11,8	0,2	–	–
36	Впадина (нарушена объектом № 37)	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	8,8x9,0	0,3	–	Одна яма 1,0x3,4
37	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	6,6x8,0	0,2	0,1/1,5	–
38	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	8,3x10,0	0,3	0,2/2,3	–
39	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	8,0x9,3	0,4	–	Две ямы: 1,0x2,2x0,1 и 1,7x3,0x0,2
40	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	9,4x10,2	0,4	–	–
41	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	9,4x12,2	0,3	0,25/1,7	–
42	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЗ – СВ	9,5 x 12,7	0,4	0,3/1,5	–
43	Впадина (нарушена дорогой)	Подовальная	ЮЮЗ – ССВ	7,5 и 7,8	0,3	0,1/1,5	–
44	Впадина	Подпрямоугольная	Ю – С	3,7 x 4,8	0,2	0,1/10,1	–

Первый глазомерный план поселения составлен в 1974 г. А.Ф. Шориным, на нём отмечены 4 сооружения²³. В 1986 г. новый план был снят В.В. Суминым, там зафиксированы уже 12 разноразмерных сооружений. Предполагаемые границы объекта на плане не устанавливались²⁴.

Датировка поселения может быть установлена только предположительно по косвенным признакам. Судя по морфологическим характеристикам сооружений и планиграфии объекта, поселение разновременное. Согласно результатам раскопок расположенных рядом памятников — городищ Барсов Городок II/12, Барсов Городок II/13 и селища Барсова Гора II/22, этот участок террасы был обитаем в разные периоды от каменного века до Средневековья. Соответственно, объект может быть предварительно датирован в интервале VI тыс. до н. э. — сер. II тыс.

Среди множества археологических объектов хотелось бы выделить жилищную впадину № 26. Судя по ее внешнему облику, можно предположить, что данное сооружение одно из самых поздних. Общие контуры подпрямоугольной впадины размерами 7,5х10,5 м выразительны, хорошо читаются основание пола — 3,9х4,2 м, а также входная часть шириной 1,2 м, организованная в юго-восточном углу полуземлянки. В южной части сооружения заметно слегка возвышенное место расположения чувала, а с западной стороны просматриваются контуры нар-лежанки параметрами ок. 2,0х4,2 м. На полу сквозь лесную подстилку заметны полуистлевшие конструкции некогда рухнувшего покрытия жилища. С учётом всех перечисленных характеристик данный объект, несомненно, представляет интерес с точки зрения «достоверности» как объёмно-графических, так в перспективе и натурных реконструкций.

Участок № 4 (ил. 11) представлен группой памятников, состоящих из селищ Барсова Гора IV/25, Барсова Гора IV/24 и Барсова Гора IV/23. Границы между ними на местности не читаются и выделены условно, соответствуя лишь сложившейся исследовательской традиции. Совокупность археологических сооружений, почти вплотную примыкающих друг к другу, образует единое «поле» археологических объектов — локальный поселенческий комплекс, занимающий территорию размерами 145х220 м. От края второй береговой террасы он удален на 220 м к северо-востоку, а в 230 м к северу — северо-востоку от него проходит железная дорога к заводу стабилизации газового конденсата АО «Сургутгазпром». Северная — северо-западная оконечность данного комплекса ориентирована к открытому слабо залесённому пространству, северная — северо-восточная — ограничена верховьем Большого лога, а южная — обращена к оврагам, ниспадающим в южном направлении к склону коренной террасы протоки Микишкиной. Высота местности относительно уровня воды в протоке составляет

21—22 м. Растительность представлена сосновым лесом с примесью мелкой берёзы, осины, в нижнем ярусе — брусничник и сфагнум с включениями ягеля и лесного опада.

Наибольшая плотность объектов отмечена на севере — северо-востоке территории, а на юге — юго-востоке они рассредоточены с интервалом от 1 до 12 м.

Селище Барсова Гора IV/25 (ил. 11) — объект археологического наследия федерального значения, находится на удалении 2,5 км к северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Памятник расположен в центральной части урочища на обширной и относительно ровной территории третьей надпойменной террасы, где сосредоточен только что представленный локальный поселенческий комплекс. Его северную — северо-западную оконечность и занимает селище Барсова Гора IV/25. На юге — юго-западе буквально вплотную к нему примыкает селище Барсова Гора IV/23, а на юге — юго-востоке — селище Барсова Гора IV/24.

Площадка памятника размерами 55x105 м вытянута по направлению запад — восток. От края крутого склона коренной террасы протоки Микишкиной к северо-востоку памятник удален на 220 м, в 200 м северо-восточнее проходит железная дорога. Превышение высот в пределах территории памятника составляет 1,5 м. Археологические сооружения (в основном это впадины разных размеров с обваловкой и внешними ямами) общим числом 28 рассредоточены на местности без видимой системы. Наиболее плотная их концентрация наблюдается в южной — юго-восточной оконечности селища. Три из них (№ 17, 18 и 25) примыкают друг к другу, образуя общую обваловку. Можно выделить также парные или 8-образные в плане объекты (№ 4 и 5, 7 и 8, 24 и 25). Через территорию объекта проходит грунтовая дорога, нарушившая ряд сооружений (№ 1, 2, 8, 18, 25 и 26). На разных участках территории объекта видны задернованные лесозащитные полосы, следы нерегулярного движения по лесу транспорта, обнаружены кострища и бытовой мусор, которые оставили после себя отдыхающие.

Первый глазомерный план селища составлен в 1985 г. С.Ф. Кокшаровым, в 1992 г. уточнен А.П. Зыковым, который зафиксировал 10 прямоугольных и овальных впадин. Границы объекта на плане не устанавливались. С учётом морфологических характеристик часть сооружений предположительно отнесена к каменному веку, вторая — к позднему Средневековью²⁵.

Селище Барсова Гора IV/25.
Основные характеристики археологических объектов

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размер (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, рамеры, глубина (м)
1	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	С – Ю	9,3х10,2	0,3	0,2/2,7	–
2	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	С – Ю	10,0х12,3	0,3	0,1/2,7	Две ямы: 3,0х4,3х0,3 0,9х4,0х0,2
3	Впадина (с выходом на СВ)	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	8,7х10,3	0,2	0,1/1,0	–
4	Впадина (спарена с объектом № 5)	Подквадратная	ССВ – ЮЮЗ	9,8х9,9	0,3	0,2/3,5	Две ямы: 2,3х2,4х0,3 1,7х3,9х0,2
5	Впадина (спарена с объектом № 4)	Подквадратная	ССВ – ЮЮЗ	8,3х8,8	0,3	0,2/2,5	–
6	Впадина	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	6,4х9,2	0,3	0,2/1,5	–
7	Впадина (спарена с объектом № 8)	Подквадратная	–	9,8х9,8	0,3	0,2/2,7	Одна яма 2,1х2,6х0,2
8	Впадина (спарена с объектом № 7)	Подквадратная	–	8,4х8,6	0,2	0,2/2,0	–
9	Впадина	Трапецевидная	ССЗ – ЮЮВ	8,3х10,8	0,2	0,2/2,0	–
10	Впадина	Подпрямоугольная	СЗ – ЮВ	7,0х9,3	0,3	0,2/1,5	Одна яма 1,9х2,6х0,4
11	Впадина (с выходом на ЮВ)	Подпрямоугольная	ЮВ – СЗ	10,0х11,5	0,4	0,2/2,7	Три ямы от 1,0х1,2х0,1 до 1,6х3,8х0,3
12	Впадина (с выходом на СВ)	Подпрямоугольная	СЗ – ЮВ	6,0х7,2	0,2	0,1/1,5	–
13	Впадина (с выходом на В)	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	4,6х7,4	0,2	0,1/0,9	–
14	Впадина	Округлая	–	5,2х5,9	0,1	0,1/1,8	–
15	Впадина (с выходом на ЮВ)	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	9,0х10,2	0,3	0,1/2,0	Одна яма 1,8х3,3х0,4
16	Впадина (с выходом на В)	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	10,3х11,6	0,3	0,1/1,7	Три ямы от 1,7х2,2х0,1 до 2,2х3,7х0,2
17	Впадина (с выходом на СВ; нарушена дорогой)	Подквадратная	–	9,0х9,6	0,2	0,1/1,2	Одна яма 2,8х3,3х0,2
18	Впадина (с выходом на Ю; нарушена дорогой)	Подквадратная	ССЗ – ЮЮВ	9,1х9,3	0,3	0,2/2,3	Две ямы: 1,0х1,7х0,1 и 1,7х3,0х0,2
19	Впадина	Близкая шестиугольной	ССВ – ЮЮЗ	8,2х8,7	0,3	0,2/0,9	–

20	Впадина	Трапециевидная	СВ – ЮЗ	6,7х9,3	0,2	0,1/1,6	Три ямы от 0,3х3,0х0,1 до 2,5х4,7х0,3
21	Впадина (с выходом на В)	Подпрямоугольная	ССВ – ЮЮЗ	7,6х9,8	0,2	0,2/0,8	Три ямы от 0,9х3,0х0,1 до 3,0х4,2х0,3
22	Впадина	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	6,4х7,5	0,2	0,1/2,0	–
23	Впадина (с выходом на СВ)	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	6,1х7,2	0,2	0,2/0,9	–
24	Впадина (спарена с объектом № 26)	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	7,6х8,4	0,2	0,2/1,3	Три ямы от 0,8х2,4х0,1 до 2,1х3,1х0,2
25	Впадина (нарушена дорогой; с выходом на С)	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	9,2х11,5	0,3	0,1/1,3	Две ямы 2,8х3,4х0,15 и 3,1х3,6х0,2
26	Впадина (нарушена дорогой; с выходом на С; спарена с объектом № 24)	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	9,4х9,6	0,3	0,2/1,3	Четыре ямы от 1,7х2,0х0,1 до 2,1х6,8х0,3
27	Впадина (с выходом на ЮЗ)	Подквадратная	С – Ю	7,5х7,8	0,2	0,1/1,1	–
28	Впадина	Овальная	З – В	5,8и7,2	0,2	0,1/1,2	–

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Селище Барсова Гора IV/23 (ил. 11) — объект археологического наследия федерального значения, расположен в 2,45 км северо-западнее центра застройки пгт. Барсово.

Памятник расположен в центральной части урочища на обширной и относительно ровной территории третьей надпойменной террасы, где сосредоточены селища Барсова Гора IV/23, Барсова Гора IV/24 и Барсова Гора IV/25. В пределах этого локального поселенческого комплекса селище Барсова Гора IV/23 занимает юго-западную оконечность. С юго-востока буквально вплотную к нему примыкает селище Барсова Гора IV/24, с севера — селище Барсова Гора IV/25.

Площадка памятника размерами 70х125 м вытянута по направлению северо-запад — юго-восток. Его юго-западная перефирия обращена в сторону протоки Мишкишиной, от крутого склона террасы которой селище удалено на 180 м к северо-востоку. Превышение высот в пределах территории памятника составляет 2,5 м. Археологические сооружения рассредоточены на местности без видимой системы. И лишь на южной оконечности селища можно выделить группу объектов № 25—28,

расположенных последовательно в ряд по линии северо-запад — юго-восток. Через территорию памятника с востока — юго-востока на запад — северо-запад проходят две грунтовые дороги (лыжные трассы), пересекающиеся в средней его части и повредившие сооружения № 6—8, 21—29. На разных участках территории селища видны задернованные лесозащитные полосы, следы нерегулярного движения по лесу транспорта, обнаружены кострища и бытовой мусор. На селище Барсова Гора IV/23 зафиксирован 31 археологический объект различных размеров — в подавляющем большинстве это впадины.

Таблица 11

**Селище Барсова Гора IV/23.
Основные характеристики археологических объектов**

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Впадина	Подовальная	—	8,7 и 10,0	0,3	0,2/2,6	—
2	Впадина (с выходом на ССЗ)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ — ССВ	9,6х11,2	0,2	0,2/2,8	—
3	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ — ССВ	6,6х9,7	0,3	0,1/1,5	—
4	Впадина (с выходом на ЮЮЗ)	Подквадратная	ЮЮЗ — ССВ	8,0х8,2	0,2	0,2/1,4	—
5	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ — ССВ	5,0х6,3	0,5	0,2/1,2	—
6	Впадина (нарушена дорогой)	Овальная	ЮЮЗ — ССВ	9,3 и 12,0	0,3	0,2/2,0	—
7	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ — ССВ	7,6х9,0	0,2	0,2/1,9	—
8	Площадка (с углублением в центре — 0,2; нарушена дорогой)	Округлая	—	10,5 и 11,3	0,2	0,2/2,8	Две ямы: 1,0х3,2х0,3 и 1,1х2,7х0,2
9	Впадина (с выходом на СЗ)	Подпрямоугольная	ССЗ — ЮЮВ	10,0х11,8	0,3	0,2/3,7	Одна яма 2,0х4,6х0,4
10	Впадина (нарушена объектом № 9)	Подпрямоугольная	ССЗ — ЮЮВ	7,0х8,7	0,3	0,2/2,5	—
11	Впадина (с выходом на ЮЮВ)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ — ССВ	9,0х9,7	0,4	0,2/2,7	—
12	Впадина	Трапецевидная	ЮЮВ — ССЗ	7,2х7,5	0,3	0,2/1,0	—
13	Впадина (с выходом на ЮЮВ)	Подквадратная	—	7,5х8,5	0,2	0,2/1,5	—
14	Впадина	Трапецевидная	—	9,5х9,6	0,5	—	—

Окончание табл. 11

15	Впадина	Подпрямо- угольная	ВЮВ – ЗСЗ	6,0х8,3	0,2	0,1/1,4	Одна яма 1,9х1,7х0,2
16	Впадина (с выходом на В)	Подпрямо- угольная	З – В	8,6х11,4	0,4	0,2/2,5	–
17	Впадина	Подпрямо- угольная	З – В	3,8х5,8	0,2	0,1/1,0	–
18	Впадина (с выходом на СВ; нарушена объ- ектом № 20)	Подпрямо- угольная	СВ – ЮЗ	6,3х9,6	0,3	0,2/1,2	Одна яма 2,5х2,9х0,3
19	Впадина (с выходом ЮВ)	Подпрямо- угольная	ЮВ – СЗ	4,8х5,6	0,3	0,2/1,6	–
20	Впадина (с выходом на ЮЮЗ; нарушена объектом № 16)	Подпрямо- угольная	ЮЮВ – ССЗ	7,6х9,7	0,3	0,2/1,5	Одна яма 3,4х3,8х0,4
21	Площадка (с углублением в центре – 0,1; на- рушена дорогой)	Подоваль- ная	ЮЮЗ – ССВ	8,3и9,8	0,2	–	Две ямы: 2,7х3,1х0,3 и 2,7х3,9х0,2
22	Впадина (нарушена доро- гой)	Подпрямо- угольная	ЮЮЗ – ССВ	8,4х10,1	0,2	0,2/1,9	Одна яма 3,8х5,1х0,3
23	Впадина (нарушена доро- гой)	Подпрямо- угольная	С – Ю	9,0х11,5	0,3	0,2/2,3	–
24	Впадина (нарушена доро- гой)	Подпрямо- угольная	ЮЮВ – ССЗ	8,8х11,6	0,2	0,2/2,2	Три ямы от 1,2х2,0х0,15 до 2,7х5,8х0,2
25	Впадина (нарушена доро- гой)	Подпрямо- угольная	ЮЮЗ – ССВ	7,1х8,4	0,2	0,2/2,1	–
26	Впадина (нарушена доро- гой)	Подпрямо- угольная	ЮЮЗ – ССВ	8,6х12,2	0,3	0,1/1,6	–
27	Впадина (нарушена доро- гой)	Подпрямо- угольная	ЮЮВ – ССЗ	9,2х10,1	0,2	0,2/2,8	–
28	Впадина (нарушена доро- гой)	Подпрямо- угольная	ЮЮЗ – ССВ	5,7х6,5	0,2	0,1/1,8	–
29	Впадина (нарушена доро- гой)	Подпрямо- угольная	ЮЮВ – ССЗ	7,4х8,1	0,2	0,2/1,5	–
30	Впадина	Подпрямо- угольная	ЮЮЗ – ССВ	6,3х6,7	0,2	0,1/1,7	–
31	Впадина	Подпрямо- угольная	ЮЮЗ – ССВ	9,2х9,5	0,2	0,2/3,4	–

Первый глазомерный план селища составлен 1985 г. С.Ф. Кокшаровым. Им же на грунтовой дороге, пересекающей памятник, был собран подъёмный материал — мелкие фрагменты керамики, датируемые предположительно эпохой неолита — энеолита²⁶. В 1992 г. план памятника уточнен А.П. Зыковым, который зафиксировал не менее 23 впадин. Предполагаемые границы объекта на плане не устанавливались.

Датировка селища — предположительно эпоха неолита — энеолита (VI—III тыс. до н. э.), Средневековье.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Селище Барсова Гора IV/24 (ил. 11) — объект археологического наследия федерального значения, находится на удалении 2,4 км северо-западнее центра застройки пгт. Барсово.

Расположен в центральной части урочища на обширной и относительно ровной территории третьей надпойменной террасы, где сосредоточены три вышеуказанных селища, образующих единый поселенческий комплекс. В пределах последнего селище Барсова Гора IV/24 занимает восточную — юго-восточную оконечность. На западе — юго-западе буквально вплотную примыкает селище Барсова Гора IV/23, на северо-западе — селище Барсова Гора IV/25, на юге — селище Барсова Гора II/20. Границы между памятниками выделены условно и на местности практически не фиксируются.

Площадка памятника размерами 80х135 м вытянута с севера на юг. Северная, восточная и юго-восточная его периферии обращены в сторону верховья Большого лога, а южная — ориентирована к оврагу, ниспадающему в южном — юго-западном направлении к склону коренной террасы протоки Микишкиной. От её края к северо-востоку памятник удален на 235 м, а в 200 м северо-восточнее проходит железная дорога. Превышение высот в пределах территории памятника составляет 2,0 м.

Археологические сооружения (в основном это впадины разных размеров с обваловкой, реже наземные площадки с внешними ямами) рассредоточены на местности без видимой системы. Наиболее плотная их концентрация наблюдается в центральной части селища, где условно можно выделить три параллельных ряда жилищ, ориентированных с севера — северо-запада на юг — юго-восток. Западную линию образуют сооружения № 37, 38, 42, 43; центральную — № 10, 12, 19, 31, 39, 41; восточную — № 16, 17, 21, 28, 29, 44. Протяженность рядов, которые исходной планировкой, вероятнее всего, не связаны, составляет 30—70 м. К числу наиболее крупных объектов относятся:

- впадина № 7 размерами 13,0х14,0 м с обваловкой, расположенная на юго-западной периферии памятника;
- спаренные жилища № 23, 24, общими параметрами 10,0х17,15 м, находящиеся в центральной части селища.

Обособленно, на удалении 20 м к северу от основного скопления сооружений, располагается жилищная площадка № 47.

Через территорию объекта проложены грунтовые дороги (лыжные трассы), одна из которых следует с востока на запад по центральной части селища, нарушив ряд сооружений (№ 35, 34, 33, 19, 12, 16, 13); а вторая — с юго-востока на северо-запад в южной оконечности памятника, серьёзно повредив впадину № 7. На разных участках территории объекта видны задернованные лесозащитные полосы, следы нерегулярного движения по лесу транспорта, обнаружены кострища и бытовой мусор. На селище зафиксировано 47 археологических сооружений.

Таблица 12

**Селище Барсова Гора IV/24.
Основные характеристики археологических объектов**

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Впадина (с выходом на ЮЮВ)	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	9,5х11,5	0,4	0,3/2,7	–
2	Впадина	Подпрямоугольная	С – Ю	10,0х11,3	0,4	0,2/2,8	–
3	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	9,0х10,х	0,2	0,1/2,1	Две ямы: 2,5х2,9х0,3 и 2,5х3,0х0,3
4	Впадина (с выходом на ССЗ)	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	6,6х8,6	0,3	0,2/1,8	–
5	Впадина	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	7,4х8,4	0,2	0,1/1,7	–
6	Впадина	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	6,6х7,4	0,2	0,1/1,7	–
7	Впадина (с выходом на ССЗ; нарушена дорогой)	Подквадратная	ССВ – ЮЮЗ	13,0х13,6	0,5	0,2/3,5	–
8	Впадина	Подпрямоугольная	С – Ю	8,15х9,7	0,2	0,2/2,8	–
9	Впадина (с выходом на ЮВ)	Подпрямоугольная	ВЮВ – ЗСЗ	5,7х6,6	0,2	0,2/1,3	–
10	Впадина (с выходом на ЮВ)	Подпрямоугольная	ВЮВ – ЗСЗ	8,1х9,8	0,5	0,1/2,2	–
11	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	8,6х10,2	0,3	0,2/2,2	–
12	Впадина (нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	8,5х11,2	0,3	0,2/2,8	–
13	Впадина (нарушена дорогой)	Трапецевидная	ССВ – ЮЮЗ	10,2х12,6	0,2	0,1/2,5	–
14	Впадина (с выходом на СЗ)	Подквадратная	–	7,3х7,5	0,2	0,2/1,7	–
15	Впадина (с выходом на СЗ)	Подпрямоугольная	ССЗ – ЮЮВ	8,1х10,3	0,5	0,1/1,7	Одна яма 2,9х2,9х0,2

Продолжение табл. 12

16	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Подквад- ратная	–	8,7х8,9	0,15	–	Одна яма 2,9х3,6х0,3
17	Впадина	Подпрямо- угольная	З – В	5,4х7,0	0,4	0,1/1,2	–
18	Впадина (с выходом на З)	Подпрямо- угольная	З – В	7,7х9,0	0,3	0,2/1,3	–
19	Впадина (нарушена доро- гой и бульдозе- ром)	Подпрямо- угольная	ССЗ – ЮЮВ	7,6х8,8	0,3	0,2/2,4	Одна яма 1,3х4,1х0,2
20	Впадина (с выходом на Ю)	Подпрямо- угольная	С – Ю	4,4х5,6	0,2	0,1/1,2	–
21	Впадина (с выходом на В)	Подпрямо- угольная	В – З	9,6х12,5	0,6	–	–
22	Впадина	Подквад- ратная	–	5,2х5,3	0,4	–	–
23	Площадка (с углублением в центре – 0,3; объединена с объ- ектом № 24)	Подквад- ратная	СЗ – ЮВ	10,6х10,1	0,2	–	Две ямы: 1,2х2,6х0,1 и 2,2х3,3х0,2
24	Площадка (с углублением в центре – 0,2; объединена с объ- ектом № 23)	Подквад- ратная	СЗ – ЮВ	7,8х8,0	0,1	–	Две ямы: 0,9х1,9х0,2 и 1,3х1,7х0,2
25	Впадина (с выходом на Ю)	Подпрямо- угольная	С – Ю	11,2х12,0	0,25	0,2/3,2	–
26	Впадина	Подпрямо- угольная	ССЗ – ВЮВ	6,6х7,6	0,3	0,2/1,6	–
27	Впадина (с выходом на ЮЮВ)	Подпрямо- угольная	ЮЮВ – ССЗ	5,7х7,5	0,3	0,2/1,1	–
28	Впадина	Подпрямо- угольная	ЮЮВ – ССЗ	7,5х9,8	0,2	0,2/1,3	Две ямы: 1,1х2,9х0,1 и 2,9х3,1х0,2
29	Впадина	Подквад- ратная	–	8,2х8,3	0,15	0,1/1,8	Одна яма 2,1х4,2х0,3
30	Впадина (с выходом на ЮЮВ)	Подпрямо- угольная	ЮЮВ – ССЗ	4,6х6,9	0,4	0,1/0,9	–
31	Впадина (с выходом на Ю)	Подквад- ратная	–	8,3х8,6	0,3	0,2/2,1	Две ямы: 1,6х2,1х0,1 и 2,0х3,0х0,2
32	Впадина (нарушена объек- тами № 31 и 33)	Подпрямо- угольная	ЮЮЗ – ССВ	6,7х9,1	0,3	0,1/1,7	–
33	Площадка (с углублением в центре – 0,1; нару- шена дорогой и объектом № 34)	Подквад- ратная	–	8,8х9,0	0,1	0,1/2,2	–
34	Впадина (наруше- на дорогой)	Подпрямо- угольная	С – Ю	9,7х10,2	0,3	0,3/1,8	Одна яма 2,6х2,7х0,2
35	Впадина (нарушена до- рогой)	Подпрямо- угольная	С – Ю	9,4х10,3	0,4	0,2/2,3	Одна яма 2,8х4,7х0,2
36	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Округлая	–	9,4	0,2	0,2/1,5	–

37	Впадина (с выходом на ЮЮВ)	Подпрямо- угольная	ЮЮВ – ССЗ	4,9х6,4	0,2	0,1/1,4	–
38	Впадина (с выходом на ЮЗ)	Подпрямо- угольная	ЮЗ – СВ	8,6х9,1	0,2	0,2/2,2	–
39	Впадина	Подпрямо- угольная	ССЗ – ЮЮВ	7,2х8,8	0,2	0,1/1,8	Одна яма 0,8х1,7х0,2
40	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Трапещи- евидная	ВЮВ – ЗСЗ	8,0х8,2	0,1	–	Две ямы: 2,4х2,4х0,2 и 1,5х4,6х0,2
41	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Округлая	–	9,3	0,2	–	Одна яма 2,6х5,8х0,3
42	Впадина	Подпрямо- угольная	ЮЗ – СВ	6,3х7,5	0,2	0,1/1,1	–
43	Впадина (с выходом на ЮЗ)	Подпрямо- угольная	ЮВ – СЗ	6,5х7,15	0,3	0,2/0,9	Одна яма 3,0х4,6х0,2
44	Площадка (с углублением в центре – 0,1; с выходом на ЮЗ)	Подпрямо- угольная	ССЗ – ЮЮВ	7,0х9,3	0,2	–	–
45	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Округлая	–	5,8	0,15	–	–
46	Впадина (с выходом на ССВ)	Подпрямо- угольная	ССВ – ЮЮЗ	4,6х6,15	0,2	0,1/1,0	–
47	Площадка (с западиной в центре – 0,1)	Трапещи- евидная	–	8,9х9,0	0,2	–	–

Первый глазомерный план селища составлен в 1985 г. С.Ф. Кокшаровым, а в 1992 г. уточнён А.П. Зыковым, который зафиксировал 10 впадин. Границы объекта на плане не устанавливались. С учётом морфологических характеристик часть сооружений предположительно отнесена к каменному веку, вторая — к позднему Средневековью²⁷.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Участок № 5 (ил. 12) размерами 190х240 м состоит из четырёх селищ — Барсова Гора IV/21, Барсова Гора IV/20, Барсова Гора IV/19 и Барсова Гора IV/18. В отличие от предыдущего поселенческого комплекса на участке № 4, площадь которого плотно занята археологическими объектами, данный куст памятников рассредоточен на территории. Каждое из селищ обособлено, располагается друг от друга на удалении 10–40 м.

Селище Барсова Гора IV/21 (ил. 12) — объект археологического наследия федерального значения, расположен на удалении 1,9 км к северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Объект занимает южную оконечность обширного мысовидного участка третьей надпойменной террасы, образованного рукавами Большого лога в центральной части урочища. Высота местности над уровнем болота в логу составляет 13,0–14,0 м, относительно уровня воды в протоке — 21,0–22,0 м. Площадка памятника, удалённая от края террасы протоки Мишкиной на 435 м к северо-востоку, по большей части ровная, его западная периферия выходит на восточный склон Большого лога. Растительность представлена сосновым лесом с примесью мелкой берёзы, в нижнем ярусе — лесной опад и ягель с включениями брусничника и сфагноума.

Памятник занимает участок местности размерами 65х70 м, от которого в 70 м восточнее расположено селище Барсова Гора IV/20,

Таблица 13

**Селище Барсова Гора IV/21.
Основные характеристики археологических объектов**

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы, кол-во, размеры, глубина (м)
1	Впадина (нарушена дорогой)	Подоваль-ная	—	7,3 и 9,8	0,3	0,3/2,4	—
2	Впадина	Подоваль-ная	—	8,0 и 11,3	0,6	0,3/3,6	Пять ям: от 1,7х1,8х0,3 до 2,0х5,1х0,3
3	Впадина	Подоваль-ная	—	7,3 и 8,6	0,4	0,2/2,5	Одна яма 0,4х0,8х0,2
4	Впадина	Подпрямо-угольная	ЮЗ – СВ	8,0х10,8	0,4	0,3/2,7	Две ямы: 1,4х2,5х0,2 и 2,4х2,2х0,3
5	Впадина	Округлая	—	14,3 и 14,5	0,9	0,4/3,4	Одна яма 1,4х2,2х0,3
6	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Прямоу-гольная	ССВ – ЮЮЗ	5,4х6,9	0,2	0,2/1,6	—
7	Впадина (нарушена до-рогой)	Округлая	—	7,1 и 9,8	0,7	0,4/2,5	Три ямы: от 0,6х1,2х0,1 до 2,5х2,8х0,4
8	Площадка (с углублением в центре – 0,3)	Подпрямо-угольная	ЮЮВ – ЗСЗ	6,8х8,5	0,2	0,2/1,6	Две ямы: 1,8х1,9х0,5 и 2,2х3,0х0,3
9	Впадина (спаренные объекты)	Подпрямо-угольная	З – В	6,9х11,9	0,3	0,3/1,7	Две ямы: 1,4х2,0х0,2 и 1,5х3,2х0,3
10	Площадка (с углублением в центре – 0,1, нарушена до-рогой)	Близкая шести-угольной	ССВ – ЮЮЗ	7,1х9,4	0,2	0,2/1,2	Шесть ям: от 0,8х0,9х0,1 до 3,15х3,9х0,9

а в 35 м юго-восточнее — селище Барсова Гора IV/19. На поверхности селища Барсова Гора IV/21 зафиксировано 10 археологических сооружений, представляющих собой впадины различных размеров, окруженные обваловками и внешними ямами. У некоторых впадин фиксируются предполагаемые места выходов в виде понижений в кольце обваловки. Центральное ядро селища составляет 8 сооружений (№ 2—9), образующих компактную группу и расположенных настолько близко друг к другу, что их обваловки сливаются. Впадины № 1 и 10 размещены изолированно: первая — в 7,0 м севернее основной группы, вторая — в 15 м западнее. По территории селища проложены лыжные трассы, которыми повреждены сооружения № 1, 7, 8. Через впадину № 5 проходит колея старой заброшенной дороги.

План памятника был составлен в 1985 г. А.П. Зыковым и в 1992 г. им же уточнён²⁸.

Датировка объекта археологического наследия селище Барсова Гора IV/21 установлена по ряду косвенных признаков — предположительно позднее Средневековье.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Селище Барсова Гора IV/19 (ил. 12) — объект археологического наследия федерального значения, расположен в 1,8 км к северо-западу от центра застройки пгт. Барсово.

Занимает юго-западный край обширного мысовидного участка третьей надпойменной террасы протоки Микишкиной, образованного рукавами Большого лога в центральной части урочища. Высота участка над уровнем болота в логу составляет 14,0—15,0 м, относительно уровня воды в протоке — 22,0—23,0 м. Площадка памятника, удалённая от края террасы на 460 м к северо-востоку, по большей части ровная, его южная и западная периферии выходят на склон. Растительность указана выше.

Памятник занимает участок местности размерами 75х120 м. В 30 м северо-западнее расположено селище Барсова Гора IV/21, в 10 м северо-восточнее — селище Барсова Гора IV/20, в 8 м восточнее — селище Барсова Гора IV/18. На поверхности селища Барсова Гора IV/19 зафиксировано 17 археологических сооружений, представляющих собой впадины и площадки различных размеров, окружённые обваловками и внешними ямами. Некоторые сооружения расположены настолько близко друг к другу, что их обваловки сливаются, образуя общую насыпь, либо они имеют общие внешние ямы. У многих впадин

Таблица 14

Селище Барсова Гора IV/19.
Основные характеристики археологических объектов

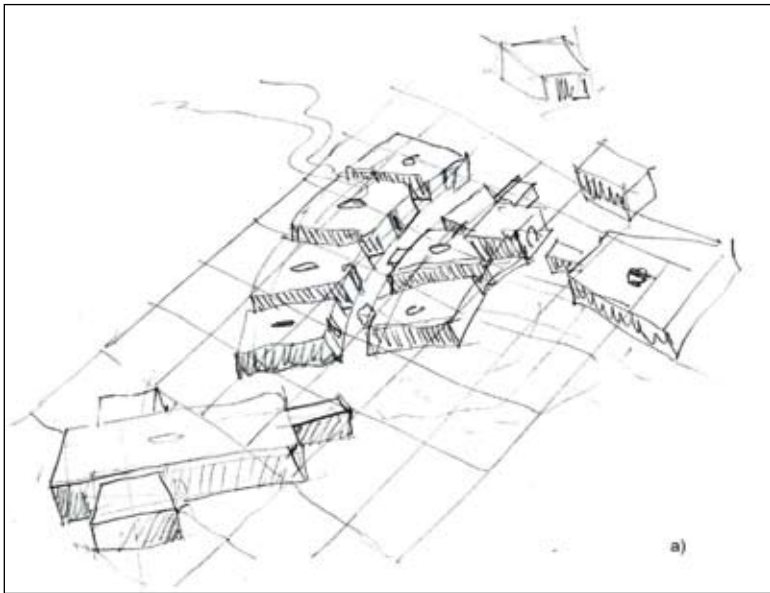
№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Трапезиевидная	З – В	8,1х10,3	0,3	0,3/2,2	Шесть ям: от 1,5х2,2х0,2 до 2,2х3,9х0,3
2	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	7,4х8,0	0,2	0,2/2,0	Семь ям: от 0,4х0,8х0,1 до 0,7х1,9х0,3
3	Площадка (с углублением в центре – 0,1)	Подовальная	–	8,6 и 11,0	0,3	0,3/2,6	Три ямы: от 2,4х2,9х0,4 до 3,1х5,0х0,5
4	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Подпрямоугольная	С – Ю	7,1х10,7	0,2	0,2/1,8	Пять ям: от 0,7х0,9х0,1 до 2,5х4,2х0,4
5	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮЗ – ССВ	8,1х9,0	0,4	0,3/3,1	Три ямы: от 1,8х2,0х0,4 до 1,8х2,5х0,4
6	Впадина	Подпрямоугольная	С – Ю	8,0х9,1	0,3	0,2/2,4	Две ямы: 1,0х1,2х0,2 и 1,7х2,9х0,4
7	Впадина	Подпрямоугольная	С – Ю	8,5х11,5	0,5	0,3/3,1	Одна яма: 1,2х2,0х0,3
8	Впадина	Подпрямоугольная	ЮЮВ – ССЗ	9,3х10,9	0,4	0,4/3,5	Две ямы: 1,9х2,9х0,3 и 3,5х4,7х0,3
9	Площадка (с углублением в центре – 0,3)	Подпрямоугольная	ВЮВ – ЗСЗ	4,1х6,0	0,2	0,2/1,6	Две ямы: 1,6х2,2х0,3 и 2,0х4,7х0,3
10	Площадка (с двумя западинами в центре – 0,3 м)	Подпрямоугольная	ВЮВ – ЗСЗ	7,5х11,7	0,2	0,2/2,0	Пять ям: от 0,7х1,5х0,2 до 1,5х8,7х0,2
11	Площадка (с углублением в центре – 0,3)	Округлая	–	6,3	0,2	0,2/2,1	Четыре ямы: от 1,0х2,3х0,2 до 2,3х3,4х0,5
12	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВВ – ССЗ	6,4х9,8	0,2	0,3/1,7	Две ямы: 1,6х6,0х0,4 и 6,6х6,9х0,5
13	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВВ – ССЗ	8,0х12,2	0,5	0,2/2,5	Одна яма 3,7х4,3х0,8
14	Впадина	Подпрямоугольная	ЮВВ – ССЗ	6,6х8,3	0,3	0,3/2,6	Одна яма 1,1х3,0х0,3
15	Площадка (с углублением в центре 0,2 м)	Подквадратная	ЮВВ – ССЗ	6,5х6,9	0,2	0,2/1,6	Одна яма 1,1х2,3х0,2
16	Площадка (с углублением в центре – 0,5)	Близкая шестиугольной	С – Ю	8,3х10,3	0,4	–	Семь ям: от 2,3х2,8х0,4 до 2,6х5,3х0,3
17	Впадина	Подовальная	ССЗ – ЮЮВ	14,4 и 20,1	0,5	0,3/4,2	Семь ям: от 0,8х1,0х0,1 до 2,0х3,3х0,4

фиксируются предполагаемые места выходов в виде понижения, разрывающего или выгибающего наружу кольцо обваловки. Сооружения № 1–11 располагаются в северной части объекта археологического наследия и формируют неровный ряд длиной 100 м, вытянутый в направлении запад — восток. Сооружения № 12–14 составляют второй плотный ряд в центральной части селища. К наиболее крупной в ряду впадине № 13 примыкает с юга впадина меньших размеров № 15, образуя с ней единое археологизированное строение. Сооружения № 16 и 17 формируют отдельную группу в южной части памятника. По территории объекта археологического наследия проходят лыжные трассы (дороги), одной из которых повреждены часть обваловки и внешние ямы сооружения № 4.

План памятника был составлен в 1985 г. А.П. Зыковым и в 1992 г. им же уточнен²⁹.

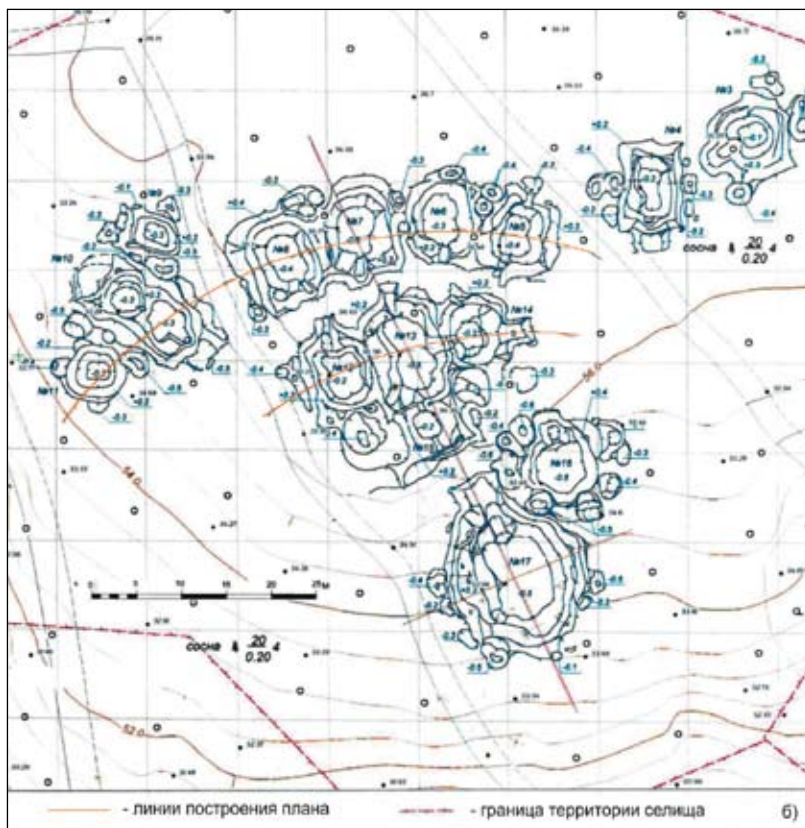
Датировка объекта археологического наследия селище Барсова Гора IV/19 не установлена. По ряду косвенных признаков — позднее Средневековье.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Ил. 13. Достопримечательное место «Барсова Гора». Исследуемый участок № 5. Топографический план расположения селища Барсова Гора IV/19 (б) и его гипотетическая реконструкция (а)

Среди неукрепленных поселений, фиксируемых в пределах урочища, селище Барсова Гора IV/19 занимает особое место. Оно выделяется, прежде всего, «чистотой» сохранившейся планировки, которая с течением времени не была подвержена каким-либо перестройкам и, соответственно, изменениям. План селища (ил. 13—б) состоит из трех частей: южной (объекты № 16, 17), центральной (объекты № 12—14) и северной (объекты № 5—9). На плане селища явно выражена центральная ось из сооружений № 17, 13 и 7, ориентированных по направлению северо-запад — юго-восток. Между северной и центральной частями селища по линии запад — восток намечен «проулок», в сторону которого ориентировано большинство выходов из жилищ. Исключение составляет сооружение № 14, обращенное входной частью на восток. Любопытный нюанс планировки наблюдается также и в центральной части селища, где находилась единая группа построек (№ 13—15), связанных между собой внутренними переходами.

На ил. 13—а дана гипотетическая объёмная реконструкция, требующая своей последующей конкретизации. Можно предположить, что, наряду с городищами, сравнительный анализ неукреплённых поселений (селищ) станет в дальнейшем одним из направлений исследований на Барсовой горе. Для этого, несомненно, потребуется детальный опорный план, отображающий наиболее полный набор археологических объектов, с учётом их объёмно-планировочных и пространственных характеристик.

Селище Барсова Гора IV/20 (ил. 12) — объект археологического наследия федерального значения, расположен в 1,82 км северо-западнее центра застройки пгт. Барсово.

Занимает центральную часть обширного мысовидного участка третьей надпойменной террасы, образованного рукавами Большого лога в центре урочища. Высота участка над уровнем болота в логу составляет 13,0 м, относительно уровня воды в протоке — 21,0—22,0 м. Площадка памятника, удаленная от края террасы на 530 м к северо-востоку, ровная, покрыта сосновым лесом с примесью берёзы, в нижнем ярусе — ягель, сфагнум, брусничник.

Таблица 15

**Селища Барсова Гора IV/20.
Основные характеристики археологических объектов**

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Площадка (с углублением в центре — 0,2)	Близкая шестиугольной	Ю — С	6,7х7,4	0,1	0,1/1,9	Три ямы: от 1,6х2,5х0,1 до 2,1х3,5х0,3
2	Площадка (с углублением в центре — 0,2, нарушена дорогой)	Подпрямоугольная	В — З	6,5х10,2	0,2	0,2/2,9	Пять ям: от 0,6х1,2х0,1 до 2,3х3,3х0,3
3	Площадка с углублением в центре — 0,1)	Подпрямоугольная	ЮЮЗ — ССВ	7,0х12,3	0,2	—	Шесть ям: от 0,8х1,8х0,2 до 2,4х4,4х0,4
4	Впадина	Подовальная	ЗСЗ — ВЮВ	7,8 и 9,0	0,3	0,2/1,8	Пять ям: от 0,9х1,4х0,1 до 1,5х3,0х0,4
5	Впадина	Подпрямоугольная	ССВ — ЮЮЗ	8,0х10,7	0,3	0,2/2,9	Четыре ямы: от 0,9х1,9х0,2 до 2,8х3,9х0,4
6	Впадина	Подпрямоугольная	ССВ — ЮЮЗ	7,1х12,3	0,2	0,2/1,7	Две ямы: 1,9х3,2х0,3 и 2,5х3,4х0,3
7	Впадина	Подовальная (с выступом-входом)	С — Ю	9,7 и 13,9	0,5	0,2/3,1	Семь ям: от 0,4х0,9х0,1 до 2,8х2,8х0,4
8	Впадина	Подпрямоугольная	ССВ — ЮЮЗ	5,4х6,1	0,4	0,1/1,4	—

Памятник занимает участок местности размерами 64x105 м, от которого на удалении 70 м к западу расположено селище Барсова Гора IV/21, в 10 м к югу — юго-западу — селище Барсова Гора IV/19 и в 35 м к югу — юго-востоку — селище Барсова Гора IV/18.

На поверхности селища Барсова Гора IV/20 зафиксировано 8 археологических сооружений в виде разноразмерных впадин и площадок, объединенных в две группы. Восточная включает сооружения № 1—3, западная — № 5—8, сооружение № 4 располагается изолированно в 9—10 м южнее. На некоторых сооружениях фиксируются предполагаемые места выходов. У впадины № 4 это простой разрыв в обваловке; у сооружений № 3 и 6 — широкие прямоугольные выступы-тамбуры; у сооружения № 7 тамбур выражен в виде впадины прямоугольной формы, соединённой с основным помещением ложбиной-коридором. По территории объекта археологического наследия проходят лыжные трассы (дороги), одной из которых повреждён восточный край сооружения № 2.

План памятника был составлен в 1985 г. А.П. Зыковым и им же уточнён в 1992 г.³⁰

Предположительная датировка объекта археологического наследия селище Барсова Гора IV/20 по ряду косвенных признаков — позднее Средневековье.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

Селище Барсова Гора IV/18 (ил. 12) — объект археологического наследия федерального значения, расположен в 1,7 км северо-западнее пгт. Барсово.

Приурочено к южному краю обширного мысовидного участка третьей надпойменной террасы протоки Микишкиной, образованного рукавами Большого лога в центральной части урочища. Высота участка над уровнем болота в логу составляет 13,0 м, относительно уровня воды в протоке — 21,0—22,0 м. Площадка памятника, удалённая от края террасы на 455 м к северо-востоку, имеет общий уклон с севера на юг. Перепад высот в пределах территории селища достигает 4,0 м. Сооружения расположены на открытом участке террасы, покрытом травянистой растительностью с примесью ягеля. Только в сооружении № 1 зафиксирован сосновый подрост. Прилегающая к селищу территория покрыта сосновым лесом, в нижнем ярусе — ягель, брусничник. На пониженных участках растительность также представлена осиной и березой, в нижнем ярусе кустарничковая, моховая и травянистая влаголюбивая растительность.

Памятник занимает участок размерами 55х70 м, от которого на удалении 8 м к западу — северо-западу расположено селище Барсова Гора IV/19. На поверхности селища Барсова Гора IV/18 зафиксировано 5 археологических сооружений в форме подквадратных площадок с западиной в центре, окружённых слабо выраженной обваловкой. По территории памятника проходят грунтовые дороги, которыми повреждены северо-восточный край сооружения № 5 и центральная часть сооружения № 3.

План памятника был составлен в 1985 г. А.П. Зыковым, в 1992 им же уточнён³¹.

Предположительная датировка объекта археологического наследия селище Барсова Гора IV/18 — позднее Средневековье. Она устанавливается по особенностям формы, основным параметрам археологизированных построек и степени выраженности последних в рельефе.

Состояние объекта археологического наследия неудовлетворительное.

В статье отражена незначительная часть памятников урочища Барсова Гора — только те 20, что были обследованы в ходе полевых и камеральных работ 2014 и 2017 гг. Однако и они дают начало опорному археологическому плану, который должен сформировать основу к обоснованию границ территории историко-культурного заповедника «Барсова Гора». Обследованные объекты археологии рассредоточены

Таблица 16

Селище Барсова Гора IV/18.
Основные характеристики археологических объектов

№	Вид объекта	Форма	Ориентация	Размеры (м)	Глубина/высота (м)	Обваловка: высота/ширина (м)	Внешние ямы: кол-во, размеры, глубина (м)
1	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Подквадратная	–	10,4х10,5	0,1	0,1/2,8	Шесть ям: от 0,3х1,0х0,1 до 1,4х2,9х0,2
2	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Подквадратная	–	7,1х7,5	0,2	0,2/2,0	Две ямы: 1,2х2,8х0,2 1,7х4,2х0,3
3	Площадка (с углублением в центре – 0,2; нарушена дорогой)	Подквадратная	В – З	10,0х11,1	0,2	0,2/2,5	Четыре ямы: от 0,8х2,1х0,1 до 1,0х3,6х0,1
4	Площадка (с углублением в центре – 0,2)	Подпрямоугольная	В – З	10,1х12,2	0,2	0,2/2,3	Четыре ямы: от 0,9х2,3х0,1 до 1,5х5,7х0,2
5	Площадка (с углублением в центре – 0,2; нарушена дорогой)	Подквадратная	–	10,3х10,6	0,1	0,1/2,7	–

на пяти участках и занимают в центральной части достопримечательного места «Барсова Гора» площадь размерами ок. 200х1850 м. Выполнена тахеометрическая съёмка рельефа местности. Составлен топографический план отмеченных объектов, на каждом уточнён количественный состав выраженных в рельефе археологизированных построек и определено их физическое состояние. Выполнена фотофиксация. Выявлены локальные поселенческие комплексы — своеобразные «точки сгущения» на опорном плане, дающие наглядное представление о плотности археологических объектов на Барсовой горе. На топографических планах представлены не только количественные, но и качественные планировочно-пространственные характеристики поселений — предпосылки для последующих объёмно-графических и натуральных реконструкций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Атлас Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — Ханты-Мансийск; Москва, 2004. — Т. II: Природа. Экология. — С. 95.

² Словцов И.Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Изв. Императорского Томского ун-та. — Томск, 1890. — Кн. II. — С. 84.

³ Чемякин Ю.П., Шатунов Н. В. История изучения археологических памятников Барсовой Горы // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут, 2002. — С. 40–41.

⁴ Павлов Н. Я. Пояснительная записка к «Плану остатков древнего городища на Барсовой Горе» // Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. — С. 12.

⁵ Документы по объектам археологического наследия на Барсовой горе из архива Ф.Я. Показаньева (Подготовка к печати: А.В. Носкова) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 352–380.

⁶ Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В. История изучения археологических памятников Барсовой Горы...

⁷ Приказ Госкультохраны Югры от 30 октября 2012 г. № 13-нп «Об утверждении границ территории, требований к осуществлению деятельности в границах территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова Гора».

⁸ Ведмидь Г.П. Отчёт о НИР: Археологические исследования на территории достопримечательного места «Барсова Гора» в Сургутском р-не Тюменской обл. в 2014 г. — Сургут, 2017 г. — БИИКФ (г. Сургут), без №; Ведмидь Г.П. Отчёт о НИР: Археологические исследования на территории достопримечательного места «Барсова Гора» в Сургутском р-не ХМАО — Югры в 2017 г. — Сургут, 2017 г. — Архив Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, № 8431. Д. 2300.

⁹ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Отчёт об археологических разведках в урочище Барсова Гора Сургутского р-на Тюменской обл., произведённых в 1968–1993 гг. — Екатеринбург, 1994. — Т. 1.— БИИКФ (г. Сургут), № 100. — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 70.

- ¹⁰ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. — С. 98
 - ¹¹ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 97–98.
 - ¹² Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 97.
 - ¹³ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 97.
 - ¹⁴ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 97.
 - ¹⁵ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 96.
 - ¹⁶ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 96.
 - ¹⁷ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 96.
 - ¹⁸ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 96.
 - ¹⁹ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 95.
 - ²⁰ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 45.
 - ²¹ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 45.
 - ²² Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 95.
 - ²³ Шорин А.Ф. Отчёт о разведке и раскопках на памятнике Барсова Гора в Сургутском районе Тюменской области, проведенных в 1974 г. — Свердловск, 1974. — Архив Ин-та археологии РАН, Р-1, № 5559; АКА УрГУ. Ф. II. Д. 196.
 - ²⁴ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 144.
 - ²⁵ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 145.
 - ²⁶ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 144.
 - ²⁷ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 144.
 - ²⁸ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 143.
 - ²⁹ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 142–143.
 - ³⁰ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 143.
 - ³¹ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 142.
-

G.P. Vedmid'
To the creation of the historical-archaeological baseline plan
of the Barsova Gora

Abstract. The article reflects archaeological research of two field seasons of 2014 and 2017, which had been carried out in the central part of the landmark sight of Barsova Gora. The workings results will form the basis of the archaeological baseline plan — one of the first stages of the historical-cultural reserve borders justifying on this territory.

Key words. Middle Ob Region, Surgut, Barsovo, Barsova Gora, a landmark sight, a historical and cultural reserve, the river duct of Mikishkina, a baseline plan, archaeological research, a hillfort, an unfortified site, a settlement, graphic reconstructions.

E-mail: v-g-p-56@yandex.ru

Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1 в Нефтеюганском районе ХМАО — Югры в 2017 г.

А.С. Виноградов

г. Нефтеюганск

ООО «НПО «Северная археология — 1»

Аннотация. В статье представлены краткие результаты археологических исследований, проведенные в 2017 г. на объекте археологического наследия поселение Колунгтотытор 1, расположенного в южной части Нефтеюганского р-на ХМАО — Югры, в самом центре обширной озёрно-болотной страны Салымско-Юганского междуречья. Исследованию подвергся северный участок поселения на площади 3600 кв. м. В ходе разборки культурного слоя были установлены морфологические характеристики и интерьерные особенности жилищного сооружения, остатков хозяйственной постройки, а также хозяйственных объектов (ям). Вещевой комплекс Колунгтотытора двухкомпонентен в культурно-хронологическом отношении и датирован периодами неолита и энеолита. Неолитический керамический комплекс находит довольно выразительные аналогии в быстринской орнаментальной традиции. Посуда энеолитического периода более разнообразна в орнаментальном отношении, однако, находя отдалённые аналогии в Среднем Зауралье, Конде и Васюгане, явно обладает собственной оригинальной вариативностью. Примечательно обнаружение в жилище довольно внушительной серии керамических брусков, предварительно определяемых как абразивные орудия, однако вопрос об их функциональном назначении до сих пор является открытым. Каменный инвентарь, обнаруженный на поселении, в целом, типичен для культур неолита и палеометалла таёжной полосы зауральско-западносибирского региона. Орудийный набор, выполненный преимущественно техникой шлифования, включает в себя рубящие долотовидные орудия из алевролита и кремнисто-глинистых пород, сланцевые наконечники стрел, фрагменты сланцевых ножей. В процессе исследования заполнения котлованов жилища, а также одной из хозяйственных ям было отобрано 15 проб угля от сгоревших конструктивных элементов жилой постройки для проведения радиоуглеродного анализа, который впоследствии подтвердил существование поселения в двух вышеуказанных хронологических периодах. На момент выхода статьи было получено 9 из 15 калиброванных дат, большая часть из которых относится к кон. V — перв.

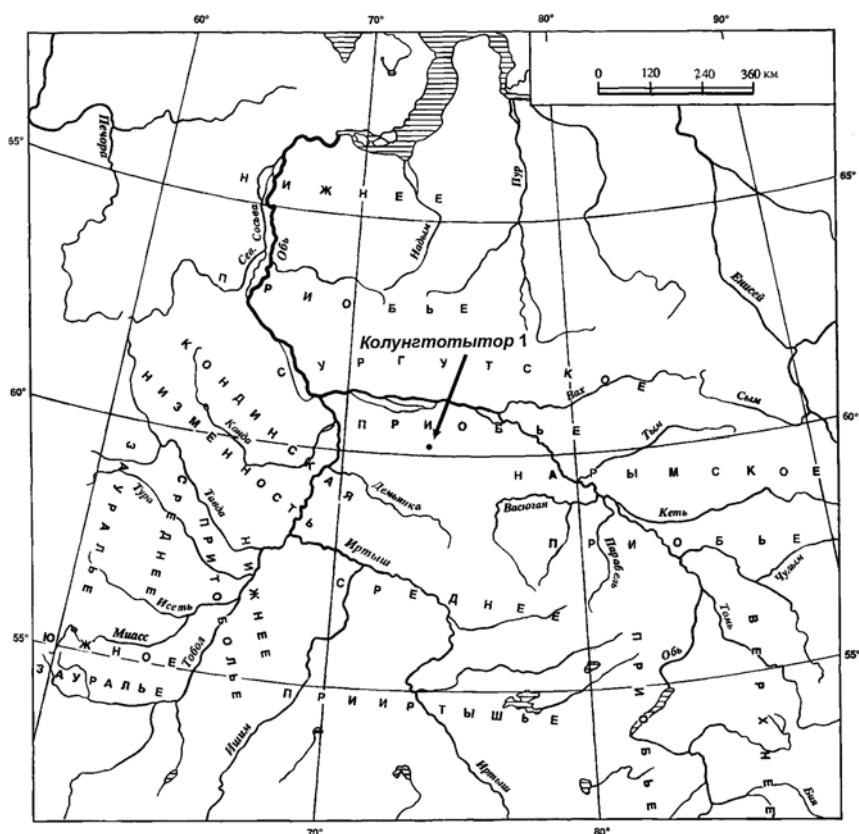
пол. IV тыс. до н. э. Единичные пробы относятся ко втор. пол. IV тыс. до н. э. и втор. пол. III тыс. до н. э.

Ключевые слова. Салымский край, оз. Колунгтотытор, археологические раскопки, поселение, жилище, погребение, керамические сосуды, каменный и керамический инвентарь, радиоуглеродный анализ.

Салымский край — своеобразный регион Сургутского Приобья, по большей части совпадающий с современными административными границами Нефтеюганского р-на. Известно, что этот ландшафтно разнообразный и богатый биоресурсами регион был заселён человеком ещё в эпоху камня — наиболее ранние немногочисленные свидетельства пребывания здесь древних групп населения относятся к эпохе мезолита.

В природно-географическом отношении Салымский край расположен в лесоболотной зоне средней тайги Западно-Сибирской равнины, занимая юго-западную часть Среднеобской низменности (ил. 1). Большая часть территории края заболочена, болота занимают две его трети, леса — менее трети¹. Один из самых крупных болотных массивов расположен в южной части Нефтеюганского р-на на пространстве обширной озёрно-болотной страны, т. н. Вандрасско-Юганской ландшафтной провинции², пролегающей с юго-запада на северо-восток (между р. Вандрас на западе и р. Малым Юганом на востоке). В её центре и расположено поселение Колунгтотытор 1. Поселение приурочено к западной оконечности суходольной внутриболотной гряды, вплотную примыкая к северо-восточному берегу одноименного озера Колунгтотытор («Рыгающего Ворона озеро» — салымские ханты).

Данный археологический памятник, состоящий из трёх археологизированных сооружений (западин), был открыт в 1991 г. разведкой Г.П. Визгалова и К. Г. Карачарова³. В разведочном шурфе был выявлен археологический материал, который был датирован энеолитическим временем. В 2015 г. поселение было обследовано вторично, были определены его границы, проведены топографическая съёмка и координирование⁴. В результате рекогносцировочного шурфования был обнаружен материал двух хронологических периодов (неолита и энеолита), и тем самым установлена неоднослойность поселения. Также осмотр показал, что через северную часть памятника проложен коридор линии электропередачи, в который попала самая крупная жи-

Ил. 1. Поселение Колунгтотытор 1. Карта-схема расположения (Масштаб 1 : 1 200 000)

лишняя западина. Попутно были выявлены четыре новые неглубокие западения подовальной формы.

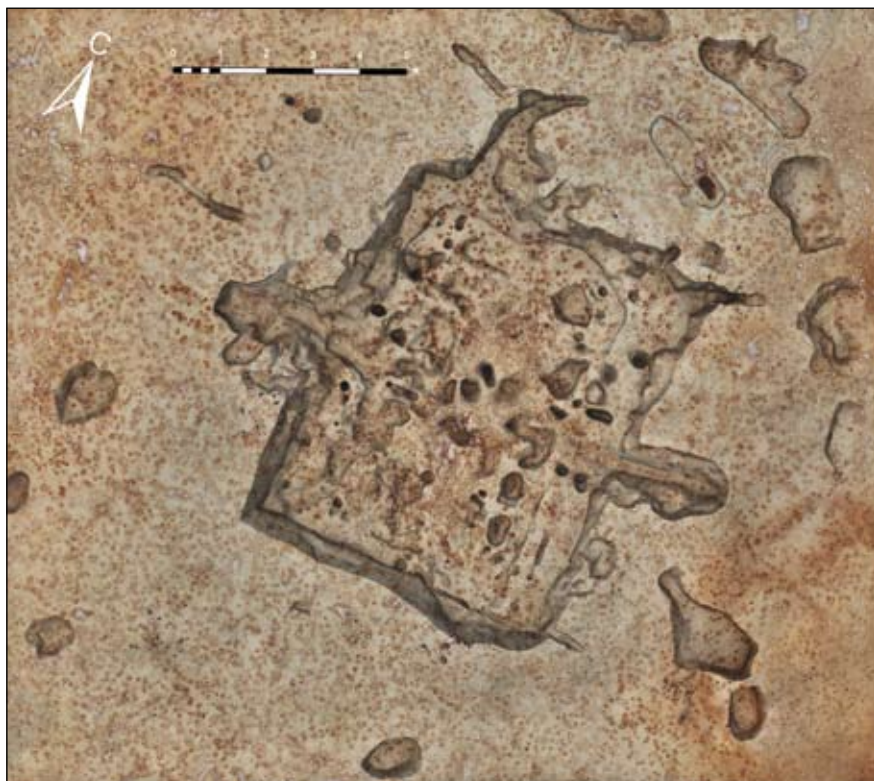
В соответствии с разработанным проектом по обеспечению сохранности поселения Колунгтотытор 1⁵ в полевом сезоне 2017 г. исследованию был подвергнут северный участок памятника площадью 3600 кв. м.

Жилищное сооружение № 1

На уровне дневной поверхности постройка фиксировалась как довольно глубокое западение подквадратной формы 8,5х8,3 м и глубиной ок. 0,8 м с выраженной обваловкой по периметру. Исследование жилищного объекта производилось методом погоризонтной выборки заполнения древнего котлована для установления морфологических

характеристик сооружения и его интерьерных особенностей. В процессе выборки заполнения, представленного грязно-серым углистым песком, были определены границы стен и пола; было установлено, что археологический объект сформирован землянкой, углубленной на 0,8—1,0 м от древней дневной поверхности. Установленная площадь жилой камеры составляла 70 кв. м. Она имела размеры 7,6х9,3 м, прямоугольную форму и ориентацию стен по сторонам света (ил. 2).

Есть все основания полагать, что жилище было оснащено несущей каркасно-столбовой конструкцией, подпиравшей кровлю. Данное предположение основано на выявленных столбовых ямах, которые были распределены относительно равномерно по жилой камере. Всего на материковой поверхности жилищной камеры было обнаружено и выбрано 46 столбовых и 16 хозяйственных ям с различными метрическими и морфологическими характеристиками, глубиной от 0,2 до 0,7 м. В

Ил. 2. Поселение Колунгтотытор 1. Жилище № 1. Фотограмметрическая модель жилищного котлована с выбранными объектами (Масштаб 1:100)

самом центре жилищной камеры была расположена самая крупная (и глубокая) столбовая яма, по всей видимости, для установки центрального несущего столба.

В процессе выборки котлована с запада и востока было зафиксировано наличие двух выходов из жилой камеры в виде коридорообразных тамбуров длиной 2,6х1,6 м и глубиной до 0,8 м. Вероятно, они тоже имели каркасную конструкцию с опорой на столбы, попарно установленные по обеим сторонам на участке сочленения тамбура с жилой камерой, где также были выявлены столбовые ямы. Характерной деталью интерьера являлось наличие довольно глубоких и крупных предвходовых ям с тёмно-серым углистым заполнением, расположенных непосредственно у сочленения тамбура с жилой камерой.

Вдоль южной и восточной стен жилища были зафиксированы неглубокие и узкие канавки, прослеживающиеся своим тёмно-серым и чёрным заполнением на глубину до 0,1 м. Возможно, они являются свидетельствами крепления плах, препятствовавших осыпанию стен котлована.

К сожалению, каких-либо структурированных остатков крепиды или каркасно-столбовой конструкции обнаружено не было, хотя в заполнении прослеживались некрупные разрозненные части обугленных плашек. Также довольно проблематичным оказалось определение очажного пятна (пятен). Вообще необходимо отметить довольно сложную ситуацию в жилищном котловане. Вне всякого сомнения, данный жилищный объект, сооружённый обитателями поселения ещё в эпоху неолита, использовался и позднее, в энеолитическое время, т. к. археологический материал, изымавшийся из заполнения котлована, относится как минимум к двум хронологическим периодам — IV и III тыс. до н. э. В процессе разборки заполнения фиксировались следы перестройки и поздние вторжения в материк, переотложенность заполнения котлована и археологического материала. Скорее всего, именно это обстоятельство объясняет отсутствие локализованного очага и невозможность проследить остатки каркасно-столбовой конструкции, которые, по всей видимости, были переотложены в эпоху энеолита. Реконструировать позднюю постройку, хотя бы приблизительно, не представляется возможным, однако она явно была меньше, и при её создании не был нарушен внешний контур более древнего котлована.

За пределами жилища по его периметру на уровне древней дневной поверхности было зафиксировано 16 внешних ям, не фиксировавшихся на современном напочвенном покрове, прерывистой и неравномерной

цепочкой протянувшихся вдоль северной, восточной и юго-восточной периферии жилищного котлована. Их функциональное назначение остаётся невыявленным. Различными исследователями они интерпретируются и как хозяйственные ямы, и как дренажные канавы⁶.

В целом морфология и интерьерные особенности исследованного жилищного сооружения находят выразительные аналогии в домостроительной традиции поселения быстринского культурного типа Быстрый Кульёган 66, на котором были выявлены сходные конструктивные и интерьерные характеристики: прямоугольная форма котлована, ориентация стен постройки по сторонам света, каркасно-столбовая конструкция, два коридорообразных выхода с предвходовыми ямами, а также канавки вдоль стен жилищного котлована и цепочки внешних ям по его периметру⁷.

Иные объекты

Помимо жилищного котлована, в пределах раскопа были исследованы и другие объекты — три довольно большие (хозяйственные?) ямы и небольшая постройка.

На уровне дневной поверхности «хозяйственные» ямы фиксировались как подовальные впадины без обваловки размерами 3,2 и 3,5 м, глубиной до 0,4 м. Обращала на себя внимание относительная симметричность их взаиморасположения. Размеры ям после выборки их заполнения составляли в среднем 3,0 и 2,0 м, глубина до 1,5 м. Археологического материала в них выявлено не было, однако современность этих ям неолитическому времени является доказанной, поскольку в одной из них был взят образец угля, синхронный с углем из жилого сооружения № 1. Подобные промыслово-хозяйственные объекты часто встречаются в таёжной зоне Сургутского и Нижнего Приобья, и вопрос об их функциональности до сих пор вызывает у разных исследователей неоднозначные мнения. Как правило, они интерпретируются как промысловые объекты (так называемые ямы-ловушки). В данном же случае, по нашему мнению, эти ямы имели скорее хозяйственное назначение.

Постройка (объект № 6) фиксировалась на уровне дневной поверхности как впадина овальной формы диаметрами 3,00 и 3,15 м, глубиной 0,20 м без выраженной обваловки. В результате выборки заполнения котлована было установлено, что данное сооружение являлось углубленной на 0,5 м полуземлянкой, размеры которой составляли 4,0х4,6 м, а глубина — до 0,5 м. Форма котлована подквадратная, сориентированная по сторонам света. Единственный выход в виде небольшого тамбура зафиксирован с южной стороны. Примечателен тот

факт, что в сооружении не прослежен ни очаг, ни какие-либо объекты (столбовые или хозяйственные ямы), что позволяет сделать предположение об его не жилом, а скорее хозяйственном назначении. Судя по обнаруженным в заполнении котлована фрагментам керамической посуды с гребенчатой орнаментацией, данное сооружение не являлось современным большому жилищу, а существовало в эпоху энеолита.

Погребение

В процессе выборки заполнений внешних ям на северной периферии жилища в одном из объектов, расположенном вдоль северной стены жилищного котлована, было выявлено погребение человека по способу ингумации. Сохранность расчищенного костяка крайне низкая, однако погребение все же идентифицируется как вытянутое трупоположение на спине (ил. 3). Головой погребённый был ориентирован на запад, какого-либо сопроводительного инвентаря выявлено не было. Характерной особенностью было наличие линзы охры поверх остатков краниологического материала. При выборке заполнения ямы было установлено, что индивид был ингумирован в ранее сооруженную внешнюю яму, т. к. её размеры были значительно больше погребённого, а её

Ил. 3. Поселение Колунгтотытор 1. Расчистка погребения во внешней яме жилища № 1. Снято с юга

ориентация и расположение вписывались в вышеописанную цепочку внешних ям.

Остатки краниума погребённого были представлены фрагментами затылочной кости с признаками облитерации, сосцевидным отростком височной кости и фрагментом правой ветви нижней челюсти. Лицевая часть краниума, как и зубы, не сохранилась. Из всего посткраниального скелета относительно хорошо сохранилось шесть шейных позвонков. Половозрастное определение антропологического материала было выполнено ведущим антропологом Кабинета антропологии Томского государственного университета М.П. Рыкун. По особенностям строения морфологических признаков, вероятнее всего, антропологический материал принадлежит мужчине зрелого возраста (45–50 лет)⁸.

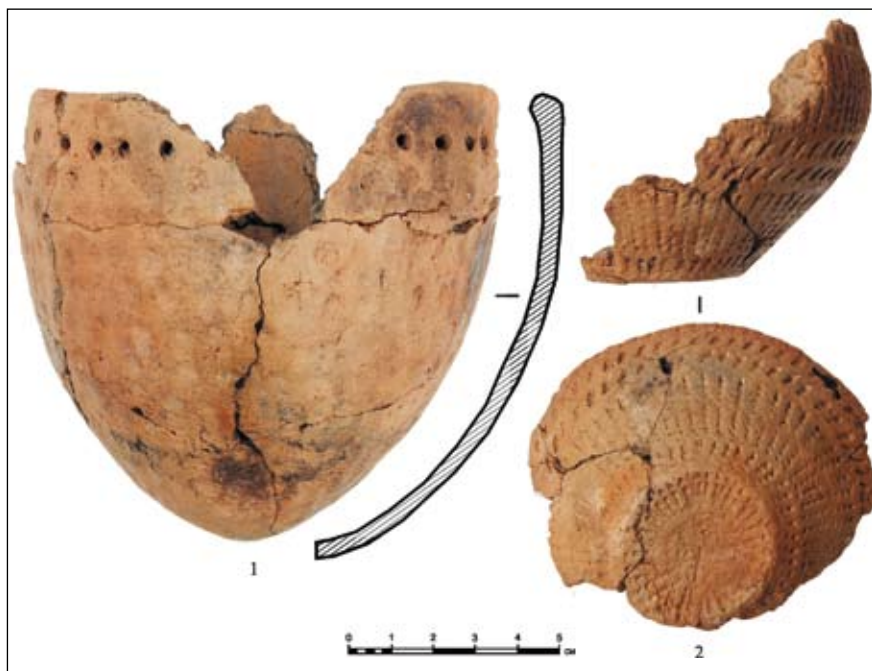
Нельзя не упомянуть об использовании охры древними обитателями поселения. Данный минеральный краситель является неотъемлемой частью сакральных практик древнего населения лесной полосы Западной Сибири и Зауралья. Поселение Колунгтотытор 1 не было исключением. Однако, как и каменное сырьё, этот краситель был в дефиците, поэтому его использование было очень локальным. Небольшие линзы и зёрна охры ярко-алого цвета точечно наносились по периметру жилищного котлована и за его пределами, как бы маркируя жилое пространство. Мелкие зёрна охры попадались и в заполнениях столбовых и хозяйственных ям. Самая крупная линза охры была, как уже говорилось, зафиксирована на остатках краниума погребённого, кроме того, в линзе охры был обнаружен миниатюрный керамический сосуд в 5 м к западу от западного выхода из жилища.

Археологический материал

Керамический комплекс Колунгтотытора 1 не однороден в хронологическом отношении и распадается как минимум на два культурных типа (ил. 4, 5). Наиболее ранний комплекс керамической посуды был декорирован в волнисто-прочерченной и отступающее-накольчатой технике орнаментации. Зональность орнамента, как правило, горизонтальная (хотя изредка встречаются диагональные мотивы), сопровождающаяся пояском ямочных вдавлений вдоль закраины венчика. Керамическая посуда данного комплекса представлена сосудами полуоткрытого и открытого типов круглодонной и полуяйцевидной формы с обязательным украшением всего тела керамического сосуда, включая дно. Ближайшим типологически близким аналогом является комплекс быстринской неолитической керамической традиции.

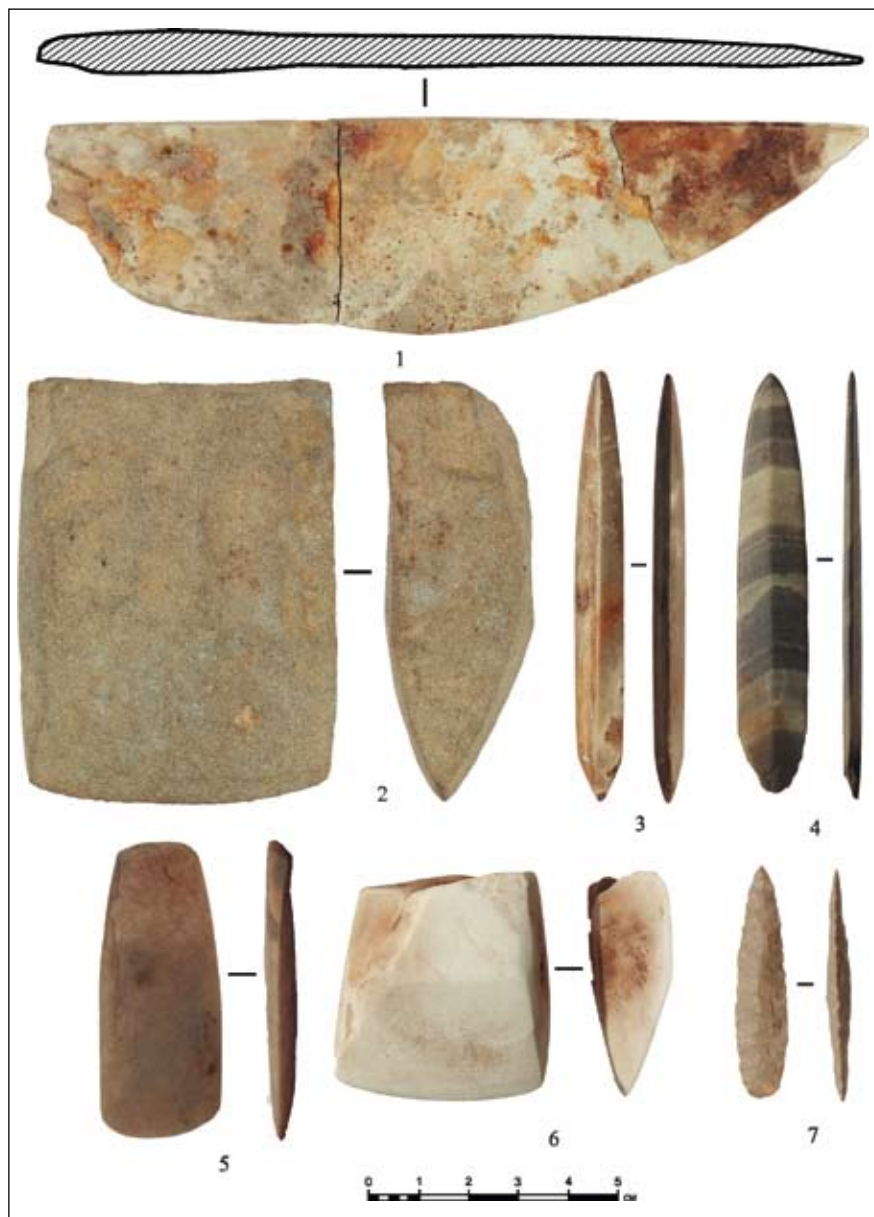
Ил. 4. Поселение Колунгтотытор 1. Фрагменты керамической посуды. 1—3, 6, 7, 9 — фрагменты сосудов эпохи неолита; 4, 5, 8, 10, 11 — фрагменты сосудов эпохи энеолита

Ил. 5. Поселение Колунгтотытор 1. Миниатюрные керамические сосуды. 1 — неолитический полуяйевидный сосуд (жилище № 1); 2 — энеолитический плоскодонный сосуд (археологическое сооружение № 6)

Другой керамический комплекс, гребенчато-геометрический, орнаментально более разнообразен и выражен использованием гребенчатого штампа, шагающей и проташенной гребёнки, а также круглыми ямочными вдавлениями, покрывающими всё тело керамического сосуда. Преобладала как горизонтальная, так и диагональная зональность орнаментальных композиций, которые были выражены поясами «ёлочного» гребенчатого штампа, взаимопроникающих треугольников, ромбической сетки. Данный керамический комплекс лишь отчасти находит аналогии в барсовогорской керамической традиции эпохи энеолита и явно имеет «импортный» компонент, находя отдалённые аналогии в Среднем Зауралье, на р. Конде и в бассейне р. Васюгана.

Каменная индустрия Колунгтотытора 1 является типичной для памятников эпохи камня и палеометалла Западно-Сибирского региона, но мало репрезентативна по причине низкого качества каменного сырья, основу которого составляли преимущественно осадочные породы — песчаники, опоки, алевролиты, глинистый и кремнистый сланцы. Не-

Ил. 6. Поселение Колунгтотытор 1. Жилище № 1. Каменные изделия.
1 – нож; 2, 5, 6 – рубящие орудия; 3, 4, 7 – наконечники стрел.

1 – глинистый сланец; 2, 5 – кремнистый песчаник;

3, 4 – кремнистый сланец; 6 – аргилизированная глина; 7 – кремнь

обходимо отметить тот факт, что практически вся каменная индустрия Колунгтотытора 1 основана на шлифованной технике обработки камня, за исключением единственного ретушированного наконечника стрелы и шести фрагментов ножевидных пластин.

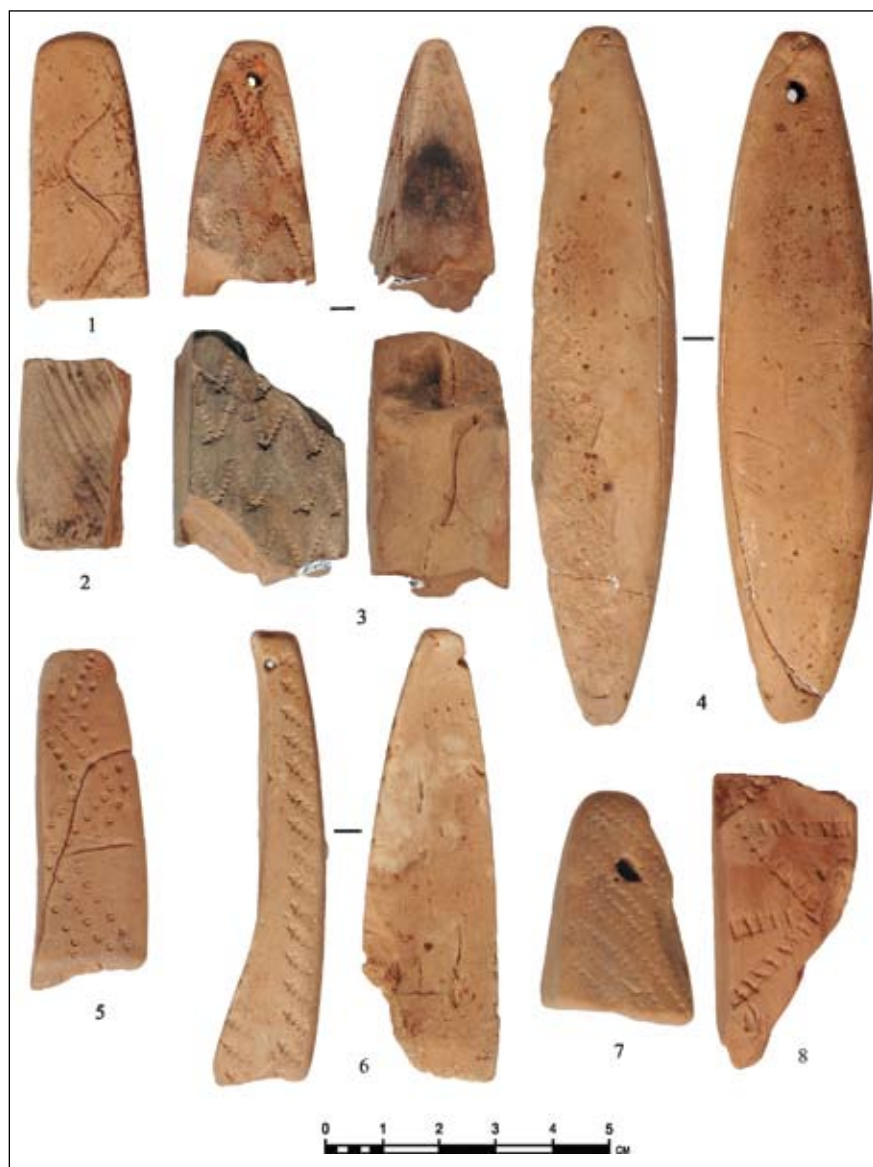
Наиболее массовую категорию каменного инвентаря представляют шлифованные долотовидные рубящие орудия (ил. 6 — 2, 5, 6). Морфологически они представляют прямоугольные, реже трапециевидные изделия с выраженным рабочим краем. Орудия выполнены преимущественно из кремнистого песчаника и алевролита, однако встречались изделия из глинистых пород, в частности аргилизированной глины. Нельзя не отметить сильную «забитость» большинства орудий и довольно плохую сохранность. Вопрос о функциональном назначении данной категории орудий является спорным, и рубящими их можно назвать лишь условно. С большей степенью вероятности возможно предположить их использование в качестве клиньев для расщепления дерева. Обнаружение за пределами жилища двух т. н. «рубящих» орудий, которые были выполнены из глинистой рыхлой и непрочной породы, вообще выводит их из разряда функциональных, и предварительно они интерпретируются как «учебные пособия».

Помимо долотовидных орудий, на поселении было найдено четыре шлифованных наконечника стрел иволистной формы, выполненных из сланца, а также один ретушированный, изготовленный из светло-бежевого кремня (ил. 6 — 3, 4, 7). Довольно примечательным фактом является орнаментация одного из шлифованных наконечников в виде симметричных насечек, выполненных на его перьевых гранях.

Одними из наиболее тщательно изготовленных шлифованных каменных орудий, обнаруженных исключительно в пределах жилищного котлована, явились фрагменты шлифованных сланцевых ножей (ил. 6 — 1). Ножам придавалась узнаваемая стереотипная форма — прямая спинка-обушок, изогнутое и тщательно проработанное тонкое лезвие, плавно переходящее в округлую рукоять.

В коллекции каменного инвентаря присутствует незначительное количество абразивных изделий, изготовленных из крупнозернистого песчаника, а также две внушительные абразивные плиты со следами сработанной поверхности.

Помимо традиционно представленного на археологических памятниках материала, была получена довольно внушительная серия т. н. изделий неясного назначения — подквадратных в сечении брусков параллелепипедной и конической (биконической?) формы (ил. 7).

Ил. 7. Поселение Колунгтотытор 1. Жилище № 1. Керамические изделия неясного назначения (абразив ?)

Практически все изделия дошли до нас во фрагментированном виде. Длина фрагментов варьирует от 3 до 8 см. Данные изделия были выполнены преимущественно из обожжённой глины, а также из глинистого песчаника. Более половины изделий были декорированы. Как правило, орнаментации подвергалась не вся поверхность изделия, а только две наиболее противоположные грани. Орнаментальные приёмы и техника были сходными с орнаментикой керамических сосудов энеолитического времени. Применялись такие приёмы, как волнистое прочерчивание, разнообразные фигурные штампы, шагающая гребенка, наколы мелкой трубчатой костью, косые линейные насечки и пр. У ряда изделий на дистальном участке выполнено отверстие по сырой глине. Также прослеживаются следы сработанности на боковых неорнаментированных гранях в виде продольных бороздок. Единственное целое изделие (оно же и самое крупное) было извлечено со дна столбовой ямы в центральной части жилищного котлована. Оно имеет биконическую форму, квадратное в сечении, выполнено из обожжённой глины, без следов орнаментации и какого-либо утилитарного использования, на одной из оконечностей выполнено отверстие по сырой глине. Все эти изделия были обнаружены исключительно в пределах жилищного котлована или в непосредственной близости от него.

Считается, что в неолитическое время данные изделия на территории таёжной зоны Западной Сибири неизвестны и появляются только в энеолите. Находки подобных изделий известны также на энеолитических памятниках Прииртышья и Сургутского Приобья — на поселении Немич 1 (бассейн р. Демьянки)⁹, поселении Нёх-Урий 3.2 (р. Аган)¹⁰, поселении Угутское Левобережное 2 (бассейн р. Большого Югана)¹¹.

Остаётся открытым вопрос о функциональном назначении подобного рода изделий. Сейчас имеющей наибольшее число сторонников является версия об использовании данных брусков в качестве абразивов, поскольку более трети изделий имеют следы продольной сработанности. Однако остаётся неясным, какие виды операций ими осуществлялись, и на какой материал они воздействовали. Невыявленной остаётся функциональность изделий из глинистого песчаника, абразивные способности которого крайне низки, при этом выполненных и даже орнаментированных по подобию керамических. Не ясно также, является ли «абразивная» функция этих изделий первичной, или мы имеем дело с вторичным использованием предметов, созданных для иных целей. Непонятна и функциональность отверстий, на которых отсутствуют следы истирания.

Датировка

При проведении разборки культурного слоя на поселении было отобрано 16 проб для радиоуглеродного анализа: 15 образцов угля — из заполнения жилищного котлована, выкида из него и хозяйственной ямы № 5; 1 образец костной трухи антропологического материала — из погребения. Пробы были направлены в Лабораторию Ин-та им. Герцена (г. Санкт-Петербург) и в Аналитический центр изотопных исследований ИМКЭС СО РАН (г. Томск). На сегодняшний день имеются результаты 9 из 15 проб по углю, полученные в Томске под руководством Г.В. Симоновой. Калиброванные даты, как и археологический материал в целом, иллюстрируют неоднозначную хронологическую ситуацию на поселении:

- 6 из 9 дат, полученных по образцам из жилищного котлована и хозяйственной ямы № 5, укладываются в пределах относительно узкой хронологии — кон. V — перв. пол. IV тыс. до н. э.;
- 2 даты из образцов из жилищного котлована и выкида из него укладываются в пределах втор. пол. IV тыс. до н. э.
- 1 образец, также взятый из жилищного котлована, довольно существенно выбивается из общей хронологии и соответствует втор. пол. III тыс. до н. э.

Таблица 1

**Абсолютные радиоуглеродные даты,
полученные жидкостно-сцинтилляционным методом по 1δ (68 %)**

№	Лабораторный номер	Шифр образца	Вещество	Место изъятия	Радиоуглеродный возраст	Калибр. возр. 1δ (68 %)
1	ИМКЭС-14С1363	КТТ-2	Уголь	Объект № 5 (хоз. яма)	5043±94	3960-3710 до н.э.
2	ИМКЭС-14С1369	КТТ-3	Уголь	Выкид из котлована	4506±110	3370-3020 до н.э.
3	ИМКЭС-14С1367	КТТ-7	Уголь	Жилище № 1	3808±120	2460-2040 до н.э.
4	ИМКЭС-14С1365	КТТ-8	Уголь	Жилище № 1	4998±100	3940-3660 до н.э.
5	ИМКЭС-14С1362	КТТ-10	Уголь	Жилище № 1	5219±92	4230-3950 до н.э.
6	ИМКЭС-14С1346	КТТ-11	Уголь	Жилище № 1	5407±83	4350-4050 до н.э.
7	ИМКЭС-14С1366	КТТ-12	Уголь	Жилище № 1	5084±120	3990-3710 до н.э.
8	ИМКЭС-14С1368	КТТ-13	Уголь	Жилище № 1	4929±125	3940-3530 до н.э.
9	ИМКЭС-14С1323	КТТ-15	Уголь	Жилище № 1	4574±59	3500-3100 до н.э.

Культурно-хронологическая принадлежность

На сегодняшний день дать культурно-хронологическую оценку данного памятника возможно лишь предварительно, т. к. исследовано не более трети его площади и вскрыто лишь одно жилое сооружение из трёх, фиксирующихся на современной дневной поверхности. Установлено, что археологический материал в культурно-хронологическом отношении двухкомпонентен, то есть поселение существовало как минимум дважды.

Предварительно можно утверждать, что керамический комплекс неолитического периода существования поселения находит довольно близкие аналогии в быстринском культурном типе эпохи неолита Сургутского Приобья, выражаясь в весьма сходной манере декорирования керамической посуды и домостроительной традиции. Однако полученные радиоуглеродные данные слабо коррелируются с быстринскими древностями и моложе их практически на тысячелетие: быстринский культурный тип относится к VI — нач. V тыс. до н. э., в то время как ранний вещевой комплекс Колунгтотытора относится к IV тыс. до н. э.

Вещевой комплекс энеолитической эпохи своеобразен. Наличие довольно большой серии керамических брусков (условно интерпретированных как абразивы) выделяет данный памятник из известных ранее как в регионе Сургутского Приобья, так и на сопредельных территориях. Керамическая орнаментальная традиция представляется довольно эклектичной. Ряд орнаментальных приёмов и геометрических композиций характерен для эпохи энеолита таёжной и лесостепной зон Западной Сибири (ёлочные композиции гребенчатого штампа, взаимопроникающие треугольники), однако рядом с ними представлены и довольно оригинальные для местной орнаментальной традиции приёмы (личинковидный или гусеничный штамп, проташенная гребёнка).

В контексте современных представлений о неолите Западной Сибири период позднего неолита представляется эпохой активного освоения таёжной полосы новыми группами населения из Приаралья и Прикаспия. Однако представляется наиболее вероятным, что неолитическое население Колунгтотытора 1 являлось скорее автохтонным, в то время как носители гребенчато-геометрической традиции регистрировали миграционный процесс заселения Сургутского Приобья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Салымский край. — Екатеринбург: Тезис, 2000. — С. 15.
- ² Москвина Н. Н., Козин В. В. Ландшафтное районирование Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001. — С. 25
- ³ Карачаров К. Г. Отчёт об археологической разведке в южной части Нефтеюганского р-на Тюменской области, проведённой летом 1991 года. — Екатеринбург, 1992. — Архив НПО СА. — Ф. I. Д. 9. (Т. 1). С. 67, 68; 10 (Т. 2). Рис. 132.
- ⁴ Виноградов А.С. Отчёт о НИР: Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, проведённые в 2015 г. — Нефтеюганск, 2016. — Архив ООО «НПО СА». — Ф. I. Кн. 2. С. 3.
- ⁵ Виноградов А.С. Проект мероприятий по обеспечению сохранности объекта культурного (археологического) наследия — поселение Колунгтотытор 1, расположенного в границах коридора линии электропередачи «ПС 110 кВ Чупальская с ВЛ 110 кВ Святогор-Чупальская 1, 2 цепи» (ХМАО — Югра, Нефтеюганский р-он). — Нефтеюганск, 2015.
- ⁶ Поселение Быстрый Кульёган 66. Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. — С. 10, 34.
- ⁷ Поселение Быстрый Кульёган 66... — С. 8—11, 32—34. Рис. 54, 55, 62—66, 69, 70.
- ⁸ Рыкун М.П. Результаты предварительного определения костных антропологических материалов из поселения Колунгтотытор 1. — Томск, 2017. — Архив Кабинета антропологии ТГУ. Список № 265.
- ⁹ Мызников С.А. Отчёт о НИР: Аварийные археологические раскопки селища Немич I в Уватском районе Тюменской области в 2011 году. — Нефтеюганск, 2011. — Архив ООО «НПО СА». — Ф. I. Д. 339/1. С. 44—45. Рис. 146—149.
- ¹⁰ Стефанов В.И., Косинская Л.Л., Карачарова Л.В. Энеолитический комплекс селища Нёх-Урий 3.2 в бассейне р. Аган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. — Вып. 12. — С. 60—65. Ил. 8.
- ¹¹ Лукиных А.А., Никулин М.С. Результаты разведочных археологических работ на территории Нефтеюганского и Сургутского районов ХМАО — Югры в 2014 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. — Вып. 13. — С. 301—302. Ил. 10.

A.S. Vinogradov
Archaeological research on settlement Kolungtotytor 1
in the Nefteyugansk district of Khanty-Mansi Autonomous
District - Ugra in 2017

Abstract. The article presents a brief summary of results of archaeological research took place in the summer and autumn of 2017 at the archaeological site of the settlement of Kolungtotytor 1, located in the southern part of Nefteyuganskregion of Khanty-Mansiysk Autonomous District, in the center of the extensive lacustrine-swamp country of the Salym-Yugansk interfluve.

The northern section of the settlement on in the area of 3600 sq.m.has been studied. During the excavating of the cultural layer, the morphological characteristics and interior features of the dwelling structure, the remains of household construction, and household objects (pits) were ascertained. The Kolungtotytor complex is two-component in a cultural-chronological sense and can be dated from the Neolithic to Eneolithic periods. The Neolithic ceramic complex finds quite expressive analogies in the Bystrin ornamental tradition. The Eneolithic pottery is more diverse in the ornamental sense, however, finding distant analogies in the Middle Trans-Urals, Conda and Vasyuganaraes, clearly has its own original variability. Noteworthy is the discovery of a rather impressive ceramic barseries in the dwelling, previously defined as abrasive tools, but the question of their functional purpose is still open. The stone inventory found in the settlement, as a whole are typical for Neolithic and Paleometallic cultures of the taiga belt of the Trans-Urals-West Siberian region. The tool set, which is mainly made in abrasion technique, includes chisel-like tools of siltstone and siliceous clay rocks, slate arrowheads, and slate knives fragments. During the investigating of the dwelling pit filling, as well as the one of the pits, 15 samples of coal were taken from the burned structural elements of the dwelling for radiocarbon analysis, which subsequently confirmed the existence of the settlement in the two above-mentioned chronological periods. At the time the article was released, 9 of the 15 calibrated dates were received, most of which relate to the end of the V — the first half of IV thousand BC. Single samples refer to the second half of the IV thousand BC. And to the second half of the III — thousand BC.

Keywords. Salym region, Kolungtotytor lake, archaeological excavations, settlements, housing, burial, ceramic vessels, stone and ceramic inventory, radio-carbon analysis.

E-mail: sanchez1@inbox.ru.

Археологические исследования в с. Няксимволь в 2017 г.

Т.Н. Собољникова, А.В. Кузина

г. Ханты-Мансийск

Музей природы и человека

Аннотация. В статье представлены предварительные итоги проведённых в полевом сезоне 2017 г. археологических исследований на территории одного из самых ярких археологических комплексов ХМАО — Югры, расположенного в с. Няксимволь. В процессе спасательных археологических работ (раскопок) на территории поселения Няксимволь 2 был выявлен погребально-ритуальный комплекс раннего железного века. Впервые в научный оборот вводятся новые изделия няксимвольской металлопластики, освещается археологический контекст их обнаружения.

Ключевые слова. Нижнее Приобье, Няксимволь, ранний железный век, погребальный комплекс, культовое литьё, антропоморфные изображения.

В полевом сезоне 2017 г. сотрудниками отдела археологии Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) были продолжены работы по изучению археологического комплекса, расположенного на левом берегу р. Северной Сосьвы в с. Няксимволь Берёзовского р-на ХМАО — Югры.

Объектом исследования являлось поселение Няксимволь 2, подверженное разрушению вследствие природных и антропогенных факторов. Не углубляясь детально в историю исследования археологических памятников на территории села, отметим, что оно было выделено в 1989 г. в ходе разведки Тюменской археологической экспедиции под руководством А.Н. Панфилова¹. На тот момент на территории памятника и прилегающих участках береговой террасы из-за современных нарушений визуально выраженных в рельефе признаков археологических объектов не фиксировалось. Определение типологии вновь выявленного объекта Няксимволь 2 как поселенческого комплекса было сделано на основе сборов с поверхности и в осыпи берега фрагментов

Ил. 1. Поселение Ныксимволь 2. Топографический план

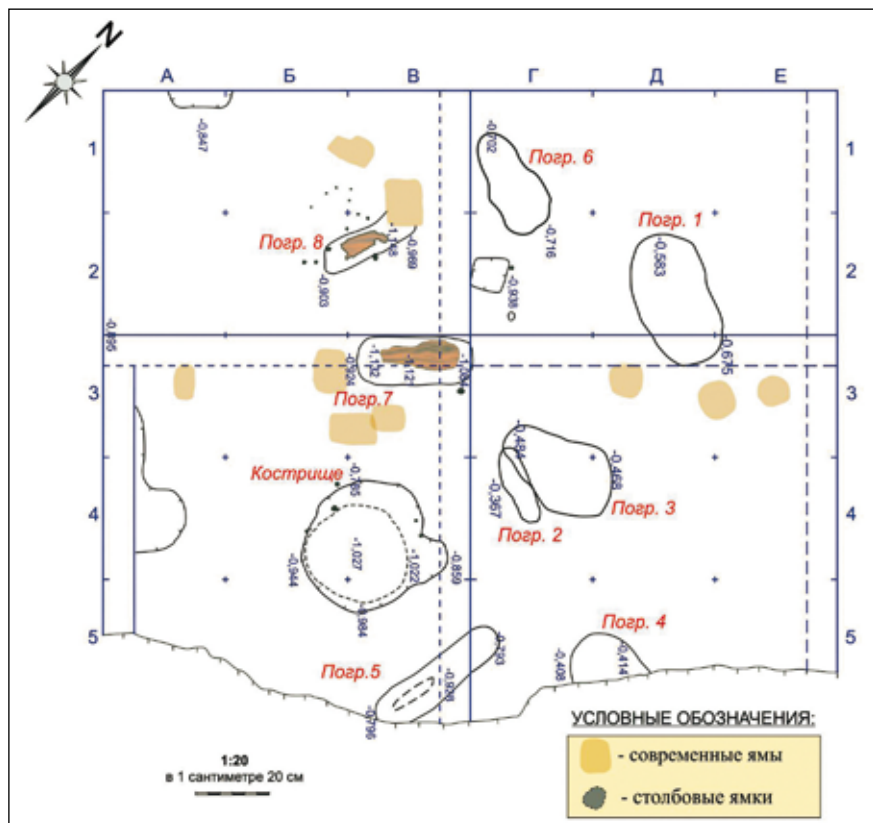
керамической посуды. По ним же была дана предварительная датировка памятника — неолит и ранний железный век.

Границы поселения Ныксимволь 2, а также городища Ныксимволь 1, к которому поселение вплотную примыкает с северо-восточной стороны, были предварительно определены в 2000 г. в ходе археологической разведки отряда Музея природы и человека под руководством Д.О. Стародумова².

В 2016 г. экспедицией того же музея под руководством Д.А. Суркова на поселении Ныксимволь 2 были проведены первые стационарные раскопки³. В полевом сезоне 2017 г. аварийно-спасательные работы на памятнике были продолжены: в границах поселения на участке левой береговой террасы р. Северной Сосьвы, подверженном выветриванию и осыпи, был разбит раскоп площадью более 120 кв. м (ил. 1). Сетка раскопа была прирезана к северо-восточной стенке раскопа 2016 г.

Описание объектов в раскопе 2017 г.

В процессе работ на территории поселения Ныксимволь 2 были выявлены и исследованы 8 погребений, датируемых ранним железным веком (кулайская культура IV—II вв. до н. э. — I—III в. н. э.) (ил. 2).

Ил. 2. Поселение Няксимволь 2. Раскоп 2017 г. Сводный план расположения объектов

Признаки древних объектов в современном рельефе не фиксировались; глубина проявления погребений от современной поверхности варьирует от 15—17 см до 65—69 см, что связано со значительной степенью повреждений верхних почвенных слоев (колеи, разезды тяжелой техники и т. д.). Глубина могильных ям колеблется в пределах 10—22 см. В планиграфии очертания погребений фиксировались либо вытянутой полосой из линз темно-серого и светло-серого слоя без четких контуров (погребения № 1, 4, 6), либо в виде пятен подовальной формы мешанного коричнево-серого слоя размерами 0,5—0,8х0,8—1,8 м (погребения № 2, 3, 5, 7, 8). Форма дна погребений в стратиграфическом разрезе уплощенная, стенки прямые или скошены внутрь. Описание объектов приведено в таблице.

**Характеристика погребений, выявленных на территории поселения
Няксимволь 2 при раскопках 2017 г.**

№ погребения	Ориентация погребения (по сторонам света/относительно реки)	Погребальный инвентарь	Антропология	Примечания
1	ЮВ – СЗ / головой к реке	– фрагменты бронзовых зеркал; – бронзовая ажурная плакетка с изображением двух антропоморфных фигур; – фрагмент бронзового орнаментированного кельта; – бусины	Костяк не сохранился; мелкие кальцинированные остатки костей человека (?)	Остатки деревянного настила сохранились под массивными металлическими изделиями – кельтом, фрагментами зеркал
2	В – 3 / головой к реке	– Подтрапециевидная подвеска из фрагмента бронзового зеркала; – шейная гривна диаметром 9,8 см; – зооморфные фигурные подвески (детали нагрудного украшения?); медведь (?), россомаха (?); – бронзовые накладки (детали поясного набора?); – кожаный узкий ремешок с круглыми бронзовыми нашивками (в свернутом виде)	Костяк не сохранился; внутри гривны остались фрагменты зубов и му- мифицированных тканей лица и шеи	Под металлическими изделиями и вокруг них сохранились фрагменты органики: деревянного настила (?), меха (одежды?)
3	В – 3 / головой к реке	– Фрагмент бронзового кельта; – бусины; – фрагменты зеркала; – 2 бронзовые нашивки с орнаментом; – 2 бронзовые бляхи	Костяк не сохранился; в юго-вост. части по- гребения обнаружен зуб человека	Вокруг и под металлическими изделиями сохранились фрагменты органики: деревянного настила (?)
4	В – 3 / (?)	– Бусины	Костяк не сохранился	Большая часть погребения разрушена осыпью берега

Окончание таблицы

5	Ю – С / головой к реке	– Бусины; – бронзовая подвеска подтрапециевидной формы; – бусина бронзовая; – фрагмент ножа (?)	Костяк не сохранился; в юж. части погребения обнаружены фрагменты зубной эмали	Часть погребения разрушена осыпью берега
6	В – 3 / (?)	– фрагменты бронзовых зеркал; – фрагменты изделий из железа (?)	Остатков костей не обнаружено; в вост. части погребения зафиксировано округлое пятно охры диаметром 21 см, мощностью 5–6 см	Возможно, ритуальный комплекс (требуется дополнительные естественно-научные исследования)
7	СЗ – ЮВ / (?)	– фрагмент бронзового кельта; – фрагмент подтрапециевидной бронзовой подвески с условно антропоморфным изображением	Остатков костей не обнаружено	В центральной части погребения – остатки деревянного настила размерами 0,4х1,2 м, который на периферийных участках сохранился в виде т.многокоричневой сулеси, а на участках, прилегающих к изделям из металла, – в виде отдельных фрагментов древесной коры
8	С – Ю / (?)	– фрагмент бронзового кельта; – фрагмент ножа; – фрагмент зеркала	Остатков костей не обнаружено	В центральной части погребения – остатки деревянного настила размерами 0,3х0,6 м, который на периферийных участках сохранился в виде т.многокоричневой сулеси, а на участках, прилегающих к изделям из металла, – в виде отдельных фрагментов древесной коры. На склонах стенок погребения и в непосредственной близости от него зафиксировано 12 ямок округлой формы диаметром от 6 до 9 см. Возможно, ритуальный комплекс (требуется дополнительные естественно-научные исследования)

Ил. 3. Поселение Няксимволь 2. Раскоп 2017 г. Кострище после зачистки горизонта III. Снято с северо-востока

Антропологические материалы из погребений переданы для проведения исследований в лабораторию антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера (структурное подразделение ФИЦ «Тюменский научный центр» СО РАН), по окончании которых будут представлены в отдельной публикации. Предварительно отметим, что научным сотрудником указанной лаборатории О.Е. Пошехоновой по характеру развития зубной системы был определён возраст погребённых: 7–8 лет (погребение № 2) и 11–12 лет (погребение № 3).

Помимо погребений, в границах раскопа 2017 г. было выявлено кострище, в плане представлявшее собой пятно подквадратной формы размерами 1,8х1,6 м (ил. 3). Мощность слоя кострища составила 54–62 см; заполнение — чёрный плотный углистый слой с линзами светло-жёлтого материка (следы периодической присыпки). При выборке, помимо фрагментов керамики раннего железного века и мелких костных остатков (животных?), были обнаружены отходы от производства металла (шлак) и фрагмент бронзового зеркала.

Насыщенность слоя кострища углем, наличие органических остатков (в том числе — костных) позволяют сделать вывод о его длительном использовании, а чёткие контуры — предполагать наличие вокруг ко-

стрища некого сооружения (обкладки, рамы?). По периметру объекта было зафиксировано несколько небольших по диаметру столбовых ямок, которые также могут являться остатками конструкций. Наличие фрагментов шлака в кострище и в непосредственной близости от него позволяет в качестве гипотезы выдвинуть предположение о производственной функции кострища. Однако нельзя исключать и версию о его ритуальном предназначении, в пользу которой могут свидетельствовать наличие в заполнении пережжённых костей и расположение на территории погребального комплекса (на расстоянии в 1,0–1,6 м от кострища расположено четыре погребения). По предварительным данным, представленным О.Е. Пошехоновой, фрагменты костей из кострища сжигались с доступом кислорода более 2 часов при температуре от 800 до 1100°C, что является характерным для костра.

Характеристика находок

Полученная в ходе раскопок 2017 г. коллекция артефактов насчитывает 794 ед. хр., 96 % которых — это фрагменты керамических сосудов. В большинстве своём они были обнаружены в слое кострища и на прилегающих к нему участках. Среди индивидуальных находок можно назвать изделия из металла, камня, стекла, кости; они, как правило, были приурочены к конкретным объектам (в основном — погребениям).

Керамика. Основную часть керамической коллекции составляют фрагменты сосудов эпохи раннего железного века. Общей характеристикой посуды является то, что орнамент наносился преимущественно в верхней части сосуда. Диаметр сосудов составляет 26–32 см. Толщина стенок 0,5–0,6 см (в единичных случаях — 0,8–0,9 см). Орнамент состоит из горизонтальных поясков разнонаклонных гребенчатых и гладких штампов, «змейки», креста и др. В верхней части сосудов наносился ряд ямок округлой формы — сквозных или образующих с внутренней стороны «жемчужины». Следует отметить, что для сосудов, орнаментированных с помощью «змейковидного» штампа, характерна более высокая плотность в нанесении узоров. Подобная керамика была получена в процессе спасательных археологических работ на территории городища Няксимволь 1. По мнению Д.О. Стародумова, *«по ряду параметров (горизонтальная зональность орнамента, его разреженность, нанесение орнамента только в верхней трети сосудов, профилированные формы венчиков, «гребенчатая» обработка поверхности сосудов и др.)»* няксимвольская керамика сопоставима с

материалами памятников ранних этапов кулайской культуры таёжной зоны Западной Сибири (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Определённые параллели можно проследить с усть-полуйской керамикой, комплексами синдейского типа Верхней Тавды и др.⁴

Помимо посуды эпохи раннего железного века, в коллекции 2017 г. присутствуют фрагменты сосудов эпохи неолита и раннего Средневековья. Но, к сожалению, так же как и в предшествующие годы исследований, они были обнаружены в переотложенном культурном слое; каких-либо объектов, связанных с этими хронологическими этапами, в границах раскопа не выявлено.

Изделия из бронзы в большинстве своём были найдены в погребениях. Среди них:

- 14 фрагментов зеркал размерами 3,7—10,5х1,6—3,7 см;
- 7 подвесок подтрапцевидной формы размерами 1,5—5,0х2,3—6,0 см (ил. 5—3, 4);
- 4 фрагмента топоров-кельтов размерами 4,3—10,0х2,8—5,0 см;
- 2 подвески с зооморфными изображениями;
- 3 пластины; орнаментированы тремя рядами жемчужин, разделённых между собой вертикальными полосами;
- 3 бусины зонные диаметром 0,9 см.

Среди единичных изделий из бронзы:

- фрагмент металлического котла (7,5х8,9 см);
- нашивка (1,0х3,6х8,7 см);
- ажурная пластина с антропоморфными изображениями (4,6х4,7 см);
- фрагмент зеркала с граффити (0,2х1,9х3,7 см);
- условно антропоморфная фигурка, вырезанная из зеркала (0,1х1,5х2,3 см).

Изделия из железа. В ходе раскопок было обнаружено 13 изделий из железа, среди них — 6 целых ножей и 1 фрагмент ножа. Размеры ножей: от 4,0х0,4—0,8 см до 10,7х1,9 см.

Бусы и бисер. Всего найдено 155 бусин (все — в погребениях), среди которых преобладает бисер фольгированный серебристого цвета и бусины фольгированные золотистого цвета. В коллекции также имеются бусины из непрозрачного стекла синего цвета, некоторые из них — «глазчатые». Подобные изделия были обнаружены в предшествующие годы исследования памятника, нередко они встречаются в погребальных комплексах раннего железного века Западной Сибири и Урала. Кроме того, в процессе раскопок 2017 г. при расчистке бус в погребениях в ряде случаев были обнаружены фрагменты ниток (шнуров), на которые они были нанизаны.

Ил. 4. Поселение Няксимволь 2. Раскоп 2017 г. Топоры-кельты из погребений.
 1 – погребение 1; 2 – погребение 8; 3 – погребение 3; 4 – погребение 7

Ил. 5. Поселение Няксимволь 2. Раскоп 2017 г. Бронзовая металлопластика из погребений. 1 – погребение 3; 2 – погребение 1; 3 – погребение 7; 4 – погребение 2

Предметы из камня представлены 12 экз., среди которых есть как собственно изделия (обломки орудий, абразивов и др.), так и отходы производства (отщепы). Наиболее интересной находкой является шлифованный наконечник стрелы иволистной формы с симметрично заточенными краями (размеры – 9,1х2,3х0,5 см), аналогии которому можно провести в местном неолите. Более подробная информация по этим изделиям, так же как и по нескольким фрагментам костей со следами обработки, будет получена после проведения трасологического анализа.

Культурно-хронологическая атрибуция

Наиболее информативными в этом отношении являются изделия из бронзы, особенно те, которые носят серийный характер. Следует отметить, что почти все предметы из коллекции 2017 г. находят близкие аналогии как в материалах предшествующих исследований археологических памятников в с. Няксимволь, так и в целом — в комплексах раннего железного века Нижнего Приобья и Сургутского Приобья; они достаточно хорошо описаны в литературе.

К серийным находкам из бронзы относятся топоры-кельты (ил. 4). В раскопе 2017 г. на поселении Няксимволь 2 кельты были найдены в четырёх погребениях из восьми. Аналогичные по форме и орнаменту бронзовые топоры-кельты были обнаружены до 2017 г. в случайных сборах и при раскопках на городище Няксимволь 1 — *«они относятся к так называемому тобольскому типу (IV группа по В.Н. Чернецову). В.Н. Чернецов предложил для данного типа кельтов период в пределах не ранее III в. до н. э. — I в.»*⁵.

Особое внимание следует обратить на сходный контекст обнаружения кельтов в исследованных в 2017 г. погребениях: все они были либо деформированы («сдавлены»), либо разломаны на несколько частей; некоторые из них были обёрнуты мехом (внутренний слой) и берёстой (верхний слой). Данная деталь является одним из устойчивых элементов погребальной обрядности древнего населения, проживающего здесь; широкие параллели ей можно найти в этнографии народов Сибири.

Ещё одним серийным изделием из бронзы являются орнаментированные накладки (поясные) с петлями на обороте (ил. 5—1). Они присутствуют в коллекциях, собранных в предшествующие годы изучения няксимвольских древностей. Так же как и «глазчатые» бусы и фольгированный бисер, подобные украшения широко представлены в погребальных комплексах Урала и севера Западной Сибири⁶.

Зооморфные бронзовые фигурные бляхи (подвески?), найденные в погребении № 2 (в зоне груди), также уже известны для этого комплекса. Аналогичное по форме изделие было найдено при сборах подъёмного материала с территории городища Няксимволь 1 и хранится в Берёзовском районном музее (п. Берёзово ХМАО — Югры)⁷. Авторы каталога «Няксимволь» интерпретируют его как «профильное изображение медведя».

К уникальным предметам в коллекции 2017 г. можно отнести ажурную плакетку прямоугольной формы с двумя антропоморфными

фигурами, изображенными в профиль лицом друг к другу и опирающимися на меч (посох?) (погребение № 1). По периметру композиция обрамлена кантом с орнаментом в виде «уточек». Верхний правый угол плакетки (часть канта и голова правой фигуры) обломан (ил. 5—2). В книге-альбоме «Няксимволь» опубликован уголок плакетки, которая по окантовке и стилю очень близка к этой бляхе⁸. Этот фрагмент в 1982 г. в Берёзовский районный краеведческий музей был передан местными жителями, обнаружившими его на берегу р. Северной Сосьвы в с. Няксимволь. Учитывая то, что погребение № 1 было частично нарушено разездами тяжёлой техники, можно предположить, что этот «уголок» является частью найденной в раскопе 2017 г. ажурной пластины.

Что касается аналогий данному изделию, надо отметить: несмотря на то, что плакетки аналогичных размеров с двумя антропоморфными персонажами весьма распространены в материалах раннего железного века из Нижнего и Сургутского Приобья (так называемые «близнецы»), няксимвольская находка отличается от них. Во-первых, профильным расположением фигур, тогда как для уральских и западносибирских изображений более характерным является расположение фигур в фас. Во-вторых, необычным внешним обликом: глаза и нос с миндалевидными ноздрями, наличие бород, длинных «кафтанов», а также более детальной проработки изображений (горизонтальная штриховка на одежде). В-третьих, антропоморфные фигуры на няксимвольской плакетке, хотя и расположены в зеркальной симметрии, не являются полными копиями: левая фигура крупнее правой (это может быть важным моментом для разгадки семантики данного сюжета); отличается и расположение рук персонажей (более подробное описание иконографии данного изделия можно будет сделать после его реставрации). В-четвертых, необходимо отметить наличие между фигурами вертикали (меча? посоха?), на который они опираются одной рукой. Наиболее близкие аналогии этой плакетке прослеживаются с фрагментом бляхи, обнаруженной на городище Нивагальское 20 (грабительские раскопки)⁹. Автор публикации К.Г. Карачаров также подчеркнул оригинальный характер изделия и предположил, что оно может быть датировано поздними этапами раннего железного века (III—IV вв. н. э). Некоторые параллели в композиции — две фигуры, опирающиеся на вертикальный предмет — можно проследить с ажурной плакеткой из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника¹⁰. Она происходит из Тюковского кургана, рас-

копанного В.Н. Пигнатти в нач. XX в. (Тюменская обл., д. Тюкова на р. Иртыше), и датирована В.Н. Чернецовым III в. до н. э.¹¹ Но на этой бляхе фигуры изображены в фас и по своей иконографии более близки к традиционным плакеткам с «близнецами», хорошо известным, прежде всего, по материалам Барсовой горы, где они были найдены в большом количестве¹².

В целом, можно сказать, что ажурная плакетка с двумя антропоморфными фигурами из погребения № 1 поселения Няксимволь 2 по своим стилистическим и композиционным признакам выглядит явно инородной в сравнении с остальными образцами культовой металлопластики раннего железного века не только Няксимволя, но и Урало-Западносибирского региона в целом. На данном — первоначальном — этапе исследования нового материала можно отнести её к изделиям импортного (южного или восточного?) происхождения или, скорее всего, копиям импортных образцов. Её включение в погребальный инвентарь может указывать на особый социальный статус умершего.

В процессе охранных раскопок в с. Няксимволь в 2017 г. была собрана значительная коллекция органических материалов — бересты, дерева, текстиля, остатков растений и т. д. Следует отметить, что все они сохранились вблизи металлических изделий. Для проведения соответствующих определений и анализов они были переданы специалистам (палеоботаникам, археозоологам и т. д.) в Институт проблем освоения Севера (г. Тюмень). Пробы угля и дерева из погребений и кострища направлены на радиоуглеродный анализ в г. Санкт-Петербург. Комплексные естественнонаучные исследования позволят в дальнейшем уточнить хронологические позиции погребального комплекса, изученного в 2017 г. на территории поселения Няксимволь 2, а также скорректировать и уточнить датировки няксимвольской коллекции бронзовых изделий, большая часть которой до 2017 г. была получена вне археологического контекста (из случайных сборов или в переотложенном слое).

Таким образом, в процессе исследований 2017 г. на поселении Няксимволь 2 был получен обширный комплекс источников по археологии раннего железного века Нижнего Приобья. Наличие в погребениях статусных вещей (топоры-кельты, украшения) и отсутствие орудий труда позволяют предполагать высокий социальный статус погребённых (в том числе и детей). Ряд находок представляет большой интерес для изучения связей и контактов проживавшего здесь в раннем железном веке населения с жителями других регионов Западной Сибири и Урала.

В заключение подчеркнём необходимость продолжения спасательных раскопок в с. Няксимволь, в частности территории поселения Няксимволь 2, которая подвержена серьёзным разрушениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Панфилов А.Н. Отчёт о работе Третьего отряда Тюменской археологической экспедиции в Берёзовском и Викуловском районах Тюменской области в 1989 г. — Тюмень, 1990. — С. 23–24.

² Стародумов Д.О. Отчёт о НИР: Археологическая разведка в Берёзовском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 2000 г. — Ханты-Мансийск, 2003. — С. 8.

³ Шмидт А.В., Сурков Д.А., Гизбрехт М.Ю., Попкова А.В. Аварийно-спасательные раскопки на памятнике Няксимволь 1 в Берёзовском районе Ханты-Мансийского АО (2016 г.): предварительные результаты // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений. № Барнаул: Барнульский юридический ин-т, 2017. № С. 262–263.

⁴ Стародумов Д.О. Отчёт о НИР № 01-2007: Охранные археологические раскопки городища Няксимволь 1 (Берёзовский район Ханты-Мансийского автономного округа — Югры). — Ханты-Мансийск, 2007. — С. 27.

⁵ Ширин Ю.В. Хронология Няксимволя // Няксимволь. — Томск; Ханты-Мансийск, 2014. — С. 35.

⁶ Ширин Ю.В. Хронология Няксимволя... — С. 41–42.

⁷ Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н. Каталог // Няксимволь. № Томск; Ханты-Мансийск, 2014. — С. 172–173.

⁸ Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н. Каталог... № С. 140.

⁹ Карачаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 87–88.

¹⁰ Тобольский музей-заповедник. Археология [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tiamz.ru/ru/archeology>.

¹¹ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... — Табл. 36.

¹² Клад кулайской культуры на Барсовой горе: каталог (из собрания Сургутского краеведческого музея). — Екатеринбург; Сургут: Караван, 2016. — С. 34–45; Борзунов В.А., Стефанов В.И. Уникальный кулайский клад с Барсовой горы: общая характеристика // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 14. — С. 48, 50–51.

T.N. Sobolnikova, A.V. Kuzina

Archaeological research in the village of Nyaksimvol in 2017 year

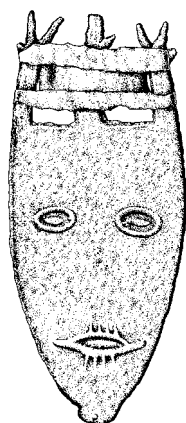
Abstract. The article presents introductory results of archaeological research, which was conducted on the territory of one of the most outstanding archaeological complexes of Khanty-Mansi Autonomous Area — Yugra,

located in the Nyaksimvol village, during the 2017 field season. The burial-ritual complex of the early Iron Age was discovered during the process of rescue archaeological survey in the Nyaksimvol-2 settlement. New products of Nyaksimvol metal-plastic and the archaeological context of their detection are introduced into the scientific circulation for the first time.

Key words. Lower Ob region, Nyaksimvol, early iron age, funerary complex, cult casting, anthropomorphic images.

E-mail: alekuzina@gmail.com; sobtn@mail.ru

Итоги полевых работ на Тевлинско-Русскинском месторождении в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2017 г.

П.Р. Сташкин

г. Сургут

МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора»

А.А. Ковригин

г. Екатеринбург

Аннотация. Представлены результаты полевых разведочных работ на территории Тевлинско-Русскинского месторождения, в ходе которых обследовано 56 объектов археологического наследия (10 из них — ранее известные памятники). Краткие характеристики объектов приведены в таблице. Ряд памятников описываются более подробно, на городище Тат-Ягун 124 представлен инструментальный план. Проанализирован подъёмный археологический материал, включающий разновременную керамику, каменные и металлические изделия, в том числе индивидуальные находки: каменный шлифованный топор (тесло?), пластинки из цветного металла с гравировками, выполненными в «кулайском стиле», бронзовая крестообразная бляшка с петлей, плоский железный наконечник стрелы.

Ключевые слова. Тевлинско-Русскинское месторождение, археологическая разведка, р. Тромъёган, р. Тляттыягун, одиночное захоронение Ультильпьягун 3, городище Тат-Ягун 124, поселение Тат-Ягун 142, местонахождение Ультильпьягун 6, ранний железный век, Средневековье, подъёмный материал, металлические пластинки с гравировками.

В августе — сентябре 2017 г. на территории Тевлинско-Русскинского месторождения в левобережье р. Тромъёган были проведены широкомасштабные полевые разведочные работы¹. В рамках реализации проекта «Комплексный проект историко-культурных изысканий с материалами зонирования лицензионных участков с учётом и корректировкой ранее выполненных проектов историко-культурного зонирования» на месторождении обследованы обширные территории, занятые действующими объектами обустройства, а также прилегающие к ним

участки шириной 100 м от края существующих сооружений. Общая площадь обследованной территории составила 1635 га.

В ходе выполнения разведочных работ было повторно осмотрено 10 и выявлено 46 новых объектов археологического наследия, расположенных в бассейне р.Тляттыгун, Энтль-Имиягун и Тромъёган. Краткое описание вновь выявленных памятников приведено в таблице.

Таблица

**Объекты археологического наследия, выявленные в 2017 г.
на территории Тевлинско-Русскинского месторождения**

№ п/п	Наименование	Расстояние от д. Рускинской	Краткое описание
1	Поселение Тат-Ягун 138	9,1 км к С	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. Подъёмный материал, собранный в коридоре ЛЭП, представлен мелкими фрагментами керамической посуды и каменными предметами (в т. ч. шлифованное долото). Зафиксированы деформированные культурные слои
2	Поселение Тат-Ягун 139	8,8 км к ССЗ	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. На разрушенной поверхности найдены фрагменты керамической посуды. Зафиксирован очажный слой с кальцинированными костными остатками
3	Селище Тат-Ягун 140	9,1 км к ССЗ	4 сооружения: 3 – округлые наземные площадки с внешними ямами, 1 – небольшая впадина без внешних ям
4	Селище Тат-Ягун 141	8,9 км к С	3 наземные площадки с обваловками. У двух сооружений фиксируются внешние ямы
5	Поселение Тат-Ягун 142	9 км к С	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. На поверхности в границах действующих объектов нефтепромысла найдены фрагменты керамической посуды, металлические предметы
6	Селище Тат-Ягун 143	7,9 км к С	На поверхности фиксируется 5 объектов: 3 наземных площадки и 2 впадины. Объект 1 – наземная площадка, размеры 8,0х14,0 м, с внешними ямами; объект 2 – наземная площадка, размеры 2,0х8,0 м; объект 3 – наземная площадка, размеры 8,0х3,0 м; объект 4 – впадина округлой формы с обваловкой, диаметр 5,0 м
7	Поселение Тат-Ягун 144	9 км к ССЗ	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. На разрушенной поверхности собраны фрагменты от керамической посуды
8	Селище Тат-Ягун 145	7,8 км к С	Наземная площадка овальной формы, размеры 4,0 и 3,5 м
9	Селище Тат-Ягун 146	16,2 км к ССЗ	Наземная площадка овальной формы с обваловкой, размеры 7,0 и 6,0 м
10	Одиночная впадина Тат-Ягун 147	18 км к ССЗ	Подпрямоугольная впадина с обваловкой, без внешних ям, размеры 3,0х2,0 м
11	Селище Тат-Ягун 148	9,3 км к С	Состоит из 6 слабовыраженных наземных площадок, с внешними ямами, разных размеров
12	Поселение Тат-Ягун 149	9,2 км к С	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. На поверхности в границах действующего трубопровода найдены фрагменты керамической посуды. Зафиксированы деформированные культурные слои

13	Поселение Тат-Ягун 150	9 км к С	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. На поверхности в границах действующего коридора коммуникаций найдены фрагменты керамической посуды. Фиксируются деформированные культурные слои
14	Селище Тат-Ягун 151	8,6 км к С	На памятнике был заложен шурф, в котором выявлено наличие культурного слоя и керамического материала. Объект представлен слабовыраженной наземной площадкой
15	Селище Тат-Ягун 152	8,2 км к С	На памятнике был заложен шурф, в котором выявлено наличие очажного слоя и керамического материала. Объект представлен слабовыраженной наземной площадкой
16	Селище Тат-Ягун 153	8 км к ССЗ	Наземная площадка со слабовыраженной обваловкой и внешними ямами, размеры 6,0х8,0 м
17	Поселение Тат-Ягун 154	8 км к ССЗ	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. По памятнику проходит грунтовая дорога. Выявлено при закладке двух стратиграфических разрезов
18	Одиночная впадина Тат-Ягун 155	8,6 км к С	Одиночная впадина подпрямоугольной формы с обваловкой, размеры ок. 2,5х3,5 м
19	Поселение Тат-Ягун 156	8,7 км к С	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. На поверхности в границах действующего коридора коммуникаций найдены фрагменты керамической посуды
20	Селище Тат-Ягун 157	8,2 км к С	Слабовыраженная наземная площадка без внешних ям
21	Селище Тат-Ягун 158	7,9 км к ССЗ	Состоит из нескольких объектов (наземных площадок и впадин) с внешними ямами, размеры 4,0х5,0 м
22	Селище Тат-Ягун 159	7,7 км к ССЗ	Наземная площадка с внешними ямами
23	Поселение Тат-Ягун 160	9 км к С	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. На поверхности в границах действующего коридора коммуникаций найдены фрагменты керамической посуды
24	Поселение Тат-Ягун 161	8,9 км к С	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. На поверхности в границах действующего коридора коммуникаций найдены фрагменты керамической посуды
25	Поселение Тат-Ягун 162	8,8 км к С	Выраженные в рельефе сооружения отсутствуют. На поверхности в границах действующего коридора коммуникаций найдены фрагменты керамической посуды
26	Селище Тат-Ягун 163	20,6 км к СЗ	Наземная площадка с обваловкой и внешними ямами, размерами 6х9 м
27	селище Ай-Сухмитин- гягун 15	17,7 км к ССЗ	4 впадины, образующие восьмёркообразную форму. Две впадины овальной формы имеют примерно одинаковые размеры (3,5 и 4,0 м) и глубину (0,5–0,6 м)
28	Одиночная впадина Захаркин Урий 1	19,9 км к ЮВ	Одиночная впадина с обваловкой, овальной формы, размеры 8,0х6,0 м
29	Группа впадин Тевлин 1	44,1 км к С	3 впадины округлой формы, диаметр 3,0 м, со слабовыраженной обваловкой; расположены в линию
30	Селище Тевлин 2	53,5 км к С	Остатки руинированного одиночного жилища подпрямоугольной формы, размеры 4,0х5,0 м. Прослеживается вход/выход. Расположено на действующем стойбище ханты. По словам хозяина стойбища Юрия Покачева, жилище принадлежало его прапрадеду
31	Селище Тевлин 3	36,6 км к ССВ	Подквадратная наземная площадка, размеры 5,0х5,0 м, с внешними ямами

окончание таблицы

32	Одиночная впадина Тевлин 4	38,3 км к ССВ	Овальная впадина с обваловкой, размеры 4,0х5,5 м, без внешних ям
33	Местонахождение Рускин Урий XX	3,6 км к ССВ	На месте современного кострища собраны неорнаментированные фрагменты керамической посуды
34	Селище Рускин Урий XXI	5,7 км к ССВ	На поверхности фиксируется 6 овальных впадин с обваловками, без внешних ям
35	Одиночное захоронение Савимлор 1	16,4 км к С	Подпрямоугольная впадина с обваловкой, размеры 2,6х0,8 м, глубина 0,4 м
36	Одиночная впадина Сухмитингья-гун 10	29,3 км к ССЗ	Одиночная впадина со слабовыраженной обваловкой, диаметр 2,0 м
37	Селище Сухмитингья-гун 11	25,3 км к ССЗ	На поверхности фиксируются 2 неглубокие округлые впадины с обваловкой и без внешних ям, диаметр 6,0 м
38	Одиночная впадина Ультильпьягун 8	13,3 км к ССВ	Одиночная впадина овальной формы с обваловкой, размеры 3,0 и 2,0 м
39	Одиночная впадина Ультильпьягун 9	13,4 км к ССВ	Одиночная впадина подпрямоугольной формы с обваловкой, размеры 3,5х2,5 м
40	Селище Энтль-Имиягун 9	10,7 км к СВ	Состоит из 4 сооружений: № 1 – впадина округлой формы, размеры 3,0х3,0 м, глубина 0,4 м; № 2 – впадина овальной формы, размеры 2,0 и 3,0 м, глубина 0,3 м; № 3 – впадина с частично сохранившейся обваловкой, размеры 4,0х4,0 м, глубина 0,3 м; № 4 – овальная впадина, размеры 1,5х2,0 м, глубина 0,3 м
41	Одиночная впадина Энтль-Имиягун 10	9,9 км к СВ	Впадина овальной формы со слабовыраженной обваловкой, размеры 2,4х4,0 м, глубина 0,5 м. Сильно деформирована колеями от тяжелой техники, горелыми пнями и следами низового пожара
42	Селище Энтль-Имиягун 11	10,7 км к СВ	Одиночное наземное жилище квадратной формы, размеры 5,0х5,0 м. Прослеживается вход/выход. С восточной стороны примыкает прямоугольная яма (возможно, могильное сооружение), размеры 2,0х0,4 м
43	Селище Энтль-Имиягун 12	22,8 км к СВ	Одиночное наземное жилище, размеры 4,0х4,0 м, с обваловкой. С юга фиксируется вход/выход
44	Одиночная впадина Энтль-Имиягун 13	16,4 км к ССВ	Одиночная впадина подпрямоугольной формы с обваловкой, размеры 3,5х2,5 м
45	Одиночная впадина Энтль-Имиягун 14	15,5 км к ССВ	Одиночная впадина овальной формы с обваловкой, размеры 4,0х3,3 м
46	Одиночная впадина Яккунлор 17	15,3 км к СЗ	Одиночная впадина овальной формы с обваловкой, размеры 3,0х2,5, глубина 0,9 м

Некоторые, наиболее интересные, на наш взгляд, памятники из числа обследованных в 2017 г. объектов целесообразно охарактеризовать подробнее.

Одинокое захоронение Ультильпьягун 3 находится в 10,6 км к северу — северо-востоку от д. Русскинской. Объект выявлен П.Р. Сташкиным в 2009 г. Через год в ходе дополнительного обследования памятника у края могильной ямы был обнаружен железный топор. Исходя из его морфологических характеристик и с учётом внешних признаков могильной ямы объект был предварительно датирован Новым временем (XVIII—XIX вв.)².

В августе 2017 г. в связи с проектированием нефтепровода был проведён повторный осмотр объекта с целью уточнения сведений о нём и определения мероприятий по обеспечению его сохранности. В ходе этих работ выполнен инструментальный топографический план объекта, проведена фотофиксация, составлено описание, заложены стратиграфические разрезы для определения границ памятника (ил. 1).

Захоронение находится в глубине левобережной террасы р. Ультильпьягун. Терраса выражена слабо или умеренно, хорошо дренирована, имеет очень неровные контуры, изобилующие разнообразными вы-

Ил. 2. Одинокое захоронение Ультильпьягун 3. Могильное сооружение. Вид с востока

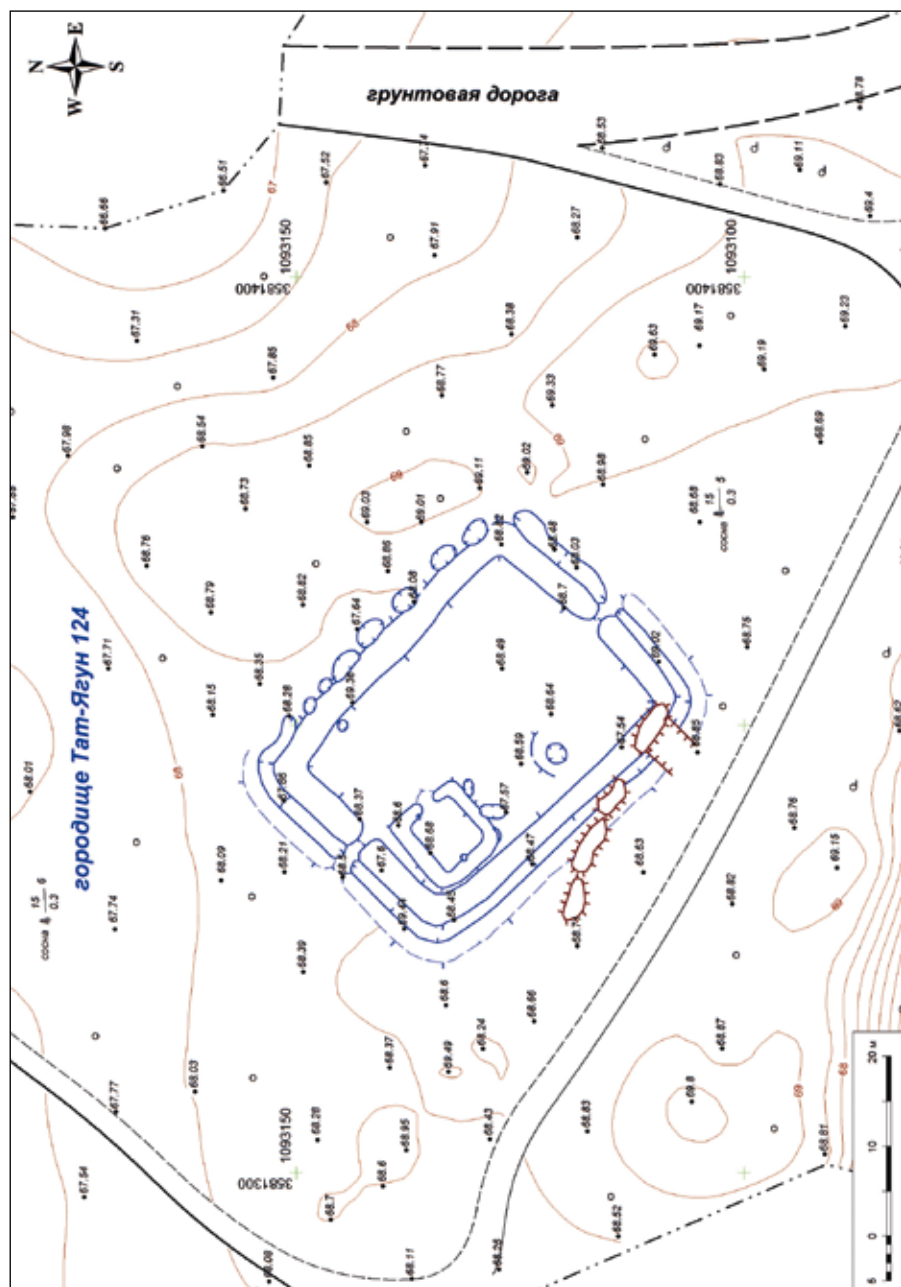

ступами и уступами, рассечена заболоченными низинами. Памятник находится в 30,8 м к северо-западу от внутривысокой дороги, вдоль западной обочины которой в этом месте проходит канава-кювет. Терраса покрыта высокоствольным сосновым лесом с сосново-кедрово-берёзовым подлеском. Напочвенный покров состоит из ягеля с примесью кустарничковых (брусничник, багульник, местами — водяника).

Моги́льная яма прямоугольно-овальной формы размерами 3,1х1,3 м и глубиной до 0,7 м ориентирована длинной осью в широтном направлении. По периметру углубления фиксируется слабовыраженное, прерывистое возвышение шириной до 1,5—2,0 м и высотой до 0,1 м, напоминающее сильно оплывшую обваловку (ил. 2). Объект частично порос густым сосновым подлеском, на его северном краю стоит старая засохшая сосна, корневой системой которой несколько деформирована «обваловка».

Городище Тат-Ягун 124 (ил. 3) было выявлено А.А. Рудём в 2016 г. Находится в 8,8 км к северу от д. Рускинской, в глубине высокой беломошной террасы левого берега р. Тлятыягун, в 0,56 км к востоку от русла реки. Край террасы расположен в 0,05 км к юго-западу от выраженных в рельефе элементов оборонительной системы.

Памятник представляет собой одноплощадочное городище, имеющее форму неправильного прямоугольника, вытянутого по линии юго-восток — северо-запад. Оборонительная система включает внутренний вал — ров — внешний вал. Размеры внутренней площадки городища составляют 24—27х38 м (ок. 970 кв. м), максимальные размеры по внешнему контуру выраженных в рельефе элементов оборонительной системы — 35—37х51 м (ок. 1800 кв. м). Внутренний вал шириной 3—4 м и высотой до 0,3—0,5 м охватывает площадку по всему периметру. Оборонительный ров при ширине 1,5—2,0 м имеет глубину от уровня прилегающей поверхности 0,3—0,4 м (ил. 4). С одной из длинных сторон (северо-восточной) линия рва представляет собой прерывистую цепочку из семи ям, вытянутых вдоль внутреннего вала (ил. 5). Размеры их варьируют от 1,0х1,7 м до 2,3х4,0 м, глубина — до 0,4—0,5 м. Внутренний вал с этой стороны фиксируется в виде непрерывной полосы, внешний вал — отсутствует. На остальных участках внешний вал имеет вид сильно оплывшей и слабо выраженной насыпи с нечётким контуром шириной до 2,0—2,5 м и высотой 0,1—0,2 м. С юго-восточной и северо-западной коротких сторон в оборонительной линии имеется пара противолежащих разрывов шириной от 0,5—1,0 м до 2,0 м, отмечающих входы на городище.

Ил. 3. Городище Тат-Ягун 124. План

Ил. 4. Городище Тат-Ягун 124. Фортификационные сооружения. Вид с северо-запада

Ил. 5. Городище Тат-Ягун 124. Фортификационные сооружения. Вид с востока

На площадке уверенно фиксируются остатки одного жилища, «вписанного» в западный угол объекта почти вплотную к внутреннему валу. Сооружение представляет собой археологизированную наземную постройку прямоугольной формы, оконтуренную по периметру обваловкой шириной 1,5 м и высотой 0,2 м. Размеры сооружения по внешнему контуру обваловки составляют 9,0х10,0 м, по внутренней границе — 6,0х7,0 м. Вдоль восточной—юго-восточной стороны постройки снаружи расположены три внешние ямы глубиной 0,1—0,3 м. В средней части северо-восточной (короткой) стороны сооружения обваловка прерывается, маркируя вход в жилище шириной ок. 1,0 м.

С южной стороны, вблизи которой проходит грунтовая дорога, элементы фортификации на небольшом участке повреждены бульдозерными срезами и перекрыты навалами. Нарушения, очевидно, связаны с раскорчёвкой и выравниванием поверхности при прокладке данной дороги (трассы для перетаскивания бурового оборудования). Растительный покров здесь находится в стадии восстановления.

Шурфовка памятника не производилась, подъёмного материала на нарушенных участках не обнаружено, предварительная датировка городища может быть установлена только по его внешним характеристикам. Полных аналогий Тат-Ягуну 124 нам не известно, однако по многим параметрам это городище близко другим памятникам таёжной зоны. По классификации В.А. Борзунова, разработанной для ранних западносибирских городищ, объект относится к типу IV, объединяющему относительно разнородную и немногочисленную группу памятников, локализованных в глубине террас. Согласно наблюдениям указанного автора, в Сургутском Приобье *«небольшие кольцевые и подпрямоугольные системы расположенных в глубине террасы «лесных городищ» зарождаются и развиваются в раннем железном веке... (белоярская, калинкинская, кулайская культуры)»*³. При этом основным для белоярских и кулайских древностей является тип III (примыкающие к краю террасы «береговые» городища с незамкнутой оборонительной линией различной конфигурации)⁴. Дальнейшее развитие укрепленные поселения прямоугольной формы с замкнутыми и незамкнутыми фортификационными системами получают в «посткулайское» время. Весьма характерны они, в частности, для карымского и следующего за ним зеленогорского этапов обь-иртышской общности (раннее Средневековье), но встречаются и в более позднее время. На эпоху раннего Средневековья приходится окончательное оформление устойчивой планировки укрепленных поселений, включающей пря-

моугольные в плане фортификации с уличной застройкой внутренней площадки, при которой жилища возводились в два ряда вдоль длинных стен городища. Выходы из жилищ в этих рядах были обращены навстречу друг другу в сторону «улицы», проходящей по длинной оси городища и нередко заканчивающейся с одной или обеих сторон у разрывов в оборонительной линии. Такую планировку имеют, в частности, городища:

- Барсов Городок II/6, Барсов Городок II/9, Барсов Городок II/10, Соровское 17 (карымский этап);
- Барсов Городок II/1, Барсов Городок II/8, Барсов Городок II/12 (зеленогорский этап);
- Кучиминское V, Кучиминское XI, Барсов Городок II/5 (кучиминский этап)⁵.

Указанные городища располагаются в стороне или у края террас, примыкая к бровке одной из сторон (короткой или длинной), имеют в большинстве своём незначительные по мощности фортификации с одним-двумя разрывами — входами на площадку. При этом кучиминские объекты нередко более сложные, имеющие двойную линию укреплений или две площадки. Таким образом, широкая датировка городища Тат-Ягун 124 может быть определена в пределах раннего железного века — Средневековья с наибольшей, на наш взгляд, вероятностью для Средневековья, скорее всего — раннего (карымский, зеленогорский этапы; IV—VII вв.).

Городище Тат-Ягун 124 выделяется в ряду других городищ Сургутского Приобья линией ям вместо рва на северо-восточном участке и наличием на площадке только одного выраженного в рельефе жилища, хотя размеры закрытой площадки позволяли без труда разместить на ней не менее шести сооружений (в два ряда по три в каждом ряду). Иными словами, общая конфигурация городища с «уличной» планировкой при проектировании и строительстве была соблюдена и предусмотрена. Найти удовлетворительное объяснение наличию только одной постройки в современном рельефе без проведения раскопок сейчас вряд ли возможно. Можно лишь предполагать наличие в прошлом сооружений, не оставивших следов на поверхности, либо незаконченность по каким-то причинам городищенской площадки.

Поселение Тат-Ягун 142, давшее разнообразный и многочисленный подъёмный материал, находится в 9 км к северу от д. Рускинской и в 0,34 км северо-западнее городища Тат-Ягун 124.

Объект располагается на тыльной стороне террасы левого берега р. Тляттыягун в 0,35—0,60 км к востоку от русла реки. Практически

вся его территория вошла в широкий коридор коммуникаций, включающий внутрипромысловую автодорогу, трубопроводы и несколько ЛЭП. Естественный напочвенный покров (кустарничково-лишайниковая или кустарничково-лишайниково-моховая подстилка) сохранился в виде небольших редких «островков». Поверхность по большей части покрыта незакреплёнными песками, на которых произрастает сосново-берёзовый молодняк, рудеральная растительность, редкий брусничник и зелёные мхи.

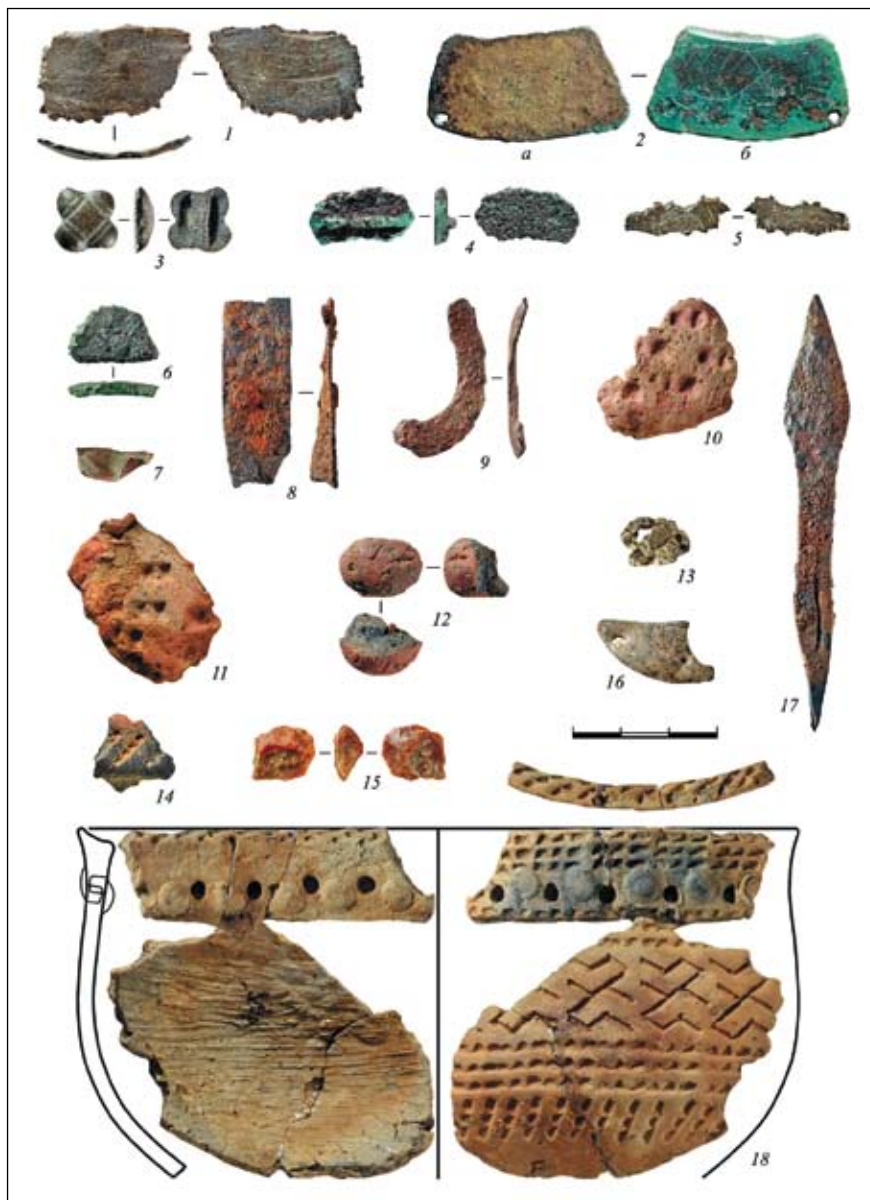
Выраженных в рельефе остатков археологизированных сооружений на территории объекта не зафиксировано, памятник выявлен в результате обнаружения на разрушенных участках подъёмного материала. Находки сделаны на поверхности в полосе прохождения коридоров коммуникаций, в том числе по обочинам автодороги. Подъёмный материал включает керамику, каменные, бронзовые, железные изделия и их обломки.

Большинство фрагментов керамики (всего 263 ед.) представлены мелкими неорнаментированными черепками и сколами (размеры не более 0,5х3,5 см) либо небольшими же обломками с трудноразличимыми узорами. На одном из них прослеживаются наклонённые вправо отпечатки гребенчатого штампа (ил. 6—14). Шесть фрагментов предположительно одного сосуда орнаментированы крупнозубой гребёнкой или глубокими ямочными вдавлениями, образующими на поверхности с противоположной стороны выпуклые «жемчужины» (ил. 6—10, 11). Сохранившаяся внутренняя поверхность одного черепка заглажена горизонтальными движениями гребенчатого шпателя. Однозначная датировка и культурная принадлежность керамического материала не установлены, наиболее вероятная эпохальная принадлежность — ранний железный век.

Обнаружен обломок небольшого изделия (?) из пористой «тигельной» глины, сохранившаяся часть которого имеет полусферическую форму (ил. 6—12). Из пяти каменных находок отметим одну, несомненно, несущую следы обработки. Это обломок скребка из коричневой кремнистой породы (ил. 6 — 15). В составе сборов также имеются мелкие фрагменты кальцинированных костей, а также несколько небольших камней, как будто не имеющих следов обработки.

Особого внимания заслуживают находки металлических изделий.

Обломок бронзовой ёмкости (?) диаметром ок. 7 см (ил. 6—1). Размеры фрагмента — 0,20х0,31 см, толщина — 1,2—1,3 мм. Поверхность с обеих сторон покрыта благородной патиной. Ориентировочная датировка изделия — железный век.

Ил. 6. Подъёмный материал из археологической разведки на Тевлинско-Русском месторождении. 1–15 — поселение Тат-Ягун 142; 16–17 — случайные находки к северу и северо-западу от городища Тат-Ягун 124; 18 — местонахождение Ультильпягун 6. 1–7 — бронза; 8–9, 17 — железо; 10–12, 14 — керамика; 13 — олово; 15 — камень; 16 — белый металл

Фрагмент бронзового зеркала, украшенный с обеих сторон процарапанными антропоморфными и зооморфными изображениями (ил. 6—2). Форма фрагмента в целом трапециевидная, с учётом того, что он по сути представляет собой сегмент круглого зеркала (длинная сторона «трапеции» слегка выпуклая, короткая — вогнутая). Максимальные размеры фрагмента — 0,22х0,42 см, толщина — 1,6—1,8 мм. Близ одного из углов трапеции (по длинному основанию) проделано отверстие неправильной формы для подвешивания или пришивания изделия. Размеры этого отверстия 2,3х2,3 мм, с обеих его сторон прослеживается фаска. На противолежащем углу (по тому же длинному основанию) аналогичное отверстие было намечено каплевидной насечкой, но не выполнено.

Состояние обеих поверхностей близко к полированному, однако внешне они выглядят по-разному. *Поверхность 1* (нумерация условная) имеет золотистый цвет, свойственный тем сарматским зеркалам, поверхность которых была анодирована золотом. *Поверхность 2* имеет зелёный цвет, характерный для окисленной бронзы. Более тёмные тона, характерные для благородной патины концентрируются в центре фрагмента, светло-зелёные оттенки, свидетельствующие о достаточно активном поверхностном окислении, фиксируются по краям. С этой стороны изделия вдоль короткого (дуговидного) основания «трапеции» прослеживается хорошо выраженная фаска. Ее появление вряд ли следует рассматривать как попытку подровнять край изделия. Вероятнее всего, на этом участке зеркала сегмент был вырезан по концентрическому углублению, характерному для многих сарматских зеркал.

На обеих поверхностях присутствуют изображения, процарапанные тонким «штихелем». Тот факт, что края этих изображений обрываются по кромкам изделия, свидетельствует, что они являлись частями композиций, нанесённых на поверхности всего зеркала. Подобные композиции хорошо известны на кулайских зеркалах Сургутского и Нижнего Приобья⁶.

На *поверхности 1* просматриваются фрагменты двух зооморфных профильных фигур, расположенных вдоль длинной стороны изделия и направленных вправо (ил. 6—2а). Судя по хорошо сохранившейся передней части левой фигуры, персонажи имели вытянутое туловище, плавно переходящее в опущенную вниз голову и короткий, расширяющийся к концу хвост. На *поверхности 2* фиксируется антропоморфная фигура с широким линзовидным туловищем и двумя личинами, расположенными вертикально. От туловища отходит ромбовидная личина

с глазами и ртом, которую венчает линзовидная личина с глазами, ртом и Т-образной линией лба и носа (ил. 6 — 2б). Морфологически близкие персонажи известны на зеркалах, найденных на Барсовой горе близ Сургута⁷. Датируются подобные находки достаточно широко — в пределах существования кулайской культуры раннего железного века Западной Сибири — от IV в. до н. э. до IV в. н. э.

Бронзовая крестовидная бляшка с петлей для крепления (ил. 6—3). Размеры изделия — 1,5х1,6 см, высота — 0,4 см. Имеет в плане форму креста с короткими слегка выпуклыми лучами. В основании каждого луча имеется пара поперечных желобков. Толщина бляшки — 1,1—1,3 мм. На обороте к краям изделия припаяна плоская пластина шириной 3,5—3,8 мм и толщиной около 1,0 мм, образующая петлю для крепления. Такого рода изделия получают распространение в Евразии с X—XI вв.⁸

Фрагмент бронзовой пластины размерами 1,2х2,2 см, толщиной основной части 2,4—2,6 мм (ил. 6—4). Края фрагмента выкрошены. Условно тыльная поверхность ровная, вдоль длинной стороны условно лицевой поверхности проходит валик шириной 2,0—2,8 мм, высотой 1,2 мм. Не исключено, что фрагмент представляет собой обломок ёмкости. Края и выступающие части сильно окислены.

Фрагмент бронзовой пластины размерами 1,2х1,9 см, толщиной 2,6 мм (ил. 6—6). Имеет трапециевидную форму. Умеренно окислен.

Фрагмент бронзовой пластины размерами 0,8х2,2 см, толщиной 0,8 мм (ил. 6—5). Имеет удлиненную форму без выраженных очертаний и зубчатые края. Поверхности слегка полированы, покрыты благородной патиной. Возможно, является фрагментом зеркала

Фрагмент бронзовой фольги прямоугольной формы размерами 0,8х1,6 см, толщиной 0,3 мм (ил. 6—7). Один из уголков подвёрнут. Покрит благородной патиной;

Фрагмент железной пластины прямоугольной формы размерами 1,5х3,9 см, толщиной 1,2—1,5 мм (ил. 6—8). Длинные стороны прямые, ровные, короткие образованы линиями изломов (?). Умеренно окислен.

Фрагмент железного пластинчатого изделия (?). Имеет дуговидную форму, в сечении плоский, размеры 2,4х3,4 см, толщина 1,9—2,0 мм (ил. 6—9). Умеренно окислен. Функциональная принадлежность неясна.

Сплеск олова размерами 0,5х1,0х1,4 см (ил. 6—13). Подвергся структурным изменениям перехода из белого олова в серое («оловян-

ная чума»). Активное использование олова для отливки украшений и культовых предметов характерно для аборигенного населения Севера Западной Сибири в позднем Средневековье.

Учитывая состав коллекции, нельзя исключать, что на территории объекта может быть выявлен не только поселенческий слой, но и комплекс святилища и/или могильник.

Местонахождение Ультильпьягун 6. Сборы с нарушенной поверхности представлены 13 фрагментами керамики и девятью мелкими кальцинированными косточками. Шесть фрагментов принадлежат одному сосуду (ил. 6—18), имеющему форму, близкую к чашевидной и украшенному гребенчатой и ямочно-жемчужной орнаментацией. Форма сосуда и особенно профилировка его приустьевой части близки к морфологии кулайской керамики раннего железного века, однако наличие в зоне плечика меандровой орнаментации указывает на принадлежность его скорее к карымскому этапу обь-иртышской общности, то есть к началу раннего Средневековья⁹.

В коллекции присутствуют венчик аналогичной профилировки со сколотым орнаментом и фрагмент с крупногребенчатым орнаментом.

Случайные находки. Недалеко от городища Тат-Ягун 124 было найдено два случайных предмета: железный наконечник стрелы и фрагмент фольги из белого металла.

Железный наконечник стрелы (ил. 6—17). Наконечник черешковый, выкован из пластины, вырубленной из какой-то большей заготовки. Длина 9,1 см, ширина черешка — 0,8 см, ширина пера — 1,4 см. Толщина черешка достигает 4,8 мм, толщина пера — 3,0 мм. Черешковая часть почти не обработана, поражающая часть ланцетовидной формы сформирована при проковке пластины. Подобного рода технология изготовления наконечников стрел была характерна для позднего Средневековья Севера Западной Сибири.

Фрагмент фольги из белого металла с антропоморфными изображениями (ил. 6—16). Имеет неправильную подтреугольную форму, максимальные размеры — 1,3х2,7 см, толщина — 0,3 мм. Один из краёв имеет полукруглый абрис; вероятно, именно этот край сохранил участок первоначальной формы изделия. Близ одного угла фрагмента пробито узкое отверстие для крепления (?). Лицевую поверхность изделия маркируют две личины, процарапанные тонким «штихелем». Лицевая поверхность носит следы полировки, обратная — матовая, покрытая жёлто-серой патиной. Личины имеют форму вертикально ориентированных двугольников. Короткими горизонтальными от-

резками показаны глаза и рот; длинной вертикальной чертой — линия носа. Вероятнее всего, перед нами фрагмент накладки. Наличие процарапанных личин и их иконография определенно указывают на принадлежность изделия к кулайской культуре раннего железного века (IV в. до н. э. — IV в. н. э.).

----- x -----

Исследования на территории Тевлинско-Русскинского месторождения будут продолжены в полевом сезоне 2018 г. Планируются работы по составлению топографических планов выявленных памятников и установлению их границ, а также, по мере возможности, определению культурной и хронологической принадлежности объектов. Среди первоочередных задач — скорейшая разработка разделов мероприятий по сохранению объектов культурного наследия, подвергающихся негативному техногенному воздействию. Особо пристальное внимание при этом следует уделить поселению Тат-Ягун 142, давшему интереснейший и разнообразный подъёмный материал.

В заключение обратим внимание на ещё одно обстоятельство. Несколько из выявленных в 2017 г. памятников имеют предельно слабо выраженные в рельефе археологизированные сооружения, которые к тому же замаскированы выворотнями и естественными неровностями рельефа — строго говоря, объекты были зафиксированы шурфовкой. В то же время целый ряд «поселений» зарегистрирован в виде подъёмного материала (в том числе многочисленного) на уже действующих коммуникациях. Можно предполагать, что данные объекты не были в своё время выявлены при землеотводе именно в связи с отсутствием (или слабой выраженностью) визуально фиксируемых внешних признаков памятников на этих участках. Не может служить гарантией в данном случае и шурфовка, поскольку хорошо известно, что закладка стратиграфических разрезов даже в границах объектов археологического наследия далеко не всегда приносит положительный результат. В такой ситуации становятся особо актуальными, с одной стороны, предельно тщательное проведение натурных работ, с другой — постоянный мониторинг строящихся и действующих объектов обустройства нефтегазового комплекса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работы проведены по заказу ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь». Ответственный исполнитель — ООО «НПО «Северная археология — 1». Общее руководство проектом осуществлялось С.А. Крузементом.

² Заключение № 02-2010 (НО) Натурные историко-культурные изыскания на территории земельных участков, испрашиваемых к отводу под строительство нефтерпровода куст 10 — т. вр. 102 Тевлинско-Русскинского л/у по заказу ТПП «Когалымнефтегаз» ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь» в Сургутском районе ХМАО Югры в 2010 г. — Сургут, 2010 г. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 909.

³ Борзунов В.А. Закономерности развития ранних укрепленных поселений Западной Сибири // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. — Т. 1. Кн. 1: Поселения и жилища. — С. 339.

⁴ Борзунов В.А. Закономерности развития ранних укрепленных поселений Западной Сибири... — С. 339.

⁵ Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. — С. 197. Рис. 91—4; Зыков А.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и Новое время. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. — С. 145. Рис. 6—1, 3, 6; С. 156. Рис. 17—1, 5, 7; С. 176. Рис. 37—1, 7; С. 178. Рис. 39—1.

⁶ Пристуга О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в Бесконечность. Бронзовые зеркала раннего железного века. — Томск: ГалаПресс, 2002. — С. 24—35; Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III—IV веков из собрания Сургутского художественного музея. — Екатеринбург: Сократ, 2001. — С. 111—113. Кат. № 34, 36, 27; Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 87—88, 186. Рис. 80—1—3, 5, 14, 16, 19, 20.

⁷ Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. — С. 42—45, 120, 121. Кат. № 90, 91.

⁸ Зыков А.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 195. Рис. 56—2; Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X—XIII вв. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. — С. 97—98, 247. Рис. 83.

⁹ Зыков А.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 154. Рис. 15—1—6.

P.R. Stashkin, A.A. Kovrigin

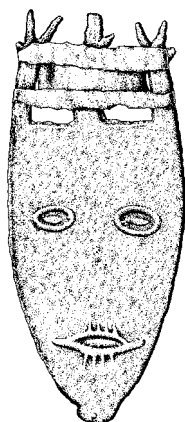
The results of field work at the Tavlinsko-Russkinskoye oil deposit in the Surgut district of Khanty-Mansiysk Autonomous Region — Ugra in 2017

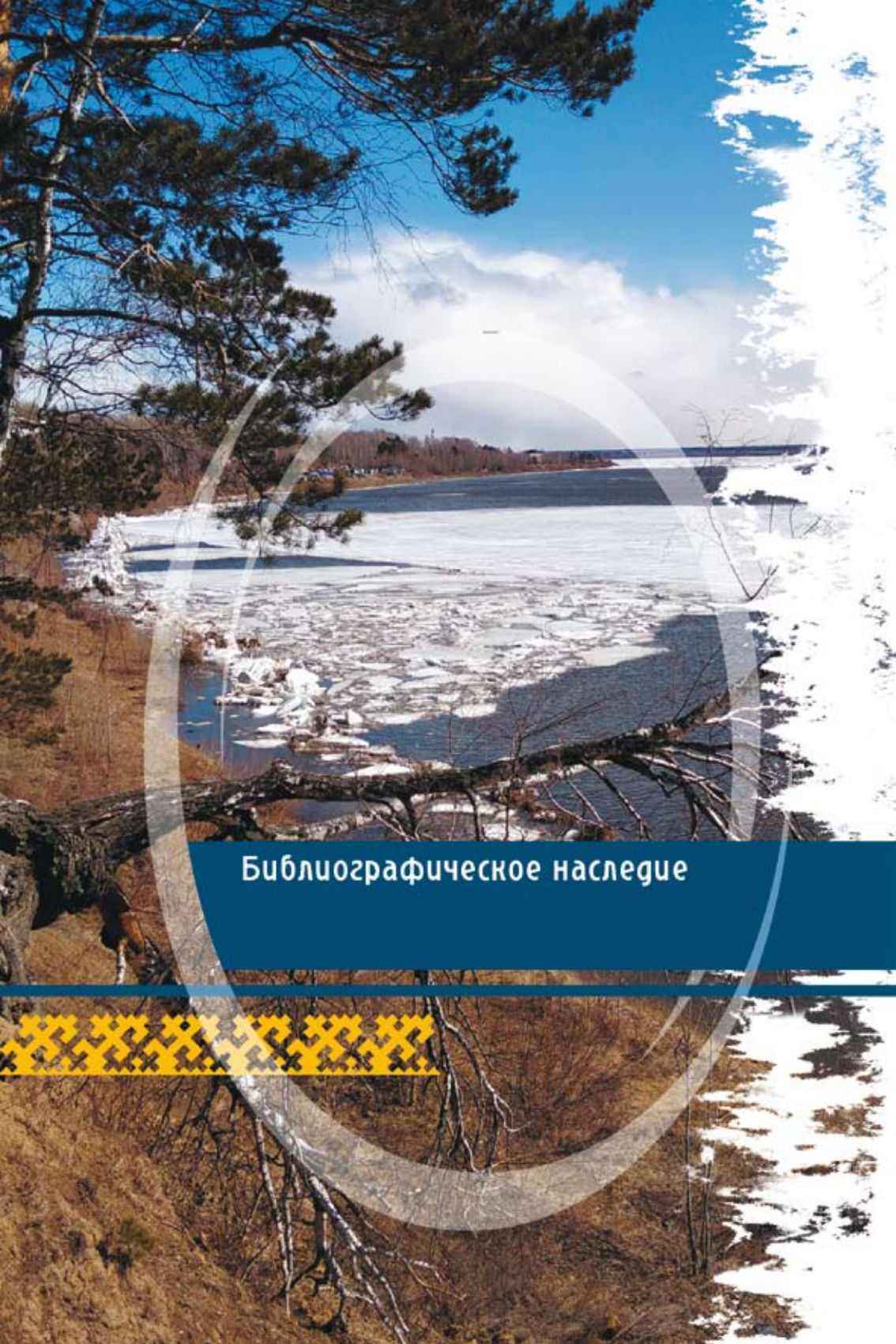
Abstract. The results of field reconnaissance work on the territory of the Tavlinsko-Russkinskoye oil deposit are presented, involving survey of 56 archaeological sites of the were inspected (10 of them — previously known heritage objects). Brief characteristics of the objects are cited in the table. A number of sites are described circumstantially; a tool plan at the hillfort Tat-Yagun 124 is presented. Surface lifted archaeological artefacts has been analyzed, including different periods ceramics, stone and metal articles, comprising original finds: a stone polished hatchet (probably adze — ?), non-ferrous metal plates with engravings manufactured in the “Kulai fashion”, a bronze cruciform plaque with a loop & a flat iron arrowhead.

Key words. Tevlinsko-Russkinskoe oil deposit, archeological reconnaissance work, Tromyugan river, Tlattyagyun river, individual burial of Ulytlypyagun 3, Tat-Yagun 124 hillfort, Tat-Yagun 142 settlement, Ulytlypyagun 6 location, Early Iron Age, Middle Ages, surface lifted archaeological artefacts, metal plates with engraving.

E-mail: pet-stashkin@yandex.ru

Библиографическое наследие

Исследовательская поездка по Сибири. 1720–1727*

Ч. 5: Дневниковые записи с ноября 1725 г.
[59. Зимняя квартира в Самаровском Яме
(11.11.1725 – 16.02.1726)]

Д.Г. Мессершмидт

Аннотация. Первый перевод на русский язык дневниковых записей известного немецкого исследователя на русской службе Д.Г. Мессершмидта. Они охватывают двухнедельный период (11–23.11.1725) из более чем четырёхмесячного пребывания одного из зачинателей отечественного сибиреведения в Самаровском яме — ныне г. Ханты-Мансийске. Незамысловатые строки, наполненные будничными хлопотами, показывают тем не менее не только организационную сторону академической экспедиции в XVIII в., что интересно уже само по себе, но и внутреннюю жизнь ямщицкого поселения в глубине северной тайги, раскрывают имена некоторых жителей Самарова.

Ключевые слова. Даниил Готлиб Мессершмидт, экспедиция 1725 г., Самаровский ям, Северная война, телесные наказания, ремень.

Комментарии к публикации перевода

1. Использование скобок:

() — авторский текст Д.Г. Мессершмидта;

[] — текст редактора немецкоязычного издания (1977 г.);

<> — текст переводчиков и редактора настоящего русскоязычного издания.

2. Латинский текст внутри немецкоязычного текста выделен курсивом.

* Печ. по: **Messerschmidt D.G.** Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727 // Verbindung mit zahlreichen Fachgelehrten herausgegeben von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. — Berlin: Akademie-Verlag, 1977. — Teil 5: Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister. — S. 13–21.

Обложка книги: **Messerschmidt D.G.** Forschungsreise durch Sibirien. 1720—1727. In Verbindung mit zahlreichen Fachgelehrten herausgegeben von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. — Berlin: Akademie-Verlag, 1977. — Teil 5: Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister

11 ноября 1725 г.

В половине одиннадцатого, после моего утреннего сна [М. работал всю ночь и только утром дал себе немного отдыха] я был снова готов к исполнению работ и перенёс сначала все тюки и поклажу из саней в амбар, а затем обставил свою комнату так, чтобы можно было удобно работать.

После этого отпустил ямщиков и отправил их к комиссару, чтобы сообщить о моём прибытии и разузнать, не пришёл ли из канцелярии обещанный мне расчёт за прогон от Неулёвой <протоки> (19 октября) до Самаровского Яма (10 ноября) для включения в архив.

В качестве приветствия комиссар прислал мне, среди прочего, две сушёные нельмы, две куропатки и жбан пива. Староста вместе с несколькими ямщиками принесли также ведро пива, пять куропаток и сушёной рыбы.

Комиссар Афанасий Кузьмич Козловский, [землевладелец] или дворянин из Тобольска, отправил вечером одного солёного гуся, одного глухаря (самец [97 унций 7 драхм = 2936,25 г], замороженный) и один ржаной хлеб с приглашением прибыть в следующие дни с визитом.

Вскоре после этого несколько ямщиков вместе со старостой принесли три тушки домашней птицы и один хлеб. Всё было передано на кухню для хранения в амбаре или в подполье.

Бывший комиссар, Мартин Михайлович Рудольфи, дворянин из Лифляндии, захваченный в плен во время шведской кампании [Боль-

шая Северная война] в звании лейтенанта, также известил меня, что вскоре прибудет с визитом.

12 ноября 1725 г.

Утром, в 7 час., прислал комиссар без моей на то просьбы двух ямщиков для охраны амбара и дома. Сам он пришёл с визитом в половине девятого утра и также принёс угощение: водку, пиво, изюм, инжир, финики etc. Я тотчас же сообщил, что, согласно указу, ему необходимо озаботиться тем, чтобы всевозможную живность — частью из ясака, частью из тех, что водятся в этом дискрикте, — приносили бы мне для включения в коллекцию в качестве нового приобретения, на что мне был дан ответ «ладно». В 10 час. он меня оставил.

Вскрытие летяги сибирской (Quimichpatlan Indorum). Оставшись в одиночестве, я занялся препарированием белки-летяги (см. 10-е число), *внешний вид которой с измерением частей и с изображением внутренних органов до скелета 18 июля 1723 г. были достаточно описаны, поэтому я присовокупляю лишь добавления к тому, что тогда пропустил. Трахея узкая, почти равная по толщине трахее голубя. Лёгкие пока невозможно рассмотреть достаточно подробно, являются ли они четырёхдольными или, что более вероятно, семидольными. Сердце немного больше, чем плод лавра, двухжелудочковое, с двумя ушками и покрытое перикардом, закреплённое в средостении диафрагмой, грудиной и т.д. Печень совершенно определённо шестидольная, с желчным пузырём, едва равным горошине перца, дряблым, связанным с вогнутой поверхностью одной из долей. Селезёнка продолговатая и узкая, как бы в форме языка, подвешенная к левой стороне желудка посредством перепончатой связки, в длину 1°2'0". Поджелудочная железа тонкая, умеренно диффузная. Пищевод толщиной с перо ворона, равномерно круглый, перепончатый, длиной от гортани до желудка 2°9'0". Желудок в левом гипохондрии панникулезный, перепончатый, по размеру примерно как воронье яйцо, бобовидной формы, вытянутый, около привратника более стянутый и загнутый в свой синус, весь в жёлтой мучнистой сабурре*, довольно сухой и плотной, <сформированной> или из побегов деревьев, почек и коры, что вероятно, либо из орехов и семян, что менее вероятно, переполненный. Кишечник*** [Пропуск]*

* Сабурра — это «протухшее зернистое вещество, отложившееся в пищеварительном канале при разложении пищи» (из английского медсловаря). (Прим. пер.).

*** <жизнь> ведут и с молодых ногтей, благодаря чрезвычайной простоте, от нужды пускаются во все тяжкие, безумцы!

13 ноября 1725

В девять утра зашёл какой-то совершенно пьяный ямщик. Он предложил мне полную миску брусники (*Vitis idaea rubro fructu Tournefortii* sp.2) и немного кедровых орехов, я отблагодарил его чашечкой водки и выпроводил.

В час дня мне потребовался прежний <старый> писарь Александр Лисицкий для составления меморандума в здешнюю канцелярию: 1) о доставке струга и об апартаментах (см. документы № 288 и 290); 2) о двух сбежавших подводах (25 сентября); счёт — 550 копеек за каждую, в сумме 11 рублей — следует теперь выставить не на лекарское отделение здешнего губернского правления, а на енисейского казначея за его неудачную поруку; 3) о досках для нового ящика для коллекций etc.; 4) о сборе всяческих предметов для естественнонаучной коллекции по этому дистрикту, старинных вещей и диких в таком количестве, покуда не станет достаточным.

Писарь пришёл в 2 часа и с присущей ему добротой преподнёс мне миску корнеплодов или сибирских каштанов, шесть или семь калачей и две куропатки, за что я ему тоже должен был дать водки. До 7 час. вечера я разъяснял ему содержание меморандума, но поскольку он торопился в баню, всё это осталось недоделанным. В итоге день был потерян и стал не чем иным, как причинением мною напрасного беспокойства этому бедному человеку.

К вечеру... вызвал я своего слугу Петра Кратца, чтобы привести в порядок экономические дела. Но он был так пьян и давал мне такие глупые и путанные ответы, что я хотел наказать его польскими постромками, так как он немец и не может получить батога, но в последний раз решил запретить ему все попойки и одновременно высказал всё остальное.

14 ноября 1725 г.

Мой слуга Петер Кратц, всё еще боясь наказания за попойку, воздерживался от еды, хотя сегодня не только последний день поста [перед Рождеством], но и именинный день господина губернатора, который сибирские жители, если не находятся на службе, могут праздновать (или пить, кутить, сибаритствовать, кричать, мычать, реветь, можно также бесчестить себя с блудницами и мальчишками). Мои денщики Михаила и Андре ослушались моего приказа и на целый день ушли из

дома. Я ждал их несколько часов, чтобы обработать до скелета вторую летягу (см. 10-е число) и сравнить потом с первым скелетом (см. 12-е число). В 8 вечера денщик Андре вернулся на квартиру, но был так пьян, что не мог говорить, и только шатался по моей избе, потому я был вынужден поручить разделку тушки мальчику Агафону.

В 8 час. поутру должен был прибыть берёзовский комендант, человек в летах, чтобы ехать дальше в Тобольск.

15 ноября 1725 г.

Денщики Михайла и Данила по указанию старосты поработали плотниками, изготовив верстак для мастерской (из старого струга).

В 8 утра я посетил господина лейтенанта Мартина Михайловича Рудольфи, бывшего правителя здешних мест (так он называл свой титул комиссара), и пробыл у него за чаем и табаком до 11 ночи.

В разговоре он поведал мне о жалобе подъячего Александра Лисицкого, как именно выполнил мой денщик Михайла (см. 29 октября) указание найти мне простую и достойную квартиру (предполагалось у Матвея). Он не только так не сделал — возможно, за подарки, — но и солгал, намекнув комиссару освободить дом Лисицкого, и хотел угрозами и насилием выставить хозяина вон, и тот не мог задобрить его даже подарками и находился под постоянными угрозами. Я высказал желание, чтобы мне это было представлено письменно, для включения в архив (см. 20-е число), и жалобщик смог бы получить удовлетворение.

Сегодня я получил расчёт за прогон, точно такой же, как и в документе № 292.

16 ноября 1725 г.

В 9 час. утра старостой этого места Иваном Поромовым, согласно документам № 288 и 290, был доставлен дощаник — ладя — вместе с оснасткой, а именно: 6 вёсел; 20 сажений тонкого каната, намотанного на рулевое весло; 60 сажений новой бичевы; 60 сажений ноги (Schleppstange*) и 14 сажений дроги**; 3 пуда 25 фунтов взвешенных

* Schleppstange — канат для жёсткой буксирной сцепки. (Прим. пер.).

** Согласно древнерусской такелажной терминологии, сохранённой в лексике поморов и переданной последними в сибирское судоходство, «ноги» — это снасти стоячего такелажа (ванты, которыми укрепляются мачты, стеньги и брам-стеньги с бортов судна), «дроги» — снасти бегучего такелажа (канаты, фалы для поднятия паруса или реи). См.: Дмитренко С.Г. Морские тайны древних славян. — СПб.: Полигон, 2003; То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: profilib.net/chtenie/82128/sergey-dmitrenko-morskie-tayny-drevnikh-slavyan.php. (Прим. ред.).

старых парусов длиной 18 аршин. О чём в 6 час. вечера мне прислали расписку от старосты для включения в документ № 293.

Плотники получили от старосты необходимую для изготовления верстака доску от старого разобранныго дощаника; таким образом, у них была работа.

Мой слуга Петер сообщил, что в Зенково (см. 19 октября и следующие) он потратил на мытьё <стирку> 4 копейки, на молоко 3 копейки, на репу 1 копейку, в сумме 8 копеек, что я ему тотчас же и выплатил.

У меня имеется: 12 листов непрерывного чернового протокола, 28 листов готового протокола и ещё 12 листов для копирования суммарного протокола или краткого описания каждого куриального документа, содержащего предполагаемые лечебные редкости и необычные материалы или же курьёзные образцы из растительного царства etc. etc. для проверки в Сибирской губернии — эти листы надо начисто сфальцевать, сшить в тетради и частично разлиновать.

Вечером я отослал господину лейтенанту Рудольфи, чтобы доставить ему небольшое удовольствие, 1 фунт моего китайского табака.

17 ноября 1725 г.

В 9 утра меня побеспокоил староста сообщением, что я должен распорядиться посчитать амбарной охране, двум мужчинам, еженедельно по 30 копеек на человека за дрова для квартиры, как для моей комнаты, так и для чёрной избы денщиков etc. и оплачивать из Приказа, так как община эти расходы оплатить не может. Я дал ему короткий ответ, что, согласно указу, я исполняю только команды комиссара, однако ж я мог бы направить указы к рассмотрению <в Тобольске> и добавлению этого <предложения> и мог бы потребовать приписать <к своему тексту> его ходатайство, чтобы результат был именно таким.

Мой слуга Петер Кратц купил 14 пудов говядины по $\frac{13}{14}$ копейки за пуд на сумму 13 копеек*. При этом он пожаловался, что он вместе с поваром Андре в Зенково (см. 19 октября) при недостатке провизии

* В немецкоязычном издании указана именно такая цена, хотя это кажется странным по сравнению с указанными чуть выше ценами на репу и молоко. Представляется неправдоподобной и покупка Мессершмидтом 14 пудов (228 кг) говядины — это выход мяса после убоя упитанной коровы местной породы. Возможно, сам исследователь или издатели его дневников ошиблись, и надо принимать указанную цену не за русский пуд, а за европейский килограмм. (Прим. ред.).

за свой счёт покупали молоко, о чём мне не было сообщено. Я увидел здесь ложное утверждение, поскольку всё это время я спрашивал их и слышал в ответ, что в провизии недостатка нет. Я отругал его за то, что он не заботился о необходимых вещах в надлежащее время, и потребовал сообщить точную сумму для возмещения, но не получил разумного ответа. В результате я приказал сообщить мне в ближайшее время, сколько они оба выложили за молоко.

После обеда, в 4 часа меня посетил господин лейтенант Рудольфи и принёс с собой различные хорошие новости о тех или иных обстоятельствах. Прежде всего, что я отсюда должен написать Тобольскому губернатору и запросить денег на прогон, без которых я не смогу уехать отсюда; 2) я должен рапортовать Его Превосходительству господину президенту Блюментросту*; 3) по вопросам образцов фауны и раритетов, русского переписчика, амбарной охраны и дров — для ускорения решения вопросов всё это потребовать от местного приказчика или комиссара письменно; 4) для возмещения трат в трудных случаях и оплаты сложного счёта обращаться нужно только к казначею Барутину в Тобольск и больше ни к кому; 5) прежде, чем опечатать груз, досмотр делать лучше в Тобольске у господина губернатора; 6) что остяки недавно поклонялись ещё одному деревянному идолу около 2,5 футов высотой, обряженного троекратно в красивую одежду из ярко-красного платка с большими серебряными пуговицами, мехом соболя etc., и что один русский поп, помогавший им его утаивать, сидит теперь схваченным в Долматовском монастыре на Исети; 7) что Иртыш течёт от Тобольска до Самарова с юго-востока или уходит на северо-запад, истоки Салыма и Демьянки сходятся почти напротив Нарыма. В 10 вечера он распрощался.

18 ноября 1725 г.

Утром, в половине девятого я спросил о моём слуге Петере Кратце, чтобы вернуться к одному отсроченному, ещё не достаточно хорошо выполненному делу. Но его не было дома, он вернулся не раньше половины третьего после обеда, был совершенно пьян, и, несмотря на мои угрозы (см. 13-е и 14-е числа) и то наказание в назидание (см. 15-е число), не удержался от того, чтобы упрямо послушаться моего приказа.

* Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (1692—1755) — первый президент Академии наук и художеств (ныне — РАН) (07.12.1725 — 06.07.1733). (Прим. ред.).

Я тотчас же оделся и пошёл к господину лейтенанту Рудольфи, моему дорогому другу, за советом, могу ли я подвергнуть слугу корабельному наказанию, а именно — дать плетей или же батогов. И узнал, что наказание плетью (кроме исключительных случаев, когда нет батогов, как (те *** 1724) в степи etc.) применяют для баб; батогов же можно и должно давать в качестве справедливого наказания всем слугам и денщикам при незначительных провинностях — словесном упрямстве, непослушании, нарушении приказа и единожды выданного указания, но особенно за безответственное пьянство. Однако, считал он, поскольку наказание назначалось в первый раз, я мог бы после нескольких первых ударов, если слуга пообещает исправиться, смириться.

Он показал мне свой механический верстак [эскиз] и свою работу — хорошо изготовленный циркуль. Также он подарил мне две китайские оловянные чашечки для румян, которые использовались в дамских комнатах и в которых содержалась косметическая помада (каждая по 1 скрупелю 5 гранов = 1,55 г) и 1°1'0" рейнландского в диаметре; китайскую фарфоровую бутылочку с синим орнаментом из листьев, имеющую форму цилиндра (диаметром 0°7'0", в оси цилиндра высотой 2°1'7", весом 3 драхмы 2 скрупеля 5 гранов = 14,05 г) и использовавшуюся китайцами для очищенного масла или других известных медикаментов в очень малых дозах etc.; маленькую серебряную монетку величиной и весом в одну копейку, почти гладкую и затёртую, на одной стороне — три лилии [эскиз], сходящимися *своими основаниями*, и одна непрочитанная надпись на реверсе, которая была недостаточно отчётлива и которую я не смог разглядеть, так как мои глаза за эту многолетнюю службу многое потеряли. Я, в свою очередь, подарил 1 фунт имбиря для его хозяйства и распрощался в половине шестого, возвратившись исполнять свои обязанности.

Вечером было оплачено за 8 дней первым двум амбарным сторожам — Василию Клузову и Ивану Суханову (кровным братьям), каждому 24 копейки, в сумме 48 копеек, при свидетельстве старосты. Андрей Носов заменяет Василия, а Иван Суханов остаётся ещё на 8 дней.

19 ноября 1725 г.

Поутру, в девять я послал двоих денщиков за батогами для наказания своего слуги Петра Кратца. Дал ему батогов за его преступления (см. 13, 14 и 18 числа), хотя с учётом того, что это в первый раз, я своё наказание очень уменьшил.

После этого забрал переписчика Алексея Кудрявцева, чтобы переписать начисто два черновых протокола № 292 и 293.

Затем Петер Кратц должен был приобрести две лампы и купить 1 Вебмин или 2,5 фунта рыбьего жира по 4 копейки, поскольку свечное сало не даёт долгого света. Фитили изготовили из трутовика, который не так быстро превращается в уголь, как фитиль из хлопка.

Вечером я привёл в порядок, до сегодняшней даты, хозяйственный черновик.

Денщики Михайла и Данила доделали из досок старого дощаника новый ящик для трофеев.

Андре подал мне к столу варёную говядину с неснятой пеной, от этого я почувствовал такую тошноту, что дошло бы почти до озноба, если бы я не принял лекарства.

20 ноября 1725 г.

Я потребовал [...] писаря Лисицкого (см. 10-е число) подготовить мне записку в здешнюю приказную избу, чтобы мне из Самаровского дистрикта доставляли все курьёзные древние вещи, как то: медные или оловянные шайтаны и идолы, каменные божки, дичь и птицу — и через приказ вместе с приложением оценки прикладывали бы и расписку в получении, как это предусмотрено *под данным* в документе № 294.

В 2 часа пополудни набросок записки к документу № 294 был готов. В 4 часа все было переписано начисто, подано мне на подпись и тотчас же направлено переписчику Алексею Кудрявцеву для подготовки копии с оригинала документа № 294.

В 6 час. вечера оригинал после сверки с копией передан моим слугой Петером Кратцем лично в руки комиссару Афанасию Кузьмичу Козловскому, и я получил устный ответ, что резолюция на это наложена.

К ночи я закончил *ручной Юлианский календарь ежедневных путевых заметок ближайшего наступающего 1726 года до таблиц склонений солнца* и сэкономил <для себя> другое время (см. 22-е число).

21 ноября 1725 г.

Во второй половине дня подьячий Александр Лисицкий (см. 10-е число) сказал мне, что ему предстоит поездка в Монастырское по вопросу ясака, и я немедленно написал и приложил записку в Тобольскую губернскую канцелярию по поводу прогонных денег от Самарова до Тобольска, которую, как документ № 295, в этот же вечер подготовил переписчик Алексей Кудрявцев.

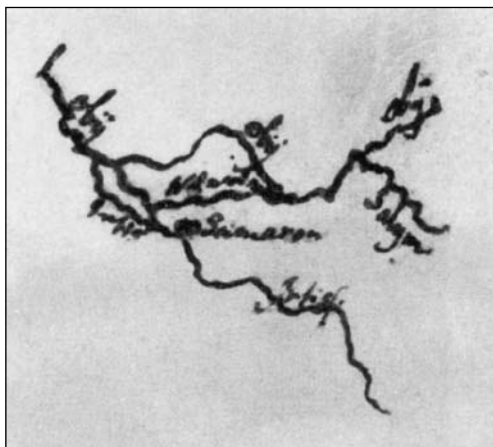

Abb. 59. Устье Иртыша и Обь (рисунок из дневника от 21 ноября 1725 г.)

Вечером, без четверти семь, ко мне пришёл господин лейтенант Рудольфи, и я угостил его чашечкой чая и табаком, больше я ему ничего не мог предложить. Он дал мне прекрасное пояснение <гидрографической> ситуации этого места, которую я здесь зафиксировал [ил. 59].

Если бы он не впал сегодня вечером в настроение, то не сообщил бы мне такую странную новость, что приезжающие в эти места торговцы привезли с собой много ревеня, купив его у китайских монголов в Урге. Поскольку это была контрабанда, за которую они должны были бы заплатить большую пошлину, то торговцы солгали, что собственноручно накопили его в степи. Монголы и тангуты [тибетцы], знающие ситуацию очень хорошо, посмеялись бы над желанием искать ревень в Даурии.

В полдень я в первый раз отметил здесь *повышенный полюс*, *полуденная высота солнца* составляла $7^{\circ}4'$, *магнитное отклонение*, как и всегда, *меньше часовой минуты* к западу, *склонение солнца*, согласно скорректированным таблицам Лохманна, $21^{\circ}58'$ и, следовательно, *широта места впадения Самарки в Иртыш* $60^{\circ}58'$, которые я ему <Рудольфи> и показал. Он согласился, что такое вполне может быть, хотя господин лейтенант Маттерн, шведский инженер, имел только $60^{\circ}35'$ по широте этих мест.

Он также показал мне несколько *полупрозрачных камней разного цвета* и среди прочих даже *покрытые зелёной коркой*, которые нашёл в песке на берегу Иртыша (подобные я часто собирал *** сентября 1724 г.).

Без четверти 11 вечера он попрощался.

22 ноября 1725 г.

В 9 час. утра позвали подьячего Александра Лисицкого написать записку, она стала документом № 296, с просьбой прислать мне из Самаровской приказной избы русского переписчика Алексея Кудрявцева для написания копий протоколов с № 244 по 295 *et sequentes inklusive*. В комиссариат Афанасия Кузьмича Козловского её послали около полудня.

Лейтенант Рудольфи прислал мне 3 пшеничных хлеба и 7 калачей, которые принёс его слуга, и я передал через него мою благодарность.

Во второй половине дня, без четверти три, был у меня подьячий Лисицкий и вручил мне, наконец, свою письменную жалобу о насилии моего денщика Михайлы Манилова сына Бахметьева (см. 20-е и 15-е числа), после прочтения которой переписчиком Алексеем Кудрявцевым она была оформлена как документ № 297. Выслушав обвиняемого, а также свидетеля, старосту Ивана Поромова, я пообещал жалобщику удовлетворение.

Кроме прочего, до самой ночи я работал над *ежедневными путевыми заметками по Юлианскому календарю на 1726 г.* и другими делами.

Мой слуга Петр Кратц обзавелся у старосты Ивана Поромова парой лыж или снегоступов, чтобы можно было на следующий день пойти пострелять.

Денщики работали над новым ящиком для хранения трофеев (см. 20-е число), для чего я выдал им телячью кожу или сырую юфть из моих собственных средств, чтобы сшивать стыки ремнями.

23 ноября 1725 г.

В 9 час. утра я послал одного из моих амбарных сторожей за старостой Иваном Поромовым (см. 22-е число), чтобы выслушать его и подтвердить всё, что указано в жалобе (документ № 297).

В час дня я позвал жалобщика Александра Лисицкого и свидетеля Ивана Поромова, а также господина лейтенанта Рудольфи помочь мне с русским языком (так как мои слуги *союзно* друг с другом связаны, и мне для освещения дела только их объяснений было бы недостаточно). Денщика допросили в их присутствии, и я приказал, согласно установленному порядку, наказать его за чрезмерно дерзкое безответственное поведение батогами, чтобы истец получил удовлетворение.

После того, как это было сделано, я попросил подъячего Лисицкого за хорошую оплату привезти мне из его запланированной поездки всяческую остяцкую одежду, меха и утварь, чтобы иметь в моём собственном собрании эти лапландские вещицы, на что он охотно согласился.

Господин лейтенант Рудольфи оставался у меня до 5 час. вечера, он хотел посмотреть моё стрелковое оружие <Schützentohr> и другие вещи, после чего он, наконец, попрощался.

В 7 час. вечера я спросил у моих слуг и узнал, что денщик Михаила вскоре после наказания ушёл из квартиры, остальные, впрочем, оставались дома. Один из амбарных сторожей, Иван Суханов (см. 18-е число), должен был охранять в тот вечер (6 час.), однако отсутствовал вовсе, и пришёл на квартиру не раньше полуночи с шумом, громкими криками, совершенно пьяный; следовательно, амбары охранялись бы очень плохо, если бы его не заменил другой. Денщика всю ночь не было дома.

Со всеми этими помехами, выступлениями моей прислуги проработал я над выписками из суммарных документов от № 228 до № 246 включительно до самой ночи.

Перевод с нем.: Ю.И. Кизнер (г. Мюнхен).

Перевод с лат.: С.О. Горяев, Т.Н. Дмитриева (г. Екатеринбург).

Research trip around Siberia. 1720—1727
Part 5: Diary register starting from November 1725
[59. Winter apartment in Samarovsky Yam
(11.11.1725 — 16.02.1726)]

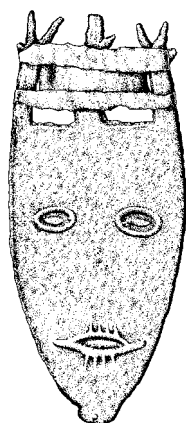
D.G. Messerschmidt

Abstract. The first translation into Russian of the diary entries by D.G. Messerschmidt — the famous German researcher on the Russian state service. They cover a two-week period (11—23.11.1725) from more than a four-month's stay of one of the pioneers of native Siberian studies in the Samarovsky Yam (yam — obsolete name of horseroadside post station) now the city of Khanty-Mansiysk. Uncomplicated lines, imbued with quotidian botheration, show, nonetheless, not only the organizational side of the academic expedition in the 18th century. They are not only interesting in themselves but also exhibit the

inner life of the yam settlement deep in the in the northern taiga & reveal the names of certain Samarovo inhabitants.

Keywords. Daniel Gottlieb Messerschmidt, expedition of 1925, Samarivsky Yam, Northern War, corporal punishment, rhubarb.

Самарово*

Аннотация. Краткий очерк волостного села Самарова Тобольской губернии, опубликованный в томской газете «Сибирская жизнь» в 1904 г. Основным источником при подготовке очерка стала книга Х.М. Лопарева «Самарово. Село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом», опубликованная в 1896 г. Основное внимание уделено организации народного образования в селе.

Ключевые слова. Село Самарово, ямщики, Х.М. Лопарев, В.Т. Земцов, Шеймин, школьное образование в XIX в.

Село Самарово лежит на восточном берегу Иртыша, в 27 верстах от впадения его в Обь; название своё получило по имени остяцкого князя Самара, который тут имел свой городок во времена завоевания Сибири Ермаком. Вначале это была ямская слобода, то есть тут были поселены ямщики, которые были обязаны повинностью возить почту, идущую из Тобольска в Берёзов и обратно. Теперь это самое населённое и самое бойкое село на протяжении между Тобольском и Берёзовом. Местность, на которой село расположено, можно назвать единственную живописною на всём пространстве от Тобольска до Томска. Тоскливые плоские, поросшие бесконечными и однообразными тальниками берега, между которыми протекают Иртыш и Обь, у Самарова превращаются в крутые возвышенности, покрытые хвойным лесом.

В селе считается до 200 дворов; церковь в селе каменная; есть училище, в котором учится до 70 детей [ил. 1]. Жители села земледелием не занимаются; культура хлебов вниз по Иртышу доходит только до села Реполова, в Самарове же успевают только лён и конопля; главный промысел жителей Самарова рыболовство, производимое на «песках», которые они разными неправдами оттягали от исконных их владельцев остяков.

Самым оживлённым периодом в жизни села Самарова было время между эпохами открытия пассажирского пароходства по Оби и про-

* Печ. по: П. Самаров // Сибирская жизнь. — Томск, 1904. — № 14. — С. 3—4.

Ил. 1. С. Самаровское. Кон. XIX — нач. XX вв. *Государственный архив в г. Тобольске*

ведения Сибирской железной дороги, когда всё то, что теперь передвигается по этой дороге — и грузы, и пассажиры, — отправлялось на пароходах по Оби.

В то время Самарово очутилось на большой дороге, и общение его с остальным миром было тогда такое, каким оно никогда не было ни до того периода, ни после. Учёные путешественники, едущие для учёных исследований на сибирский восток, чиновники, отправляющиеся туда же на службу, купцы из Восточной Сибири, едущие на Нижегородскую ярмарку и возвращающиеся с неё, все имели путь через Самарово, все на несколько часов останавливались на самаровской пристани [ил. 2]. Только в начале сибирской истории, в эпоху путешественника Спасского (1675 г.) великий сибирский путь подобным образом пролегал через село Самарово.

Село имеет своего летописца; один из его уроженцев, г. Лопарев, издал книжку «Самарово» (СПб., 1896 г.). Автор партикулярист; свою несомненную любовь к родине он ограничил тесными рамками родного села, не разлив её в любовь ко всей Сибири. Книжка содержит в себе хронику села, документы и личные воспоминания автора. В

Ил. 2. С. Самаровское. Пароходная пристань с постройкой для пассажиров, возведённой В.Т. Земцовым, и поленицами дров для пароходов. По: П. Самарово // Сибирская жизнь. — Томск, 1904. — № 14. — С. 3

ней тщательно перечислены путешественники, которые заезжали в Самарово, и извлечено из их дневников всё, что относится до села; перечень начинается со Спафария и Палласа и доходит до года издания книги; самаровский грамотник узнает из этой книги всё, что об его селе было когда-то сказано Спафарием, Палласом, Кастреном, Поляковым, Финшем, Сомье, Альквистом, Гааге и друг. Самолюбие обитателей Самарова, конечно, удовлетворено этой книгой. «И наше село не лыком шито!» — может сказать самаровский обитатель. — «Вот сколько о нём написано учёными знаменитостями!». Книга вышла бы для самаровцев поучительнее, если б была изложена несколько иначе, если б руководящей идеей было желание изобразить, в чём самаровская жизнь сделала прогресс или, по крайней мере, какие изменения она претерпевала во времени. Летописец села Самарова — человек учёный, он автор многочисленных исследований по русской древней письменности и по византоведению, но в книге о Самарове его общественные вкусы и религиозные понятия нисколько не поднимаются над вкусами и понятиями его односельчан. А что жизнь села изменялась и именно в смысле прогресса, на это есть указания в самой книге г. Лопарева.

В 1839 году из детей обывателей учились грамоте у местных грамотеев всего два мальчика (стр. 53), в конце 60-х годов, когда учился сам г. Лопарев, было уже училище, хотя и с бурсацкими нравами и обрядами. Вот как г. Лопарев описывает эту ветхую по педагогическим приёмам школу.

Училище помещалось возле церкви. Это был маленький домик из двух комнат; в передней стоял огромный ларь с берёзовыми розгами. В другой классной комнате на печке почти постоянно лежал слепой старичок Трофим Яковлевич из ссыльных солдат. Этот человек учил нас азбуке: аз, буки, веди, глаголь..., кончая ижицей, и вообще руководил нашим обучением. Читаешь, бывало, псалтырь и произнесёшь слово неправильно — тотчас с печки слышится наставнический голос Трофима Яковлевича. Если поднимался шум, старик слазил с печки и размахивал палкой, при чём книжки и чернильницы летели на пол. *«Во время урока Закона Божия царила мёртвая тишина. Все должны были собираться до прихода священника, и горе тому, кто опаздывал. Опоздавшего драли за уши и давали плюхи мощною рукою. Так, бывало, двинут тебя, что прямо летишь под стол. Лентяя разлагали у печки, и один или двое, смотря по вине, с двух сторон пороли розгами тут же, на*

Ил. 3. С. Самаровское. Школа рыбных консервов В.Т. Земцова. Государственный архив в г. Тобольске

Ил. 4. «Экспедиция Самаровской рыбной школы В.Т. Земцова в г. Берёзове prepares сосиски в 1897 г. в августе месяце. Фотограф — любитель П.В. Земцов». Государственный архив в г. Тобольске

глазах у всех. Драли за всякую мелочь: сломаешь ли грифель — пороть, разобьёшь ли стекло — драть, не приготовишь уроки — порка, опоздал — заушение, неправильно сложил писчую бумагу, так что фабричное клеймо оказалось внизу, — на колени».

Так было до 70-х годов. В этих годах повеяло новым духом. В Самарово прибыла учительница Марья Александровна Фёдорова, которая учила нас уже не аз, буки, веи, а: а, бе, ве; учила нас не часослову и псалтыри, а «Родному слову» Ушинского, грамматике, заучиванию наизусть стихотворений, письму, арифметике и черчению географических карт. Трофима Яковлевича не стало; о. Нестор стал мягче, розги исчезли из ларя.

Это, конечно, самый светлый эпизод в жизни села Самарова. Женщина, может быть молоденькая девушка, только что кончившая гимназию где-то «там, в глубине России», в самаровской глуши с книжкой Ушинского, этим евангелием русской педагогики, в руках производит реформу в сельской школе, вносит свет в самаровскую среду. Сколько было совершено подобными благородными новатора-

Ил. 5. «Приготовление сосвинской сельди способом ревельской кильки в г. Берёзове в 1897 г. в июле и августе месяцах преподавателем рыбной школы В.Т. Земцова В.Г. Шпером с учениками». *Государственный архив в г. Тобольске*

ми частных маленьких переворотов в многочисленных глухих углах русской земли, переворотов, поднимавших чувство человеческого достоинства в огрубелой сельской среде. Будущий историк просвещения в Сибири с благодарностью к авторам подобных воспоминаний подберёт известия о фактах этого благотворного перерождения старой сибирской народной школы.

Некоторым лицам из поселения Самарова удалось выйти из рамок сельской жизни и сделать даже учёную карьеру. Сын самаровского купца г. Шеймин занимает в настоящее время кафедру полицейского права в Одесском университете; сын самаровского крестьянина г. Лопарев, автор книги о селе Самарове, известен как византист и плодотворный автор статей по истории древнерусской письменности. К ряду выдающихся самаровцев следует присоединить ещё Вас. Троф. Земцова, переселенца из Рязанской губернии, местного общественного деятеля, который оставил по себе в местном населении добрую память как друг просвещения (ил. 3—5).

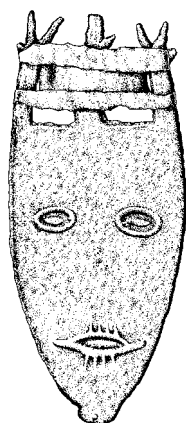
П.

Samarovo

Abstract. A short essay of the volost (an administrative-territorial unit in Russian empire) township of Samarovo of Tobolsk province, published in the Tomsk newspaper «Siberian Life» in 1904. When preparing the essay a book by H.M. Loparev «Samarovo. The township of Tobolsk province and district. The Chronicle, memories and materials about its past», published in 1896, has become the main source. The main attention is paid to the organization of public education in the township.

Keywords. The township of Samarovo, Tobolsk province, coachmen, H.M. Loparev, V.T. Zemtsov, Sheimin, school education in the XIX century.

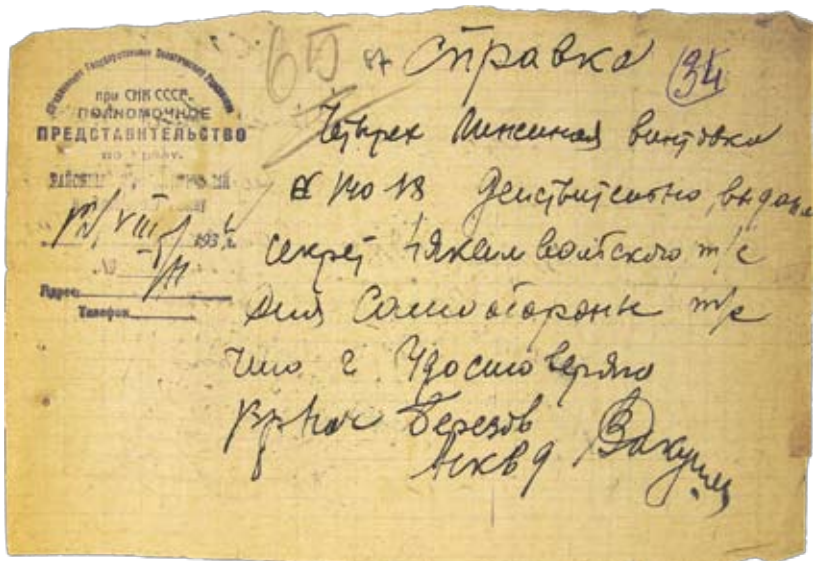
Архивные разыскания

Все виновны — и никто не виновен: трагедия человеческих судеб на волнорезе двух культур в проклятые тридцатые

Аннотация. Четыре ранее не публиковавшихся архивных документа из государственных, муниципального и частного архивов показывают напряжённые общественные (в том числе и межнациональные) отношения на территории современного ХМАО — Югры в 1930-х гг., когда агрессивно насаждаемая социалистическая модель общественного устройства, разрушение традиционной культуры и уничтожение культурного наследия вызывали противодействие со стороны и обско-угорского, и русского старожильского населения.

Ключевые слова. Берёзовский район, Нижневартовский район, село Няксимволь, село Ларьяк, деревня Усть-Тапсуй, озеро Нум-То, река Вах, река Сосьва, этнография, церковное имущество, приговор суда, ханты Прасины.

Ил. 1. Справка о выдаче винтовки секретарю Няксимвольского туземного совета для самообороны. Архив администрации Берёзовского р-на ХМАО — Югры. Оп. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 34

Справка [о выдаче винтовки
секретарю Няксимвольского туземного совета для самообороны]

[Угловой штамп]
Объединённое
Государственное
Политическое
Управление
при СНК СССР
ПОЛНОМОЧНОЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
по Уралу
РАЙОННЫЙ
[неразборчиво]
по Берёзовскому району
12/VIII 1934 г.
№ б/н
Адрес _____
Телефон _____

12 августа 1934 г.

Четырёх линейная винтовка № 14018 действительно выдана секрет.
Няксимвольского т[уземного] с[овета] для самообороны т[уземного]
с[овета], что и удостоверяю.

Вр. нач. Берёзовского НКВД

[подпись]

Архив администрации Берёзовского района ХМАО — Югры. — Ф. 16. Оп. 1.
Д. 10. Л. 34. *Рукопись. Подлинник.*

Из отчёта секретаря Остяко-Вогульского окружкома
А.Я. Сирсона о событиях на культбазе Нумто

Начато: 1934 г.

Окончено: 1934 г.

Помета: РАССЕКРЕЧЕНО. Акт № 2 от 13.02.04.

...Жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьве Берёзовского
р-на

От Берёзова вверх по реке Сосьве расположены юрты остяков и
далее вверх по реке Ляпино.

Образ жизни ведут полуосёдлый, имея летние и зимние юрты [ил. 2],
есть также большая часть оленеводов, кочующих со своими чумами.
Наибольшее количество кочевников оленеводов по ломбовожскому
тузсовету. Некоторые имеют стада оленей по 100 голов со слов их
самих. Населённые пункты имеют юрт (домов) в большинстве от 10 до

Ил. 2. У озера Нум-То. 1938 г. *Музей природы и человека (г. Ханты-Мансийск)*

30 юрт, за исключением центров тузсоветов Саранпауля и Сыртыньи, первая больше 100 юрт, вторая около 50. В центрах тузсоветов преобладающее большинство зыряне. Юрты зимние имеют вид постройки, похожей на дом, юрты, не имеющие окон и полов, по Сосьве и Ляпино не встречаются. Характерно бросаются в глаза шикарные олени изделия верхней одежды, в особенности у женщин и девиц. Мужчины и женщины носят косы с навитыми шкурами почти до самого пола. У девиц и молодых женщин косы разукрашены всевозможными кольцами из железа и меди. Обувь почти у всех это кисты, тобоки, одежда — малицы короткие и длинные, все разукрашены и отделаны цветными сукнами, а у женщин разными причудливыми рисунками из разных цветов шкур и отделка набором бисера стеклянного разных цветов.

Внутри юрт наблюдается чистота, часто встречаешь хорошо вымытые полы, а изредка даже окрашенные на один ряд краской. По юртам есть умывальники, правда, в своём большинстве примитивные, вместо полотенца в большинстве употребляется тонкая сосновая стружка для вытирания рук и лица.

Наблюдается большой спрос на умывальники и полотенца, которых по торговым организациям почти нет.

В каждой юрте в углу сделан к крышке настил, на котором стоит ящик, который называется «шайтаном», куда кладутся ценные добываемые шкурки и шкурки, имеющие случайную разноцветную окраску. Иногда они берут несколько шкурок для сдачи, но считают, что берут взаимнообразно, и перед тем, как взять, долго молятся перед этим шайтаном. Лучшим подарком для шайтана это считается шкурка рассомахи и, несмотря на изобилие этого зверя, сдается заготовителям очень мало. В своём большинстве оседает по шайтанам. Остяки страшно не любят, когда русские, бывая в юртах, рассматривают эти ящики даже издали, также не любят, когда в юрте разговаривают про их шайтана, по их закону этого делать нельзя. В юртах Анеевых Сартыннинского с/с при разговоре с одним активистом бедняком выяснилось, что если он возьмёт хоть одну шкурку из шайтана без согласия на это жены и др. взрослых членов семьи, то за это они могут его убить, и это у них не считается преступлением.

При разговоре в юртах Межи Саранпаульского тузсовета с девицами последние говорят, что раньше им говорили, что русские это враги туземцев, и с ними нельзя говорить, но сейчас они считают, что все люди одинаковы, что русские, что остяки, самоеды и туземцы.

По всей реке Сосьве страшно ещё развиты пляски около убитого медведя, не проходит ни одного случая при добыче медведя, чтобы остяки не съезжались с окружающих юрт для производства пляски и поедания этого мяса. В период пляски у медведя вынимаются все зубы, и по одному зубу даётся остякам, и почти у каждого остяка по Сосьве наблюдается повешенный зуб на цепочке и привязанный к поясу на спине, это они считают, что при наличии этого зуба никогда не будет болеть и уставать спина.

Сосьвинские остяки страшно самостоятельны: если он что сказал или пообещал, то обязательно выполнит, и страшно не любят, если русские что обещают и не выполняют, даже самые мелочи; тот, кто им пообещал и не сделал, теряет навсегда их авторитет. Зыряне, живущие в некоторых юртах с ними, частенько их надувают. В юртах Тим-Кьясуй наблюдаются такие случаи: сами остяки, вернее их жены, не умеют выпекать хлеб; зыряне берут у них муку, пекут им хлеб и отдают им печёным хлебом по количеству взятой у них муки, а бывают даже такие случаи — за мешок муки дают им мешок сухарей да ещё за выпечку с них [берут] плату белками. Правда, этот вопрос я крепко

ставлю в райсоюзе об изжитии этого момента и организации выпечки хлеба кооперативами с выдачей полностью всего припёка за плату, покрывающую расход кооператива по организации этого дела.

В юртах Нильдино (Сартыньинского тузсовета) наблюдается вот такой обычай: женщины во время родов были изолированы в отдельный чум, и после пробывтия там двух месяцев её вводили в юрту к мужу; шагах в пяти перед входом бросается до красна накалённый топор, и она держит ребёнка на руках, проходит через него три раза. При самом входе ставится два котла, в которых разводятся огни, в этот огонь бросают части мелких тряпок, и она, держа ребёнка в руках, перепрыгивает через котлы с горящим огнём, после чего входит в юрту — считается, что она очистилась от злого духа, и сразу же всех присутствующих угощает сваренным мясом и подают чай. В юртах Шом наблюдался такой случай: у одного остяка все детишки заболели корью, и благодаря того, что их застудили, двое из них умерло, так эту юрту бросили совсем, и никто в ней не живёт, и считали её не нравящуюся ихнему богу.

В Саранпаульском сельсовете 27 марта мною производилась приёмка пушнины, найденная участковым инспектором в шайтане в количестве 4-х мешков; примерно по стандартным ценам всей пушнины на 7000 руб., но благодаря того, что эта пушнина лежала от 2-х и до 10 лет, то большинство её погибло, и принято по стандартным ценам на 615 руб. Характерно, что к мордочкам каждой шкурки привязан уголком кусок шёлкового материала с величину носового платка, в противоположном углу каждого куска материала завязаны деньги — в своём большинстве серебряные монеты времён царя, есть советские монеты, есть николаевские достоинством в 10—25 и бумажные и есть кредитки колчаковские, но обязательно в каждой тряпочке какая-нибудь монета или бумажная кредитка.

Основные занятия Сосьвинских и Ляпинских остяков это пушной промысел и рыбная ловля, на охоту они уходят в большинстве на оленях на склоны Урала, добывают в основном белку. Рыбой занимаются слабее и ловят её только весной, т. е. в тот период, когда этот лов не требует большой затраты физического труда. Зимой рыбным промыслом почти совсем не занимаются, [...] это связано с затратой физического труда.

При проведении бесед с туземцами по заготовкам всё время на-
такивались на разговор о казымских событиях; беднота и активисты возмущаются этим и недовольным тем, что их [участников восстания]

увезли куда-то и не кончили на месте [ил. 3]; шаманство и кулачество притихло и стало приторно любезным и услужливым, но невольно чувствуется, что маскирует себя наружно.

В юртах Бедкаш Сартыннинского тузсовета один пошёл к члену тузсовета для получения подводы, то последний подумал, что я совсем не знаю по-туземному, а я кое-что знаю, выразил так: «Жаль, что на Казыме дело плохо вышло».

В Ломбовожском тузсовете по-моему дело неблагоприятно с самим председателем тузсовета ТАРАТИН.

Когда в Саранпауле проходил съезд кооператива, то он был делегатом, выступая в прениях, приторно юлил, что он за советские мероприятия; когда стали проводить выборы и партгруппы предложили в члены правления туземца ЛОНШАКОВА, который до 1921 г. занимался шаманством, но по приходу советской власти бросил всё и всё время был коммунистом и комиссией по чистке проверен. Несмотря на все эти объяснения, все же ТАРАТОВ выступил в последний раз перед голосованием его кандидатуры и с пафосом сказал: «Учтите,

Ил. 3. Опергруппа ОГПУ, проводившая карательную операцию в тундре. Март 1934 г. По: Ерныхова О.Д. *Казымский мятеж (Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.)* – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – Фото 4

товарищи, до чего нас довели шаманы в Казыме, и мы их хотим выбрать в члены правления кооператива». Ланшаков же лучший охотник и рыбак с 1923 г. по выполнению планов пушнины и рыбы.

На первый взгляд кажется, что оно так и должно бы быть, что надо гнать шаманов, но, когда разговорившись с бедняками, так они говорят, что ТАРАТОВ имеет связь с шаманами и кулачеством, и что последние ненавидят ЛАНШАКОВА за то, что он бросил шаманство и стал активно работать в кооперативе.

В момент казымских событий этот ТАРАТОВ тоже вёл себя под шаманскую и кулацкую песенку, некоторые районные работники говорят, что он растерялся в то время.

Но проезжая через Ломбовож... и здесь три дня танцевали около медведя, где принимал участие и ТАРАТОВ, ходил по гостям и по заявлению туземцев было проведено секретное сообщение шаманов и кулаков, на котором решили послать ТАРАТОВА в Берёзов и узнать подробно, как обстоит дело с Казымом, и правда ли, что всё кончено. При проверке оказалось, что действительно Таратов на второй день взял у одного кулака оленей и поехал в Берёзов и сказал секретарю, что он едет в Берёзов по своим делам.

Возможно, что мои эти наблюдения и ошибочны, но мне кажется по своим наблюдениям, что как бы этот ТАРАТОВ не оказался вроде казымского пред. тузсовета; считаю, что его надо крепко проверить, ибо многие туземцы говорят, что ТАРАТОВ всегда громит шаманов и кулаков в глазах работников района и других, а как никого нет, так он всё время шушукается с кулаками и шаманами.

7 марта 1934 года.

ГБУТО «Гос. архив социально-политической истории Тюменской обл.» — Ф. 107 (Ханты-Мансийский окружком ВКП(б), Ханты-Мансийский окружком КПСС). Оп. 1. Д. 199 (Информация окружкома ВКП(б) об экономическом состоянии округа, искажении национальной политики работниками Казымской культбазы на озере Нум-то. 1934 г.). Л. 27—29. *Оригинал. Машинопись.*

[Протокол № ...
общего собрания туземцев юрт Усть-Тапсуя о хозяйственных
делах и против расселения на территории Няксимвольского
тузсовета «печорцев» Собяниных]

16 июля 1935 г.

Присутствуют 24 человека.

Председатель Чеков Ефим.

Секретарь: Кокорин.

1. Слушали: О подготовке к ловле селёдки. Говорил Анемгуров В.Е.

1. Постановили: Не откладывая далее, необходимо вменить в обязанность каждого члена артели очистить пески и приготовить 4 невода, т. к. тепло, и обсыхание воды настало именно сейчас.

2. Слушали: Сообщение Анемгурова В.Е. о сенокосной кампании.

2. Постановили: В виду важности этой кампании для живот[новод]ства, начать сенокос сейчас и закончить его не позднее месяца.

3. Слушали: О заброске груза Омпушнины, оставленного катером «Берёзовец», в Нильдино.

3. Постановили: Организовать за грузом четыре каюка. Выделить людей: на большой каюк Госторга — Чеков Еф., Анемгуров С.М. На лодку Вас. Анемгуров[а] — Анемгуров Афанас. с двумя сыновьями и Чеков Григорий. В каюк Елесина — Анемгуров[ы] Семён и Михаил, Сойп Пётр. Четвёртый предложить Попову найти.

4. О прибытии новых людей из-за Урала в русский посёлок Нерахи.

4. Постановили: В виду того, что с той стороны Урала печорцы ежегодно приходят в пределы Някс[имвольского] т[уземного] с[овета] и этим стесняют туземцев в охотугодьях, просить тузсовет не принимать на нашу территорию (в посёлок Нерахи) вновь прибывших Собяниных, а направить их в распоряжение РИКа. Тем более, люди без документов и неизвестного поведения. Против расселения Собяниных в Нерахах высказываются единогласно все 24 человека участников собрания. Просить Кокорина спросить самих нераховцев и взять подписи на этом же протоколе от тех, кто согласен с нашим решением.

Председатель

Секретарь

Кокорин

Участники собрания согласны с постановлением о недопущении в Нерахи вновь приезжих

1. Анемгуров В.Е. [подпись]
 2. Анемгуров У.В.
 3. Анемгуров В.У. [тамга]
 4. Анемгуров Семён
 5. Анемгуров Афанас [тамга]
 6. Анемгуров Александр [тамга]
- [Окончание документа утрачено]

Архив администрации Берёзовского района ХМАО — Югры. — Ф. 16. Оп. 1.
Д. 2. Л. 6—6 (об.). Рукопись. Подлинник.

**Опись церковного имущества
при селе Няксимволь Берёзовского района**

[Без даты]

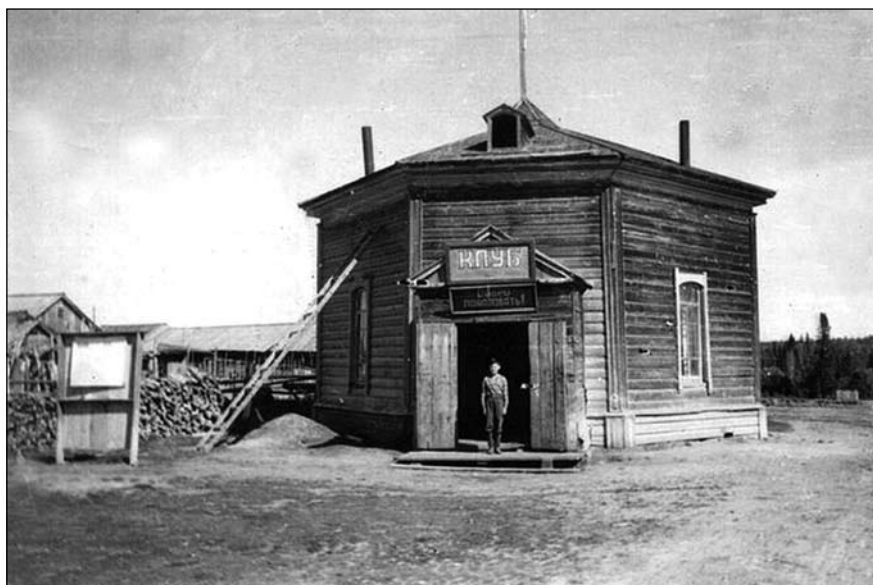
№	Наименование предметов	Кол.	Вес		Сумма			
			Ср	3				
1	Храм деревянный 2-х глав., построен в 1892 году [ил. 4]	1						
2-6	Колокола медные 2 п 4 ф 1 п 26 ф 32 1/8 ф 23 3/8 ф 16 ф	5 шт.	5 п. ²¹	60	50	—		
Внутреннее украшение								
7	Иконостас крашенный, красного цвета, 2-х колоннах и резьбой; были позолочены на не [неразборчиво] которые больше половины резьба отпала	1			35			
8	По правую сторону Царских врат икона Спасителя на доске без ризы, писана масляными красками	1			5	—		
9	Храмовая икона Св. и Чудотв. Николая	1			3	—		
10	Пред иконой висит лампада с медной цепью под серебром	1	1	—	2	—		
11	По левую сторону врат икона Облатской Бож. Мат. б/риз	1			5	—		
12	Северной двери икона Св. Велик. Пантелеймона	1			3	—		
13	[неразборчиво] ставе иконостаса над царскими вратами икона Тайной вечери	1			2	50		
14	По правую сторону окон икона Святого Иоанн-кентия	1			2	50		
15	Икона Св. Архистратига	1			2	50		
16	По левую сторону икона Тайной вечери, икона Св. Стефана	1			2	50		
17	Икона Св. кн. Ал-ндра Невск	1			2	50		
18	Икона в Царских вратах 4 Евангелиста в средине оных икона Бож. Мат. и св. Архангела Гавриила	6			6	—		

19	по сторонам Царских врат на колонне маленькие иконы Спасит. и Божьей Матери в мед. риз.	2			—	50		
20	Над Царскими вратами голубь деревянный	1			—	20		
21	За левым крылысом икона Иверской Бог. Мат.	1			5	—		
22	Хоругви на красном сукне обшиты жёлтой бахромой. На одном изображает Воскресение Христово и св. Николая Чудотворца, на другом Богоявление Господня и Казанской Бож. Матери	2			6	—		
23	За правым клирысом ик. Св. Семёна	1			5	—		
24	Фонарь руконосной из белой жести с крестом наверху	1			1	50		
25	По правую сторону с амвона на аналое икона в киоте по стеклом Двадцатых праздников великих святых передв.	1			2	—		
26	По левую сторону с амвона на аналое икона Казан. Бож. Мат в киоте	1			3	—		
27	За правым клиросом на аналое икона святых на бум. в киоте	1			—	30		
28	За левым клиросе икона Иоанна	1				20		
29	На южной стороне храма икона Св. Иоанна Богослова в медной ризе на доске в простом киоте б/стекла				6	50		
30	За правым клиросе на южной стороне храма икона 1-ый Св. Василия Великого, 2-я Двадцат. праздник. На доске медной ризе б/киота 3-я Св. Серафима Саровского в простом киоте под стеклом, 4-я Рождество Христово на доске без киота, 5-я распятие Иисуса в киоте под стеклом	5		—	2	50		
31	На северной стене храма на левом клиросе иконы 1-я Покров. Пресв. Богород., 2-я Св. мученика Гурия, Амона и Савина*, писана на железе.	2			—	50		
32	За левым клир. икона на стене св. прав. Семёна дерев. доск.	1			1	50		
33	На входной двери храма икона св. Серафима на доске	1			—	50		
34	В крыльце на входной двери икона св. Инокентия б/киота	1			—	10		
35	На крыльце над дверью росп. Иисуса Христа медный	—	—	6	—	20		
36	Над воротами в ограде ик. Св. Николая в киоте под стеклом	1	—	—	—	20		
37	На свечной тумбе икона св. Николай б/киота	1			1	—		
Иконы в Аторе**								
38	На Горной месте икона Спасителя сидящего [неразборчиво], писана масляными красками на железе	1			3	—		
39	Св. крест с изображением распятия Иисуса Христа	1			1	50		
40	Икона св. Николая и праведн. Симеона б/киота	1				20		
41	Образ не рукотворного Спаса Кр.	1			—	10		
42	Икона рукопомаз. Знам. Бож. Мат.	1			1	50		

* Так в подлиннике. Надо: Гурия, Самона и Авия.

** Так в подлиннике. Надо: Алтаре.

Ил. 4. Клуб (бывшая церковь). С. Няксимволь. Нач. 1960-х гг. *Личные архивы П.Ф. Хозяиновой и А.М. Рокиной (д. Няксимволь)*

43	«Спасителя в киоте медн. ризе под стеклом	1			1			
44	«Исуса Христа в тернов. венце в простой рамке	1				20		
45	«руконосн. Казан. Бож. Матери	1			1			
46	Руконосн. крест изображ. расп. на тумбе	1				20		
47	Икона Св. Троицы в простом киоте б/стекла	1				20		
48	Семисвечник медный и лампадка висячая в 7 свеч	2	1	20	15			
49	Футляров медных из-под лампад	3				3		
50	Венцов с накладн. позолоченные из белой жести	2	2		5	–		
51	Св. престол и жертвенник	2			2	–		
52	Св. Евангелие в лист, корешок и корочка малинового цвета	1			25	–		
53	Св. Евангелие в $\frac{1}{4}$ листа в металлической обложке	1			5	–		
54	То же в бархатном переплётё	1			3	–		
55	Потир, Дискос, Звезда серебряный позолочен	3	1	–	35	–		
56	Потир, дискос, звезда, лжица мехеоровый	4	3		15	–		
57	Копьё стальное с кост. ручкой	1			–	50		
58	Ковшик д/теплоты 1. Тарелоч. медные 4.	5			72	3	50	
59	[неразборчиво] блюдечко медное	1			24		50	
60	Блюда для просфор медные	1	1		78	1		
61	То же сборное металлическое	1	2		48	3	50	
62	Крест на престоле медн. вып.	1	1			10	–	
63	Дарохранительница и ковчег серебр. позолочены	2	1	24	45	–		
Одежда на престоле								
64	Белой парчи, жёлтой парчи новый, старый розовый сюрт. пасхальный	4			15	–		
65	На жертвеннике жёлтой парчи новый и старый розовый сюрт.	3			8	–		
66	Срочища на престоле 2 и на жертвеннике 2	4			2	–		
67	Плащаница малинового цвета бархатом шита	1				50	–	
68	Напрестольная атласная голубого цвета	1			1	–		
69	Воздухи парчовые [неразборчиво] шитые мишурой и обшиты бахромой 4 и простых 2	6			25	–		
70	Покровы парчовые 7 шт. и прост. 4 шт.	11			20	–		
71	Платков шелковых д/сосудов разн.	6			6	–		
Аналойная одежда								
72	Простой парчи 2. Гарусных 2. Ситцевых 1.	5			6	–		
73	Пелена на престол красного цвета с мишурными цветами, такая же на жертвеннике	2			6	–		
74	Одежда на столе паникадильном жёлтой парчи 1 и простой парчи 1. Пелена красн. цвета 1. Платок шёлковый 1. Клёнка старая	5			12	–		

* Так в подлиннике. Надо: мельхиоровые.

Все виновны — и никто не виновен:

75	Две пелены аналойные парчовые. 1 из них шита гарусом, 2[-я] пелена из зелёной сюрт. 1 старая	5			5		
76	Две голубых, 4 чёрных, 4 парчовых, 2 розовых, 2 ситцевых, 1 голубая, 1 бордовая, 1 парчовая	17			25		
77	Риза белой парчи, при ней подрясник голубой сюрт. Епатрахил, набердник* пояс	7			25		
78	То же старая, при ней епатрихил набердник пояс и поручни ветхие	6			5		
79	Риза новая из жёлтой парчи, при ней епатрихиль, набердник, пояс, поручи	6			18		
80	То же из жёлтой парчи, епатрихил, пояс, поручи ветхие	5			3		
81	Риза требная, епатрихил пояс, поручи из чёрной материи старый	5			8		
82	Риза, епатрихил гарусный ветхий	2			1		
83	Шалей разных шёлковых 5, полушёлковых суконных 1 и 2 платка	8			25		
84	Завесов для царских врат	2			10		
85	Покров для покойников [неразборчиво]	1			2	5	
86	То же чёрный д/плащаницы 1 и шаль	2			13		
87	Шал гарусная 1, скатерть белая 1 Шал шерстяной материи 1	3			3		
88	Покров для парчи 9 арш. 1 шт. полотенцев 4	5			20		
89	Подризников гарусн. 2 полушёлковых	5			1...		
90	Односвечник лит. 2 трикирный для пасхальных свечей	3	4 ф		5	—	
91	У местных икон 17 свечей мед.	3	3 п		24	—	
92	У налоев 13 св.	5	2 п	20 ф	15	-	
93	Руконосный 4 свеч.	2	—	30 ф	6	—	
94	Паникадило медн. 9 свеч	1		30 ф	10	—	
95	Накладных свечей жел. кр	4			1		
96	Кропил 1, лампадка висячая	2	1 ф	48 з.	2	50	
97	Лампадок разных	10			1	50	
98	Чаша для освещения* воды медный луженый	1			1	50	
99	Благодатная 3 св. и 2 стаканчика 1 чаша для елея и вино и для пшеницы	1		10 ф	3	—	
100	Панихидница из белой жести	1		2 ф	1	—	
101	Купел для крещения младен. медный луженый	1	20 ф		6	—	
102	Ковёр чёрный шерстяной алыми цветами длины 4 ¾, ширины 2 ¾ арш.	1			12	—	
103	То же чёрный, длина 3 ¾, ширина 2 арш.	1			5	—	
104	То же, длина 2 ½, ширина 1 ½ арш.	1			3	—	
105	Ковёр дорожка старая	2			8	—	
Аналои и тумбы							
106	2 аналоя оттянутые холстом и крашенное в маслян. краске 3 шт. простой работы						

* Так в подлиннике. Надо: епатрахиль, набедренник. Далее эти ошибки повторяются.

** Так в подлиннике. Надо: освящения.

109	Тумба д/богослужбных книг 1, тумба с ящиками д/риз 1, для свеч с ящиками в одной краски окрашены 1, шкаф не окрашен	4		30	—		
110	1 стул простой работы, 1 табуретка простая	2		2	50		
111	Железные кресты литые	2		30	—		
112	Рукомойка эмалирован. 1, тарелка эмалированная	2		2	—		
113	Медный чайник 1 ½ ф 4 [неразборчиво] Тазик медный 2 ½ ф 2 [неразборчиво]	2	3 ф	6	—		
114	Кадило металлическое	1	1 ф	—	1	50	

Председ. Церковного совета [подпись] Ворошилов
 Члены [подпись] В. Канев
 Представитель от гр-н [подпись] Козлов
 В присутствии пред. с/сов [подпись] Попов
 От милиционера [подпись] Шубин
 С подлинным верно
 секретарь с/с [подпись] М. Рогилев

ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Оп. 434. Оп. 1. Д. 166в. Л. 5—7 (об.). *Рукопись. Подлинник.*

[Приговор окружного суда Ханты-Мансийского национального округа Омской обл. в с. Ларьяке от 7—15 января 1941 г.]

Отметка об исполнении приговора. копия [ил. 5]

П Р И Г О В О Р

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

7—15 января 1941 года Окружной суд Ханты-Мансийского округа, Омской области в с. Ларьяк

в составе: председательствующего зам. пред. суда Лесникова, народных заседателей Зубова и Вергуновой, с участием пом. прокурора окр. прокурора Кайгародова и защиты в лице адвоката Киреенко, при секретариате Драмерецким,

рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению Прасина Константина Ивановича — 38 лет, уроженец юрт Эмтор Б[ольше]-Ларьякского сельсовета Ларьякского района Омской области,

КОПИЯ

Отметка об исполнении приговора:

П Р И Г О В О Р

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

7-15 января 1941 года Окружной суд Ханты-Мансийского округа, Омской области в с. Ларьяк, в составе: председательствующего зам. пред. суда Лесникова, народных заседателей Зубова и Вергуновой, с участием н.п.м. прокурора окр. прокурора Кайгародова, и защиты в лице адвоката Киреевко, при секретарях Дреммерецких.

рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению Пресине Константина Ивановича 38 лет, уроженец врт Эмтор Б-Ларьянского сельсовета, Ларьянского района Омской области, из семьи охотника-бедняка по национальности ханты, гр-н СССР, неграмотного, беспартийного, не военнообязанного, не судимого, до ареста проживавшего в Эмтор-Пугол Б-Ларьянского сельского Совета, Ларьянского района, по специальности охотник-рыбак, состоящего членом рыбобертели "Ударник 2-й пятилетки", работавшего председателем артели, женатого, имеющего семью: жену, мать и дочь 5 лет, имеющего дом, амбар, 3 оленя, невод, содержащегося под стражей с 3/IV-1939 года.

Обвиняется по ст. 58 - 8 - II УК РСФСР.

2. ПРАСИНОЙ Евкстерины Тимофеевны 26 лет, уроженка врт Олений Бор, Ларьянского с/совета, Ларьянского района, Омской области, из семьи охотника-бедняка, по национальности ханты, гражданка СССР, неграмотной, беспартийной, ранее несудимой, ранее со слов не судимого в Эмтор Пугол, замужняя, является женой подсудимого Пресине Константина Ивановича, и ведущая с ним совместное хозяйство, домохозяйка, содержится под стражей с 8/IV-1940 г., обвиняется по ст. 58-8-II УК РСФСР.

3. ПРАСИНА Ефима Антоновича, 50 лет, уроженца врт Эмтор Пугол Б-Ларьянского с/совета, Ларьянского района, Омской области по происхождению из семьи охотника, средняка, по национальности ханты, гр-на СССР, неграмотного, беспартийного, ранее со слов не судимого до ареста проживавшего в Эмтор Пугол, Б-Ларьянского с/с Ларьянского района, Омской области, состоящего членом рыбобертели "Ударник 2-й пятилетки", рядовым, по специальности охотник-рыбак, женатого, имеющего семью: жена, сын и дочь все трудоспособные, имеющего хозяйство: 3 оленя, невод, 10 сетей и дом совместно с др., занимающегося пашенством среди хантского населения, содержащегося под стражей с 13/IV-40 г. Обвиняется по ст. 17-58-8-УК РСФСР.

4. ПРАСИНА Иван Ефимовича - 17 лет, уроженца Эмтор Пугол, Б-Ларьянского с/с, Ларьянского района Омской области, по происхождению из семьи охотника средняка, по национальности ханты, гр-н СССР, неграмотного, беспартийного, несудимого, до ареста проживавшего в Эмтор-Пугол Б-Ларьянского с/совета, Ларьянского района, Омской области, по специальности охотник-рыбак, холост, проживавшего в семье отца ПРАСИНА Ефима Антоновича, привлеченного по настоящему содержащегося под стражей с 13/IV-1940 г. Обвиняется по ст. 17-58-8 УК РСФСР.

Ил. 5. Приговор окружного суда Ханты-Мансийского национального округа Омской обл. в с. Ларьяке от 7-15 января 1941 г. Личный архив Я.А. Яковлева. Машинопись. Копия с копии. Л. 1.

из семьи охотника-бедняка, по национальности хантэ, гр-н СССР, неграмотного, беспартийного, не военнообязанного, не судимого, до ареста проживающего в Эмтэр-Пугол Б[ольше]-Ларьякского сельского Совета Ларьякского района, по специальности охотника-рыбака, состоящего членом рыбоартели «Ударник 2-й пятилетка», работавшего председателем артели, женатого, имеющего семью; жену, мать дочь 5 лет, имеющего дом, амбар, 3 оленя, невод, содержащегося под стражей с 3/IV-1939 года. Обвиняется по ст. 58—8—II УК РСФСР.

2. ПРАСИНОЙ Екатерины Тимофеевны — 26 лет, уроженка юрт Олений Бор Ларьякского с/совета Ларьякского района Омской области, из семьи охотника-бедняка, по национальности ханты, гражданка СССР, неграмотной, беспартийной, ранее не судимой, проживающей до ареста в Эмтор-Пугол, замужняя, является женой подсудимого Прасина Константина Ивановича, имеющая с ним совместное хозяйство, домохозяйка, содержится под стражей с 8/IV-1940 г. Обвиняется по ст. 58—8—II УК РСФСР.

3. ПРАСИНА Ефима Антоновича — 50 лет, уроженца юрт Эмтор-Пугол Б[ольше]-Ларьякского с/совета Ларьякского района Омской области, по происхождению из семьи охотника-средняка, по национальности ханты, гр-на СССР, неграмотного, беспартийного, ранее со слов не судимого, до ареста проживающего в Эмтор-Пугол Б[ольше]-Ларьякского с/с Ларьякского района Омской области, состоящего членом рыбоартели «Ударник 2-й пятилетки», рядовым, по специальности охотника-рыбака, женатого, имеющего семью: жена, сын и дочь, все трудоспособные, имеющего хозяйство: 3 оленя, невод, 10 сетей и дом совместно с др., занимавшегося шаманством среди хантэйского населения, содержащегося под стражей с 13/IV-40 г. Обвиняется по ст. 17—58—8 УК РСФСР.

4. ПРАСИНА Ивана Ефимовича — 17 лет, уроженца Эмтор-Пугол Б[ольше]-Ларьякского с/с Ларьякского района Омской области, по происхождению из семьи охотника-средняка, по национальности хантэ, гр-н СССР, неграмотного, беспартийного, не судимого, до ареста проживающего в Эмтор-Пугол Б[ольше]-Ларьякского с/совета Ларьякского района Омской области, по специальности охотника-рыбака, холост, проживающего в семье отца Прасина Ефима Антоновича, привлечённого по настоящему [делу], содержащегося под стражей с 13/IV-1940 г. Обвиняется по ст. 17—58—8 УК РСФСР.

5. ПРАСИНОЙ Дарьи Николаевны — 70 лет, уроженка юрты Лапчинские Ахтиурского с/с Ларьякского района Омской области, по про-

исхождению из семьи охотника, по национальности хантэ, гражданина* СССР, неграмотная, беспартийная, не судимая, до ареста проживающая в Эмтор-Пугол Б[ольше]-Ларьякского с/с Ларьякского района Омской области, замужняя, семьи 1 муж, имеющая хозяйство: дом, амбар, лошадь, невод и сети, содержащаяся под стражей с 13/IV-40 г.

6. ПРАСИНА Ивана Александровича — 71 год, уроженец из Эмтор-Пугол Б[ольше]-Ларьякского с/с Ларьякского района Омской области, по происхождению из семьи охотника-бедняка, по национальности хантэ, гражданина СССР, неграмотного, не судимого, до ареста проживающего в Эмтор-Пугол Б[ольше]-Ларьякского с/с Ларьякского района Омской области, состоящего рядовым членом рыбоартели «Ударник 2-й пятилетки», по специальности охотника-рыбака, вдовый, имеющий хозяйство совместно с сыном: дом, амбар, 1 лошадь, 7 оленей, невод и сети, содержащегося под стражей с 10/IV-40 года.

7. ПРАСИНА Антона Ильича — с 1913 года рождения, уроженца Эмтор-Пугол, Б[ольше]-Ларьякского с/с Ларьякского района Омской области, по происхождению из семьи охотника-бедняка, по национальности хантэ, гражданина СССР, неграмотного, б[ес]п[артийного], несудимого, имеющего привод в органы милиции за хулиганство, до ареста проживающего (с 3/III-1939 года) в Эмтор-Пугол Б[ольше]-Ларьякского с/с Ларьякского района Омской области, состоящего рядовым членом рыбоартели «Ударник 2-й пятилетки», по специальности рыбака-охотника, женат, семьи — жена ПЕЧИКОВА Александра Ивановна, привлечённая по настоящему делу, мать и сын 9 лет (проживает в интернате), имеет совместное хозяйство с ПРАСИНЫМ Константином Ивановичем, содержащегося под стражей с 13/IV-1940 г.

8. ПРАСИНОЙ Ирины Константиновны — 39 лет, уроженка юрт Чевкино Ларьякского с/с Ларьякского района Омской области, по происхождению из семьи охотника-бедняка, по национальности хантэ, гр-ка СССР, неграмотная, б[ес]п[артийная], не судимая, до ареста проживающая в Эмтор-Пугол, домохозяйка, замужняя, является женой подсудимого ПРАСИНА Ефима Антоновича, проживающая с ним в одной семье и имеющая совместное хозяйство, содержащаяся под стражей по настоящему делу с 13/IV-40 г.

9. ПРАСИНА Афонасия** Алексеевича — 39 лет, уроженце Юрт Ромкино Б[ольше]-Ларьякского района Ларьякского с/с Омской области, по происхождению из семьи охотнике-бедняка, в родстве арестовано

* Так в тексте.

** Так в тексте.

3 брата органами НКВД в 1936 году, по национальности хантэ, гр-на СССР, неграмотного, б[ес]п[артийного], не судимого, до ареста проживающего юрты Ромкино Б[ольше]-Ларьякского с/с Ларьякского района, состоящего членом рыбоартели «Советский рыбак», по специальности охотник-рыбак, холост, одинок, имеющего хозяйство: 1 олень, 1 амбар, 1 невод и 5 сетей, содержащегося под стражей с 28/IV-40 года.

10. ПЕЧИКОВОЙ Александры Ивановны — с 1913 г. рождения, уроженка юрт Васюган Каргасокского района Новосибирской области, по происхождению из семьи бедняков, по национальности хантэ, гр-ка СССР, неграмотная, б[ес]п[артийная], не судимая, проживающая до ареста Эмтор-Пугол Б[ольше]-Ларьякского с/с Ларьякского района Омской области, домохозяйка, замужняя, муж ПРАСИН Антон Ильич, обвиняемый по настоящему делу, есть сын Печиков Фёдор Васильевич — 9 лет, проживающий в интернате школы, содержащегося под стражей по настоящему делу с 13 апреля 1940 года.

11. КАТКАЛЕВА Якова Николаевича — 75 лет, уроженца юрт Кулун-Игол Карликовского с/с Ларьякского района Омской области, по происхождению из семьи охотника-бедняка, по национальности хантэ, гр-на СССР, неграмотного, б[ес]п[артийного], не судимого, до ареста проживающего юрты Кулун-Игол, состоящего членом рыбоартели «Искра», вдов, проживает совместно с сыном, имеющего хозяйство: 4 оленя, 1 невод и 4 сети, содержащегося под стражей с 13/IV-1940 г. Обвиняется по ст. 17—58—8 УК РСФСР.

Рассмотрев материалы предварительного и судебного следствия, окрсуд УСТАНОВИЛ:

В октябре 1938 года Ларьякским отделом народного образования в Б[ольше]-Ларьякский с/с юрты Эмтор была направлена ликвидатор ПЕТУХИНА Мария Семёновна для ликвидации неграмотности среди хантэйского населения. По прибытию в Эмтор-Пугол Петухина Мария Семёновна как член социалистического общества поставила своей задачей привлечь всех жителей Эмтор-Пугол для обучения грамоте, для чего она сама непосредственно ходила в каждую юрту, беседовала индивидуально с каждым неграмотным для того, чтобы привлечь к учёбе и ликвидировать неграмотность.

Т. Петухина как ликвидатор неграмотности, помимо этой своей основной работы, оказывала и практическую помощь в деле выполнения планов рыбо-добычи и пушнины, активно выступала на проводимых собраниях и наводила резкую критику против тех, кто не хотел и противодействовал выполнению государственных планов.

Некоторые жители Эмтор-Пугол, видя в тов. Петухиной М.С. активного члена социалистического общества в деле проведения культурной революции и других гос. мероприятий среди хантэйского населения, и чтобы изгнать её, стали всячески ей противодействовать в деле проведения ликвидации неграмотности, не посещали учёбу, всячески оскорбляли, пытались избивать, выбрасывали столы, на которых тов. Петухина М.С. занималась с неграмотными, но тов. Петухина мужественно всё это переносила и продолжала свою почётную, порученную работу — ликвидировала неграмотность среди хантэйского населения, несмотря на то, что она почти не получала никакой помощи, которую она хотя и просила.

Тов. Петухина как активист-общественник была принята в Ленинский комсомол и в день 8 марта должна была на торжественном заседании получить комсомольский билет.

Но подлая шайка шаманов, убийц и их приспешников с 6 на 7 марта 1939 года зверски убили тов. Петухину Марию Семёновну путём удушения. Убийство и издевательство над тов. Петухиной было при следующих обстоятельствах:

по приезду ликвидатора Петухиной в Эмтор сразу некоторыми жителями начались над ней издевательства, шаман Прасин Г.С. (ныне умерший) отрывисто высказывался среди хантов о том, что «учиться нам не надо, и ликвидатора надо отсюда гнать» — в этом его поддержала обвиняемая Прасина Екатерина Тимофеевна, которая и на судебном следствии заявила, что «Я над Петухиной издевалась потому, что я русский народ ненавижу, и не хотела, чтобы у меня жила Петухина».

Обвиняемая Прасина Е.Т. неоднократно выбрасывала столы на улицу, на которых занималась Петухина с неграмотными, пыталась избивать Петухину, в феврале 1939 года схватила топор, которым пыталась зарубить т. Петухину, но благодаря того, что Петухина перепрыгнула через койку и убежала в другую юрту, осталась не зарубленной.

В феврале месяце 1939 года обвиняемый ПРАСИН Ефим Антонович в нетрезвом состоянии перевернул стол, на котором занималась Петухина с неграмотными, разбросал книги, выругал её нецензурными словами, а также пытался избить, намахиваясь на неё кулаками, при этом говорил, что «нам учиться не надо».

Прасин К.И. как хозяин дома, зная об издевательствах над Петухиной, потворствовал этому, даже сам неоднократно ругал Петухину.

5 и 6 марта 1939 года в доме обвиняемого ПРАСИНА К.И., где также проживали Прасин Е.А. с женой Ириной Константиновной и сыном Иваном Ефимовичем, Прасин Григорий Васильевич (ныне умерший) с дочерью Еленой и приехавший 3 марта 1939 года в эту же юрту Прасин Антон Ильич с женой Печиковой А.И. и сыном Фёдором, была организована групповая пьянка — кроме проживающих в доме, в пьянке приняли участие Прасин Иван Александрович, Прасин Афон. Алексеевич, Каткалев и другие. Во время пьянки обв[иняемая] Прасина Е.Т. стол, на котором занималась Петухина, выбросила на улицу, говоря, что «и без них тесно», прогоняла Петухину с койки.

6 марта вечером, ещё было светло, как народ, который находился в юрте, уснули, за исключением Прасина К.И., его жены Екатерины Тимофеевны, Прасина Григория Савельевича (ныне умерший) его дочери Елены Григор., Прасина Ефима Антоновича — эти все были в доме — и Прасина Ивана Ефимовича, который был на улице, Прасин Константин и его жена Екатерина поймали Петухину на улице, последняя пошла в Б[ольшой] Ларьяк, чтобы избежать избиения, и стали её избивать. Петухина вырвалась от них и сразу же побежала в Б[ольшой] Ларьяк на расстоянии 12—15 километров. Боясь ответственности, Прасина Екатерина заявила своему мужу Прасину Константину о том, что «я сегодня выбросила стол Петухиной, она сразу же что-то стала писать, сейчас она пошла в с/с и заявит на нас, надо её догнать и убить». Присутствовавший при этом шаман Прасин Григ. сразу же поддержал Екатерину, сразу запрягли оленей и на одной нарте шаман Прасин Г.С., шаман Прасин Е.А. и хозяин Прасин Константин поехали догонять Петухину. Догнав её не доходя Б[ольшого] Ларьяка около трёх километров, поймав её в стороне от дороги на 80—100 метров, все трое зверски убили её путём удушения,

т.е. совершённое преступление Прасиным Константином Ивановичем, Прасиной Екатериной Тимофеевной попадает под признак ст. 58—8—II УК РСФСР, и Прасина Ефима Антоновича — ст. 58—8 УК.

Прасина Ирина Констан. и её сын Прасин Иван Ефимов., зная о всех издевательствах над Петухиной со стороны Прасиной Е.Т., Прасина К.И, Прасина Г.С. и Прасина Е.Л., терпеливо умалчивают и скрывают преступную контрреволюционную деятельность последних; кроме того, Прасин И.Е., будучи трезвым и был на улице, когда Прасины К.И. и Е.Т. избивали Петухину, которую он видел, как она пошла в Б[ольшой] Ларьяк, умалчивает и скрывает организованную погоню за Петухиной, боясь выдать отца и других убийц, т. к. они все

ему являются родственниками, т. е. совершённое деяние Прасиными Ириной Конст. и Иваном Ефим. подпадает под признаки ст. 17—58—8 УК РСФСР.

Прасина Дарья Николаевна, узнав о преступной деятельности, совершённой Прасиными В.И. и Е.Т. в части избиения Петухиной от Прасиной Настасии Егоровны, которая видела, как они избивали Петухину, которая, вырвавшись от них, убежала в Б[ольшой] Ларьяк, при поездке на допросы вместе с Прасиной Н.Е. наказала ей, чтобы она ничего на следствии не говорила, а скрыла от следствия, что Константин и Екатерина избивали Петухину, наказывала, что «говори, что мы живём в другом доме, а поэтому ничего не знаем и не видели», т. е. совершённое ею деяние подпадает под признаки ст. 17—58—8 УК РСФСР.

В отношениях предъявленного обвинения Прасину Ивану Александровичу, Прасину Афонасию Алексеевичу, Прасину Антону Ильичу, Печиковой Александре Ивановне и Каткалеву Якову Николаевичу по ст. 17—58—8 УК РСФСР материалами судебного следствия не подтверждено. Установлено, что они до избиения и ухода Петухиной напились до сильного опьянения и уснули; кроме того, они об издевательствах над Петухиной, которые начались с момента её приезда в Эмтор-Пугол, знать не могли, т. к. они здесь не проживали. Прасин А.И. и Печикова А.И. прибыли в Эмтор-Пугол в ночь с 3 на 4 марта 1939 года, в силу чего они ответственности не подлежат.

Опрошенные в качестве обвин[яемых] Прасин К.И., Прасина Е.Т. в предъявленном им обвинении на следствии виноватыми себя признали.

Прасины Ефим Антонович, Ирина Константиновна, Иван Ефимович и Дарья Николаевна виноватыми себя признали частично.

Совершённый состав преступления Прасиными Константином Ивановичем, Екатериной Тимофеевной, Ефимом Антоновичем, Ириной Константиновной, Иваном Ефимовичем и Дарьей Николаевной полностью подтверждён показаниями свидетелей,

а поэтому в силу изложенного и руководствуясь ст. 319—320 УПК РСФСР

ПРИГОВОРИЛ:

Прасина Константина Ивановича, Прасину Екатерину Тимофеевну, на основании ст.ст. 58—8—II УК РСФСР и ПРАСИНА Ефима Антоновича на основании ст. 58—8 УК РСФСР подвергнуть к высшей мере наказания — РАССТРЕЛУ с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

6.

В силу ст. 29 УК РСФСР предварительное заключение Прасину Ивану Ефимовичу, Прасивой Ирине Константиновне и Прасивой Дарье Николаевне засчитать срок отбывания меры наказания исчислять с 13 апреля 1940 г.

Прасине Иване Александровиче, Прасине Афонсией Алексеевиче Прасине Антоне Ильиче, Печикову Александру Ивановичу и Каткилеву Якову Николаевиче в силу ст. 326 п. 3 "б" УПК РСФСР по суду
о п р а в д а т ь

Судебные издержки по делу взыскать с осужденных Прасина К.И., Прасивой Е.Т., Прасина Е.А., Прасина И.Е., Прасивой И.К. и Прасивой Д.Н. в сумме 1500 рублей в доход республики.

Меру присечения всем осужденным оставить содержания под стражей.

Оправданных для освобождения этапировать в Ханты-Мансийскую тирру.

В силу ст. 469 УПК РСФСР приговор обжалованию не подлежит

Председательствующий - М. Лесников

Нарядседатели 1. Бергунова
2. Зубов

Копия верна: зам. пред. Оксруда - Лесников

Секретарь оксруда - Пузина.

Копия верна

Секретарь И. Яковлева

В. В. Зубов (В. В. Зубов)

Ил. 6. Приговор окружного суда Ханты-Мансийского национального округа Омской обл. в с. Ларьяке от 7—15 января 1941 г. Личный архив Я.А. Яковлева. Машинопись. Копия с копии. Л. 6

ПРАСИНА Ивана Ефимовича подвергнуть мере наказания на основании ст. 17—58—8 УК РСФСР на восемь лет лишения свободы с последующим поражением избирательских прав на два года.

ПРАСИНУ Ирину Константиновну и ПРАСИНУ Дарью Николаевну на основании ст.ст. 17—58—8 УК РСФСР подвергнуть мере наказания на пять лет лишения свободы, с последующим поражением избирательских прав на два года каждую.

В силу ст. 29 УК РСФСР предварительное заключение Прасину Ивану Ефимовичу, Прасиной Ирине Константиновне и Прасиной Дарье Николаевне зачесть срок отбытия меры наказания исчислять с 13 апреля 1940 г.

Прасина Ивана Александровича Прасина Афонасия Алексеевича, Прасина Антона Ильича, Печикову Александру Ивановну и Каткалева Якова Николаевича в силу ст. 326 п. 3 «б» УПК РСФСР по суду
о п р а в д а т ь.

Судебные издержки по делу взыскать с осужденных Прасина К.И., Прасиной Е.Т., Прасина Е.А., Прасина И.Е. Прасиной И.К. и Прасиной Д.Н. в сумме 1500 рублей в доход республики.

Меру пресечения всем осужденным оставить содержания под стражей.

Оправданных для освобождения этапировать в Ханты-Мансийскую тюрьму.

В силу ст. 469 УПК РСФСР приговор обжалованию не подлежит.

Председательствующий
Нарзаседатели

— М. Лесников
1. Вергунова
2. Зубов

Копия верна: зам. пред. Оксуда
Секретарь оксуда

— Лесников
— Пузина

[Рукопись]: Копия верна

Секретарь ГК ВЛКСМ

[подпись] (В. Юзыцкий)

[Печать Колпашевского горкома ВЛКСМ Томской обл.] [ил. 6]

Личный архив Я.А. Яковлева. Л. 1—6. *Машинопись. Копия с копии.*

О Прасиных и культурном наследии

«...Прасины, Каминь, Сигельетовы и Натуськины. Вот те основные фамилии, которые встречаются по Ваху и которые, по некоторым, хотя и слабо сохранившимся характерным моментам родового быта, можно считать остатками прежних родовых единиц, правда, быть может, более мелких частей бывшего когда-то единого рода *Лар-ях*, которому соответствует наиболее крупная единица — фамилия Прасиных, обитающая, главным образом, в Больших Лариакских юртах — *Алле-Ларилах-Пугол*.

В отношении Прасиных должно сказать, что по преданиям они произошли от двух родоначальников и представляют собой два рода — Прасины—Лариакские и Прасины выше по Ваху, начиная от юрт Огорт-юх-пугол (Высокий Лес юрты) или юрты Нижние Ромкины, откуда и Прасины эти называются Прасины—Ромкины...

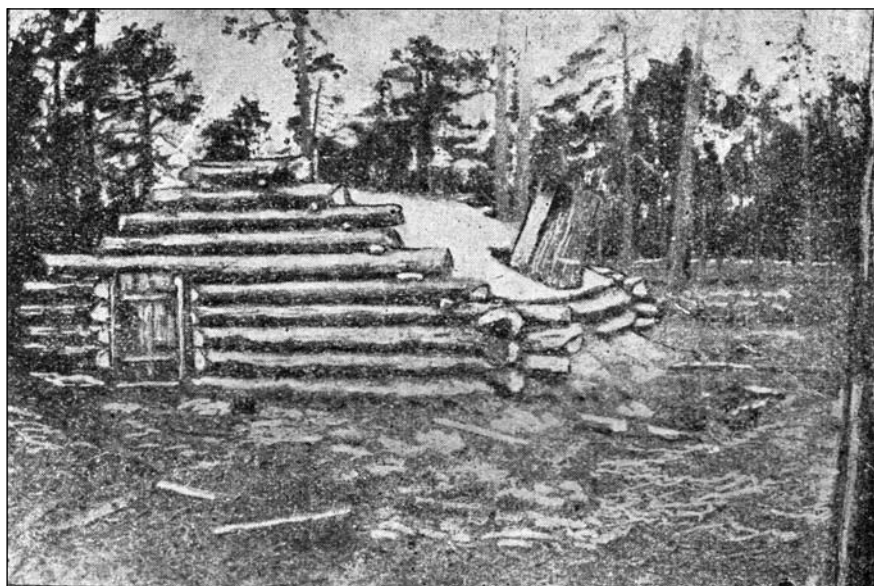
О происхождении этих двух родов имеется небольшое сказание.

«Прасины юрт Большие Лариакские, по этому преданию, произошли от богатыря *Сайяли* (Гоголя), история которого такова. Одна женщина родила сына, которого назвала *Сайяли*, что значит «гоголь». На пятый день после этого она умерла, и ребёнка взяла к себе на воспитание какая-то старуха. Другого сироту-мальчика звали *Кул-Кусяк* (Чебак*). Старуха взяла и его. Нашла две соски и стала кормить. И вот она замечает, что, когда они начинают плакать, там — вверху — много какого-то народа начинает плакать. Старуха и говорит: «Что такое? Они здесь плачут, а там столько народа плачет». И вот старуха видит во сне, что от этих ребят пойдёт большой народ. От них и верно пошёл большой народ [ил. 7].

От *Сайяли* (Гоголя) пошли Прасины—Лариакские... а от *Кул-Кусяк* (Чебака) — Прасины—Ромкины, а русские тех и других называют одним именем Прасины (Никифор Андреев Прасин из юрт *Огорт-Юх-Пугол*)

...Прикладное место *Ирех-Огорт-юх-пеля* (Приклад Высокий Лес Гора) находится на левом берегу Ваха, между юртами *Нягал-Юх-Пугол* и *Огорт-Юх-Пугол* или между Верхними [Ромкиными] и Нижними Ромкиными, ближе к Верхним [Ромкиным], и представляет собой большую песчаную совершенно правильной формы пирамиду, на

* Далее автор переводит хантыйский антропоним уже как Подъязкок.

вершине которой небольшая сосна, где и приносятся приклады *ирех*. Пирамида эта находится между обрывистым песчаным берегом реки и песчаной отмелью. Со стороны реки пирамида значительно скрыта густой зарослью талового леса, так что с реки виднеется только вершина пирамиды. Прикладов немного, отдельные лоскутки материи, бисер и медные кольца.

Гора эта являлась в старину, а отчасти и теперь служит родовым священным местом для рода Прасиных—Ромкиных, произошедших по преданию от Кул-Кусяк (Подъязка). Здесь приносились общие родовые жертвы и здесь же совершались и родовые празднества — *маян-котл* (гостиный день). Всё это происходило на высоком берегу против жертвенной горы.

Ил. 7. Реалии быта расстрелянных, отправленных в лагеря и умерших в заключении Прасиных. Фотографии М.Б. Шатилова на р. Вахе в 1926 г. По: Шатилов М.Б. *Ваховские остяки (этнографические очерки)*. — Тр. Томского краевого музея. — Томск: Томский краевой музей, 1931. — Т. 4. — С. 2–5 ил.

«Гора эта существует с начала веков. Давно-давно, говорят остяки, когда Торум сотворил землю, он дал и эту гору всем людям для прикладов...».

Шатилов М.Б. Ваховские остяки (этнографические очерки) // Тр. Томского краевого музея. — Томск: Томский краевой музей, 1931. — Т. 4. — С. 80, 103.

Подготовка к печати: Я.А. Яковлев

**Everyone is guilty – and nobody
is guilty: the tragedy of human fates
on the cutwater of two cultures in the damned thirties**

Abstract. Four previously unpublished archival documents from state, municipal and private archives show tense public (including interethnic) relations in the territory of modern KhMAO-Ugra in the 1930s. In these years, the aggressively forced into application socialist model of community order, the destruction of traditional culture and the eliminating of cultural heritage had been causing opposition from both the Ob- Ugric folks and the Russian subethnos of Siberian old-timer residents as well.

Key words. Beryozovsky district, Nizhnevartovsky district, the township of Nyaksimvol, the township of Laryak, the village of Ust-Tapsuy, Num-To lake, Vakh river, Sos'va river, ethnography, church property, court judgment, khanty surnamed Prasin.

E-mail: JakovJakovlev@mail.ru

Рецензии и библиография

Дискуссия единомышленников

К. Г. Карачаров

г. Екатеринбург

Индивидуальный предприниматель

Т. В. Гусева

г. Нижний Новгород

ООО «Историко-археологический центр»

Аннотация. Опубликованная в 2014 г. статья К.Г. Карачарова с красноречивым названием «Спасательные археологические полевые работы как вариант «чёрной археологии» вызвала оживлённую дискуссию в корпоративной археологической среде. Среди откликов было и письмо нижегородского археолога Т.В. Гусевой. Тезисные выдержки из статьи и аргументы оппонента по каждому из них составили содержание новой публикации. Со всей очевидностью вытекает, что спасательные археологические работы в разных регионах России при единстве федеральной нормативно-правовой базы строятся на разных организационных и материально-финансовых принципах, и, занимаясь одним делом сохранения объектов археологии, авторы не только смотрят по-разному на одни и те же проблемы, а даже не всегда понимают друг друга.

Ключевые слова. Спасательные археологические полевые работы, охранная археология, объекты археологического наследия, археологические памятники, Открытый лист, археологические раскопки, полевая археология, нормативно-правовая база в сфере археологии, государственная политика сохранения и использования археологического наследия

Предмет эпистолярной дискуссии — положения, высказанные одним из её участников в статье: **Карачаров К. Г.** Спасательные археологические полевые работы как вариант «чёрной археологии» // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия

Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», посвящённой 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). — Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. — С. 199–203.

КК — Константин Карачаров

ТГ — Татьяна Гусева

К.К.: Название публикации: «Спасательные археологические полевые работы как вариант «черной археологии». Примечание: При написании этой статьи я опирался, прежде всего, на свой, далеко не всегда положительный опыт. Предвосхищая возможные обиды, хочу подчеркнуть, что цель данной статьи заключается не в поиске правых и виноватых. Она призвана подвести всех нас к осознанию непростой ситуации, сложившейся в настоящее время в спасательных археологических полевых работах. Группа исследователей, с которой я работаю многие годы, прошла через большинство рассматриваемых здесь заблуждений, соблазнов и ситуаций некомпетентности. Кроме того, еще многое нам предстоит преодолеть и осознать.

Т.Г.: *Не могу согласиться с определением спасательных археологических полевых работ, вынесенным в заголовок статьи. Даже прочитав примечание... Любой вид деятельности определяется, в первую очередь, её целеполаганием. А у охранной археологии и «чёрной археологии» и мотивы, и цели абсолютно несовместимые. Охранная археология нацелена на сохранение археологического наследия в интересах всего общества и является частью государственной политики, а «чёрная археология» является либо частью криминального бизнеса по добыче, скупке и продаже археологических древностей, добытых незаконным путём, либо служит интересам отдельных индивидов, увлекающихся кладоискательством в личных интересах и при этом разрушающих памятники археологии. Так что спасательные археологические полевые работы могут быть только видом охранной археологии. Поэтому я бы предложила назвать статью, например, так: «Негативные явления в спасательных археологических полевых работах, их причины и пути преодоления».*

К.К.: Понятия «чёрная археология» и «чёрные копатели» вошли в обиход в связи с небывалым развитием в последние годы незаконного извлечения артефактов из археологических памятников, как правило, с применением металлоискателей и иных современных технических средств. Урон, наносимый объектам археологического наследия (ОАН) и объектам историко-культурного наследия (ОИKN), от этой деятельно-

сти огромен. Дело в том, что в результате таких действий утрачиваются не только ценные предметы, но и происходит разрушение памятников как совокупности археологических источников и научных фактов.

Т.Г.: Полностью согласна. Я бы только добавила, что происходит уничтожение и информации, заложенной в ОАН.

К.К.: Вместе с тем следует признать, что нередко и законные работы, то есть выполняемые на основании Открытого листа, официально выданного государственными органами тому или иному профессиональному археологу, приводят к тем же результатам, что и деятельность «чёрных копателей». Чаще всего это касается спасательных археологических полевых работ, объём которых также значительно вырос в последнее время. Именно в процессе выполнения этих «спасательных мероприятий» наиболее заметно проявляются тенденции, характерные для «чёрной археологии»:

- удовлетворение, прежде всего, своих личных, узконаправленных, познавательных интересов с полным или частичным игнорированием всего остального, в особенности интересов сохранения ОКН как целостного явления;
- превалирование корыстных интересов;
- дилетантский уровень проведения работ;
- презумпция собственной непогрешимости.

Т.Г.: Ну, насчёт тенденций, характерных для «чёрной археологии», я бы ещё разок крепко подумала, таковы ли они на самом деле. Обсуждать не буду, т. к. наша тема — о спасательных археологических полевых работах. А они не приводят к тем же результатам, что и деятельность «чёрных копателей». Они нацелены на сохранение объектов археологического наследия (или их частей) от разрушения (повреждения) при хозяйственной деятельности. Другое дело, если эти работы проводятся некачественно или с нарушением закона и нормативных документов. Тогда невосполнимые утраты на археологическом памятнике неизбежны. Но ведь причина этого заложена не в охранной археологии. Она кроется в отношении к работе отдельных субъектов, организующих и выполняющих спасательные археологические полевые работы.

К.К.: Спасательные полевые археологические работы в России признаются единственным способом сохранения ОАН при условии невозможности обеспечения его физической сохранности (Закон 73-ФЗ, ст. 40, п. 2). В большинстве случаев спасательные полевые археологические работы подразумевают проведение археологических

раскопок, цель которых определена действующим законодательством как изучение и сохранение объектов археологического наследия (Закон 73-ФЗ, ст. 45.1, п. 7, пп. 2).

Т.Г.: Цель археологических раскопок действительно определена как изучение и сохранение. Но встаёт вопрос. А сохранение ради чего? Просто сохранения мало. Что-либо сохраняется для чего-то. Применительно к археологическому наследию, наверное, его сохранение методом раскопок предполагает дальнейшее использование сохранённых материалов. Ведь археологические полевые работы – это только начальное звено в цепочке сохранения и использования археологического наследия. Но обратите внимание! Закон определяет порядок финансирования только этого начального звена. А дальше кто и как должен отвечать за использование, за введение в научный оборот, популяризацию, музеефикацию, хранение? Наверное, собственник. Но где прописан механизм реализации добытого при полевых работах археологического материала?

К.К.: К сожалению, действующая нормативно-правовая база, в числе прочего, не определяет: 1) что же именно сохраняется при проведении раскопок, которые сами по себе приводят к физическому уничтожению археологического памятника; 2) что становится предметом охраны после «сохранения» археологического объекта «посредством земляных и связанных с ними работ».

Т.Г.: Согласна. Понятие предмета охраны в составе объекта археологического наследия отсутствует. Совершенно не предусмотрен механизм вывода из состава объекта археологического наследия участка, на котором в полном объёме проведены охранные раскопки. Опять же: к чему или к кому претензии? К охранной археологии или к разработчикам закона?

К.К.: Специфика спасательных археологических полевых работ такова, что не исследователь определяет объект своего исследования, сообразуясь со своими научными интересами. Объект исследования определяется потребностью провести ту или иную хозяйственную деятельность на конкретной территории. Видимо, именно отсутствие заинтересованности в научных результатах полевых исследований приводит к снижению качества их проведения по сравнению с работами в рамках «научных интересов» и научных программ.

Т.Г.: С определением специфики не согласна!!! Участок работ – да, он определяется задачами хозяйственной деятельности. Но объект и предмет исследования (в рамках археологических полевых

работ) определяет именно исследователь, когда он разрабатывает раздел обеспечения сохранности, техническое задание к договору и ставит конкретные исследовательские задачи в рамках раскопок. Заказчик «диктует» выбор места. Но предмет исследования при этом определяется не потребностью проведения хозяйственной деятельности. Исследователь должен найти оптимальное решение, как в данном конкретном месте максимально реализовать научно-исследовательскую программу, по максимуму извлечь научную информацию. Если он знает объект, историю его изучения, его белые пятна, у него накоплен опыт работы на этом объекте, он легко «подберёт ключи» к любому предлагаемому участку. Этого не происходит в тех случаях, когда полевые работы выполняются на низком профессиональном уровне.

Насчёт отсутствия заинтересованности. Это, бесспорно, существует. Но ведь причина опять же не в охранный археологии, а в отношении к ней отдельных субъектов, в ней работающих. Охранная археология предоставила необъятные возможности в решении научных задач, она позволяет нам забраться в такие уголки, которые ни при каких других обстоятельствах нам не были бы доступны. Заинтересованность? В ней-то и проявляется научный подход.

К.К.: При анализе отчётов и публикаций по результатам проведённых спасательных археологических исследований на севере Западной Сибири, а также в беседах с выполнявшими их археологами мной был установлен целый ряд негативных явлений. Приведу только некоторые из них:

- в процессе охранно-спасательных полевых работ зачастую допускалось снижение качества их проведения, особенно на частично разрушенных или повреждённых ОАН;
- в территорию спасательных раскопок часто не включались участки с повреждённым («изрытым») почвенным покровом либо перекрытые грунтом; в результате этого без каких-либо подтверждений культурный слой на них считался утраченным (уничтоженным);
- раскапывались в основном только выраженные в рельефе остатки сооружений;
- в пределах раскопа оставались неисследованными небольшие по размерам, но значительные по количеству участки, что обычно оправдывалось наличием крупных деревьев либо участков, перекрытых тяжёлыми предметами, сооружениями или постройками; при этом общая площадь нераскопанных участков нередко достигала 20 % от «списываемой» под хозяйственную деятельность территории памятника;

— археологами вскрывалась меньшая площадь, чем было оговорено в проекте спасательных мероприятий, а также в договоре с хозяйствующим субъектом;

— нередко исследовалась не вся толща культурных напластований, а только верхние горизонты;

— в коллекцию собирались не все находки, причем предпочтение отдавалось так называемым индивидуальным предметам и вещам хорошей сохранности;

— значительная часть артефактов, особенно поздних, рядовых и массовых, преднамеренно или неосознанно выбрасывалась в отвал либо раздавалась участникам раскопок и «гостям» в качестве сувениров.

Т.Г.: Спорить не буду. Явления действительно негативные. Вопрос: а почему это допускается? Есть ли примеры привлечения к ответственности? Хотя я считаю, что каждый случай нужно рассматривать конкретно в контексте условий проведения работ. Бывают случаи, когда объективные обстоятельства не позволяют реализовать намеченную программу полностью. Ну, и справедливости ради стоит сказать, что в археологических полевых работах немало и положительных примеров.

И опять спрошу: охранная археология-то тут при чём? Когда государство объявило, что все археологические предметы — государственная собственность со всеми вытекающими последствиями, видимо, никто из законотворцев не задумался, как и где обеспечить не сохранение, а хотя бы нормальное хранение добытого при раскопках материала. А когда было законодательно объявлено, что все, превышающее 100 лет (включая культурные слои), тоже археологическое наследие и государственная собственность, тоже никто не задумался о последствиях. Взять, к примеру, ветхий фонд. Это здания XIX–XX вв., подлежащие расселению и сносу. Получается: то, что стоит на земле, ценности не представляет, а то, что остаётся в земле (подвалы, фундаменты, выгребные ямы), если оно старше 100 лет, автоматически становится археологическими ценностями, подлежащими сохранению. Где логика? Где здравый смысл?

К.К.: При этом из уст людей, считающих себя профессиональными археологами, звучали такие заявления:

— есть интересные и неинтересные археологические памятники;

Т.Г.: Ну, это социальная безответственность. Все памятники подлежат сохранению.

К.К.: — неинтересные археологические памятники можно копать упрощенно, собирая только некоторые наиболее интересные находки

хорошей сохранности; нет необходимости копать весь аварийный участок памятника; ведь для того, чтобы его «понять», достаточно раскопать только наиболее «выразительную» его часть; остальное же, скорее всего, можно проигнорировать, так как оно не представляет научную ценность;

Т.Г.: Это опять вопрос о профессионализме.

К.К.: — неиспользованные средства и запланированные объёмы работ могут быть перекрыты раскопками «интересных» памятников, которые находятся за пределами зоны землеотвода на соседних и более удалённых территориях;

Т.Г.: А это уже правовая безграмотность. Закон не позволяет. Хотя, соглашусь, бывают неординарные случаи. Опять же: власть не позаботилась о механизмах решения подобных вопросов.

К.К.: — исследователь должен «понять» памятник во время раскопок; именно это мнение является единственно правильным, так как только в ходе полевых работ археолог видел ОАН вживую, поэтому только это мнение должно быть представлено в графических и текстовых материалах;

Т.Г.: Я бы подкорректировала так. Исследователю необходимо до начала работ представлять, что он должен «понять» во время раскопок. К графическим и текстовым материалам я бы добавила ещё и фотоматериалы. С появлением цифровой фотографии безгранично расширились возможности детальной фиксации объекта археологического наследия в процессе раскопок. А это позволяет сохранять для визуального восприятия процесс «археологического демонтажа» памятника в мельчайших подробностях и впоследствии его многократно воспроизводить.

К.К.: — получать и представлять в отчёте информацию, по которой можно провести повторные наблюдения и измерения, проверять и оценивать качество выполненных полевых работ — это лишняя трата времени и сил, подмена науки инженерией и т. д.

Т.Г.: Непонятно, как можно на раскопанном памятнике по материалам отчёта провести повторные наблюдения. Но бесспорно, что современный отчёт об археологических полевых работах должен быть более информативным, чем сейчас требуется.

К.К.: Здесь, касаясь проблемы добропорядочности исследователей, я всё же склонен исходить из презумпции искренних заблуждений, нежели говорить о злонамеренности таких действий («Never attribute to malice that which can be adequately explained by stupidity» (Hanlon's

Razor) — англ.: «Никогда не приписывай преступному намерению то, что может быть адекватно объяснено недомыслием» (Бритва Хэнлона)».

Т.Г.: А я бы назвала это не «искренним заблуждением», а профессиональной неграмотностью и низкой социальной ответственностью.

К.К.: Тем более что описанная тенденция воспроизводится и развивается под влиянием объективных факторов: экономического, компетенции и нормативного. Рассмотрим их.

Экономический фактор. Спасательные полевые археологические работы, начиная с советских времён, проводились по «хозяйственным договорам». Ещё в те времена сложилась система, при которой основным оцениваемым показателем этой деятельности являлась прибыль.

Т.Г.: Предлагаемая формулировка непонятна. Кем так оценивались спасательные археологические работы? Показателем всегда были и остаются объёмы работ в денежном выражении и ресурсная мощность учреждения, организации, предприятия, их выполняющих. В археологии, в том числе и в охранной, главное — научный результат. А погоня за деньгами... Так это было, это есть. Хоть сейчас, хоть раньше. Причём в любой сфере деятельности. Но спасательные археологические полевые работы ведь не сводятся сплошь и рядом только к этому.

К.К.: В настоящее время ситуация усугубилась. В условиях чрезвычайно скудного финансирования фундаментальных исследований, перманентных реформ вузовской и академической науки, которые довели её до состояния, напоминающего предсмертную агонию, многие профильные учреждения видят в хозяйственных договорах, в том числе на спасательные археологические работы, источник получения средств для поддержания «чистой науки».

Т.Г.: Вот-вот. Значит, и профильные учреждения, занимающиеся охранной археологией, видят в ней не способ сохранения археологического наследия, а источник получения дополнительных средств? Правда, мне не понятно, как этого можно достичь. Любые археологические полевые работы затратны. Они сами требуют финансирования. Какие же надо иметь объёмы охранных работ, чтобы после них оставались средства для поддержания «чистой науки»?

К.К.: Появилось множество негосударственных предприятий, которые проводят археологические исследования. Их можно разделить на две категории:

Первые — это предприятия, созданные людьми, которые не смогли адаптироваться в чрезвычайно неповоротливой системе государственных учреждений, но ведут деятельность, сообразуясь с представлениями о научных принципах и интересах. Прибыль, получаемая в этих предприятиях, обычно тратится на исследования «по научным темам», научную издательскую деятельность, проведение научных форумов и т. д.

Т.Г.: Допустим. Но как можно получить такую прибыль, чтобы её хватало «на исследования «по научным темам», научную издательскую деятельность, проведение научных форумов и т.д.»? Охранная археология сама по себе не прибыльный вид деятельности. Как и научная деятельность вообще. Или мы охранную археологию к этой деятельности не причисляем? Причём в отличие от «бюджетной» археологии, финансируемой государством, она существует на принципах самофинансирования и не получает денег из бюджета.

Заказчик по закону обязан оплатить археологические полевые работы в полном объёме. Но не более того. Есть СЦНПР, т. е. порядок расчёта цены этих самых полевых работ. Так откуда же могут взяться деньги на конференции, издательскую деятельность и т.д.? Конечно же, если заказчик отдельно от оплаты полевых работ выступает спонсором изданий, конференций или оплачивает стажировку специалистов, например, то вопросов нет. Но это никак не связано с прибылью.

К.К.: Вторые — это предприятия, нацеленные исключительно на получение прибыли. Они зачастую не имеют штата постоянных научных и технических сотрудников. Привлекаемые ими кадры, как правило, отличаются низкой квалификацией и «расширенной» трактовкой понятия добросовестности.

Т.Г.: Не спорю. Есть и такие. Но ведь привлекаемые ими кадры работают по открытым листам, сдают по ним отчёты, снова получают открытые листы. Попробуйте сказать, что у них низкая квалификация, если отчёт принят в ОПИ?

К.К.: Несмотря на кажущуюся разницу между всеми вышеупомянутыми государственными и негосударственными организациями, основным критерием оценки выполнения работ в них является экономический эффект.

Т.Г.: Если мы считаем археологию, в том числе и охранную, видом научной деятельности, то её результат — это новое научное знание. И экономический эффект не может быть его критерием.

К.К.: Это значит, что качество выполнения спасательных работ входит в противоречие со стремлением сократить прямые и косвенные затраты и, прежде всего, сократить время на их выполнение.

Т.Г.: *Согласна лишь частично. Только я бы сформулировала по-другому. Можно работать качественно и быстро. Можно найти массу способов «оптимизировать» процесс раскопок, не снижая качества. Качество любых работ зависит исключительно от тех, кто их выполняет. Но при этом нужно учитывать, что охранные раскопки проводятся в очень сложных социальных и производственных условиях.*

Зачастую сроки, да и объёмы финансирования диктует заказчик. При этом нередко и он бывает поставлен в сложные обстоятельства. И деньги, и время на раскопки определяет та ситуация, в которой находятся наши потенциальные заказчики. По сути, охранные раскопки оказываются вовлечёнными в производственный цикл (а это и сроки, и финансирование), что далеко не всегда учитывает их потребности как вида научной деятельности.

К.К.: Иными словами, реальной экономической заинтересованности в качественном выполнении работ ни у государственных учреждений, ни у частных организаций нет.

Т.Г.: *А экономической заинтересованности от такого вида деятельности, как сохранение археологического наследия, и быть не может. Целеполагание-то иное. Не экономическое. Качественное выполнение работ, повторюсь, зависит от людей и их подхода к выполняемой работе. И, вдобавок, разве в охранной археологии нет примеров качественного выполнения охранных работ?*

К.К.: По этой причине выполнение изыскательских и охранно-спасательных работ, равно как и составление научного отчёта по их результатам, зачастую не отвечают критериям научности, а также интересам получения и сохранения научного знания о памятнике. Такие полевые изыскания призваны лишь удовлетворять весьма неприхотливые требования рецензентов ОПИ ИА РАН, из года в год выполняющих «повинность» по анализу направляемых им отчётов об археологических полевых работах.

Т.Г.: *Соглашусь, что далеко не все «изыскательские и охранно-спасательные работы» и научные отчёты по ним «отвечают критериям научности». Но причина-то кроется не в заинтересованности или её отсутствии, а в умении грамотно работать. Опять же, это вопрос к исполнителям. И к органу контроля. Охранная археология*

тут ни при чём. В её рамках можно выполнять и работы, и отчёты по ним делать в строгом соответствии с научными принципами.

К.К.: Существующая система конкурсов, тендеров, котировок при заключении договоров на спасательные археологические полевые работы решающим условием победы в них выдвигает единственный и не главный для квалифицированного изучения ОАН критерий: наименьшую цену. Такая ситуация даже добросовестных исследователей в большинстве случаев ставит в неловкое и крайне невыгодное положение, при котором объём средств по выигранному контракту не позволяет выполнить работы качественно и без угрызений совести. Дело в том, что заказчикам работ, как правило, глубоко безразлична судьба археологических и иных историко-культурных памятников, находящихся на отчуждаемых ими территориях. Тем более, когда речь идёт об экономии средств.

Т.Г.: *А давайте-ка начнём не с « безразличных» заказчиков, а с государства, которое разработало и поддерживает такую систему. К слову, если предлагаемые условия не позволяют «выполнить работы качественно и без угрызений совести», от таких работ всегда можно отказаться. Разве нет? Проблема заключается, на мой взгляд, в том, что охранная археология как специфическая отрасль археологической деятельности сложилась, а государственного управления ею до сих пор нет. Вот ею и правит рыночная стихия. Отсюда и негативные явления в ней. Нужна чёткая и последовательная государственная политика сохранения и использования археологического наследия. Тогда и социальная ответственность появится как у заказчиков, так и у исполнителей охранных работ. Только так, на мой взгляд, можно «укротить» влияние рынка на охранную археологию.*

К.К.: Фактор компетентности. На сегодняшний день в России не существует системы профессиональной подготовки квалифицированных инженерных кадров для проведения научных полевых археологических работ. То есть специалистов, искусных в своем «ремесле», владеющих достаточными научными знаниями и практическим опытом их применения, не лишенных воображения и изобретательности.

Т.Г.: *При чём тут инженерные кадры? В археологии – хоть в бюджетной, хоть в охранный, в любой археологии, поскольку это вид научно-исследовательской деятельности – нужно, в первую очередь, научное мышление. Но его – да, тут я с Вами соглашусь – у будущих учёных в процессе их подготовки не развивают.*

К.К.: Нет единого стандарта подготовки специалистов, а заявленные программы подготовки «археологов», как правило, не включают даже базовые курсы по таким ключевым направлениям, как прикладная геодезия, фотограмметрия, ГИС, почвоведение культурных отложений, полевая консервация археологических находок и т. д. Получение высших квалификационных степеней кандидата и доктора наук также не подразумевает того, что соискатель владеет профессиональными знаниями и навыками ведения археологических полевых работ.

Т.Г.: *Вы правы. Сегодня нужно готовить археологов с учётом требований и возможностей современной науки и на современной методологической основе.*

К.К.: Знания и навыки полевой практики приобретаются археологами в большинстве случаев на уровне некоего цеха, где они передаются «из уст в уста», а также отличаются высокой степенью дилетантизма, отсутствием гибкости и неспособностью адаптироваться к «непривычным» условиям.

Степень дилетантизма порой доходит до неумения отличить научный факт от домысла, неспособности осознать и признать собственную некомпетентность в каком-либо вопросе. Такая ситуация поддерживается довлеющим априорным подходом в археологических исследованиях, в том числе и напрямую не связанных с полевой практикой, когда предмет исследования подменяется понятием, которое создаётся, сообразуясь в большей степени с интуицией, без твёрдой опоры на факты. Поэтому профессиональный научный подход, прежде всего, возможность верификации результатов полевых исследований, становится серьёзной помехой в сохранении «незыблемого идеального образа».

Т.Г.: *Ну, так это опять про непрофессионализм. Давайте представим, что у нас стало достаточно грамотных, современно обученных археологов. И что? Разве «рынок» допустит их к полевой работе? Ведь спрос рождает предложение, а не наоборот.*

К.К.: Фактор нормативный. «Порядок проведения археологических полевых работ, методы научных исследований объектов археологического наследия, состав и структура научного отчёта о выполненных археологических полевых работах, требования к профессиональным знаниям и навыкам исследователя определяются Российской академией наук при осуществлении научной регламентации археологических полевых работ» (регламентация — это совокупность норм, правил, стандартов и процедур, ограничивающих и определяющих формы деятельности) (Закон 73-ФЗ, ст. 45.1, п. 10).

При этом на сегодняшний день единственным относительно официальным нормативным документом, в котором сделана слабая попытка хоть как-то регламентировать методику археологических полевых работ и составление научного отчета, остаётся анонимное (не имеющее авторства) Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации, последняя редакция которого принята 27 ноября 2013 г. Постановлением БОИФН РАН (далее — Положение). Вместе с тем отрывочные, не обоснованные и не согласованные между собой требования этого документа в реальности не устанавливают нормы и правила как систему. В большинстве случаев в документе не представлено целеполагание излагаемых требований, что позволяет выполнять их формально, когда низкий — хотя и формально соответствующий требованиям — уровень выполнения работ сводит на нет смысл их выполнения. Чего стоят, например, нивелировочные планы в большинстве отчётов по раскопкам.

В целом же, «отдав на откуп» Академии наук регламентацию археологических полевых работ, законодатели «забыли» создать механизм контроля за выполнением возложенной на неё функции.

Не отвечают интересам сохранения археологического наследия и некоторые положения действующих «профильных» нормативных документов. Например, вызывает недоумение п. 2 ст. 40 «Закона об охране культурного наследия...», который определяет, что, в случае невозможности обеспечения физической сохранности ОАН, допускается проведение спасательных археологических полевых работ с частичным изъятием археологических предметов из раскопов. Таким образом, допускается физическое уничтожение оставляемой на месте части ОИKN.

Более того, п. 4.4 «Положения о порядке проведения археологических полевых работ...» может быть истолкован таким образом, что при проведении спасательных археологических полевых работ часть археологических предметов не изымается из раскопов именно «в целях их сохранения и получения научных знаний». П. 4.31 того же Положения даёт разъяснение, что «в зависимости от степени изученности и сохранности объекта археологического наследия и характера материала исследователь вправе отобрать часть массового археологического материала, которая может быть оставлена на месте полевых работ. Указанный материал должен быть сфотографирован, зафиксирован в дневнике, представлен в научном отчёте и закопан на исследованной территории объекта археологического наследия с точным указанием этого места на плане».

Иными словами, действующая нормативная база наделяет одного человека (опирающегося на своё — и только на своё! — «единственно правильное мнение») правом распоряжаться культурным наследием, государственной собственностью, определять степень ценности массовости материала, а также оставлять или закапывать обнаруженные на памятнике артефакты, где в случае проведения спасательных работ они будут неминуемо утрачены в процессе хозяйственной деятельности.

Перечисленные положения указанных Федерального закона и Положения очень напоминают принципы работы «чёрных копателей». Только действия профессионального археолога узаконены, и он собирает при раскопках чуть больше предметов, кроме того, согласно п. 6.4 Положения, некоторые (!) из находок когда-нибудь будут переданы в музей. «Частичное изъятие» и выборочная передача на хранение археологических материалов позволяют ещё больше оптимизировать выполнение работ, а именно: сократить затраты на обработку, реставрацию, организацию хранения и передачу коллекций.

Совершенно не урегулирован вопрос сбора образцов для различных анализов. Никакими документами не оговаривается состав и полнота этих образцов, ни даже обязанность археолога вообще их собирать. Здесь опять приходится уповать на компетентность и добросовестность исследователя. Конечно, не всегда бывает возможность провести анализы, но наличие таких образцов в коллекции даёт возможность провести их в будущем. Ведь раскопки приводят к физической утрате памятника, и возместить этот пробел постфактум уже невозможно.

Согласно вышеупомянутому Закону и Положению, разрешения на право проведения археологических работ (Открытые листы) выдаются физическим лицам, обладающим научными и практическими знаниями, необходимыми для проведения археологических полевых работ и подготовки научного отчёта (Закон... ст. 45.1, п. 4; Положение... п. 1.9). По Положению руководство археологическими полевыми работами осуществляется исследователями, имеющими специальную подготовку, владеющими современными методами ведения археологических разведок, археологических раскопок, археологических наблюдений и фиксации их итогов в форме научного отчёта (Положение... п. 1.10). При этом нигде не даётся хотя бы перечень дисциплин, по которым исследователь должен иметь «специальную подготовку», а также список «современных методов», которыми он должен владеть. Нет ссылок и на документы, в которых бы излагались стандарты, инструкции, нормы и правила ведения археологических полевых работ и специфические

(соответствующие применяемым методам) требования к подготовке научного отчёта по этим работам... Их просто не существует!

В 80-е гг. прошлого века в ИА АН СССР под редакцией Д.Б. Шелова было выпущено два сборника «инструкций» по методике выполнения археологических полевых работ — разведкам и раскопкам (Методика полевых археологических исследований / Отв. ред. Д.Б. Шелов. — М.: Наука, 1983. — 80 с.; Методика полевых археологических исследований / Отв. ред. Д.Б. Шелов. — Л.: Наука, 1989. — 104 с.). Тогда же увидело свет второе издание учебного пособия «Полевая археология СССР» Д.А. Авдусина (1980). Эти издания наглядно отразили уровень развития на тот момент полевой археологии. Представленные в них статьи в большей степени описывали богатую полевую практику авторов, чем отвечали жанру инструктивных документов. Тем не менее этот опыт был крайне необходим. Он показал, что компетентность даже «самых опытных и квалифицированных археологов» соответствует лишь уровню увлечённых любителей. К сожалению, работа над развитием нормативно-методической базы и выведением её на профессиональный уровень не получила продолжения.

Т.Г.: Соглашусь, что и существующий закон, и нормативная база в целом не соответствуют цели сохранения археологического наследия. И методология в археологии не разрабатывается. Только опять же: охранная археология в этом не виновата.

К.К.: Конечно, обозначенные выше проблемы, в том числе отсутствие экономической заинтересованности в качестве проведения полевых работ, низкая квалификация полевых археологов, отсутствие развитой нормативно-методической базы, касаются не только спасательных археологических полевых работ, но и полевых работ в целом. Однако при проведении работ в рамках научных тем эти негативные факторы отчасти компенсируются познавательным интересом. Тогда как спасательные работы всё больше скатываются на уровень «чёрной» археологии, когда порой их разделяет только тончайшая грань в виде Открытого листа.

Т.Г.: Мысль понятна. Но это больше эмоции. Познавательный интерес, между прочим, есть и у чёрных копателей. А что значит «экономическая заинтересованность в качестве проведения работ»? Да дворнику платите хоть миллионы, он всё равно не сможет качественно проводить раскопки. Хотя познавательный интерес и экономическая заинтересованность у него могут быть.

К.К.: Есть ли выход? Очевидно, что раскапывая археологический памятник, исследователь, прежде всего, должен создать научный факт или систему научных фактов, фиксирующих эмпирическое знание об этом памятнике. Обязательным условием при этом является возможность верификации полученного знания, то есть возможность отличить факты от домыслов.

Полевое археологическое исследование — как эмпирическое научное познание — должно отвечать следующим критериям:

- объективность — исключение или сведение к минимуму влияния субъекта познания на объект познания, что обеспечивается применением соответствующих методик, приборов и т. д.;
- полнота — обеспечение максимально полного представления объекта познания, в том числе сбор и описание фактов, которые не поддаются на сегодняшний день анализу;
- избыточность — избыточность в наблюдениях и измерениях позволяет производить оценку правильности их фиксации и точности, а в будущем даст возможность применять иные или новые методы обработки данных (например, стереофотограмметрические); этот же принцип лежит в основе подхода к сбору артефактов и образцов для анализов;
- проверяемость — возможность проверки и оценки точности проведённых наблюдений и измерений;
- повторяемость — возможность повторного проведения наблюдений и измерений.

Доступные на сегодняшний день научные методы археологических раскопок и фиксации, прежде всего фотограмметрические методы и методы лазерного сканирования, позволяют получить достаточно информации для повторной «виртуальной раскопки» памятника; они позволяют повторить большую часть наблюдений и измерений, оценить точность работ, проверить достоверность информации и правильность выводов. Вместе с тем объём данных и время на их обработку в этом случае увеличиваются в несколько раз по сравнению с так называемым «классическим» подходом к исследованиям.

В условиях неготовности «научного сообщества» взвалить на себя «лишнюю» работу возникает необходимость введения — на уровне органов государственной власти — нормативов, обеспечивающих сохранение знания и материальных свидетельств об утрачиваемых ОАН (ОИКН). В системе этих регламентов, на мой взгляд, в первую очередь, необходимо:

- законодательно определить предмет охраны ОАН после проведения на нём археологических полевых работ (научный отчёт как изложение эмпирических знаний об объекте исследования, полевые — первичные — мате-

риалы, коллекции артефактов, палеозоологические и антропологические коллекции, коллекции образцов для различных анализов и т. д.);

— разработать и ввести нормы, инструкции и правила проведения археологических полевых работ; создать эффективный механизм согласования методики археологических полевых работ, прежде всего раскопок, причём до начала проведения последних, а равно — и механизм контроля за исследованиями на всех его этапах;

— определить перечень дисциплин, по которым полевой археолог должен иметь «специальную подготовку», и набор современных методов, которыми должен владеть;

— наладить профессиональную подготовку полевых археологов путём введения соответствующих обязательных для изучения дисциплин в вузах и создания системы переподготовки и повышения квалификации для действующих археологов;

— качество археологических полевых работ и интересы сохранения объекта культурного наследия должны стать основными критериями при проведении конкурсов на их выполнение.

Учитывая стагнацию в развитии нормативно-методической базы на федеральном уровне, на первый план выступает активная позиция органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Региональная нормативная база должна конкретизировать и развить основные положения действующих (чрезвычайно куцых) федеральных норм, она должна попытаться устранить противоречия в действующих федеральных нормативных документах и учесть региональную специфику. То есть на региональном уровне обеспечить предусмотренную законодательством государственную гарантию сохранности объектов культурного наследия в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации (Закон 73-ФЗ, ст.7, п. 1].

Т.Г.: Предлагаемый автором статьи «выход» — это перечень задач, которые нужно решить для обеспечения условий, необходимых для качественного выполнения спасательных археологических полевых работ. На мой взгляд, все предложения достойны того, чтобы каждое из них рассмотреть в отдельности и каждому из них дать объективную оценку. Но над ними нужно еще поработать, «отточить» понятия и формулировки и поразмышлять над тем, как их реализовать на практике.

В целом же хочется выразить автору статьи искреннюю благодарность за серьёзную попытку не только поднять вопрос о состоянии дел в спасательных археологических полевых работах,

но и осмыслить причины, рожающие негативные явления, и сформулировать конкретные пути их преодоления.

Актуальность поднимаемых в статье вопросов очевидна. В решении последнего Всероссийского археологического съезда в Барнауле в октябре 2017 г. были зафиксированы многие предложения по улучшению работы в области охранной археологии, которые созвучны размышлениям автора статьи. Хочется надеяться, что за предложениями последует и их осуществление, негативные явления станут в охранной археологии исключением из правил и не будет поводов сравнивать спасательные археологические полевые работы с «чёрной археологией».

K.G. Karacharov, T.V. Guseva
Discussion of like-minded persons

Abstract. The article by K.G. Karacharov with eloquent title “Rescue archaeological field works as a variant of “black archeology”, has published in 2014, caused an active discussion in the corporate archaeological environment. The letter by Nizhny Novgorod archaeologist T.V. Guseva was among the responses. The abstract excerpts from the article and the arguments of the indicated opponent on each of these theses formed the content of the new publication. It completely obviously follows that rescue archaeological works in various regions of Russia, with the existing unity of the federal normative-law basis, are being built on different organizational and material-financial principles. While doing the same deed to archeological objects protection, the authors not only have a sundry look at the same problems, but even do not everytime understand each other.

Key words. Rescue archeological field works, protective archeology, objects of archaeological heritage, archaeological sites, Open sheet (personal permitting document for archaeological research), archaeological excavations, field archeology, normative-law basis in archeological sphere, state policy of protection and use of archaeological heritage.

E-mail: mail@karacharov.ru; hanum48@mail.ru

Список сокращений

автореф.	–	автореферат
АКА	–	Архив Кабинета археологии
АН	–	Академия наук
АО	–	автономный округ
арх.	–	археологические
АСА	–	ассоциация «Северная археология»
АУ	–	автономное учреждение
Б.д.	–	без даты
БКИ	–	Банк культурной информации
БИИКФ	–	Библиотечно-информационный историко-культурный фонд [Сургутского района]
б/киота	–	без киота
БОИФН РАН	–	Бюро отделения историко-филологических наук Российской академии наук
б/стекла	–	без стекла
В.	–	восток
в.	–	век
ВАС	–	Всероссийское археологическое совещание
вв.	–	века
в.д.	–	восточная долгота
вестн.	–	вестник
вопр.	–	вопросы
вост.	–	восточный (-ая, -ое)
втор. пол.	–	вторая половина
втор. четв	–	вторая четверть
вып.	–	выпуск
г	–	грамм
г.	–	город; год (в зависимости от контекста)
ГАСО	–	Государственный архив Свердловской области
ГБУТО	–	Государственное бюджетное учреждение Тюменской области
гг.	–	годы
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ГИС	–	геоинформационная система
г-н	–	господин
гор.	–	городище
гос.	–	государственный (-ое, -ая)
Госкультохра- на Югры	–	Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Гослесфонд	–	Государственный лесной фонд
г.п.	–	городское поселение
гр-ка	–	гражданина
гр-н	–	гражданин
д.	–	дело; деревня (в зависимости от контекста)
дис.	–	диссертация
ДНС	–	дожимная насосная станция
ДНТ	–	дачное некоммерческое товарищество
докл.	–	доклад (-ы)
др.	–	другой (-ое, -ая, -ие)
ед.	–	Единиц
З	–	запад
зап.	–	записки

ИА	–	Институт археологии
ИАЭт	–	Институт археологии и этнографии
ИГНИ	–	Институт гуманитарных наук и искусств
избр. ст.	–	избранные статьи
изв.	–	известия
изд.	–	издание
изд-во	–	издательство
Изд-во Том. ун-та	–	Издательство Томского университета
ИИиА	–	Институт истории и археологии
ИИЦ	–	информационно-издательский центр
ИКНПЦ	–	Историко-культурный научно-производственный центр
ил.	–	иллюстрация (-ции)
им.	–	имени
ИМКЭС	–	Институт мониторинга климатических и экологических систем
ин-т	–	институт
ИПА	–	издательско-полиграфическое агентство
ИПОС	–	Институт проблем освоения Севера
ИРГО	–	Императорское Русское Географическое общество
испр. и доп.	–	исправленное и дополненное
ИЭА	–	Институт этнологии и антропологии
канд. ист. наук	–	кандидат исторических наук
кв. м	–	квадратный метр
КемГУ	–	Кемеровский государственный университет
км	–	километр
КМНС	–	коренное малочисленное население Севера
кн.	–	книга, князь (в зависимости от контекста)
КНС	–	кустовая насосная станция
КоАП РФ	–	Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
кол. моногр.	–	коллективная монография
Коми НЦ	–	Коми научный центр
кон.	–	конец
конф.	–	конференция
Л.	–	Ленинград
л.	–	лист
ЛАЕНМ	–	Лаборатория археологии и естественно научных методов
л. н.	–	лет назад
л/у	–	лицензионный участок
ЛЭП	–	линия электрической передачи
м	–	метр
М.	–	Москва
мат-лы	–	материалы
мат-лы и ис-след.	–	материалы и исследования
МАУ СР	–	муниципальное автономное учреждение Сургутского района
междунар.	–	международный (-ая, -ое)
МГУ	–	Московский государственный университет
Минкульт РФ	–	Министерство культуры Российской Федерации
МО	–	муниципальное образование
МП	–	малое предприятие
МУ	–	муниципальное учреждение
науч.-практ. конф.	–	научно-практическая конференция

НАЦ	–	научно-аналитический центр
нач.	–	начало
науч.	–	научный (-ая, -ое, -ые)
НГДУ	–	нефтегазодобывающее управление
НИР	–	научно-исследовательская работа
ИИЦ	–	Информационно-издательский центр
нов. сер.	–	новая серия
НПИ	–	Нижевартовский педагогический институт
НПМП	–	научно-производственное многопрофильное предприятие
НПО СА	–	научно-производственное объединение «Северная археология – 1»
н. э.	–	наша/новая эра
ОАН	–	объекты археологического наследия
ОАО	–	открытое акционерное общество
оз.	–	озеро
ОЗУ	–	особо защитные участки
ОИKN	–	объекты историко-культурного наследия
ок.	–	около
окр.	–	окружной (-ая, -ое)
окрсуд	–	окружной суд
ОМВД	–	отдел Министерства внутренних дел
ОмГУ	–	Омский государственный университет
ОмГПУ	–	Омский государственный педагогический университет
ОМПУ	–	Областной музей писателей Урала
ООО	–	общество с ограниченной ответственностью
оп.	–	опись
ОПИ	–	Отдел полевых исследований
п.	–	посёлок
пгт	–	посёлок городского типа
пер. и публ.	–	перевод и публикация
перв. пол.	–	первая половина
перв. треть	–	первая треть
ПМА	–	полевые материалы автора
ПНИЛ	–	Проблемная научно-исследовательская лаборатория
пом.	–	помощник
пос.	–	поселение
посл. треть	–	последняя треть
пп.	–	подпункт
предисл.	–	предисловие
прим. авт.	–	примечание (-ия) автора
прим. ред.	–	примечание (-ия) редактора
примеч.	–	Примечания
р.	–	река
РАН	–	Российская академия наук
РГО	–	Русское Географическое общество
РГПУ	–	Российский гуманитарный педагогический университет
РИО	–	редакционно-издательский отдел
рис.	–	рисунок
р-н	–	район
рос.	–	российский (-ая, -ое)
РСФСР	–	Российская Социалистическая Федеративная Советская республика
руб.	–	рубль
РФ	–	Российская Федерация

рч.	–	речка
С.	–	север
с.	–	страница, село <i>(в зависимости от контекста)</i>
САК	–	Северный археологический конгресс
сб.	–	сборник
Св.	–	Святой (-ая)
сельсовет	–	сельский совет
сер.	–	середина, серия <i>(в зависимости от контекста)</i>
СЗ	–	северо-запад
см	–	сантиметр
см.	–	смотри
СО	–	Сибирское отделение
сост.	–	составитель; составление <i>(в зависимости от контекста)</i>
сов.	–	советский (-ая, -ое)
СПб.	–	Санкт-Петербург
спец. вып.	–	специальный выпуск
ср.	–	сравни
Средне-Урал. кн. изд-во	–	Средне-Уральское книжное издательство
с/с	–	сельский совет
ССВ	–	север – северо-восток
ССЗ	–	север – северо-запад
с/совет	–	сельский совет
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
ст.	–	статья
СургПИ	–	Сургутский государственный педагогический институт
СургПУ	–	Сургутский государственный педагогический университет
СурГУ	–	Сургутский государственный университет
СЦНПР	–	Сборник цен на научно-проектные работы по памятникам истории и культуры
т.	–	том, точка <i>(в зависимости от контекста)</i>
табл.	–	таблица
т. вр.	–	точка врезки
ТГИАМЗ	–	Тобольский государственный историко-археологический музей-заповедник
тез. докл.	–	тезисы докладов
ТКМ	–	Томский краевой музей
ТГУ	–	Томский государственный университет
тр.	–	труды
ТПП	–	территориально-производственное предприятие
трет. четв.	–	третья четверть
тузсовет	–	туземный совет
тыс.	–	тысячелетие (-ия), тысяча <i>(в зависимости от контекста)</i>
УАС	–	Уральское археологическое совещание
УК	–	Уголовный кодекс
ун-т	–	университет
УОЛЕ	–	Уральское общество любителей естествознания
УрГУ	–	Уральский государственный университет
Ур. изд-во	–	Уральское издательство
УрО	–	Уральское отделение
УрФУ	–	Уральский федеральный университет
утв.	–	утверждена
уч. пос.	–	учебное пособие
ф.	–	фонд

ФИЦ	–	федеральный исследовательский центр
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ
ЦАИ	–	Центр археологических исследований
ЦНИИГАиК	–	Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии
ЦОКН	–	Центр охраны культурного наследия
ЦПС	–	центральный пункт сбора
ЦСП	–	Центр специальной подготовки
ч.	–	часть
чел.	–	человек
ЧГУ	–	Челябинский государственный университет
ШКМ	–	Шадринский краеведческий музей
экз.	–	экземпляр
Ю.	–	юг
ЮАО	–	Южный берег Андреевского озера
Южно-Урал. кн. изд-во	–	Южно-Уральское книжное издательство
ЮУО	–	Южно-Уральское отделение
ЮВ	–	юго-восток
юго-вост.	–	юго-восточный
юж.	–	южный (-ая, -ое)

Содержание

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Информация о деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2017 г. (<i>Приложение: Список объектов культурного наследия ХМАО — Югры, границы территорий и режим использования которых установлены нормативно-правовыми актами (продолжение). На 8 июня 2018 г.</i>)	4
Карачаров К.Г. О регламентации проведения археологических раскопок на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры («Правила проведения археологических раскопок на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры)	28
А.А. Рудь. Сохранение культовых объектов восточных хантов: предмет охраны, границы территории объекта (по материалам Сургутского Приобья)	56
Г.П. Ведмидь. Юрты Совкунины — начало охранного проектирования исторических территорий в Югре	81
Е.Н. Данилова. Земля покровителя Большого Югана на грани перемен	124

Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Т.М. Пономарёва. Поселение Балинское 73: данные радиоуглеродного датирования и археологический контекст	142
В.А. Борзунов. Графические реконструкции первобытных стационарных жилищ таёжного Приобья и верховьев Пура	154
И.В. Абрамов. Северо—уральский путь Константина Носилова: биография золотоискателя 1877—1886 гг.	216

Последние полевые сезоны: 2016—2017 гг

Г.П. Ведмидь. К созданию историко-археологического опорного плана Барсовой горы	240
А.С. Виноградов. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1 в Нефтеюганском районе ХМАО — Югры в 2017 г.	295

Т.Н. Собољникова, А.В. Кузина. Археологические исследования в с. Няксимволь в 2017 г.	313
П.Р. Сташкин, А.А. Ковригин. Итоги полевых работ на Тевлинско-Русскином месторождении в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2017 г.	328

Библиографическое наследие

Д.Г. Мессершмидт. Исследовательская поездка по Сибири. 1720—1727 (фрагмент) (Пер. с нем.: Ю.И. Кизнер. Пер. с лат.: С.О. Горяев, Т.Н. Дмитриева)	348
П. Самарово	362

Архивные разыскания

Все виновны — и никто не виновен: трагедия человеческих судеб на волнорезе двух культур в поганные тридцатые (Подготовка к печати: Я.А. Яковлев)	370
Справка [о выдаче винтовки секретарю Няксимвольского туземного совета для самообороны]. 12 августа 1934 г.	371
Из отчёта секретаря Остяко-Вогульского окружкома А.Я. Сирсона о событиях на культбазе Нумто. 1934 г.	371
[Протокол №... общего собрания туземцев юрт Усть-Тапсуя о хозяйственных делах и против расселения на территории Няксимвольского тузсовета «печорцев» Собяниных от 16 июля 1935 г.]	377
Опись церковного имущества при селе Няксимволь Берёзовского района [Б.д.]	378
[Приговор окружного суда Ханты-Мансийского национального округа Омской обл. в с. Ларьяке от 7—15 января 1941 г.]	383

Рецензии и библиография

К.Г. Карачаров, Т.В. Гусева. Дискуссия единомышленников	400
Список сокращений	418

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 16

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная вёрстка: В.Б. Малиновский

Подписано в печать 15.09.2018 г. Формат 60х90¹/₁₆.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Печ. л. 26,65 + 5 вкл.; уч-изд. л. 27,25.

Тираж 300 экз. Заказ 432.

ООО «Издательство Томского университета». 634029, Томск, ул. Никитина, 4.